

В О И Н А

1877 и 1878 гг

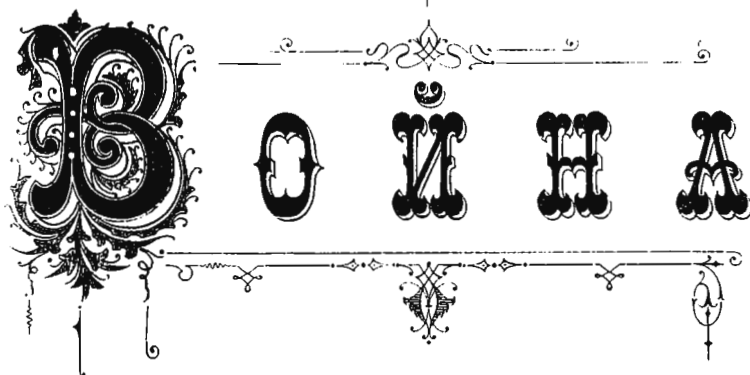
Выпускъ III^й

Изданіе редакціи
„Досугъ и Дѣло“

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка, 99.

1879

1877 и 1878 гг.

Выпускъ III^й

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Октября 1879 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А.Бенке), по Фонтанкѣ № 99.

ПЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ
ПОДЪ ПЛЕВНОЙ.

V

ПЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ ПОДЪ ПЛЕВНОЙ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Стратегическое значеніе Плевны. — Ея оборонительная сила. — Движеніе русскихъ къ Плевнѣ послѣ взятія Никополя. — Расположеніе русскихъ войскъ. — Первый бой подъ Плевной. — Отступленіе. — Взаимныя потери. — Значеніе боя для русскихъ и для турокъ.

Нерѣдко случалось, что усилія воюющихъ сторонъ, въ продолженіе кампаніи, сосредоточивались, на болѣе или менѣе долгое время, вокругъ одного какого-либо пункта, важной роли котораго очень часто не можетъ предвидѣть заранѣе ни та, ни другая изъ воюющихъ сторонъ. Въ этомъ случаѣ противники сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе на данномъ пунктѣ, гдѣ, постепенно развертывается весь ихъ умъ, энергія и главныя ихъ средства и гдѣ, такъ или иначе, наконецъ, разрѣшается крайнее напряженіе ихъ силъ... Такимъ пунктомъ, на примѣръ, былъ Севастополь въ крымскую кампанію. Дѣйствія при такихъ пунктахъ затягиваются обыкновенно на продолжительное время, и на этихъ-то дѣйствіяхъ и проявляется, главнымъ образомъ, весь характеръ данной войны, всѣ ея отличительныя признаки и свойства, все напряженіе борьбы и весь героизмъ обоихъ противниковъ. Здѣсь высказывается очень часто послѣднее слово военной науки; отсюда командиръ выноситъ боевой опытъ, солдатъ пріобрѣтаетъ здѣсь боевой закалъ, ученый теоретикъ извлекаетъ отсюда новые уроки военного искусства и пополняетъ ими пробѣлы въ своихъ прежнихъ теоріяхъ. На этихъ пунктахъ сосредоточивается главный интересъ войны, сюда обращаются взоры всего свѣта и здѣсь же рѣшается очень часто участь всей кампаніи... Не даромъ названіе такого пункта переносится иногда на всю данную войну, какъ на примѣръ названіе незна-

чительнаго городка „Севастополя“ перешло на всю восточную кампанію 1854—1855 годовъ.

Вѣроятно, влѣдствіе того, что турки вели съ Россіей преимущественно оборонительныя войны, исторія этихъ послѣднихъ представляетъ особенное множество подобнаго рода примѣровъ. „Во всѣ наши войны съ Турціей“, — говоритъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ бельгійскому инженеру Бриальмону, — „османлысы на первыхъ порахъ причиняли намъ задержки и даже неудачи, занимая стратегическіе пункты и обороняя свои крѣпости и укрѣпленные лагѣри съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ, которые не были напередъ оцѣняемы съ надлежащею предусмотрительностью“

Въ послѣднюю турецкую войну такимъ пунктомъ была Плевна. Этотъ, въ сущности ничтожный, городокъ, о существованіи котораго до того времени многіе и не подозрѣвали, вдругъ привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе и въ продолженіе почти пяти мѣсяцевъ занималъ собою всю Европу... Городокъ этотъ мало по малу сосредоточилъ вокругъ себя главныя усилія и оборонительныя средства турокъ, приковалъ къ себѣ главныя русскія силы и чрезъ это надолго задержалъ наступательное движеніе всѣхъ нашихъ отрядовъ въ Болгаріи. Подъ Плевной, такимъ образомъ, завязался главный узелъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ преимущественно и выразился весь характеръ прошлой войны. Здѣсь нашелъ себѣ край-

нее приложеніе излюбленный турками способъ обороны; тутъ выказались вся военная сноровка турокъ, вся ихъ энергія и сопротивленіе русскимъ; здѣсь же обнаружались достоинства и недостатки нашего способа наступленія и здѣсь же сломлены были тѣ чрезвычайныя усилія, на какія только способна была тогда Турція. Съ паденіемъ Плевны, турки не могли уже долго сопротивляться русскимъ, и взять Плевну для насъ значило почти то же, что рѣшить участь всей кампаніи. Поэтому для турокъ, сопротивленіе которыхъ имѣло болѣе или менѣе значительный успѣхъ почти единственно подъ Плевной, вся прошлая кампанія можетъ по справедливости назваться плевненскою.

Съ вышеупомянутой точки зрѣнія плевненскія битвы и ихъ исторія представляются чрезвычайно интереснымъ явленіемъ, заслуживающимъ полного вниманія не только со стороны специалистовъ, но и со стороны непосвященныхъ въ военное дѣло людей. Недаромъ бои подъ Плевной возбуждали столько толковъ, надеждъ и разочарованій въ русскомъ обществѣ, и недаромъ Плевна была одно время самымъ популярнымъ городкомъ даже въ средѣ русскаго простонародья...

Въ настоящее время, невозможно, разумѣется, представить историческаго очерка всѣхъ дѣйствій подъ Плевной; но по имѣющимся даннымъ можно однако попытаться нарисовать болѣе или менѣе полную „картину“ этихъ дѣйствій, что и составляетъ задачу настоящаго очерка.

Прежде всего необходимо познакомиться поближе съ маленькимъ городкомъ, столько времени занимавшимъ вниманіе всего свѣта.

Городъ Плевна получилъ первенствующее значеніе въ дѣлѣ защиты Турціи совершенно непредвидѣнно для самихъ турокъ, можно сказать, случайно. Самъ по себѣ этотъ незначительный городокъ не представлялъ никакихъ средствъ для обороны; это не только не была крѣпость, но даже и не укрѣпленный лагерь. До прихода Османа-паши здѣсь не было ни одного ложементъ... Плевна или по-болгарски — Плевенъ расположенъ на небольшой возвышенности, въ долину рѣчки Гривицы, впадающей въ рѣку Видъ. До войны городъ состоялъ изъ 3,100 домовъ и имѣлъ 20,000 жителей, представлявшихъ самую пеструю смѣсь племенъ: здѣсь жили болгары, турки,

татары, черкесы, цыгане, валахи, евреи, цыцары и проч. Турки, въ числѣ 8,000 душъ, занимали крайніе города, а остальные жители центральную часть его. Видъ города чрезвычайно однообразный. Улицы всѣ похожи одна на другую. Дома построены, большею частію, внутри во дворѣ, на улицы же выходятъ скучные, однообразные заборы. Среди низенькихъ домовъ турецкой архитектуры какъ-то особенно выдаются немногіе высокіе дома въ два этажа, вполне напоминающіе собою европейскіе. Украшенію города много способствуютъ мечети съ ихъ высокими минаретами, которыхъ въ городѣ насчитывалось до войны семь. Самою главною изъ нихъ считается такъ называемая мечеть Гази-Джами, построенная, по преданію, нѣсколько столѣтій тому назадъ, послѣднимъ болгарскимъ княземъ Михаиломъ. Кромѣ того, въ городѣ есть двѣ православныя церкви: одна старинная, наполовину ушедшая въ землю, церковь во имя св. Николая, построенная за 400 лѣтъ; другая новая церковь, соборъ св. Параскевы, оконченный постройкой лишь въ 1861 году. Большимъ украшеніемъ города служатъ также многочисленные фонтаны и сады. На окраинѣ города находится большой резервуаръ, откуда снабжается водою весь городъ. Изъ общественныхъ учрежденій можно еще упомянуть о „Казино“ — городской читальнѣ, о довольно обширной городской больницѣ и нѣсколькихъ христіанскихъ и магометанскихъ школахъ. Вотъ и все, что заключалъ въ себѣ этотъ прославленный войною городокъ...

Плевна лежитъ на большой дорогѣ изъ Русска въ Софію, и кромѣ того изъ нея ведутъ важныя торговые пути въ Никополь, на Рахово въ Виддинъ, на Ловчу въ Троянъ, а также на Сельви въ Тырново и проч. Но до войны все это придавало городу значеніе центра обширнаго земледѣльческаго округа. Извѣстный турецкій реформаторъ Митхадъ-паша, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Дунайскаго вилайета, основываясь на выгодномъ положеніи Плевны чисто въ торговомъ отношеніи, намѣревался соединить ее съ Дунаемъ посредствомъ желѣзной дороги; что же касается стратегическаго значенія Плевны, то оно никогда не сознавалось ни самимъ Митхадомъ-пашею, ни кѣмъ-либо другимъ изъ остальныхъ турокъ, да и не могло сознаваться, такъ какъ для этого до минувшей войны не было въ сущ-

ности уважительныхъ причинъ. Плевна совершенно открытый городъ, положеніе котораго не защищаетъ даже дороги, ведущей въ Софію, такъ какъ онъ можетъ быть обойденъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ почему важное стратегическое значеніе Плевны въ прошлую войну могло создаться только случайнымъ образомъ. Значеніемъ этимъ Плевна обязана единственно появленію въ ней Османа-паши въ то время, когда главныя наши операціи были направлены на забалканскій край—противъ Адрианополя и на рѣку Янтру—противъ значительнаго четырехугольника турецкихъ крѣпостей. Только вслѣдствіе этого чисто-случайнаго расположенія на флангѣ нашихъ главныхъ силъ и въ тылу рушукскаго отряда, Плевна съ ея узломъ дорогъ и могла пріобрѣсти чрезвычайно важное для турокъ стратегическое значеніе. Если бы русскія войска въ самомъ началѣ кампаніи, т. е. еще до движенія къ Балканамъ, заняли Плевну и притомъ довольно сильно то, конечно, Османъ-паша не сталъ бы тратить на взятіе ея даже милліонной доли тѣхъ патроновъ, каковыми онъ усѣялъ впослѣдствіи всѣ окрестности этого города... Но положеніе Османа-паши существенно измѣнилось, когда онъ имѣлъ дѣло лишь съ слабымъ нашимъ флангомъ, при далеко выдвинувшейся впередъ главной русской арміи и притомъ въ тылу другаго русскаго отряда—рушукскаго... Опасность быть окруженнымъ въ Плевнѣ, въ этомъ случаѣ, представлялась лишь слабо вѣроятною, и обороняющійся могъ смѣло рассчитывать надолго удержать за собою три пути отступленія изъ Плевны: на Виддинъ чрезъ Рахово, на Софію чрезъ Орханіе и на Карлово чрезъ Троянъ. Сверхъ того, при относительной слабости нашего праваго фланга, съ которымъ приходилось имѣть дѣло превосходнымъ силамъ Османа-паши, ему легко было выиграть время, чтобы какъ можно сильнѣе укрѣпить позицію вокругъ Плевны, чрезвычайно выгодную для обороны самаго города, и чрезъ это надолго удержать его за собою.

Городъ Плевна, какъ мы уже знаемъ, расположенъ на небольшой возвышенности, пересѣкающей долину рѣчки Гривицы. Долина эта, имѣя въ центрѣ Плевну, окружена съ трехъ сторонъ высотами: съ востока, съвера и юга. Эти высоты окружены, въ свою очередь, другими, еще большими высотами, отдѣленными отъ первыхъ глубокими долинами. Оба ряда этихъ высотъ облегаютъ плевненскую долину въ видѣ под-

ковы, упирающейся расходящимися концами въ правый берегъ рѣки Вида, оставляя здѣсь, такимъ образомъ, свободный выходъ изъ долины на западъ, т. е. въ ту сторону, гдѣ лежатъ пути отступленія на Виддинъ и Софію. Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы понять, насколько эта мѣстность можетъ способствовать продолжительной оборонѣ самаго города. Недаромъ Плевна держалась долѣе другихъ болгарскихъ городовъ противъ напора турецкихъ полчищъ и пала послѣ всѣхъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ болгарскимъ княземъ Михаиломъ. У турокъ и болгаръ сохранилось даже преданіе, по которому Плевна считается „непреодолимою“, такъ какъ турецкій султанъ Баязетъ, покорившій Болгарію, встрѣтилъ со стороны Плевны такое сопротивленіе, котораго не могъ преодолѣть. Его защищалъ Михаилъ и его преемники. 66 лѣтъ отстаивали они Плевну отъ всѣхъ турецкихъ нападений, и когда, наконецъ, она отошла къ туркамъ, то это случилось не вслѣдствіе завоеванія. Доблестный Михаилъ получилъ отъ враговъ своихъ, удивлявшихся его мужеству, титулъ „гази“—побѣдителя.

Но какъ ни выгодна плевненская позиція для обороны этого города, важное значеніе ея въ ряду другихъ позицій на болгарскомъ театрѣ войны она могла получить, какъ мы уже видѣли это, только случайнымъ образомъ, благодаря лишь тому обстоятельству, что главныя русскія силы, не обезпечивъ своего фланга, слишкомъ двинулись впередъ и открыли отчасти тылъ рушукскаго отряда. Но и послѣ этого положеніе Османа-паши въ Плевнѣ могло упрочиться только вслѣдствіе слабости отряда, посланнаго противъ его арміи, а также вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ обстоятельствъ и недоразумѣній, которыми сопровождались вначалѣ операціи на нашемъ правомъ флангѣ.

Во всемъ этомъ легко убѣдиться изъ самаго хода дѣлъ на правомъ флангѣ, выдвинувшемъ неожиданно, для насъ и для турокъ, „первую Плевну“.

Нужно замѣтить, что стратегическое значеніе Плевны, при выше указанномъ расположеніи русскихъ войскъ, не было совсѣмъ упущено изъ виду со стороны русскихъ начальниковъ. Задача 9-го корпуса генерала Криденера именно и заключалась въ прикрытіи, со стороны виддинской арміи Османа-паши, нашего праваго фланга, долженствовавшего

охватить собою все три главных опорных пункта на рѣкѣ Осмѣ: Никополь, Плевну и Ловчу*). Но силы турокъ, съ этой стороны, считая виддинскую армію Османа-паши и турецкіе отряды въ Нишѣ и Софіи, доходили до 60-ти тысячъ человекъ, принадлежавшихъ къ отборнымъ войскамъ изъ низама и лучшихъ батальоновъ редифа. Между тѣмъ силы 9-го корпуса, за исключеніемъ артиллеріи и кавалеріи, едва достигли 19-ти тысячъ штыковъ, такъ какъ изъ состава этого корпуса одинъ полкъ (Воронежскій) былъ выдѣленъ въ Систово, для охраненія единственнаго въ то время систовскаго моста на Дунаѣ**). Очевидно, что для подобнаго отряда, въ виду 60-ти-тысячной турецкой арміи, одновременное занятіе Никополя, Плевны и Ловчи было невысказано. Поэтому и признано было за наилучшее — предварительно взять Никополь и потомъ уже немедленно и быстро занять Плевну, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней не предполагалось встрѣтить въ первое время значительныхъ турецкихъ силъ. Этотъ расчетъ, вѣрный самъ по себѣ, въ осуществленіи своемъ встрѣтилъ, однако, на первыхъ же порахъ непредвидѣнные препятствія.

Переправа 9-го корпуса черезъ Дунай, съ цѣлью движенія къ Никополю, была предположена на 23-е іюня; но вслѣдствіе порчи систовскаго моста отъ бывшей бури на Дунаѣ переправа эта состоялась только 25-го іюня. Это — первое, что отодвинуло занятіе Никополя, а слѣдовательно и занятіе Плевны на цѣлыхъ три дня.

Еще раньше переправы 9-го корпуса, именно

*) По увѣренію нѣкоторыхъ изъ офицеровъ 9-го корпуса, еще при переходѣ нашемъ черезъ Дунай было предположено движеніе этого корпуса черезъ Плевну, Орхавіе и далѣе до Татаръ-Базарджика и Филиппополя. Существованіе этого плана, повидимому, указываетъ, что никто не думалъ, чтобы у насъ на правомъ флангѣ были значительныя турецкія силы, вслѣдствіе чего на этомъ флангѣ не было обращено того вниманія, которое онъ заслуживалъ въ послѣдствіи. 9-му корпусу только въ общихъ чертахъ была намѣчена цѣль, которую онъ долженъ былъ исполнить и тѣмъ все кончилось см. Сборн. воен. разсказовъ кн. Мещерскаго, т. II, ст. «Первад Плевна»).

***) Къ этому нужно еще присоединить, что изъ состава того же корпуса была оставлена въ Систовѣ при Воронежскомъ полку 3-я батарея 5-й артиллерійской бригады, и, кромѣ того, изъ кавалеріи 9-го корпуса были зачислены въ составъ передоваго отряда генерала Гурко два полка 9-ой кавалерій дивизіи: Казанскій драгунскій и Кіевскій гусарскій.

21-го іюня, вмѣстѣ съ передовымъ отрядомъ генерала Гурко была двинута изъ Систова на рѣку Осму, въ село Булгарени, кавказская казачья бригада полковника Тутолмина, съ цѣлью прикрытія лѣваго фланга и тыла 9-го корпуса при движеніи его къ Никополю. 22-го іюня кавказская бригада заняла Булгарени, гдѣ простояла до 29-го іюня, послѣ чего перешла изъ Булгарени также къ упомянутой крѣпости.

Что способствовало безпрепятственному и неожиданному для насъ занятію турками Плевны — это отсутствіе развѣздовъ въ Плевну отъ кавказской бригады изъ Булгарени. Развѣзды отъ кавказской бригады направлялись въ это время вверхъ по Осмѣ до Лѣтницы (по направленію къ Ловчѣ) и внизъ по Осмѣ до Дебо (по направленію къ Никополю); по дорогѣ же на Плевну развѣзды доходили только до Сулейманъ-дере, на половинѣ разстоянія между Плевною и Булгарени. По отношенію къ Плевнѣ кавказская бригада долгое время ограничивалась однѣми свѣдѣніями, доставляемыми какимъ-то лазутчикомъ — плевненскимъ дьякономъ Евфиміемъ Ѳедоровымъ. Все показанія этого „іеродіакона“ были сняты, отмѣчены на картѣ и записаны. Можетъ быть, показанія дьякона Евфимія и были вѣрны, но едва ли они могли вполне удовлетворить военнаго человека, а тѣмъ болѣе не могли исключить необходимости кавалерійскихъ рекогносцировокъ. Полковникъ Тутолминъ объясняетъ отсутствіе развѣздовъ въ Плевну и невозможность занятія ея кавказской бригадой недостаточностью средствъ и чрезмѣрной удаленностью казачьей бригады отъ пѣхоты 9-го корпуса, двигавшейся отъ Систова къ Никополю*).

Кромѣ дьякона Евфимія, числа 24-го или 25-го іюня, на бивуакъ въ Булгарени явились, наконецъ, и сами жители и купцы города Плевны, тщетно ожидавшіе прихода къ нимъ русскихъ. Узнавъ о присутствіи русскихъ въ Булгарени, они пришли сюда съ просьбою послать въ Плевну отрядъ для „прочной“ обороны города, опасаясь будто бы за свои торговые склады. При этомъ пришельцы единогласно

*) Нужно замѣтить, что, за опозданіемъ переправы черезъ Дунай 9-го корпуса, была двинута на дорогу изъ Бѣлы въ Плевну, въ д. Овчу Могилу, 35-я пѣхотная дивизія, съ приказаніемъ выдвинуть, въ случаѣ нужды, авангардъ на рѣку Осму, для поддержки кавказской бригады.

но утверждали, что Плевна охраняется лишь слабою ротою низама, находившеюся при госпиталѣ, въ которомъ помѣщались раненые во время первой бомбардировки Никополя (въ первыхъ числахъ іюня).

Осмотръ, и то совершенно случайно, былъ произведенъ, наконецъ, во время той же стоянки кавказской бригады въ Булгарени, казачьимъ отрядомъ, не имѣвшимъ собственно никакого отношенія къ Плевнѣ, именно 6-ою сотнею 30-го донскаго полка, входившею въ составъ передоваго отряда генерала Гурко. Но такъ какъ осмотръ этотъ, какъ мы уже упомянули, былъ совершенно случайный, то, понятно, онъ и не могъ принести сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Вотъ что рассказываютъ о результатахъ этой казачьей рекогносцировки.

Изъ Батака, или изъ Сухундола — опредѣлить довольно трудно, была послана, числа 23-го іюня, отъ сводной кавалерійской бригады герцога Николая Лейхтенбергскаго, 6-я сотня 30-го донскаго полка, подъ командой эсаула Афанасьева, по направленію къ Осмѣ, для возстановленія связи праваго крыла передоваго отряда съ кавказской казачьей бригадой. Не зная мѣста нахождения этой бригады, казаки Афанасьева, въ числѣ 38-ми человекъ, миновавъ Булгарени, заѣхали въ самую Плевну, которую приняли вначалѣ за деревню. Такимъ образомъ, сама судьба завлекла русскихъ въ этотъ важный въ послѣдствіи стратегическій пунктъ. Въ городѣ находились въ то время только сто заптievъ, т. е. турецкихъ жандармовъ. Казаки наши собрались на площади передъ „конакомъ“, т. е. присутственнымъ мѣстомъ, разоружили нѣкоторыхъ заптievъ и кричали: „сдавайтесь, городъ окруженъ русскими войсками“!.. Но никакихъ русскихъ войскъ, на самомъ-то дѣлѣ, конечно, и въ поминѣ не было. Однако, тотчасъ же былъ собранъ совѣтъ изъ именитыхъ турокъ и болгаръ. Одинъ изъ участвовавшихъ въ совѣтѣ, Махмудъ-бей, предложилъ обезоружить заптievъ, что и было тотчасъ исполнено. Казаковъ попросили войти въ конакъ и предложили имъ сначала кофе, отъ котораго они отказались, а потомъ вина, къ которому они отнеслись благосклонно. Послѣ угощенія казаки, слѣдуя своему всегдашнему обычаю — постоянно идти впередъ, ушли въ Тученицу, по направленію къ Ловчѣ, продолжая разыскивать кавказскую бригаду; жителямъ же Плевны

казаки, предъ своимъ отъѣздомъ, объявили, что на слѣдующій день русскія войска придутъ занимать городъ. По поводу этого въ городѣ опять былъ собранъ совѣтъ, на которомъ было рѣшено встрѣтить русскихъ процессіей съ крестнымъ ходомъ. На другой день казаки, не найдя кавказской бригады, дѣйствительно, вздумали повторить свой визитъ въ Плевну, но, увидѣвъ процессію, вышедшую имъ на встрѣчу, они приняли ее издали за отрядъ черкесовъ и, повернувъ лошадей, скрылись изъ вида. Процессія остановилась въ недоумѣніи, постояла и вернулась въ городъ. Снова былъ собранъ совѣтъ, опять именитые турки и болгары рѣшали, что дѣлать. Рѣшили, между прочимъ, на всякій случай вооружить жителей, вѣроятно, принявъ, въ свою очередь, казаковъ за черкесовъ. Но каково было удивленіе обывателей Плевны, когда черезъ день, т. е. вечеромъ 27-го іюня, вмѣсто русскихъ прибыли въ Плевну шесть таборовъ турокъ, съ артиллеріей и конницей?

Это не были еще войска Османа-паши.

Депутація, назначенная для встрѣчи русскихъ, поневолѣ встрѣтила турецкаго пашу.

Между тѣмъ, казаки Афанасьева успѣли уже разыскать кавказскую бригаду и провели ночь съ 25-го на 26-е іюня на бивуакѣ въ Булгарени. Сообщивъ кавказцамъ о видѣнныхъ ими черкесахъ подъ Плевной, казаки съ разсвѣтомъ 26-го іюня отправились въ Тырновъ, на соединеніе съ передовымъ отрядомъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что 25-го іюня, т. е. еще до прихода казаковъ изъ-подъ Плевны, кавказская бригада вошла, наконецъ, въ связь съ войсками 9-го корпуса, переправившимися черезъ Дунай, и командиръ ея, полковникъ Тутолминъ, вытребованный въ д. Ореше (близъ Систова) къ генералу Криденеру, сообщилъ послѣднему, что по часъ его отъѣзда изъ Булгарени въ Плевнѣ, по собраннымъ извѣстіямъ, не было болѣе 120—150 человекъ вооруженныхъ турокъ. На заявленіе со стороны полковника Туталмина о необходимости придать къ кавказской бригадѣ хоть два батальона пѣхоты и занять ими Плевну, въ то время еще совершенно свободную, корпусный командиръ отнесся весьма сочувственно; но послѣ сдѣланнаго разсчета о необходимыхъ силахъ для сбора ихъ передъ Никополемъ оказалось, что „никая часть

9-го корпуса не могла быть отдѣлена на Плевну* Между тѣмъ, спустя три-четыре дня послѣ этого пришлось отдѣлить отъ того же корпуса для наблюденія за тою же Плевной цѣлый Костромской полкъ, съ батареею въ восемь орудій, и поставить ихъ съ упомянутой цѣлью въ Турскій-Третьяки, такъ какъ Плевна была уже занята турками*).

О занятіи Плевны 6-ю таборами турокъ 27-го іюня увѣдомилъ кавказскую казачью бригаду все тотъ же дьяконъ Евфимій Ѳедоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ Булгарени плевненскіе жители, успѣвшіе выбраться оттуда заблаговременно. Всѣ они расходились между собою въ показанія о направленіи движенія турокъ: по словамъ однихъ, турки прибыли въ Плевну изъ подъ Софіи, по словамъ другихъ изъ-подъ Никополя. Вѣроятно, полковникъ Тутолминъ отдалъ предпочтеніе показаніямъ іеродіакона Евфимія, такъ какъ немедленно донесъ генералу Криденеру объ отступленіи турокъ изъ Никополя въ Плевну. Но тутъ обнаружилось, насколько опасно полагаться въ военномъ дѣлѣ на однѣ сообщенія такихъ развѣдчиковъ, какъ дьяконъ Евфимій: вслѣдствіе донесенія полковника Тутолмина объ отступленіи турокъ изъ Никополя, движеніе 9-го корпуса къ этой крѣпости было, разумѣется, приостановлено; но каково же было удивленіе корпуснаго командира, когда въ тотъ же день, 28-го іюня, наши развѣзды обнаружили, что турки, наоборотъ, приготовились къ отчаянной оборонѣ Никополя? Дѣлать нечего, пришлось возобновить движеніе къ Никополю; но нѣсколько часовъ, если не цѣлый день, были уже потеряны. Ниже мы увидимъ, какое значеніе имѣлъ каждый часъ потеряннаго времени при возникновеніи „первой Плевны“

Съ своей стороны, полковникъ Тутолминъ, по полученіи извѣстія о появленіи турокъ близъ самой Плевны, рѣшился произвести развѣдку этого города, что, конечно, было уже поздно. 27-го іюня, отъ кавказской бригады изъ Булгарени были двинуты къ Плевнѣ 1-я и 2-я сотни Владикавказскаго полка, при двухъ орудіяхъ конногорной батареи, подъ начальствомъ подполковника Бибикова. При

*). Будь въ Плевнѣ хоть нѣсколько сотенъ нашихъ кавказцевъ, едва ли шесть таборовъ, при извѣстной нерѣшительности турокъ, осмѣлились бы занять этотъ городъ.

этомъ было условлено, что въ случаѣ нужды ему будутъ высланы въ подкрѣпленіе двѣ сотни осетинъ.

Около пяти часовъ по-полудни подполковникъ Бибиковъ выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ Булгарени и, слѣдуя по плевненскому шоссе, встрѣтилъ, неподалеку отъ селенія Раденицы, новую толпу болгаръ, а между ними и неизбѣжнаго дьякона Евфимія. Послѣдній подтвердилъ Бибикову, что турки отступили изъ Никополя, прибывъ въ Плевну 27-го іюля, въ четыре часа по-полудни, въ числѣ шести таборовъ, шести орудій и нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ.

По полученіи этихъ свѣдѣній было безцѣльно продолжать движеніе ночью, и потому Бибиковъ ночевалъ въ Раденицѣ, чтобы на разсвѣтѣ выступить на Плевну.

Въ ту же ночь назначенныя на подкрѣпленіе Бибикова двѣ сотни осетинъ были двинуты на Раденицу.

Съ разсвѣтомъ 28-го іюня подполковникъ Бибиковъ выступилъ изъ Раденицы и, пройдя деревню Гривицу, завязалъ за нею перестрѣлку съ неприятельскою конною цѣпью, которая вскорѣ отступила на Плевну. Но вслѣдъ затѣмъ по дивизиону Владикавказскаго полка былъ открытъ огонь изъ четырехъ орудій, прикрытыхъ, приблизительно, таборомъ пѣхоты. За этими передовыми силами виднѣлся лагерь, и можно было предположить о существованіи еще двухъ орудій, поставленныхъ скрытно на позиціи у Гривицы.

Всмотрѣвъ, насколько было возможно, силы противника, опредѣленныя имъ не менѣе какъ въ четыре тысячи человекъ, при четырехъ или шести орудіяхъ и двухъ конныхъ сотняхъ, подполковникъ Бибиковъ началъ отводить свои сотни изъ-подъ выстрѣловъ турецкихъ орудій, но при этомъ отступалъ медленно, задерживаясь на всякомъ сколько нибудь удобномъ закрытіи, дабы не оставить за собою бѣжавшихъ изъ Плевны болгаръ. Пропустивъ всѣхъ спасавшихся изъ Плевны за ряды вѣранныхъ ему сотенъ, Бибиковъ отошелъ на Булгарени.

Такимъ образомъ, 28-го іюня произошла первая стычка подъ Плевной, и кавказская бригада, простоявъ въ 25-ти верстахъ отъ Плевны цѣлую недѣлю, 29-го іюня выступила, наконецъ, изъ Булгарени подъ Никополь.

Генераль Криденеръ, съ своей стороны, вынужденъ былъ 30-го іюня выдѣлить отъ 9-го корпуса въ Турскій-Трестяникъ пѣхотный Костромской полкъ, съ 5-ю батареею 31-й артиллерійской бригады*), для наблюденія за Плевной. Такимъ образомъ, пѣхота поставлена была на мѣсто кавалеріи. Но пѣхотный полкъ, стоя въ Турскомъ-Трестяникѣ, могъ до нѣкоторой степени обезпечивать развѣ только тылъ 9-го корпуса, о наблюденіи же за Плевной, находящейся верстахъ въ пятнадцать отъ Турскаго-Трестяника, въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, во все время дѣла подъ Никополемъ, наблюденія за Плевной съ нашей стороны совсѣмъ не было. Оставленные въ Турскомъ-Трестяникѣ при Костромскомъ полку 3-я и 4-я сотни Кубанскаго полка, были также слишкомъ малочисленны для того, чтобы дѣлать самостоятельныя рекогносцировки къ Плевнѣ и, въ то же время, прикрывать пѣхотный полкъ, къ которому онѣ были прикомандированы. Сборная же сотня кавказцевъ, оставленная въ Булгарени при обозѣ, и подавно не могла производить никакихъ развѣдокъ. 2-го іюля эта сотня перебралась, вмѣстѣ съ обозомъ, въ с. Дебо, и на мѣстѣ ея, въ Булгарени, былъ поставленъ 3-й батальонъ Костромскаго полка, при обозѣ того же полка.

4-го іюля сдалась крѣпость Никополь; стали приводить въ порядокъ городъ и укрѣпленія, принимать плѣнныхъ турокъ, которыхъ было до 7,000 чело-вѣкъ, и убирать нашихъ раненыхъ, которыхъ набралось также не мало. Въ этихъ занятіяхъ прошло все время до 6-го іюля. Стоянка эта, хотя и вызванная необходимостью, имѣла чрезвычайно гибельное вліяніе на войска наши въ гигиеническомъ отношеніи, что не могло также не повліять, въ свою очередь, на послѣдовавшія, вскорѣ послѣ того, дѣйствія противъ Плевны. Войска расположились послѣ взятія Никополя на нездоровомъ и пропитанномъ миазмами берегу Дуная. Болотистые, между крутыми скалами, берега Осмы и топкій, низменный лѣвый берегъ Дуная были также чрезвычайно неприятными въ

*) Передъ этимъ предполагалось поставить два полка пѣхоты, съ четырьмя батареями, въ д. Булгарени, но, неизвѣстно почему, предположеніе это было измѣнено.

этомъ отношеніи сосѣдями. Къ тому же, рѣзкій вѣтеръ дулъ, не переставая, все время, то усиливаясь, то ослабѣвая. Ко всему этому нужно еще прибавить и то обстоятельство, что войска были расположены на тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ такъ недавно еще лились потоки крови. Сотни людей были заняты уборкой труповъ; но разлагавшіеся при сильной іюльской жарѣ органическіе остатки, при самой тщательной заботливости, не могли не повліять губельно на здоровье войскъ. По свидѣтельству очевидцевъ, люди валялись ежедневно, измученные страшной лихорадкой. Утромъ совершенно здоровый чело-вѣкъ—къ вечеру оказывался безъ чувствъ, въ лихорадочной агоніи. Были, какъ рассказываютъ, и такіе случаи, что солдаты вполнѣ здоровые отправлялись на Дунай купаться или помытъ бѣлье и оттуда были уже приносимы на рукахъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ 9-го корпуса, за время стоянки подъ Никополемъ, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ походомъ, убыло болѣе двадцати-пяти процентовъ людей. Слѣдовательно, предположеніе, что батальоны 9-го корпуса ко времени „первой Плевны“ остались не болѣе какъ въ семисотенномъ составѣ штыковъ, имѣетъ за себя большое основаніе.

Однако, послѣ полудня 5-го іюля, въ войскахъ 9-го корпуса была уже получена диспозиція отъ 4-го іюля, изъ штаба 9-го корпуса, для передвиженія частей этого корпуса отъ Никополя по направленію на Плевну. Въ диспозиціи этой предписывалось:

1) Козловскому, Пензенскому и Тамбовскому полкамъ, съ сотнею № 34-го полка и четырьмя батареями, расположиться у Никополя; 2) Галицкому съ двумя батареями стать у Мыслеу; 3) Архангелогородскому съ двумя батареями перейти въ Градешти; 4) Вологодскому съ двумя батареями въ Шамли; 5) Костромской полкъ съ батареею остается въ Турскомъ-Трестяникѣ; 6) Бугскій уланскій и 9-й Донской полки съ батареею переходятъ въ Чіековицы, съ цѣлью охранять расположеніе войскъ на Видѣ и высылать развѣзды отъ Чіековицы на Турскій-Трестяникъ, на Рахово и на Плевну, поддерживая связь съ кавказской бригадой; 7) кавказская бригада переходитъ въ деревню Карагачъ, наблюдая за дорогами изъ Плевны, Ловчи и Сельви и поддерживая связь, съ одной стороны, съ кавалерійскою бригадою 9-го корпуса, съ другой—съ войсками

8-го армейскаго корпуса, находящимися близъ Тырнова.

Между тѣмъ, 6-го іюля, когда сказанная диспозиція уже приведена была въ исполненіе, было получено неожиданно приказаніе по телеграфу изъ Тырнова, отъ начальника штаба дѣйствующей арміи, слѣдующаго содержанія: „немедленно послать два полка пѣхоты съ кавказскою бригадою для занятія Плевны“.

Въ Тырновѣ, конечно, не знали положенія дѣлъ подъ Никополемъ, но начальникъ 9-го корпуса, съ своей стороны, счелъ необходимымъ выполнить безпрекословно приказаніе главной квартиры, двинувъ въ тотъ же день, 6-го іюля, часть своихъ войскъ съ кавказскою бригадою на Плевну. А такъ какъ войска эти были уже расположены въ тотъ день лишь для постепеннаго передвиженія ихъ въ упомянутомъ направленіи, то, вслѣдствіе неожиданнаго приказанія о немедленномъ выступленіи ихъ изъ подъ

Генераль-Лейтенантъ Шильднеръ-Шульднеръ.

Плевны, они двинулись туда, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ вышеприведенной диспозиціи, одновременно изъ разныхъ пунктовъ, довольно отдаленныхъ другъ отъ друга, причемъ нѣкоторые приказанія командировъ не могли, конечно, дойти по назначенію и — что всего печальнѣе — почти вся кавалерія отряда, совершенно непредвидѣннымъ образомъ, очутилась позади пѣхоты.

Нужно замѣтить, что въ это время, по причинѣ отсутствія нашей кавалеріи вблизи Плевны, у насъ

не получалось никакихъ новыхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на этомъ важномъ пунктѣ, такъ что наши ожидали встрѣтить въ Плевнѣ только лишь прежніе шесть таборовъ турокъ съ незначительнымъ количествомъ артиллеріи и конницы. Поэтому два русскихъ полка считались совершенно достаточными для вытѣсненія турокъ изъ Плевны, тѣмъ болѣе, что Никополь и Ловча въ это время были уже въ рукахъ русскихъ, послѣ чего Плевна, расположенная между упомянутыми двумя пунктами, повидимому, теряла стратегическое значеніе, такъ что трудно было и пред-

полагать, чтобы тамошній турецкій гарнизонъ сталъ упорно сопротивляться атакъ двухъ русскихъ полковъ. Да къ тому же выслать отрядъ въ большемъ числѣ штыковъ изъ войскъ 9-го корпуса, расположенныхъ у Никополя, и невозможно было: необходимо было оставить не менѣе одной бригады въ этой крѣпости, такъ какъ румынскія войска, обязавшіяся въ силу конвенціи, заключенной русскими съ Румы-

ніей, занять Никополь тотчасъ по взятіи его, почему-то замедлили. Кромѣ того, Воронежскій полкъ все-еще оставался въ Систовѣ, да выбыло изъ строя подъ Никополемъ слишкомъ 1,300 человекъ, что, вмѣстѣ съ больными, составляло тотъ же полкъ, если не болѣе, такъ что выходитъ, что подъ названіемъ корпуса, для дальнѣйшихъ дѣйствій, на нашемъ правомъ флангѣ была только одна дивизія, да и та еще разстроенная.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ,

6-го іюля двинулись отъ Никополя по направленію къ Плевнѣ всего только два пѣхотныхъ полка— Архангелогородскій и Вологодскій и Донской № 9-й казачій полкъ, съ четырьмя батареями 5-й артиллерійской бригады, подъ общимъ начальствомъ генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Къ этому отряду должны были присоединиться на поддержку: пѣхотный Костромской полкъ и Кавказская казачья бригада съ 5-й батареей 31-ой артиллерійской бригады и конно-горною батареею. Такимъ образомъ въ распоряженіи генерала Шильдеръ-Шульднера находились: 9 батальоновъ, 18 сотенъ и 46 орудій. Начальникъ этого отряда, конечно, зналъ, что Плевна занята, но о томъ, что она укрѣплена и обороняется, исключая кавалеріи, по меньшей мѣрѣ 30-ю батальонами низама, подъ начальствомъ самого Осман-паша, этого никому не было извѣстно, да къ несчастью, такъ и осталось неизслѣданнымъ.

Между тѣмъ, 1-я бригада 5-ой пѣхотной дивизіи (полки Архангелогородскій и Вологодскій), подъ начальствомъ самого генерала Шильдеръ-Шульднера, переночевавъ съ 6-го на 7-е іюля у деревни Чіековицы, 7-го іюля утромъ двинулась далѣе, по дорогѣ на д. Вресляницу. Измученные отъ длиннаго перехода по неровной мѣстности, войска эти подошли къ полудню верстѣ на двадцать къ Плевнѣ и здѣсь неожиданно узнали, что невдалекѣ отъ нихъ, справа, появилось нѣсколько тысячъ башибузуконъ. Только-что начальникъ отряда отдалъ распоряженіе прогнать ихъ, какъ получилъ новое извѣстіе, что впереди, въ самой Плевнѣ и ея окрестностяхъ, его ожидаютъ по меньшей мѣрѣ 20,000 регулярныхъ турецкихъ войскъ... Это была первая вѣсть о дѣйствительныхъ силахъ непріятеля. Генераль Шильдеръ-Шульднеръ, имѣя въ своемъ распоряженіи всего одну бригаду, немедленно подошелъ къ Плевнѣ и, занявъ въ 2 часа по полудни позицію къ сѣверо-востоку отъ города, тотчасъ же открылъ канонаду, чтобы обнаружить расположение и настоящую численность непріятеля.

Въ это время донской № 9 полкъ, шедшій отдѣльно, правѣе, вдоль праваго берега рѣки Вида, только, что остановился было на ночлегъ у деревни Рыбино и началъ уже варить пищу, но, услышавъ, въ 5 часовъ пополудни, канонаду, опрокинулъ котлы и двинулся на рысяхъ къ Плевнѣ. Такимъ обра-

зомъ, и 9-й донской полкъ, неизвѣстно какимъ образомъ, очутился позади пѣхоты. Подойдя къ городу на $3\frac{1}{2}$ версты, съ сѣверной стороны, и увидавъ небольшой пѣхотный непріятельскій отрядъ, командиръ полка, полковникъ Нагибинъ, спѣшилъ одну полусотню и завязалъ перестрѣлку.

Между тѣмъ, и Костромской полкъ, согласно полученному приказанію, подошелъ въ тотъ же день, въ 2 часа пополудни, къ деревнѣ Сгалевице и тотчасъ же выслалъ отъ себя находившіяся при немъ двѣ сотни кубанскихъ казаковъ на рекогносцировку Плевны. Кубанцы неожиданно наткнулись за деревней Гривицей на турецкій укрѣпленный лагерь, изъ котораго вышли имъ на встрѣчу около трехъ сотенъ конницы и батальонъ пѣхоты съ двумя орудіями. Кубанцы стали отходить; непріятельская конница двинулась влѣдъ за ними и преслѣдовала ихъ почти до самаго бивуака. Попавъ подъ нашъ артиллерійскій огонь, непріятельская конница, въ свою очередь, стала уходить, а Кубанцы преслѣдовали ее до тѣхъ поръ, пока она не отошла за свою пѣхоту. На этотъ разъ Кубанцы обнаружили въ Плевнѣ большой непріятельскій лагерь, который, по словамъ болгаръ, былъ раскинутъ прибывшимъ въ Плевну наканунѣ этого дня сильнымъ турецкимъ подкрѣпленіемъ съ двумя пашами. Командиръ Костромскаго полка тотчасъ же отправилъ донесеніе о результатахъ этой рекогносцировки къ генералу Шильдеръ-Шульднеру, но донесеніе это, по неизвѣстной причинѣ, не дошло по назначенію.

Пока все это происходило подъ Плевной, кавказская бригада, выславшая отъ себя развѣзды на Ловчу, Сгалевицу, Гривицу и въ селеніе Крета, къ генераль-маіору Лошкареву, — только еще подвигалась изъ Турскаго-Трестяника къ Плевнѣ, и не успѣлъ развѣздъ отъ кавказской бригады на Гривицу дойти по назначенію, какъ Кавказцы слышали уже глухіе ружейные выстрѣлы въ направленіи Вресляницы и Гривицы. По мѣрѣ движенія ихъ впередъ, выстрѣлы все рѣзче слышались между Сгалевицей и Гривицей, и потому кавказская бригада круто свернула влѣво, на Сгалевицу, гдѣ находилась слабѣйшая часть плевненскаго отряда— Костромской пѣхотный полкъ. Придя въ Сгалевицу, кавказская бригада уже не застала боя: Костромской полкъ и двѣ кубанскія сотни расположились уже на

отдых послѣ только-что произведенной развѣдки къ Гривицѣ.

Узнавъ въ Сгалевицѣ отъ командира Костромскаго полка о приказаніи начальника 5-ой пѣхотной дивизіи—занять кавказской бригадѣ Тученицу, полковникъ Тутолминъ, видя, что это уже поздно, остался вмѣстѣ съ Костромскимъ полкомъ въ Сгалевицѣ, на мѣстѣ почти случайнаго соединенія съ Костромскимъ полкомъ.

Что генералъ Шильдеръ-Шульднеръ нуждался въ болѣе точныхъ свѣдѣніяхъ о турецкихъ силахъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ самъ успѣлъ собрать, и ждалъ полученія этихъ свѣдѣній именно отъ восточнаго своего отряда (Костромской полкъ и кавказская бригада),—въ этомъ можно убѣдиться изъ рапорта его о первой плевненской битвѣ, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ, что „не получая свѣдѣній отъ Костромскаго полка и отъ кавказской бригады, которой тоже наканунѣ приказано было слѣдовать на село Тученицу, я (генералъ Шильдеръ-Шульднеръ), по случаю поздняго времени, рѣшилъ отложить атаку до 8-го числа“

До 8-го числа, конечно, тоже не было получено новыхъ свѣдѣній о турецкихъ силахъ, ибо 7-е іюля отдѣлялось отъ 8-го одною только ночью, и такимъ образомъ армія Османа-паши вступила въ дѣло 8-го іюля для насъ совершенно неожиданно.

7-го іюля, съ наступленіемъ темноты, спокойствіе водворилось въ нашемъ плевненскомъ отрядѣ по всей линіи: Канонада въ центрѣ замолкла; донеской полкъ также прекратилъ перестрѣлку. Выдвинувъ впередъ сторожевыя цѣпи, войска наши остались ночевать на занятыхъ ими позиціяхъ, въ виду города, съ рѣшеніемъ атаковать на завтра Плевну въ томъ же составѣ, въ какомъ и прибыли сюда.

Что же касается турокъ, то и они вначалѣ не придавали Плевнѣ никакого значенія, чему лучшимъ доказательствомъ служить то обстоятельство, что у нихъ не было здѣсь, до послѣднихъ чиселъ іюня мѣсяца, не только никакихъ укрѣпленій, но даже ни одного турецкаго солдата. Самое занятіе Плевны арміей Османа-паши едва-ли не произошло чисто-случайнымъ образомъ, хотя сами турки, съ цѣлью превознести нѣкоторыхъ изъ своихъ генераловъ, весьма самоувѣренно приписываютъ мысль о занятіи Плевны то тому, то другому изъ нихъ.

Насколько можно уразумѣть изъ смысла опубликованныхъ доселѣ турецкихъ документовъ, исторія появленія арміи Османа-паши въ Плевнѣ представляется на самомъ дѣлѣ въ слѣдующемъ видѣ: 19-го іюня, на военномъ совѣтѣ турецкихъ министровъ, едва ли не въ первый разъ зашла рѣчь о передвиженіи арміи Османа-паши изъ Виддина. На этомъ совѣтѣ султанъ будто бы приказалъ, оставивъ достаточное число войскъ для удержанія Виддина, остальныхъ отправить, подъ командою Османа-паши, въ какойнибудь пунктъ, „на которомъ они могли бы оказать сопротивленіе наступленію сербовъ, а съ другой стороны могли бы прикрыть лѣвый флангъ шумлинскихъ корпусовъ“. До этого времени виддинская армія турокъ предназначалась исключительно для противодѣйствія румынскимъ войскамъ у Калафата; а такъ какъ румынскія войска за все это время бездѣйствовали, то турки подъ конецъ, сообразили, что имъ особенно бояться румынъ нечего, а тѣмъ болѣе не стоить держать противъ нихъ цѣлый корпусъ войскъ. Однако, направленіе арміи Османа-паши изъ Виддина долго еще не было опредѣлено. Командированные въ Шумлу, тотчасъ послѣ переправы русскихъ черезъ Дунай, турецкій военный министръ Редифъ-паша и муширъ Намыкъ-паша доносили отъ 27-го іюня въ канцелярію султана: „мы здѣсь полагаемъ, что можно будетъ достигнуть чего либо, если направить къ Плевнѣ часть отряда Османа-паши и если его превосходительство, съ присоединеніемъ ломскаго отряда и десяти-двѣнадцати таборовъ изъ Никополя, произведетъ наступленіе на непріятеля съ другаго фланга“. Но это намѣреніе, очевидно, имѣвшее въ виду соединеніе виддинской арміи Османа-паши съ разградскимъ отрядомъ Ахмеда-Эюба-паши, было оставлено, такъ какъ въ то время получено было извѣстіе, что румынскія войска будто бы начали готовиться къ переправѣ изъ Калафата въ Флорентинъ (?), что и было сообщено Осману-пашѣ. Къ тому же, Высокая Порта, съ своей стороны, почему-то неоднократно подтверждала, чтобы Османъ-паша не оставлялъ Виддина. Среди этихъ противорѣчащихъ другъ другу намѣреній, въ Шумлѣ рѣшено было двинуть армію Османа-паши вначалѣ—въ Орханіе, а потомъ—на встрѣчу по тому направленію, которое приметъ отрядъ Ахмеда-Эюба-

паши. На послѣднемъ рѣшеніи, — довольно, впрочемъ, неопредѣленно, — турки, вѣроятно, и остановились, какъ это мы увидимъ сейчасъ.

Послѣ разныхъ повторительныхъ приказаній, воспрещавшихъ Осману-пашѣ оставленіе Виддина и исходившихъ отъ Высокой Порты, канцелярія султана, взявъ на себя всю отвѣтственность, дала Осману-пашѣ рѣшительное приказаніе наступать въ указанномъ направленіи. Отъ 2-го іюля изъ канцеляріи султана была отправлена депеша Мегемету-Али-пашѣ и Осману-пашѣ, слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе распространенія непріятеля, о чемъ мы уже сообщили, государство поставлено между жизнью и смертью. Сегодня надлежитъ обнаружить высокое военное мужество и любовь къ отечеству. Его величество приказалъ прибыть къ цѣли дѣйствій настолько поспѣшно, насколько лишь возможно силамъ человѣка“ Судя по тому, что депеша эта была отправлена одновременно какъ Осману-пашѣ, такъ Мегемету-Али-пашѣ, можно заключить, что цѣлью движенія виддинской арміи было соединеніе ея черезъ Плевну съ разградскимъ отрядомъ Ахмеда-Эюба-паши, находившагося подъ начальствомъ Мегемета-Али-паши. Это предположеніе прямо подтверждается и слѣдующею телеграммою, отправленною тотчасъ послѣ перваго плевненскаго сраженія канцеляріею султана Мегемету-Али-пашѣ: „Непріятельскій систовскій (?) отрядъ воспрепятствовалъ начальнику западнаго дунайскаго района, Осману-пашѣ, соединиться съ отрядомъ начальника восточнаго района, Ахмеда-Эюба-паши“

Изъ всего сказаннаго можно понять, что Плевна далеко не была конечною цѣлью движенія арміи Османа-паши и если сдѣлалась важнымъ опорнымъ пунктомъ для арміи послѣдняго, то совершенно случайно, благодаря лишь тому обстоятельству, что онъ неожиданно встрѣтилъ здѣсь настойчивое сопротивленіе со стороны незначительнаго русскаго отряда, загородившаго ему дорогу къ отряду Ахмеда-Эюба-паши...

Такимъ образомъ, предъ началомъ плевненскихъ сраженій положеніе дѣлъ на всемъ болгарскомъ театрѣ войны представляется въ слѣдующемъ видѣ: Черезъ нѣсколько дней послѣ переправы русскихъ черезъ Дунай близъ Зимницы, числа 2-го или 3-го іюля, Османъ-паша выступилъ изъ Виддина во главѣ

значительнаго отряда, оставивъ въ крѣпости достаточное число войскъ для противодѣйствія румынамъ. Кромѣ того, ему было поручено привлечь къ себѣ войска, собранныя близъ Ниша и Софіи, въ числѣ, не превышающемъ 15 или 20 тысячъ человекъ (около 25 или 30 батальоновъ), и двинуть ихъ форсированнымъ маршемъ также въ Плевну. Однако же, подкрѣпленія эти присоединились къ нему гораздо позже, когда уже разыгралось первое плевненское сраженіе, такъ что Османъ-паша, выступивъ изъ Виддина по софійской дорогѣ, шелъ на Плевну только съ частью виддинской арміи, забравъ еще въ окрестностяхъ Плевны и по дорогѣ туда тысячъ 10 человекъ, входившихъ въ составъ различныхъ мелкихъ отрядовъ, частью уже разбитыхъ русскими. Сверхъ того, въ самой Плевнѣ къ нему должны были присоединиться 6 таборовъ пѣхоты, занявшихъ городъ еще 27-го іюня.

Вообще же, опредѣлить точно число войскъ, съ которыми Османъ-паша прибылъ въ Плевну, довольно трудно. Турецкіе документы, въ этомъ отношеніи, сильно противорѣчатъ другъ другу. Въ одномъ мѣстѣ военный министръ Редифъ-паша, находившійся въ Шумлѣ, на запросъ канцеляріи султана, отвѣчалъ, что Османъ-паша нѣсколько замедлилъ выступленіемъ изъ Виддина потому будто бы, что „пятнадцатидневный провіантъ и припасы на десять таборовъ требуютъ очень большихъ перевозныхъ средствъ, которыхъ не было вовсе“ Изъ этого можно заключить, что Османъ-паша выступилъ изъ Виддина всего съ десятью таборами пѣхоты. Но въ другомъ мѣстѣ, отъ 9-го іюля, канцелярія султана доносила Сулейману-пашѣ, прибывшему изъ Черногоріи: „Османъ-паша, находившійся въ Виддинѣ, прибылъ въ Плевну съ восемнадцатью таборами пѣхоты, однимъ алаемъ (полкомъ) кавалеріи и девятью батареями“. Тому же Сулейману-пашѣ новый военный министръ, Махмудъ-паша, назначенный на мѣсто Редифа, доносилъ отъ 9-го же іюля: „начальникъ виддинской арміи Османъ-паша, съ 25-ю батальонами, занялъ въ прошлую среду (6-го іюля) г. Плевну“ Неизвѣстно, считаются-ли въ томъ же числѣ 6 таборовъ, занявшіе Плевну прежде, а также и войска, которыя Османъ-паша забралъ съ собою по дорогѣ, или же имѣются въ виду только тѣ таборы, которые онъ вывелъ съ

собою изъ Виддина. Какъ извѣстно, наши опредѣляли число турокъ, принимавшихъ участіе въ первомъ плевненскомъ сраженіи, въ 40 таборовъ, кромѣ шести тысячъ человекъ, составлявшихъ первоначальный гарнизонъ Плевны. Гдѣ истина въ этомъ случаѣ—опредѣлить, какъ мы уже замѣтили выше, трудно.

Но, во всякомъ случаѣ, большая часть отряда Османа-паши, съ которымъ онъ шелъ на Плевну, состояла изъ низама, обстрѣляннаго еще въ войнѣ съ Сербіей. Самъ Османъ-паша заявилъ себя также въ этой войнѣ, въ сраженіи при Зайчарѣ, въ которомъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. При этомъ, какъ ни быстро было движеніе его изъ Виддина на Плевну, но дойти до нея ранѣе 7 дней онъ не могъ...

Расположеніе русскихъ войскъ было въ это время слѣдующее: рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича уже приступилъ къ операціямъ на р. Янтрѣ, на востокъ отъ Плевны, противъ четырехугольника турецкихъ крѣпостей и разградской арміи Ахмеда-Эюба-паши, на соединеніе съ которымъ шелъ Османъ-паша... 9-й корпусъ генерала Криденера (5-я и 31-я пѣхотныя и 9-я кавалерійская дивизіи) только что занялъ крѣпость Никополь, на сѣверъ отъ Плевны, оставивъ этотъ городъ совершенно открытымъ... Передовой отрядъ генерала Гурко оперировалъ уже за Балканами, въ тылу Шибки... Главныя же русскія силы двигались по дорогѣ изъ Систова въ Тырновъ, т. е. на юго-востокъ отъ Плевны, и частью дѣйствовали противъ Шибки, съ сѣверной стороны ея. Такимъ образомъ, на всемъ пространствѣ расположенія русскихъ войскъ въ Болгаріи оставался совершенно открытымъ только нашъ правый флангъ, т. е. вся мѣстность между Турскимъ-Трстанникомъ и Ловчей, куда и направился Османъ-паша съ своей арміей.

Говорятъ, что командующій сербскими войсками на тимокской границѣ, полковникъ Хорватовичъ, наиболѣе положительнымъ образомъ доносилъ, что Османъ-паша съ большею частью своихъ войскъ выступилъ изъ Виддина. Вѣроятно вслѣдствіе этого донесенія и послѣдовало изъ нашей главной квартиры приказаніе о немедленномъ занятіи Плевны.

Такимъ образомъ о движеніи Османа-паши было извѣстно у насъ многимъ; но о силахъ, а равно о

быстротѣ движенія и направленіи его арміи едва-ли кто догадывался... Объ этомъ ничего не было извѣстно даже въ главной квартирѣ 9-го корпуса, на войска котораго была возложена специальная обязанность охранять намъ правый флангъ.

Армія Османа-паши прибыла въ Плевну 6-го іюля вечеромъ. По поводу этого телеграмма турецкаго военнаго министра отъ 9-го іюля сообщаетъ Сулейману-пашѣ: „начальникъ виддинской арміи Османъ-паша, съ 25-ю батальонами, занялъ въ прошлую среду г. Плевну, въ этотъ и слѣдующіе дни русскіе атаквали его, но принуждены были отступить съ значительными потерями“... Собственно 6-го іюля русскіе не могли имѣть дѣла съ Османомъ-пашей, такъ какъ подошли къ Плевнѣ лишь 7-го іюля, въ два часа по-полудни; но если принять во вниманіе, что войска Османа-паши прибыли въ Плевну лишь въ ночь съ 6-го на 7-е іюля и вслѣдъ затѣмъ, послѣ полудня 7-го іюля, почти безъ отдыха, завязали дѣло съ подошедшими къ Плевнѣ русскими войсками,—то выраженіе: „въ этотъ и въ слѣдующіе дни русскіе атаквали“ Осману-пашу—непокажется неправдоподобнымъ.

Фактъ почти одновременнаго прибытія къ Плевнѣ войскъ Османа-паши и отряда генерала Шильдеръ-Шульднера, съ одной стороны, доказываетъ, насколько была случайна и неожиданна, какъ для насъ такъ и для турокъ, встрѣча тѣхъ и другихъ подъ Плевной; съ другой стороны, тотъ же фактъ доказываетъ, насколько дорогъ былъ для насъ каждый день, если не каждый часъ времени, котораго, къ несчастью, столько пришлось напрасну потерять нашему 9-му корпусу, со времени его движенія черезъ Дунай. Прибудь отрядъ Шильдеръ-Шульднера къ Плевнѣ днемъ раньше—и всѣхъ плевненскихъ битвъ, по всей вѣроятности, не существовало бы... Если бы оба противника знали въ то время о намѣреніяхъ другъ друга, то весь вопросъ для нихъ въ дѣлѣ подъ Плевной заключался бы только въ томъ, кто раньше займетъ этотъ городъ. Съ этой точки зрѣнія, планъ генерала Шульднера о немедленной атакѣ Плевны тотчасъ по прибытіи къ ней имѣлъ за себя нѣкоторое основаніе. Но разъ арміи Османа-паши удалось занять Плевну, хотя бы всего 12-ю часами ранѣе прибытія къ ней русскихъ, вопросъ о занятіи Плевны, въ виду превосходства ту-

Башибузуки въ засадѣ.

рекихъ силъ былъ спорный. Открытіе простаго превосходства турокъ въ Плевнѣ еще ничего не доказывало: русскіе не одинъ разъ разбивали турокъ, бывшихъ въ превосходномъ числѣ; но то обстоятельство, что турки превосходили русскихъ въ пять или шесть разъ—оставалось для насъ неизвѣстнымъ... Эта неизвѣстность о непомѣрной разницѣ въ числѣ нашихъ и турецкихъ силъ, встрѣтившихся подъ Плевной, и послужила главной причиной возникновенія „первой Плевны“

И такъ, какъ самая Плевна получила важное стратегическое значеніе лишь случайно, благодаря только тому обстоятельству, что пришлось на флангѣ и отчасти въ тылу нашей дѣйствующей арміи, — такъ и встрѣча войскъ 9-го корпуса съ арміей Осман-паши въ Плевнѣ была также неожиданною или, что то же, печальною, что и привело насъ къ несчастной первой плевненской битвѣ...

Чтобы можно было составить себѣ болѣе ясное понятіе о ходѣ предстоящаго сраженія, необходимо поближе познакомиться съ мѣстностью подъ Плевной.

Какъ мы уже знаемъ, Плевна лежитъ въ долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ высотами. Долина идетъ на протяженіи воеми верстъ, съ востока на западъ. На востокъ она весьма узка, не болѣе версты; съ протяженіемъ на западъ, долина постепенно расширяется и, достигнувъ праваго берега рѣки Вида, раскидывается версты на четыре, даже на пять. Такимъ образомъ, плевненская долина имѣетъ видъ довольно правильнаго трехугольника, вершина котораго лежитъ на востокѣ, основаніемъ служитъ рѣка Видъ, а сторонами—горы, возвышающіяся съ сѣвера и юга. Самый городъ лежитъ въ серединѣ этого трехугольника, на небольшой возвышенности.

Къ сѣверу отъ Плевны, гдѣ расположился на ночлегъ Донской № 9-й полкъ, высятся крутыя горы, образующія къ сторонѣ Плевны совершенно отвѣсныя стѣны, съ которыхъ нѣтъ спусковъ. Позиціи эти, неприступныя со стороны города, не совсѣмъ удобны также и для наступленія съ нихъ на городъ.

Нѣсколько лѣвѣе Донцовъ, также на сѣверной и отчасти на сѣверовосточной сторонѣ отъ города, расположились Вологодскій и Архангелогородскій полки съ 32 орудіями. Мѣстность, занятая этими войсками, состояла также изъ высокихъ и обрывистыхъ горъ, изрѣзанныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсистыми

оврагами съ крутыми спусками. Позиціи этихъ двухъ полковъ тянулись вплоть до рѣчки Гривицы, текущей съ востока на западъ, между крутыми горами, въ глубокомъ ущельѣ. По возвышенностямъ ея праваго берега идетъ шоссеиная дорога изъ Булгарени въ Плевну, и здѣсь же на этой дорогѣ расположено селеніе Гривица. Село стоитъ въ лощинѣ, передъ высокимъ холмомъ, господствующимъ надъ окружающею мѣстностью, и отстоитъ отъ Плевны верстахъ въ восемь. За Гривицей, верстахъ въ двухъ отъ нея, шоссеиная дорога съ высотъ праваго берега переходитъ на лѣвый и по подошвѣ горъ, облегающихъ долину съ южной стороны, входитъ въ Плевну.

На юговостокъ отъ Плевны, на возвышенностяхъ, отдѣленныхъ отъ позиціи Вологодскаго и Архангелогородскаго полковъ глубокимъ ущельемъ рѣчки Гривицы, расположился, у деревни Сталевицы, Костромской полкъ, съ двумя сотнями Кубанцевъ и 8 орудіями. Занятые Кубанцами и Костромичами высоты спускаются въ долину гораздо болѣе покато. Вершины и спуски этихъ высотъ покрыты, большею частію, огородами и полями.

На юговостокъ отъ плевненской долины, нѣсколько лѣвѣе Костромскаго полка, уступомъ позади его лѣваго фланга, заняли высоты, близъ деревни Радицево, въ которую упирался правый флангъ турокъ, 10 сотенъ кавказскихъ казаковъ съ 6-ю горными орудіями. Почти рядомъ съ ихъ позиціей, нѣсколько лѣвѣе, протекала рѣчка Тученица, которая входитъ въ городъ Плевну и впадаетъ въ рѣчку Гривицу. Течетъ она въ узкомъ ущельѣ. Такимъ образомъ, позиція кавказской казачьей бригады отрѣзана была тученицкимъ ущельемъ отъ остальной мѣстности, расположенной къ западу отъ нихъ и къ югу отъ города. Между тѣмъ, мѣстность эта представляла наиболѣе простора для дѣйствій кавалеріи и вообще для наступленія противъ Плевны. Высоты по лѣвую сторону Тученицкаго оврага, извѣстныя подъ названіемъ „Зеленыхъ горъ“, не такъ значительны и спускаются въ плевненскую долину совершенно покато. Сверхъ того, здѣсь же, по лѣсистымъ возвышенностямъ, лежащимъ надъ лѣвымъ берегомъ Тученицы, проходитъ большая дорога изъ Плевны въ Ловчу, весьма важная для турокъ, какъ кратчайшій путь сообщенія. Задача Кавказцевъ и состояла въ томъ, чтобы прикрывать лѣвый флангъ нашихъ войскъ со

стороны плевно-ловчинской дороги. Между тѣмъ, дорога эта, какъ мы уже видѣли, была отрѣзана отъ Кавказцевъ Тученицкимъ оврагомъ.

Изъ представленнаго очерка окрестностей Плевны можно видѣть, что вообще вся эта мѣстность въ высшей степени не благоприятствовала успѣху нашихъ войскъ, въ особенности въ виду крайней малочисленности ихъ. Мѣстность подъ Плевной сильно разобцала наши войска. Только Донцы стояли рядомъ съ полками Вологодскимъ и Архангелогородскимъ и могли удобно сообщаться съ ними; Костромской же полкъ былъ отдѣленъ отъ этихъ войскъ значительными оврагами, огромнымъ разстояніемъ и сверхъ того Гривицкимъ ущельемъ. На пополненіе всего этого пространства, отдѣлявшаго Костромской полкъ отъ 1-й бригады 5-й дивизіи, можно было отдѣлить только двѣ кубанскія сотни, которыя и были назначены для поддержанія связи между обѣими нашими колоннами—Бресляницкою и Сгалевичкою. Кавказцы отдѣлены были отъ Костромскаго полка также довольно пересѣченной мѣстностью. Наконецъ, характеръ вообще всей мѣстности крайне стѣснялъ свободу дѣйствій нашего отряда, въ особенности кавалеріи.

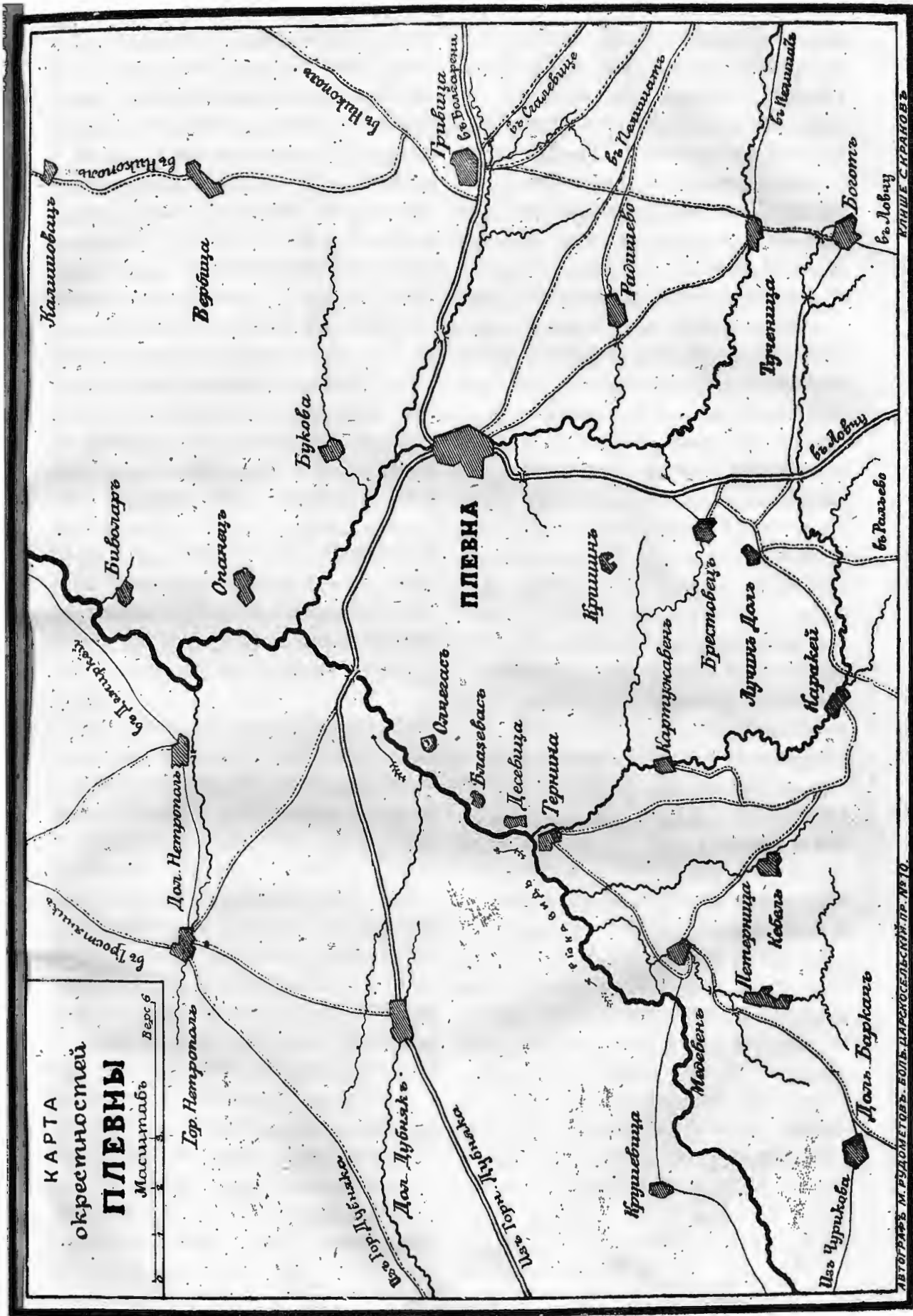
Что же касается непріятеля, то, помимо превосходства его силъ, самое положеніе его было очень выгодное. Турки занимали середину того полукруга, по которому расположились наши войска подъ Плевной и могли, стало быть, сосредоточиваться въ любомъ угрожающемъ имъ пунктѣ. Кроме того, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ и крайне пересѣченной мѣстностью, турки могли, не трогаясь съ мѣста, спокойно стрѣлять въ подходящія къ нимъ части. Наконецъ, они опирались на самый городъ и на возведенныя вокругъ него укрѣпленія. Въ теченіе двухъ дней, 6-го и 7-го іюля, турки успѣли уже сильно окопаться. У нихъ было нѣсколько редутовъ и три ряда окоповъ на сѣверныхъ возвышенностяхъ, противъ позиціи донскаго полка. На сѣверовосточной сторонѣ города, противъ позиціи Вологодскаго и Архангелогородскаго полковъ, на высотахъ, на которыхъ впоследствии были выстроены второй Гривицкій и Буковскій редуты, турки также имѣли нѣсколько наскоро сдѣланныхъ заваловъ. Противъ юго-восточныхъ позицій Костромскаго полка, на высотахъ позади д. Гривицы, на мѣстѣ будущаго Гри-

вицкаго редута № 1, они возвели нѣсколько сильныхъ батарей и три ряда земляныхъ окоповъ. И за всеми этими насыпями и окопами давно уже спокойно сидѣли турецкіе стрѣлки, имѣя при себѣ огромный запасъ патроновъ, воды и сухарей. Не трудно поэтому представить себѣ всю выгоду расположенія турецкихъ войскъ; но тѣмъ поразительнѣе становится храбрость русскихъ солдатъ, не смотря на свою малочисленность и на безчисленныя препятствія, ворвавшихся на слѣдующій день въ самый городъ, — и получи они въ это время хотя слабую поддержку со стороны 9-го корпуса, турки были бы окончательно прогнаны изъ Плевны. Къ сожалѣнію, поддержки этой во-время не было получено.

Расположившись на ночлегъ въ вышеупомянутомъ порядкѣ, въ виду Плевны, войска генерала Шильдера провели ночь спокойно. По диспозиціи, разосланной по войскамъ поздно ночью, назначено было начать наступленіе на Плевну обѣими колоннамъ въ 4 часа по-полуночи, открывъ затѣмъ, въ 5 часовъ утра, артиллерійскій огонь по непріятелю.

Но уже въ 4 часа утра на нашемъ правомъ флангѣ казачья цѣпь Донцовъ замѣтила, что турки выходятъ изъ города и занимаютъ окопы и редуты. Почти немедленно вслѣдъ затѣмъ турецкій редутъ открылъ огонь. Донцы, стоявшіе въ сторожевой цѣпи, тотчасъ же собрались, сгѣшались и заняли опушку лѣса на крайнемъ правомъ флангѣ, къ которому направлялась часть непріятельской пѣхоты. Постепенно усиливая цѣпь, полкъ все время удерживалъ непріятеля мѣткимъ огнемъ. Часть казачьей цѣпи даже продвинулась впередъ. Замѣтивъ потомъ, что непріятельская пѣхота съ артиллеріей начинаютъ переходить въ наступленіе, командиръ полка донесъ объ этомъ генераль-лейтенанту Шильдеру, который въ 7 часовъ утра отправилъ къ нему на подкрѣпленіе 8 орудій изъ числа 32, находившихся при 1-й бригадѣ*), и кроме того далъ, для прикрытія орудій, двѣ роты пѣхоты изъ трехъ, бывшихъ въ резервѣ, такъ что у самого Шильдера осталось въ запасѣ—при перевязочномъ пунктѣ и при обозѣ— всего только одна рота. Прибывъ на правый флангъ, батарея картечными гранатами очистила кусты отъ наступавшихъ непріятельскихъ стрѣлковъ и заставила турец-

*) 4-я батарея 5-й артил. бригады.

КАРТА
окрестностей
ПЛЕВНЫ
Масштабъ 1:25000

Верс

2

Гор. Петрополь

КАРТА С. С. СКАРОВА

АВТОГРАФЪ М. РАДОМЕТОВА. БОЛЬШАЯ ПЛЕВЕНСКАЯ П. П. № 10

кіе резервы отойти за ближайшій гребень высоту. Послѣ этого наступленіе непріятеля противъ нашего праваго фланга уже не возобновлялось, и казаки продолжали во все время боя удерживать свою позицію.

Въ центрѣ нашего расположенія, на сѣверовостокъ отъ Плевны, генераль Шильдеръ-Шульднеръ выдвинулъ къ 5 часамъ утра остальные 24 орудія, находившіяся при 1-й бригадѣ*). Эти три батареи завязали бой съ двумя непріятельскими батареями, изъ которыхъ одна дѣйствовала по нашимъ войскамъ почти продольными выстрѣлами. Подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ изъ турецкихъ орудій, нашъ Архангелогородскій полкъ расположился по обѣ стороны орудій въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, одинъ батальонъ лѣвѣе, а два — правѣе батарей. Вологодскій полкъ занялъ позицію правѣе Архангелогородцевъ, ближе къ Донскому полку. Два батальона Вологодцевъ расположились также въ ротныхъ колоннахъ, въ двѣ линіи, а третій батальонъ — за ними въ резервѣ. Больше въ запасѣ не было ни войскъ, ни орудій, исключая одной роты при перевязочномъ пунктѣ и обозѣ. Двѣ роты и 8 орудій, какъ мы уже видѣли, были отправлены изъ резерва на подкрѣпленіе Донцамъ.

Въ 5 1/2 часовъ утра генераль Шильдеръ-Шульднеръ рѣшился двинуть свои два полка впередъ. Стрѣлки подошли къ оврагу, раздѣлявшему наше расположение отъ турецкаго, и открыли огонь. За оврагомъ въ кустахъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, встрѣтившіе нашихъ сильнѣйшимъ огнемъ. Но Вологодскій полкъ и крайнія правофланговые роты Архангелогородцевъ быстро спустились въ оврагъ, взобрались съ крикомъ „ура“ на противоположный спускъ оврага и къ 6-ти часамъ утра выбили изъ него непріятеля и вслѣдъ за нимъ двинулись къ Плевнѣ. Остальные роты Архангелогородскаго полка остались позади, лѣвѣе, задержанныя значительно усилившимся противъ нихъ непріятелемъ. Вслѣдствіе этого Вологодскій полкъ и часть Архангелогородцевъ сильно выдались впередъ. Увлечшись преслѣдованіемъ непріятеля, они нѣсколько разъ опрокидывали его штыками и дошли наконецъ до предмѣстій города, а переднія части ворвались даже въ самый городъ и заняли нѣкоторыя изъ его улицъ.

*) 1-ю, 2-ю и 5-ю батарей 5-й артиллерійской бригады.

Успѣхъ былъ, повидимому, такъ великъ, что, какъ говорятъ, солдаты наши, вступивъ въ Плевну, сложили тутъ же, на улицахъ, свои ранцы и шинели и въ полномъ убѣжденіи, что все уже сдѣлано, разбрелись по городу кучками и свободно начали расхаживать по улицамъ, напѣвая пѣсни. За это преждевременное празднованіе побѣды дорого заплатились храбрецы наши. Вдругъ изъ сотни оконъ и балконовъ по нимъ была открыта адская ружейная пальба, въ первый разъ показавшая, что такое плевненскій огонь... Разсыпавшіеся по улицамъ солдаты подверглись нападенію со всѣхъ сторонъ. Но, добравшись разъ до города, они не хотѣли уже выходить изъ него и принялись выбивать непріятеля изъ окраинъ города и изъ домовъ... Между тѣмъ, число турокъ не только не уменьшалось, а, повидимому, все росло и росло съ каждымъ часомъ. Огонь съ ихъ стороны усилился до высшей степени... Храбрые солдаты наши падали одинъ за другимъ; кучки ихъ быстро таяли, теряя по дорогѣ ранеными и убитыми. Самъ командиръ бригады, генераль-маіоръ Кноррингъ, былъ раненъ... Командиръ Архангелогородскаго полка, полковникъ Розенбомъ, одинъ изъ первыхъ раненый турецкою пулею, продолжалъ оставаться въ строю и шелъ во главѣ полка, воодушевляя своихъ солдатъ, какъ вторая пуля раздробила ему черепъ и уложила его на мѣстѣ... Но, говорятъ, онъ былъ еще живъ въ то время, когда нѣсколько турецкихъ солдатъ, увидѣвши его трупъ и замѣтивъ на немъ штабъ-офицерскіе эполеты, ринулись къ нему, какъ стая коршуновъ... Наши солдаты бросились выручать своего командира, но турки массою набросились на кучку смѣльчаковъ, изрубили ихъ и, въ виду остальныхъ утомленныхъ и обезсиленныхъ солдатъ, съ дикимъ крикомъ ярости подняли тѣло Розенбома кверху на штыкахъ своихъ ружей и унесли въ городъ.

Вологодцы и переднія роты Архангелогородскаго полка приостановились. Это было около 7 часовъ утра. Солдаты были до нельзя утомлены. Подкрѣпленій у нихъ не было и не могло быть. Командиръ 5-й артиллерійской бригады, генераль-маіоръ Похитоновъ, принялъ надъ ними начальство, прекратилъ наступленіе и ограничился отстаиваніемъ занятыхъ позицій.

Между тѣмъ, Костромской полкъ, стоявшій на юговостокъ отъ Плевны, получивъ въ 2 часа по-
2*

полночи приказаніе отъ генерала Шильдера, также перешелъ въ наступленіе. Подойдя, въ 5 часовъ утра, къ гривицкому оврагу, Костромской полкъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ съ турецкихъ батарей, расположенныхъ на высотѣ позади села Гривицы. Костромичи выдвинули на позицію всѣ свои восемь орудій *); два переднихъ батальона построились въ ротныя колонны, къ нимъ при-

кнули на правомъ флангѣ двѣ сотни Кубанцевъ. После непродолжительной канонады лѣвофланговья роты, предшествоуемая цѣпью стрѣлковъ, двинулись впередъ, бросились съ криками „ура“ на непріятеля, встрѣченные сплошнымъ ружейнымъ огнемъ изъ д. Гривицы и съ покатоги оврага, и выбили турокъ изъ перваго ряда окоповъ штыками, захвативъ при этомъ одно турецкое орудіе, подбитое огнемъ на-

шей батареи. Правофланговья роты пошли также въ штыки и выбили турокъ изъ двухъ рядовъ окоповъ, прикрываясь чрезвычайно мѣткимъ огнемъ нашихъ орудій, дѣйствовавшихъ во флангъ непріятелю.

Турки, отойдя за третью линію окоповъ, уси-

*) 5-й батареи 31-й артиллерійской бригады.

лили свой огонь до невѣроятной степени. Ряды нашихъ храбрецовъ и здѣсь начали быстро сокращаться. Вскорѣ былъ тяжело раненъ командовавший правофланговыми ротами майоръ Гринцевичъ; вслѣдъ за нимъ получилъ рану майоръ Вѣльскій; затѣмъ, майоръ Цехановичъ, сброшенный испугавшеюся лошадыю, былъ израненъ нѣсколькими пулями и вскоре послѣ того умеръ. Наконецъ къ

правофланговымъ ротамъ прибылъ самъ командиръ Костромскаго полка, полковникъ Клейнгаузъ, съ тѣмъ, чтобы лично вести атаку далѣе; но едва онъ успѣлъ стать во главѣ своихъ ротъ и броситься съ ними на третій рядъ турецкихъ окоповъ, какъ лошадь его, перескочивши въ ложементъ, упала, и полковникъ былъ раненъ пулею, а вслѣдъ затѣмъ, когда ему стали дѣлать перевязку, турецкая граната

Полковникъ Розенбомъ.

разорвалась на самомъ лицѣ полковника — и его не стало!.. Такого адскаго огня еще не испытывали наши войска. Въ моментъ смерти командира полка подпоручикъ Шатиловъ успѣлъ кое-какъ собрать остатки переднихъ ротъ и снова бросился съ ними въ штыки, выбивая турокъ изъ-за третьяго ряда окоповъ; защищавшіе ихъ башибузуки не выдержали, сѣли на коней и ускакали.

Въ полку уцѣлѣли только два штабъ-офицера: майоръ Барашевъ, принявшій командованіе полкомъ, и майоръ Кеириха. Оба они, приведя въ порядокъ роты, снова двинули ихъ по всей линіи впередъ. Тогда турки, бросивъ все укрѣпленія и завалы, отступили въ самый городъ и, занявъ сады и строенія по наружной окраинѣ города, продолжали усиленно отстрѣливаться. Турецкія батареи въ это время направили огонь на занятую нами линію окоповъ. Наши орудія тотчасъ выѣхали въ сферу усиленнаго ружейнаго огня и начали поражать непріятеля въ самомъ городѣ, стараясь, въ то же время, бороться съ огнемъ непріятельскихъ батарей.

Наступила минута, когда турки пришли-было въ смятеніе и собирались уже бѣжать и изъ самаго города, но въ это самое время у русскихъ, въ Костромскомъ полку, произошло также нѣкоторое замѣшательство вслѣдствіе чрезмѣрной убыли въ людяхъ. Турки ободрились. „Смотрите, ребята, гяуръ бѣжить!“ — закричалъ начальникъ турецкаго штаба Тагиръ-паша, — и турки дѣйствительно двинулись впередъ и снова начали тѣснить русскихъ.

Удержаться на занятыхъ позиціяхъ Костромскому полку теперь не было уже никакой возможности. Полкъ понесъ огромныя потери, какъ въ людяхъ, такъ и въ особенности въ офицерахъ. Резерва не осталось никакого. Патроны и заряды были почти все разстрѣляны, а новыхъ подвезти невозможно было: парки остались въ Булгарени. Между тѣмъ, непріятельскій огонь все усиливался; численность непріятеля, повидимому, не только не уменьшалась, а напротивъ, увеличивалась; турецкіе отряды точно изъ земли выросли. Къ тому же турки успѣли къ этому времени вытѣснить изъ города Вологодскій и Архангелогородскій полки, наступавшіе съ сѣвера, и теперь набросились главною своею массою на Костромской полкъ. Вотъ изъ Плевны поднялась густая тройная цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, перемѣшанная со всадниками, а вслѣдъ за ними показались сильныя сомкнутыя колонны и начали подаваться впередъ. Майоръ Барашевъ приказалъ начать отступление. Это было около 9 часовъ утра, т. е. въ то время, когда Вологодцы и Архангелогородцы тоже едва уже держались у окраинъ города, на сѣверовосточной сторонѣ его. Турки налегли на отступающихъ Костромичей съ удвоен-

ной яростью. Нѣкоторыя части Костромскаго полка были буквально отрѣзаны непріятелемъ; тогда солдаты наши, имѣя во главѣ офицеровъ, собирались кучками человекъ по 30—40 и съ крикомъ „ура“ бросались на непріятеля и гибли всею славною смертию, не сдаваясь въ плѣнъ. Нѣсколько раненыхъ солдатъ, спрятавшись въ кукурузу, успѣли, однако, спастись и приползли черезъ нѣсколько дней къ нашимъ цѣпямъ, рассказывая о страшныхъ звѣрствахъ остревнившихся турокъ.

10 сотенъ кавказскихъ казаковъ, ночевавшихъ у д. Сталевицы съ Костромскимъ полкомъ, въ началѣ боя находились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, у села Радищева. Дѣйствовать въ конномъ строю, по свойствамъ мѣстности, Кавказцы всегдѣ не могли. Командиръ ихъ, полковникъ Тутолминъ, получивъ въ 7 часовъ утра приказаніе дѣйствовать въ тылъ туркамъ, попытался-было дѣйствовать во флангъ непріятелю огнемъ своей горной батареи, но снаряды ея не долетали даже на половинное разстояніе. Поэтому онъ перешелъ вправо, ближе къ Костромскому полку, въ промежутокъ между Радищевымъ и Гривицей. Но, прибывъ туда въ началѣ 10-го часа утра, казаки увидѣли, что Костромской полкъ уже отступаетъ. Кавказцы примкнули къ лѣвому флангу полка и вмѣстѣ съ нимъ отошли — сперва по направленію на Сталевицу, а потомъ къ Булгарени. Турки преслѣдовали ихъ только до своей первой линіи окоповъ; здѣсь непріятель остановился и провожалъ нашъ отступающій отрядъ лишь артиллерійскимъ огнемъ. Передъ наступленіемъ на Плевну, Костромской полкъ, чтобы облегчить себѣ атаку, долженъ былъ снять свои ранцы въ Гривицкой лощинѣ и положить ихъ на мѣстѣ; а такъ какъ полкъ болѣе уже не возвращался сюда и отступилъ по другой дорогѣ, то ранцы такъ и остались на полѣ сраженія.

Между тѣмъ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ до 9½ часовъ утра не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ Костромскомъ полку; онъ слышалъ только шумную пальбу въ той сторонѣ. Позиція 1-й бригады отдѣлялась отъ Костромскаго полка большимъ разстояніемъ. Отсутствие сообщеній было полное, и связи между двумя отрядами почти никакой не было. Только въ 9½ часовъ утра генералъ Шильдеръ по-

лучилъ, наконецъ, донесеніе, что командиръ Костромскаго полка убитъ и что полкъ пріостановился. Предвидя, что лѣвый флангъ принужденъ будетъ отступить, и не имѣя самъ никакихъ резервовъ, генераль Шильдеръ послалъ начальника штаба дивизіи, полковника Попова, посмотрѣть, въ какомъ положеніи находятся дѣла на выдавшемся впередъ лѣвомъ флангѣ. Убѣдившись изъ полученнаго отвѣта въ томъ, что войска крайне утомлены, понесли огромныя потери, въ особенности въ офицерахъ, и видя, что непріятель все прибываетъ и уже начинаетъ подавать свой правый флангъ впередъ, противъ Костромскаго полка, угрожая нашему пути отступленія, — генераль Шильдеръ въ 9¹/₂ часовъ утра приказалъ отступить и Вологодскому полку съ Архангелогородцами, державшимися у окраины города, а донскому № 9 полку, упорно отстаивавшему свои позиціи на сѣверныхъ высотахъ прикрыть отступление 1-й бригады. Получивъ, въ то же время, донесеніе, что со стороны Никополя подходить, наконецъ, поддержка изъ одного Галицкаго пѣхотнаго полка, съ двумя 4-хъ-фунтовыми батареями, генераль Шильдеръ-Шульднеръ приказалъ выбрать для этого полка позицію позади, чтобы, подъ прикрытіемъ его, отойти съ своею разстроенною 1-ю бригадою. Отступая, Вологодцы и Архангелогородцы вынуждены были бросить на полѣ сраженія, за потерей всѣхъ упряжныхъ лошадей, 17 патронныхъ ящиксъ, часть которыхъ была уже разбита непріятельскими гранатами.

Донской 9-й полкъ, имѣвшій дѣло съ нѣсколькими таборами низама и двумя эскадронами турецкой кавалеріи, получивъ приказаніе прикрыть отступление, незамѣтно для непріятели, пользуясь волнистою мѣстностью, подвелъ коноводовъ, быстро сѣлъ на коней и, отойдя въ ближайшую балку, развернулся влѣво, затѣмъ началъ отходить посотенно. Непріятель пустилъ за казаками свою конницу; но часть ея скоро отстала сама, а другая часть, въ числѣ около 1¹/₂ эскадрона, была опрокинута казаками.

Къ 6-ти часамъ вечера все смолкло. Вологодцы и Архангелогородцы, съ Галицкимъ и донскимъ полками расположились на ночлегъ у Бресляницы, а Костромской полкъ съ кавказской бригадой у Булгарени.

Такимъ образомъ, атака Плевны, 8-го іюля, не удалось. Изъ числа трехъ полковыхъ командировъ,

участвовавшихъ дѣлѣ—двое пали на полѣ сраженія геройскою смертью; здѣсь же сложили свои головы 22 офицера; 52 офицера выбыли изъ строя ранеными, изъ числа которыхъ пятеро умерли въ тотъ же день. Изъ числа нижнихъ чиновъ, въ трехъ полкахъ, выбыли изъ строя убитыми и ранеными 2,771 человекъ, т. е. около половины всего числа людей, бывшихъ въ пѣшемъ строю.

Нечего и говорить, что наши доблестныя войска выказали и въ этомъ дѣлѣ, даже можетъ быть больше, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ дѣлахъ, свойственную имъ отвагу и безграничное самоотверженіе. Не смотря на свою малочисленность и на страшный непріятельскій огонь, они преодолѣли цѣлый рядъ преградъ, сломили превосходныя непріятельскія силы, ворвались въ самый городъ и подъ убійственнымъ огнемъ отстаивали взятія съ боя позиціи, умирая на нихъ до тѣхъ поръ, пока не пришло приказанія отступать, — и отступили въ порядкѣ, отбиваясь шагъ за шагомъ отъ насѣдавшаго непріятели, не потерявъ при этомъ ни знаменъ, ни орудіи и захвативъ съ собою раненныхъ.

Что касается до самаго боя, то изъ хода этого дѣла, легко можно убѣдиться, что одна изъ главныхъ и непосредственныхъ причинъ нашей первой неудачи подъ Плевной заключалась именно въ малочисленности нашего отряда. Но, какъ мы уже знаемъ, генераль Криденеръ и не могъ выслать изъ Никополя большаго числа войскъ изъ своего корпуса, который необходимъ былъ въ самой крѣпости. Эта невозможность для 9-го корпуса оставить крѣпость Никополь была отчасти непредвидѣнною, вслѣдствіе не совѣмъ аккуратнаго исполненія румынами своего обязательства передъ русскими, по которому они должны были занять своими войсками крѣпость Никополь тотчасъ же по взятіи ея. Тщетно ожидая румынскихъ „доробанцевъ“ и „каларашей“, генераль Криденеръ долженъ былъ удерживать понапрасну цѣлую половину своего корпуса въ Никополь въ то самое время, когда другая половина его войска несла поражение подъ Плевной. Какія были причины этой неповоротливости румынъ, неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, медлительность ихъ вызвала сильное неудовольствіе въ нашей главной квартирѣ.

Нельзя, вообще, не назвать даже и самой нашей неудачи подъ Плевной случайною, хотя бы по отно-

шенію къ тому обстоятельству, что и сами турки едва ли рассчитывали здѣсь на большой успѣхъ. Османъ-паша, располагавшій въ это время, по показанію бѣжавшихъ изъ города болгаръ, 40 батальонами пѣхоты и къ концу сраженія уже приготовившійся-было уходить съ ними изъ города, вѣроятно самъ своимъ глазамъ не повѣрилъ, увидя отступленіе русскихъ, загнавшихъ его передъ тѣмъ въ дебри

ринтъ городскихъ улицъ. При этомъ турки не рѣшились, въ этотъ удобный для нихъ моментъ, воспользоваться своимъ успѣхомъ и преслѣдовать нашу уже сильно пострадавшій отрядъ. Но и въ слѣдующіе дни они не переходили въ наступленіе. Войска генерала Шильдеръ-Шульднера спокойно оставались у Бре-слияницы и Булгарени до тѣхъ поръ, пока на другой день не подошли къ нимъ и другія части 9-го кор-

Османъ-паша.

пуса, оставивъ одну бригаду въ Никополѣ гарнизономъ. Вѣроятно, турокъ озадачили необычная храбрость нашихъ солдатъ и собственныя ихъ потери въ сраженіи: турки, по собственному ихъ сознанію, потеряли 8-го іюля около 4,000 убитыми и ранеными. Впрочемъ, могли быть и другія причины, удержавшія Османа-пашу отъ наступленія. Армія его дралась еще съ незнакомымъ ей войскомъ;

туркамъ неизвѣстно было также, близко ли находятся другіе русскіе отряды, и, наконецъ, они не получили еще всѣхъ подкрѣпленій.

Между тѣмъ, быстрое наступленіе Османа-паши изъ Шлевны, вслѣдъ за разстроенымъ отрядомъ генерала Шильдера-Шульднера, могло бы имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія. Шлевна лежитъ всего въ разстояніи одного перехода отъ Никополя,

двухъ отъ Горнаго Студеня, трехъ отъ Систова и четырехъ отъ Бѣлы, гдѣ была расположена главная квартира Государя Наслѣдника Цесаревича, начальника рущукскаго отряда. Между поименованными пунктами и Плевной почти совсѣмъ не было войскъ, и, перейди Османъ-паша здѣсь въ наступленіе, нельзя было бы поручиться за многое. Вотъ почему боязню Османа-паши выйдти изъ Плевны не особенно рекомендовала его.

Тѣмъ не менѣе, удачное появленіе Османа-паши въ самой Плевнѣ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на русскихъ. Мы должны были теперь приостановить свое движеніе на югъ, къ Адрианополу, и до тѣхъ поръ, пока Османъ-паша былъ въ состояніи угрожать нашему флангу и тылу, обязаны были усматривать свою ближайшую и важнѣйшую задачу въ атакѣ Османа-паши и нанесеніи ему пораженія, равносильнаго его уничтоженію. Словомъ, послѣ первой же неудачи подъ Плевной, мы должны были измѣнить свой фронтъ, обративъ его къ западу, а уже не къ югу. И дѣйствительно, силы, сосредоточенныя у подножія Балканъ, вскорѣ отступили частью въ Тырново, частью въ Сельви. Часть дивизіи князя Святополкъ-Мирскаго, занимавшая Шибкинскій проходъ, отступила на Габрово и была замѣнена четырьмя стрѣлковыми батальонами изъ передоваго отряда генерала Гурко.

Но пораженіе подъ Плевной было первой нашей неудачей со времени объявленія прошлой войны, — неудачей, повидимому, легко объяснимой и, казалось, еще легче устранимой. Русскимъ пришлось имѣть дѣло съ непріателемъ, которому еще въ прошломъ году, въ сербскую войну, потребовались цѣлые четыре мѣсяца, чтобы справиться съ плохо организованными сербскими милиціями. Таковъ былъ общій взглядъ русскихъ на Османа-пашу. Неудача подъ Плевной произвела скорѣе впечатлѣніе изумленія, чѣмъ вызвала опасенія и тревоги. Нашихъ было мало, нужно было послать больше. Это — ошибка и только. Все это не могло отчасти не сглаживать тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на русскихъ первой неудачей подъ Плевной, и позволяло даже надѣяться на легкость устраненія встрѣченнаго на нашемъ правомъ флангѣ случайнаго препятствія. Но эта-то надежда, ка-

жется, и послужила источникомъ нашихъ дальнѣйшихъ неудачъ подъ Плевной.

Русскіе въ то время занимали въ Болгаріи стратегическое положеніе такое, какое могло быть весьма желательнымъ для лучшихъ полководцевъ. Выдвинувшись клинообразно между арміями пашей Османа, Сулеймана и Мегмета-Али и занявъ центральное положеніе въ этомъ треугольникѣ, русскіе могли быстро сосредоточиваться на любомъ пунктѣ и такимъ образомъ разбить всѣ три турецкія арміи по частямъ. Но, для этого необходимо было, конечно, сосредоточиться предварительно на одномъ какомъ-либо пунктѣ, затѣмъ — на другомъ и, т. д. вообще требовалась нѣкоторая доля искусства. Между тѣмъ, обнаруживаемая до того времени слабость непріятеля позволяла надѣяться покончить съ турками гораздо скорѣе и сломить всѣ три непріятельскія арміи разомъ. Вотъ почему русскіе, не смотря на неудачу подъ Плевной 8-го іюля, рѣшились пока не измѣнять фронта своей арміи и продолжать, одновременно съ дѣйствіями противъ Плевны, наступленіе и за Балканы, къ Адрианополу. Въ то время, когда подготавлилась вторая атака Плевны, передовой отрядъ генерала Гурко также выступилъ въ походъ за Малые Балканы, противъ арміи Сулеймана-паши, такъ что начавшееся передвиженіе войскъ отъ Балкановъ къ Тырнову снова было приостановлено.

Но, очевидно, вслѣдствіе этого русскіе могли противопоставить непріятелю на всѣхъ пунктахъ лишь недостаточныя силы. На пространствѣ вышеупомянутаго треугольника, отъ Дуная до Малыхъ Балкановъ — съ одной стороны и между рѣками Осмой и Янтрой — съ другой, русскіе имѣли шесть корпусовъ, т. е. въ общемъ около 240 тысячъ человѣкъ. Что же касается турокъ, то за рѣкой Янтрой, между Рущукомъ и Шумлой, находился Мегметъ-Али-паша съ 70 тысячами человѣкъ строевыхъ, къ югу отъ Балкановъ — Сулейманъ-паша съ 25 тысячами строевыхъ, а за рѣкою Осмой, подъ Плевной, Османъ-паша имѣлъ къ этому времени 30 тысячъ человѣкъ виддинской арміи, съ которой онъ участвовалъ въ первой плевненской битвѣ, и, кромѣ того, успѣлъ еще получить 10—15 тысячъ человѣкъ подкрѣпленій, стянутыхъ къ плев-

ненекой позиціи изъ Ниша, Пирота и Софіи. Всего, стало быть, онъ имѣлъ теперь около 50 тысячъ человекъ, изъ коихъ по меньшей мѣрѣ 40 тысячъ строевыхъ. Слѣдовательно, всего у турокъ было вокругъ занятаго русскими пространства въ Болгаріи, около 135 тысячъ человекъ строевыхъ. Правда, превосходство силъ, хотя и незначительное, было на сторонѣ русскихъ, но эти силы все-таки были недостаточны для того, чтобы одновременно атаковать въ разныхъ пунктахъ непріятеля, опиравшагося на крѣпости и твердо державшагося оборонительнаго образа дѣйствій. Можетъ быть, впрочемъ, это и было бы возможно, если бы непріятель продолжалъ по прежнему представлять изъ себя разрозненную орду новобранцевъ. Но въ томъ-то и дѣло, что теперь обстоятельства неожиданно измѣнились самымъ кореннымъ образомъ.

На самомъ дѣлѣ теперь у турокъ были уже не такія войска. Сулейманъ-паша привелъ съ собою 40 батальоновъ солдатъ, обстрѣлянныхъ въ бояхъ съ храбрыми черногорцами. У Османа-паши были тоже, большею частью, регулярныя войска, обстрѣлянные еще въ сербскую войну. Сверхъ того, Османъ-паша, хотя и не воспользовался, какъ слѣдуетъ, своимъ первымъ успѣхомъ подъ Плевной, однако вынесъ изъ него хорошій урокъ для себя, на случай новаго нападенія со стороны русскихъ. Онъ съ перваго же раза могъ убѣдиться, что войска его, не смотря на ихъ численное превосходство и на ихъ боевую опытность, не могутъ противостоять въ открытомъ полѣ противъ необычайной храбрости русскихъ солдатъ, презирающихъ всякія численныя превосходства и всегда неудержимо стремящихся впередъ. Этотъ взглядъ турокъ на самихъ себя служилъ отчасти оправданіемъ мнѣнія о нихъ русскихъ. Вся бѣда состояла только въ томъ, что Османъ-паша не остановился на такомъ мнѣніи о своихъ собственныхъ солдатахъ. Тотчасъ же послѣ перваго боя онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, по возможности, парализовать всѣ недостатки своего войска. Сознавая, что турокъ больше всего боится сосѣдства русскаго штыка, но становится храбрымъ и стойкимъ вдали отъ него, находясь подъ защитой какого-нибудь укрѣпленія, — Османъ-паша постарался немедленно окружить свою армію нѣсколькими рядами земляныхъ окоповъ. Ре-

дуть, возведенныя наканунѣ перваго боя Атыфомъ-пашей, оказались мало удовлетворяющими оборонѣ Плевны, и Османъ-паша приказалъ возвести новыя укрѣпленія вокругъ плевненскихъ позицій, поручивъ это дѣло полковнику своего штаба Тагиру-пашѣ, своему помощнику Тевфику-пашѣ и тремъ миръ-алаямъ (полковникамъ) — Вели, Риза и Хайри-беямъ. Эти офицеры оказались искусными инженерами; они возвели нѣсколько рядовъ укрѣпленныхъ линій въ видѣ редутовъ, траншей, батарей, ложементовъ, закрытій, рововъ, ровиковъ, заваловъ и тому подобныхъ, устраивая эти укрѣпленія гдѣ только это было возможно или удобно, искусно примѣняя ихъ къ мѣстности и постоянно ихъ усиливая, съ чрезвычайной энергіей и дѣятельностью, въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Сверхъ того, солдаты Османа-паши были вооружены дальнобойными ружьями Пибоди и скорострѣльными ружьями магазинной системы, въ которыя вкладывается отъ 16-ти до 18-ми зарядовъ заразъ и которыя даютъ до 16-ти выстрѣловъ въ минуту. Солдатамъ приказано было открывать пальбу на разстояніи 2,000 и 3,000 шаговъ, и, при этомъ, приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы запасъ патроновъ не только не истощался, но и непрерывно пополнялся во все время боя. Къ этому нужно еще присоединить сильную турецкую артиллерию, увеличенную на этотъ разъ до 70-ти орудій, изъ которыхъ 27 были дальнобойныя крупновскія. Установивъ свои орудія вокругъ Плевны, турки измѣрили и пристрѣляли всѣ разстоянія до всѣхъ пунктовъ, съ которыхъ только могъ быть нанесенъ имъ вредъ.

Когда все это было готово, Османъ-паша двинулъ часть полученныхъ подкрѣпленій на свой правый флангъ, въ Ловчу. Этотъ городъ былъ занятъ въ то время всего тремя сотнями нашихъ казаковъ, которые, при наступленіи превосходныхъ силъ изъ арміи Османа-паши, должны были уступить непріятелю, отступивъ почти безъ боя и не потерявъ при этомъ ни одного человекъ.

Въ то же время Османъ-паша, получивъ извѣстіе о вторичномъ приближеніи русскихъ къ Плевнѣ, тотчасъ же размѣстилъ свои войска вокругъ города, снабдивъ ихъ на этотъ разъ точной и правильной диспозиціей.

Съ сѣверовосточной стороны всею линіей до рѣки Видь командовалъ ферикъ (генераль-лейтенантъ) Адиль-паша, югозападной линіею—Тагиръ-паша, а центромъ — Атыфъ-паша. Должность начальника штаба исполнялъ теперь Тевфикъ-паша. Самъ Ос-

манъ-паша съ своимъ штабомъ находился въ центрѣ, куда, на всякій случай, былъ проведенъ телеграфъ со всѣхъ передовыхъ позицій.

Такова была обстановка непріятели черезъ 10 дней послѣ нашей первой попытки овладѣть Плевной.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прибытіе подкрѣпленій къ генералу Криденеру. — Новый планъ атаки Плевны. — Бой 18 іюля.—Упорство обѣихъ сторонъ. — Дѣйствія генерала Вельяминова и князя Шаховскаго. — Дѣйствія генерала Снобелева. — Общее воодушевленіе. — Генераль Горшковъ. — Отступленіе. — Тревога у Сисова.

Послѣ неудачной атаки Плевны 8-го іюля генераль Криденеръ придвинулъ къ Бресляницѣ изъ Никополя остальные части своего корпуса, оставивъ въ Никополь вмѣстѣ съ румынами, сильно пострадавшій 8-го іюля, Костромской полкъ. Кромѣ того главнокомандующимъ были двинуты ему на подкрѣпленіе слѣдующія части: 30-я пѣхотная дивизія—полки: Ярославскій, Шуйскій, Коломенскій и Серпуховской; 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи—полки: Курскій и Рыльскій и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи—полки Рижскій драгунскій и Чугуевскій уланскій подъ личнымъ начальствомъ командира 11-го корпуса князя Шаховскаго.

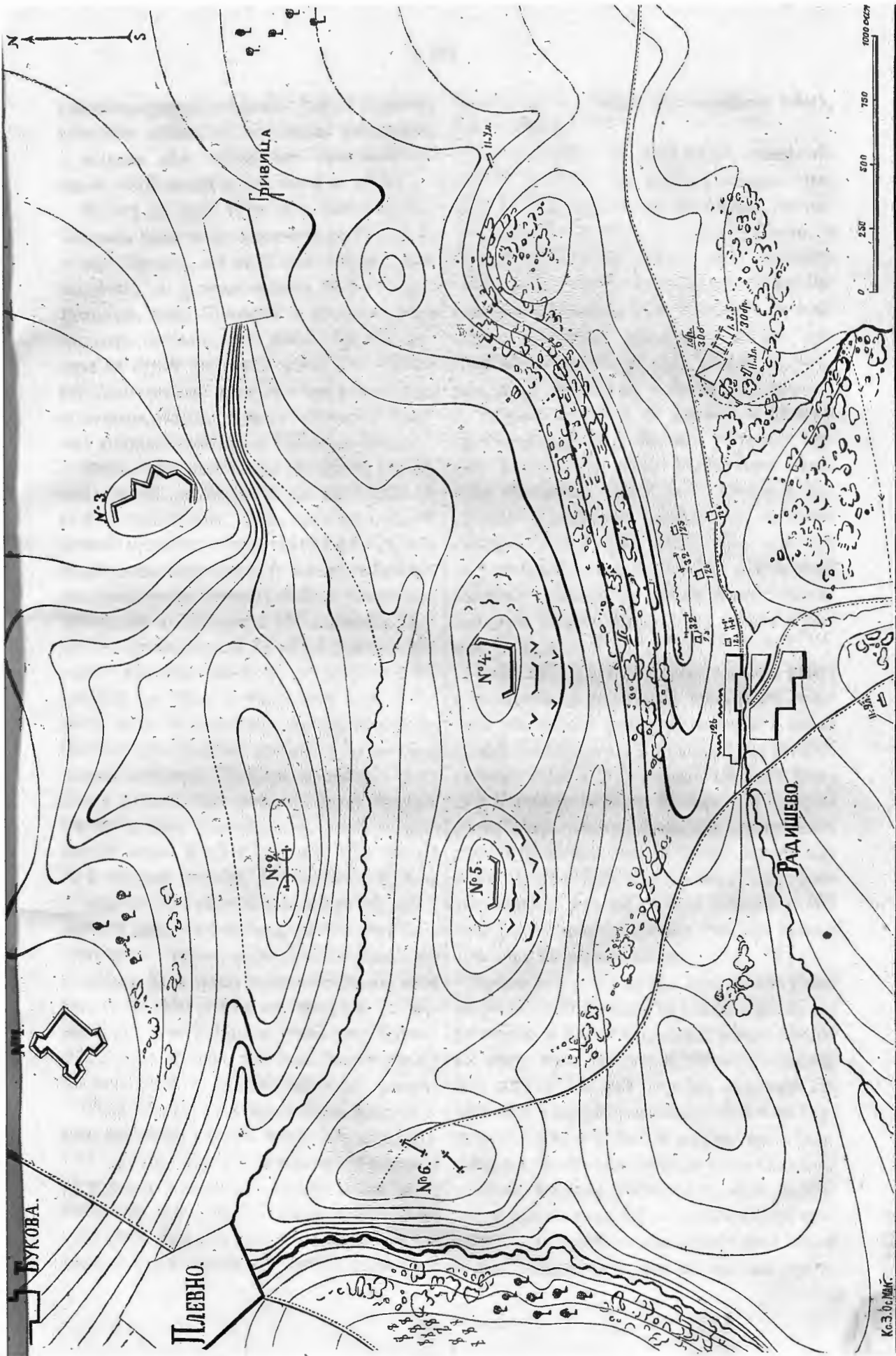
Такимъ образомъ, прибавляя къ 9-ти батальонамъ, 18-ти эскадронамъ и сотнямъ, которые уже дрались подъ Плевною 8-го іюля, Донскую № 8 батарею, 15 батальоновъ, 12 эскадроновъ и 68 орудій корпуса генерала Криденера и 18 батальоновъ, 8 эскадроновъ и 78 орудій, двинутыхъ къ Плевнѣ главнокомандующимъ, окажется, что къ 14 іюля подъ Плевной было сосредоточено всего 42 батальона, 38 эскадроновъ и 198 орудій. Но изъ этого числа не принимали 18-го числа участія въ бою 6 батальоновъ Костромскаго и Воронежскаго полковъ, 8 эскадроновъ Казанскаго драгунскаго и Киевскаго гусарскаго полковъ и 16 орудій 5-й батареи 31-й и 3-й батареи 5-й артиллерійскихъ бригадъ. Слѣдовательно, всего могло участвовать въ предстоявшемъ бою, вмѣстѣ съ сотнею 34 донскаго полка и одною ротой 5-го сапернаго батальона—36 батальоновъ, 31 эскадронъ и сотня и 182 орудія.

Не смотря на полученныя подкрѣпленія, численность нашего плевненскаго отряда и на этотъ разъ

была сравнительно незначительна. 9-й корпусъ, вслѣдствіе понесенныхъ имъ въ прежнихъ дѣлахъ потерь, не доходилъ теперь и до 20 тысячъ человекъ; 30-я пѣхотная дивизія не могла заключать въ себѣ болѣе 10 тысячъ человекъ; въ 1-й же бригадѣ 32-й пѣхотной дивизіи было менѣе 6 тысячъ человекъ; а всего отрядъ заключалъ въ себѣ не болѣе 30-ти тысячъ человекъ строевыхъ, тогда какъ Османъ-паша имѣлъ наготовѣ армію отъ 40 до 50 тыс. человекъ, уже сильно окопавшуюся вокругъ Плевны...

Русскіе не имѣли и въ этотъ разъ точныхъ свѣдѣній о расположеніи и численности турецкихъ войскъ въ Плевнѣ. Пришлось ограничиться только тѣмъ, что успѣли сообщить наши кавалерійскіе развѣзды, посланные для развѣдокъ, а также бѣглецы-болгары и плѣнные турки. Но и свѣдѣнія, принесенныя нашими развѣздами, доказывали, что предстояло не легкое дѣло. Была захвачена также виддинская турецкая почта, которая показала, что численность плевненской турецкой арміи была болѣе значительна, нежели предполагали вначалѣ. Кромѣ того, замѣчено было сильное движеніе войскъ изъ Плевны въ Ловчу, вскорѣ, однако, прекратившееся.

Говорятъ, что генераль Криденеръ колебался въ теченіе нѣсколькихъ дней въ рѣшеніи атаковать Плевну. Однако же покончить съ Плевной рѣшено было во что бы то ни стало. Вслѣдствіе этого былъ составленъ новый планъ атаки Плевны, по которому предполагалось штурмовать плевненскую позицію съ двухъ сторонъ—съ восточной и юговосточной. Этотъ планъ получилъ одобреніе главнокомандующаго, и 17-го іюля генераль Криденеръ получилъ приказаніе атаковать Плевну. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

главнокомандующій предлагалъ генералу Криденеру немедленно сдѣлать всѣ необходимыя передвиженія и начинать дѣло сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, чтобы вполне подготовиться къ атакѣ.

Въ тотъ же день, 17-го іюля, войска генерала Криденера были быстро придвинуты къ Плевнѣ, къ селенію Порадимъ, гдѣ послѣ обѣда собрался военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе генераль Криденеръ, князь Шаховскій и всѣ дивизионные и бригадные генералы. Было рѣшено, что дѣло начнется на другой день въ 5 часовъ утра. Испросивъ предварительно на это повелѣніе его высочества главнокомандующаго, генераль-лейтенантъ Криденеръ утвердилъ срокъ атаки Плевны на 18 іюля.

Войска, предназначавшіяся для штурма плевненскихъ позицій, раздѣлились на два дѣйствующіе отряда и общій резервъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, долженствовавшій сформировать правый флангъ, подъ общимъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вельяминова, состоялъ изъ пѣхотныхъ полковъ: Пензенскаго, Тамбовскаго и Козловскаго (31-я пѣхотная дивизія), съ артиллеріею, т. е. 31-ю артиллерійскою бригадою, имѣя позади полки: Архангелогородскій, Вологодскій, уже сильно пострадавшіе 8 іюля, и Галицкій полкъ (5-я пѣхотная дивизія), съ артиллеріею 5-й артиллерійской бригады, подъ командою генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера. Лѣвый флангъ долженъ былъ составлять отрядъ генераль-лейтенанта князя Шаховскаго, въ составъ котораго входили полки: Курскій, Рыльскій (1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи), Ярославскій и Шуйскій (1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи), съ ихъ артиллеріею, и одна рота 5-го сапернаго батальона. Силы этихъ двухъ отрядовъ, праваго и лѣваго, были почти одинаковы. Хотя правая колонна состояла изъ шести полковъ, а лѣвая только изъ четырехъ, но первый отрядъ понесъ большія потери подъ Никополемъ и подъ Плевной 8-го іюля, такъ что полки его были почти въ половинномъ составѣ рядовъ.

Общій резервъ, подъ начальствомъ самого генерала Криденера, состоялъ только изъ двухъ полковъ—Коломенскаго и Серпуховскаго (2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи), съ ихъ артиллеріею, двухъ эскадроновъ Чугуевскаго уланскаго полка и двухъ эскадроновъ Рижскаго драгунскаго полка, съ 18-ю конною батареею. Оставить въ резервѣ болѣе одной

бригады, въ виду общей малочисленности войскъ, было невозможно.

Предполагалось, что общій резервъ станетъ: пѣхота—у Порадима, а кавалерія у Пелишата; правымъ же отрядомъ генерала Вельяминова дѣйствовать съ востока, сѣвернѣе деревни Гривицы; а лѣвымъ отрядомъ князя Шаховскаго—атаковать непріятеля съ юговостока, между деревнями Пелишатамъ и Сталевицей или Сталуице и, по овладѣніи этой позиціей, двигаться на Плевну, стараясь занять артиллеріею такія позиціи на высотахъ между Радищевомъ и Гривицкимъ ручьемъ, съ которыхъ она могла бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго у Гривицы, противъ нашего праваго отряда. Вообще лѣвый отрядъ князя Шаховскаго долженъ былъ сообразовать свои дѣйствія съ дѣйствіями правой колонны, постоянно сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь, для чего въ распоряженіе князя Шаховскаго даны были два эскадрона уланскаго Чугуевскаго полка, долженствовавшіе служить связью между лѣвымъ и правымъ отрядами.

Сверхъ того, для охраненія нашего праваго фланга и наблюденія за непріятелемъ вдоль фронта сѣверныхъ плевненскихъ укрѣпленій, назначался особый правый боковой отрядъ, состоявшій изъ Бугскаго уланскаго полка и 9-го донскаго казачьяго полка съ 2-ю донскою казачьею батареею, подъ начальствомъ генераль-маіора Лошкарева. Отрядъ этотъ долженъ былъ стать вдоль сѣверныхъ плевненскихъ высотъ, до рѣки Вида. Связью между этимъ боковымъ отрядомъ и правой колонной должны были служить два эскадрона драгунскаго Рижскаго полка и одна сотня 34 донскаго полка.

Сверхъ того, для охраненія лѣваго фланга и тыла войскъ князя Шаховскаго, а главнымъ образомъ для наблюденія за Ловчей и пресѣченія всякаго сообщенія между этимъ городомъ и Плевной, назначенъ былъ лѣвый боковой отрядъ, состоявшій изъ кавказской казачьей бригады и 3-го батальона Курскаго полка, съ 8-ю донскою и конно-горною батареями, подъ начальствомъ генераль-маіора Скобелева.

Обоимъ боковымъ кавалерійскимъ отрядамъ, правому и лѣвому, въ случаѣ отступленія турокъ, приказано было перейти на лѣвый берегъ рѣки Вида и не давать непріятелю уходить по софійской дорогѣ.

Передъ выступленіемъ въ походъ, всеѣмъ нижнимъ чинамъ приказано было быть въ мундирахъ и въ фуражкахъ безъ чехловъ, чтобы представлять менѣе видную цѣль для непріятеля; отъ ранцевъ солдаты были также освобождены: ихъ оставили при обозѣ; каждый взялъ съ собою только сухарей въ сумкѣ, порцію варенаго мяса и флягу съ водой, имѣя при этомъ скатанную шинель черезъ плечо, что хотя нѣсколько и обременяло солдатъ, но могло отчасти служить защитой отъ пуль.

Въ 4 часа утра, 18-го іюля, въ войскахъ генерала Криденера и князя Шаховскаго началось общее движеніе. Проснувшіеся будили заспавшихся, торопили одѣваться; деньщики всюду сновали, стараясь поскорѣе прибирать офицерское имущество: тутъ складывали палатки, тамъ сѣдлали и подводили коней и проч. Утро было пасмурное, прохладное; накрапывалъ дождь... „Дождь—хорошая примѣта“—говорилъ князь Шаховскій солдатамъ, пропуская колонны своихъ войскъ.

Въ 5 часовъ утра войска уже снялись съ бивуаковъ и двинулись къ Плевнѣ. Тихо и стройно двигались сомкнутыя колонны пѣхоты къ мѣстамъ своего назначенія; за ними шла артиллерія, трещали зарядные ящики, а по дорогамъ тянулись длинною вереницею патронные ящики, необходимый обозъ и лазаретныя фуръ... Погода стала нѣсколько проясняться. Восходящее солнце еще не сильно грѣло. Утренняя прохлада дѣйствовала какъ-то ободряюще. Впереди лежащее пространство было подернуто легкимъ туманомъ. День обѣщалъ быть хорошимъ. Всеѣмъ было какъ-то весело; по крайней мѣрѣ, такъ казалось, въ ожиданіи побѣды. Проходящія колонны на обычныя привѣтствія командировъ отвѣчали бодро и оживленно...

Въ успѣхѣхъ теперь никто уже не сомнѣвался. Войска шли поправить неудачу первой атаки, а не было еще примѣровъ до этого, чтобы русскіе не могли осилить турокъ съ двухъ приемовъ. Къ тому же въ отрядѣ было много участниковъ перваго боя, которые ждали съ нетерпѣніемъ минуты расплатиться съ ненавистнымъ врагомъ. Про одного солдата рассказываютъ, что онъ, будучи раненъ въ первую плевненскую атаку пулей въ заднюю часть шеи навзлетъ, узнавъ о второй атакѣ, тайкомъ ушелъ изъ лазарета, пробрался къ своимъ и принялъ-таки участіе

въ атакѣ,—и такихъ примѣровъ было не одинъ!.. Архангелогородскій и Вологодскій полки, потерпѣвшіе въ первое сраженіе подъ Плевной, просили, чтобы имъ предоставлено было идти впереди при вторичномъ штурмѣ. Остальныя войска также казались веселыми и готовыми идти куда угодно и сдѣлать все, что потребуется.

Въ 7 часовъ утра войска праваго фланга первыя подошли къ непріятельскимъ позиціямъ и стали на дорогѣ, передъ деревнею Гривицею. Лѣвый отрядъ князя Шаховскаго подошелъ къ деревнѣ Радицево ровно въ 9 часовъ утра. Крайніе боковые отряды заняли свои мѣста почти одновременно съ главными силами. Такимъ образомъ, къ 10 часамъ утра, уже всеѣ наши войска расположились близъ Плевны, на высотахъ, огибавшихъ полукругомъ непріятельскія позиціи.

Во все время сбора войскъ густой туманъ застилалъ впереди лежащее пространство, такъ что съ трудомъ можно было разглядѣть очертанія впереди лежащей мѣстности, и то лишь мѣстами. Противъ праваго отряда генерала Вельяминова за густымъ туманомъ только и было видно, что глубокую лоцину, на днѣ которой лежитъ деревня Гривица, совершенно незанятая въ этотъ разъ непріятелемъ. Вдоль праваго фланга этого отряда тянулся широкій оврагъ, поросшій густымъ кустарникомъ и занятый, на противоположномъ скатѣ, густою цѣпью турецкихъ стрѣлковъ съ двумя орудіями.

Передовыя части отряда генерала Вельяминова, занявъ позиціи на возвышенностяхъ передъ д. Гривицей, расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ Пензенскій полкъ, на лѣвомъ Тамбовскій; между ними поставлены были 40 орудій, а позади, въ резервѣ, размѣстился Козловскій полкъ. Болѣе орудій, по свойствамъ мѣстности, поставить въ боевой линіи было невозможно, и то крайнія восемь пушекъ слѣва пришлось помѣстить одну за другой уступомъ назадъ, такъ что орудія эти только съ трудомъ могли дѣйствовать.

Въ 8^{1/2} часовъ утра раздался первый выстрѣлъ съ турецкой стороны противъ нашего праваго отряда. Наши батареи немедленно отвѣчали, стрѣляя на огонь, потому что за густымъ туманомъ разглядѣть предметы на непріятельской сторонѣ было невозможно. По мѣрѣ того какъ разгорался артиллерійскій огонь,

постепенно расходился и туманъ. Около 9 часовъ утра, наконецъ, показался, какъ на ладони, по ту сторону гривицкой лощины, на высокомъ холму, огромный турецкій редутъ, вовсе не существовавшій въ первую плевненскую атаку. Это турки соорудили на досугъ. Редутъ имѣлъ форму продолговатаго четырехугольника, обращеннаго лицевою стороною къ сѣ-

веру, и состоялъ изъ большаго, сажени полторы вышиною, вала и глубокаго рва, такъ что влѣзть на него иначе, какъ чрезъ большой проломъ, не представлялось никакой возможности. Подступы къ нему, спереди и по сторонамъ, загорожены были нѣсколькими рядами ложементовъ. Редутъ стоялъ почти на голой плоской возвышенности, нѣсколько покатой къ

Князь Шаховской.

сѣверу и югу, и атакующимъ его приходилось пробѣжать предварительно версты $1\frac{1}{2}$ или 2 по гривицкой лощинѣ безъ всякаго прикрытія. Здѣсь еще виднѣлись трупы русскихъ, убитыхъ въ первое сраженіе подъ Шлевной и до сихъ поръ остававшіеся непогребенными. Редутъ этотъ, называемый „Гривицкимъ“, былъ ключемъ плевненской позиціи, командовалъ окрестною мѣстностью и замыкалъ досту-

пы по лощинамъ къ городу, — однимъ словомъ, составлялъ опорный пунктъ всей плевненской позиціи. Съ этого редута вскорѣ открыта была пушечная пальба и ружейный огонь въ три яруса: съ вала, изъ рва и изъ всѣхъ ложементовъ. Наша артиллерія немедленно сосредоточила противъ него весь свой огонь. Какъ наши снаряды, такъ и турецкіе, ложились очень мѣтко; многіе изъ нашихъ попадали прямо въ валъ

й, разрываясь, поднимали облака пыли. Одна из наших батарей выехала-было вперед и дала несколько выстрелов по реду, но вслед за тем должна была отойти, так как с реду ее осыпали снарядами.

Около 10 часов утра началась канонада и на нашем левом фланге, в отряд князя Шаховского. Незадолго перед этим авангард левого отряда должен был выбить турок штыками из деревни Радицево. Затем, на высотах, восточнее этой деревни, были поставлены 8 орудий; слева у них поместился 1-й батальон Рыльского полка, справа—два роты 2-го батальона, а 3-й батальон в резерве. Против позиций этих передовых частей за густым туманом виднелся лишь небольшой перелесок, усыянный виноградниками. Турки и здесь открыли огонь первыми. Около 10 часов в воздух зажужжали гранаты. Турки отвечали на наш огонь довольно и метко. Почти все гранаты их разрывались под нашими батареями. Одним из первых же выстрелов убило разорвавшейся гранатой лошадь под командиром Шуйского полка, полковником Саранчевым, его самого ранило в ногу и рядом с ним уложило трубача. Вскоре гранаты начали разрываться повсюду, даже за склонами холмов, противоположными неприятельским позициям. Особенно много снарядов ложилось под наши орудия. Часам к 11 начали приносить на носилках, одного за другим, раненых из прислуги. Слышны были разговоры, что там-то убило наводчика, здесь — фейерверкера. — „Метко каналья бьет“, говорили наши солдаты. Вскоре около одного из орудий перебило почти всю прислугу, и его принуждены были отвезти назад... „Артиллерия у них важная!“ — рассказывал послѣ один раненый солдат. „Сидит это наша рота у леса — отдыхает, а он выпалил из орудия: мимо пронесло, через нас. Приехал верхом казак: братцы, говорит, турок задержал вас, палять будет. Мы ничком и ушли в сторонку. А он, турок-то, как хватить, как раз в самое то место, где мы сидели, да так и жарить, и жарить, все деревья повыбивал. Нечего делать, мастер, нужно правду сказать!“ — заключил рассказчик. Между тем артиллерийский бой все раз-

горался и обратился, наконец, на обоих флагах в настоящую канонаду.

Только в правом боковом отряде, генерала Лошкарева, все было спокойно и до самого конца боя ничего особенного не происходило.

На крайнем же левом фланге, в боковом отряде генерала Скобелева, дело началось раньше, чем на всех других пунктах. Генерал Скобелев заранее наметил весьма выгодную позицию, на юг от Плевны, на возвышенности, у деревни Кришино, откуда можно было с успехом наблюдать и отбиваться от неприятеля, как со стороны Плевны, так и со стороны Ловчи. Выступив рано утром из Богота, Скобелев, под покровом густого тумана, скрытно подошел к д. Кришино и занял наметенную высоту восемью сотнями Кавказцев и восемью орудиями, под начальством полковника Тутолмина; сюда же подошел и 3-й батальон Курского полка с четырьмя орудиями. Сам же Скобелев, всего с двумя сотнями Кубанцев и четырьмя донскими орудиями, отправился по направлению к Плевне и подошел на расстояние не более 300 сажень к городскому предместью. Там он увидел около 20,000 турецкой пехоты, стоявшей в резервном порядке между городом и гривицким редутом; а за пехотой, на дороге из Плевны в Софию, выстроил неприятельскую кавалерию.

Выждав открытия огня войсками князя Шаховского, генерал Скобелев также открыл огонь из своих маленьких четырех орудий. Неприятель тотчас же отвечал из шести огромных пушек и затем, быстро усиливая артиллерийский огонь, двинул в атаку на Скобелева свою пехоту, прикрытую спереди густой цепью стрелков. В виду столь решительного наступления, генерал Скобелев начал отводить свой маленький отряд на главную позицию к д. Кришино.

Для обеспечения себя от внезапного нападения, Скобелев тотчас же принял следующие меры: в тылу у себя, к стороне Ловчи, выставил сильные казачьи пикеты радиусами от д. Кришино во все стороны; влево, к реке Видь, выслал одну сотню; вправо, для связи с войсками князя Шаховского, от которых отряд Скобе-

лева былъ отдѣленъ глубокимъ Тученицкимъ оврагомъ, выслалъ также одну сотню, отъ которой онъ все время и получалъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ отрядѣ князя Шаховскаго. Для отысканія брода черезъ рѣку Видь на случай, еслибы понадобились броситься на софійскую дорогу, въ тылъ туркамъ, послалъ 20 казаковъ-охотниковъ, подъ командой есаула Астахова, которые и выполнили блистательно данное имъ порученіе. Затѣмъ генералъ Скобелевъ, съ остальными своими ничтожными силами, сталъ у д. Кришино, на возвышенности, въ ожиданіи благопріятнаго хода дѣлъ на прочихъ нашихъ позиціяхъ.

Между тѣмъ, канонада на нашемъ правомъ и лѣвомъ флангахъ все-еще не замолкала. Въ отрядѣ князя Шаховскаго были уже подбиты три орудія; но они тотчасъ были замѣнены свѣжей батареей. Турецкія гранаты начали залетать даже въ улицы села Радищева. Жалкій видъ представляли поселяне, стоявшіе растерянными группами предъ своими домами въ то время, какъ кругомъ лопались гранаты, а маленькія дѣти играли въ кучахъ песку, не вѣдая о страшной опасности. Огонь нашихъ батарей, дѣйствовавшихъ по непріятельскимъ укрѣпленіямъ съ радищевскихъ высотъ, былъ также довольно дѣйствителенъ: пальба изъ турецкихъ орудій почти по всей линіи была ослаблена, нѣкоторыя укрѣпленія повреждены, а на двухъ турецкихъ батареяхъ орудія почти совсѣмъ замолкли. Наши батареи сильно выдвинулись впередъ. Вотъ, за рядами непріятельскихъ укрѣпленій, въ котловинѣ, показались уже крыши и минареты Плевны, выглядывавшіе изъ-за зелени садовъ. Городъ имѣлъ веселый и привѣтливый видъ мирнаго уголка, что составляло странный контрастъ съ канонадой, яростно кипѣвшей впереди его. Городъ былъ такъ близокъ, что, казалось, нужно было лишь немного проскакать, чтобы его достигнуть и тамъ позавтракать; но многимъ суждено было лечь на мѣстѣ прежде, чѣмъ къ нему приблизиться. Батареи нашего лѣваго отряда находились уже такъ близко отъ непріятеля, что рукопашная схватка представлялась уже вполне возможною. Это было около 2¹/₂ часовъ пополудни.

Генералъ Криденеръ находился, въ это время въ правомъ отрядѣ генерала Вельяминова и стоялъ

на высотѣ противъ д. Гривицы, наблюдая за ходомъ боя на всемъ нашемъ правомъ флангѣ. О томъ, что дѣлается въ лѣвомъ отрядѣ князя Шаховскаго, генералу Криденеру до сихъ поръ ничего не было извѣстно, такъ какъ донесеній съ этого пункта онъ еще не получалъ. Очевидно, произошло нѣчто такое, что и въ первую плевненскую битву послужило отчасти причиной страшной неудачи: оба отряда разобщились, потерявъ другъ друга изъ виду еще до начала атаки. Этому не мало способствовала крайне пересѣченная мѣстность, раздѣлявшая обѣ колонны, и огромное разстояніе между ними. Назначенные для связи обоеихъ отрядовъ два эскадрона уланскаго Чугуевского полка, очевидно, были недостаточны для этого и не могли заполнить собою всего упомянутого пространства.

Въ 2¹/₂ часа по-полудни прискакалъ ординарецъ отъ князя Шаховскаго съ увѣдомленіемъ, что онъ считаетъ на своемъ лѣвомъ флангѣ атаку артиллерійскимъ огнемъ подготовленною и переходитъ въ наступленіе. И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ по выстрѣламъ можно было замѣтить, что отрядъ князя Шаховскаго началъ уже наступательное движеніе, подаваясь своимъ лѣвымъ флангомъ впередъ.

Жребій былъ брошенъ! Необходимо было поддерживать князя Шаховскаго, — и атака началась по всей линіи.

Какъ уже было упомянуто выше, включемъ плевненской позиціи, при томъ расположеніи нашихъ войскъ, какое они заняли подъ Плевной, считался турецкій редутъ, стоявшій надъ гривицкой ложиной, противъ нашего праваго отряда. Гривицкая ложина находилась въ центрѣ всей нашей боевой линіи и она-то собственно и раздѣляла атакующія войска на два отдѣльные отряда: правый — изъ войскъ 9-го корпуса, и лѣвый — изъ войскъ князя Шаховскаго. А такъ какъ гривицкая ложина находилась, сверхъ того, подъ сильнымъ огнемъ съ турецкаго редута и другихъ непріятельскихъ укрѣпленій, командовавшихъ ею, то это обстоятельство способствовало окончательному разъединенію отрядовъ. Но предполагалось, что, начавъ атаку съ различныхъ пунктовъ, оба отряда, при дальнѣйшемъ наступленіи на Плевну, сблизятся между собой. Для этого лѣвый отрядъ князя Шаховскаго долженъ былъ, при своемъ движеніи впередъ, забирать постепенно вправо отъ Ра-

дищева, ближе къ правой колоннѣ генерала Вельямина, и потомъ дѣйствовать на непріятельскія укрѣпленія, лежавшія противъ правой колонны и тѣмъ облегчить ей атаку. Къ несчастію, по свойствамъ мѣстности, этого нельзя уже было ожидать при самомъ началѣ дѣла.

Какъ бы тамъ ни было, а войска праваго отряда, генерала Вельямина, чтобы поддержать наступленіе князя Шаховскаго, должны были начать атаку страшнаго Гривицкаго редута.

Въ 2 часа 40 минутъ пополудни генераль Криднеръ отдалъ приказаніе генералу Вельямину перейти въ наступленіе. Атака правымъ отрядомъ ведена была съ двухъ сторонъ: съ правой — генераломъ Бѣлокопытовымъ, съ Пензенскимъ полкомъ и двумя батальонами Козловскаго полка; съ лѣвой — самимъ генераломъ Вельяминовымъ, съ однимъ батальономъ Козловскаго полка и Тамбовскимъ полкомъ. Въ резервъ къ нимъ были назначены Вологодскій, Архангелогородскій и Галицкій полки, подъ начальствомъ генерала Шильдербъ-Шульднера.

Общій резервъ, состоявшій изъ Коломенскаго и Серпуховскаго полковъ и четырехъ эскадроновъ кавалеріи, помѣщался къ востоку отъ Гривицы, немного лѣвѣе праваго отряда.

Въ началѣ четвертаго часа по-полудни войска двинулись впередъ для атаки. Генераль Криднеръ со своимъ штабомъ пробирался верхомъ между проходившими колоннами. Артиллерійскій огонь снова усилился; непріятельскія гранаты начали падать вокругъ и подлѣ солдатъ и рядомъ со штабомъ самого Криднера.

Вотъ, направо, Пензенцы уже спустились въ лощину, проходя поротно, имѣя впереди стрѣлковыя цѣпи. Дружно и стройно двигались войска противъ непріятельскихъ укрѣпленій, состоявшихъ изъ заваловъ и ложементовъ въ нѣсколько рядовъ, за которыми расположены были массы турецкой пѣхоты, а еще дальше, впереди, на высотѣ, какъ на ладони, виднѣлся грозный редутъ, посылавшій на встрѣчу тучи снарядовъ. Чаше и чаше начали шипѣть въ воздухѣ турецкія гранаты; онѣ хлопались о деревья, ударялись о землю, поднимая направо и налѣво столбы пыли. По мѣрѣ того, какъ войска наши показывались и входили въ лощину, открывалась и ружейная стрѣльба съ редута и изъ-за всѣхъ заваловъ и

ложементовъ. А когда Пензенцы пошли на штурмъ самыхъ укрѣпленій, ружейный огонь сталъ еще яростнѣе; турки начали стрѣлять съ какимъ-то ожесточеніемъ, залпами, и, наконецъ, огонь ихъ обратился въ ужасающую непрерывную трескотню, уподоблявшуюся гигантской трещоткѣ. Но Пензенцы, не смотря на страшный огонь, продолжали безостановочно движеніе впередъ, теряя на каждомъ шагу ранеными и убитыми. Приблизившись къ турецкимъ батареямъ и закрытіямъ, шедшій впереди 1-й батальонъ Пензенцевъ бросился въ атаку и ударомъ въ штыки выбилъ турокъ изъ перваго ряда ложементовъ; онъ уже бросился на второй рядъ, но тутъ, встрѣченный турецкими резервами, долженъ былъ остановиться. 2-й батальонъ Пензенцевъ, шедшій лѣвѣе, ударилъ съ такою же стремительностью на другой рядъ непріятельскихъ окоповъ, и, опрокинувъ турокъ въ оврагъ, бросился за ними по пятамъ и быстро достигъ противоположнаго ската, на вершинѣ котораго чернѣлись зловѣщія стѣны чудовищнаго редута, изрыгавшаго пламя и смерть. Подъемъ къ редуту, подъ адскимъ огнемъ, былъ невообразимо труденъ; не смотря на это, 5-я и 7-я линейныя роты Пензенцевъ, имѣя во главѣ батальоннаго командира, маіора Ковалевскаго, и поручика Амосова, взобрались наверхъ и, выбивъ турокъ изъ траншей, утвердились въ нихъ. Вслѣдъ затѣмъ маіоръ Ковалевскій съ частью стрѣлковъ и всею 7-ю ротою неустрашимо бросился впередъ, въ самый редутъ, на валъ. Столбы дыма и пыли застлали на мгновеніе горизонтъ. Трудно было видѣть дѣйствовавшихъ около редута. Когда немного прояснилось и можно было рассмотреть, то уже Ковалевскаго, съ его героями, не было: всѣ они были изрублены ятаганами.

Не имѣли также успѣха и остальные два батальона Пензенцевъ, съ невыразимымъ пыломъ бросавшіеся на противника. Они на четверенькахъ карабкались по отвѣсному скату вала и, достигнувъ его гребня, кучами падали оттуда внизъ, такъ какъ ружейный огонь турецкой пѣхоты, занимавшей два яруса ложементовъ съ обѣихъ сторонъ редута, положительно сметалъ людей съ вершины вала. Не смотря на этотъ адъ, Пензенцы продолжали взбираться на редутъ. Неустрашимость ихъ, казалось, росла по мѣрѣ того, какъ опасность положенія ихъ увеличивалась, и гибли они десятками и сотнями. Наконецъ,

потерявъ 29 офицеровъ и 1006 нижнихъ чиновъ, т. е. больше половины своихъ офицеровъ и больше одной трети солдатъ, Пензенцы должны были приостановиться. Огромный уронъ, понесенный ими, наглядно свидѣтельствовалъ объ ихъ упорствѣ и храбрости.

За Пензенцами пошли Козловцы. Они ближе и ближе подступали цѣпью къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Доблестный командиръ Козловскаго полка, полковникъ Степановъ, довелъ ихъ вплотъ до самого редута, спустился въ ровъ и тутъ палъ, сраженный тремя пулями, и былъ вынесенъ замертво изъ адскаго огня на перевязочный пунктъ. Озлобленные Козловцы съ ожесточеніемъ бросились на редутъ; но, поражаемые убійственнымъ огнемъ съ фронта и съ фланговъ, они никакъ не могли взобраться на валъ. Всѣ атаки храбрыхъ Козловцевъ не увѣнчались успѣхомъ, и они, не будучи въ силахъ взять редутъ, засѣли кругомъ его, въ ложементахъ и въ самомъ рву, перестрѣливаясь съ турками въ упоръ, но ужъ отступать не хотѣли.

За Козловцами пошли Тамбовцы. Непритель встрѣтилъ ихъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ; но роты шли въ полномъ порядкѣ, сохраняя даже равненіе. „Какъ отважно выступаетъ полкъ!“ воскликнулъ слѣдившій за ходомъ сраженія корреспондентъ аугсбургской „Нѣмецкой Газеты“, капитанъ фонъ-Маре. „Но... это — превосходно!“ ... продолжалъ онъ, жадно впиваясь глазами въ свой бинокль. Капитанъ - нѣмецъ созвался потомъ рядомъ съ нимъ стоявшему корреспонденту, что русскій солдатъ выше нѣмецкаго, такъ какъ послѣдній, идя въ атаку, постоянно смотритъ на своихъ офицеровъ, между тѣмъ какъ наши солдаты зачастую идутъ, какъ они сами говорятъ, „размышляя солдатскою головою“. По мѣрѣ приближенія Тамбовцевъ къ непріятелю, огонь все усиливался и, наконецъ, сдѣлался до такой степени невыносимъ, что полкъ просто не могъ двинуться съ мѣста. Ряды его быстро таяли, какъ вѣшній снѣгъ подъ лучами знойнаго солнца. Люди падали такими массами, что груды убитыхъ и раненыхъ положительно затрудняли движеніе впередъ. Полкъ вынужденъ былъ приостановиться. Видя, что Козловцы находятся во рву, и турки не даютъ имъ вылѣзть изъ него, Там-

III вып.

бовцы залегли за холмъ и открыли отсюда огонь по непріятелю залпами.

За Тамбовцами началъ подвигаться оставшійся въ резервѣ послѣдній (1-й) батальонъ Козловцевъ; онъ также не могъ дойти дальше холма, выдвинулся влѣво, расположился за его скатомъ и, по примѣру Тамбовцевъ, открылъ огонь по редуту залпами. Съ этой позиціи Козловцы повторили атаку съ отчаяннымъ мужествомъ, но безуспѣшно.

Орудія наши, по мѣрѣ движенія пѣхоты, также подавались побатарейно впередъ и, дѣйствуя по редуту картечными гранатами, старались облегчить пѣхотѣ атаку. Но и это не подвигало дѣла впередъ.

Наконецъ двинулись одинъ за другимъ резервные полки: Вологодскій, Архангелогородскій и Галицкій. Крайне пересѣченная мѣстность сильно затрудняла наступленіе. Вологодцы, подъ командою самого Шильдеръ-Шульднера, перейдя лощину подъ сильнѣйшимъ огнемъ, спустились влѣво въ балку и, вмѣстѣ съ подоспѣвшими двумя батальонами Архангелогородцевъ, стали подниматься на противоположный скатъ, густо занятый непріятельскою пѣхотою. Выбивая турокъ огнемъ и частью штыками, полки заняли гребень и, затѣмъ, съ крикомъ „ура“, бросились на непріятельскіе ложементы и, занявъ ихъ, продолжали двигаться далѣе, на высоту, гдѣ находился редутъ. Во время этой атаки Вологодцы ясно слышали со стороны противника обращенныя къ нимъ ругательства порусски; а когда у одной роты Архангелогородскаго полка не хватило патроновъ и, въ ожиданіи ихъ подвоза, она была вынуждена не отвѣчать нѣкоторое время на непріятельскіе выстрѣлы, изъ-за заваловъ противника послышался вдругъ голосъ, обратившійся къ нимъ на русскомъ языкѣ: „Что братцы, патроновъ не хватило? Идите до насъ, мы вамъ дадимъ сколько хотите!“ Командиръ Архангелогородскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Шлиттеръ, собравъ и привелъ въ порядокъ разстроенныя боемъ части своего и Вологодскаго полковъ, со словами: „братцы, впередъ!“ бросился снова къ редуту и этимъ увлекъ за собою солдатъ. Но и эта атака, какъ и предъидущія, тоже не удалась.

Галицкій полкъ сначала расположился сѣвернѣе деревни Гривицы, въ лощинѣ, а потомъ, при даль-

нѣйшемъ движеніи впередъ, какъ и предъидущіе полки, увлеченъ былъ боемъ около редута съ юго-востока.

Такимъ образомъ, часамъ къ шести вечера, уже весь нашъ правый флангъ былъ въ огнѣ. Частный резервъ его былъ израсходованъ до послѣдняго солдата. Въ общемъ резервъ генерала Криденера оставалось также не болѣе половины войскъ. Коломенскій полкъ былъ отправленъ, по просьбѣ князя Шаховскаго, на подкрѣпленіе лѣвому отряду; оставался въ резервѣ, на всю боевую линію, только одинъ Серпуховскій полкъ и три эскадрона кавалеріи съ четырьмя конными орудіями... Но и этотъ остатокъ вскорѣ пришлось ввести въ дѣло. Получивъ донесеніе, что крайній правый флангъ подается назадъ, генералъ Криденеръ направилъ къ нему одинъ батальонъ Серпуховскаго полка и одинъ эскадронъ драгунъ съ двумя конными орудіями. Эти части своевременно поддержали отступавшихъ, и правый флангъ снова подался впередъ.

Время подходило къ закату, и такъ какъ участь боя, главнымъ образомъ, зависѣла отъ взятія редута, то генералъ Криденеръ послалъ на поддержку атакующихъ еще двѣ роты Серпуховцевъ съ двумя конными орудіями. Съ прибытіемъ этихъ частей вновь загорѣлся бой; но, встрѣченныя трехъяруснымъ огнемъ, атаки были безуспѣшны... Тогда Криденеръ сдѣлалъ послѣднюю попытку и послалъ еще три роты того же полка, начальство надъ которыми принялъ лично самъ командиръ бригады, генералъ-маіоръ Божеряновъ.

„Я велъ 5 роту“, рассказывалъ послѣ раненій въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ капитанъ Серпуховскаго полка Буткевичъ: „Со стороны непріятеля мы были встрѣчены такимъ усиленнымъ огнемъ, которому нельзя дать другаго, болѣе точнаго названія, какъ градъ изъ пуль и ядеръ. Хотя кукуруза значительно прикрывала насъ отъ болѣе цѣльныхъ выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе число моихъ героевъ убывало ежеминутно. Мы всѣ убѣждены, что редутъ непремѣнно долженъ быть взятъ нами, и быстро двигаемся впередъ подъ звуки рожка горниста, играющаго наступленіе. Вотъ уже и цѣль нашего стремленія недалеко. Вдругъ пуля, попавшая мнѣ выше колѣна, заставляетъ меня нѣсколько убавить шагъ; но редутъ на глазахъ, и мы продолжаемъ идти. Вотъ уже мы въ 150 или 200

шагахъ отъ редута, какъ вторая пуля, въ бедро, заставляетъ меня упасть. Не позволивъ поднимать себя, я, передавъ команду единственному оставшемуся въ ротѣ изъ всѣхъ офицеровъ роты, прапорщику Разсолину, приказалъ людямъ идти далѣе. Съ замираніемъ сердца жду съ непріятельскаго редута нашего „ура“, но увы! вотъ уже и рожокъ горниста замолчалъ, а съ трепетомъ ожидаемаго „ура“ не слышно. Атака не удалась... Чтобы воспользоваться еще не совсемъ истощенными силами, я принялся отползывать на рукахъ отъ непріятельскаго редута, но осколокъ гранаты, вновь попавшій въ раненую уже ногу, еще болѣе замедлилъ мое движеніе. Не смотря ни на раны, ни на контузію, чувство самосохраненія беретъ верхъ, и я все-таки продолжалъ двигаться. Наконецъ, отъ большой потери крови, силы измѣнились, и я хотѣлъ уже отдать себя на волю Всевышняго, какъ вдругъ возвращавшійся изъ неудачной атаки солдатъ, замѣтивъ меня, приближается и послѣ вопроса: „ранены, ваше благородіе?“ начинаетъ поддерживать и пособлять мнѣ двигаться. Хотя атака наша была отражена, но градъ пуль продолжаетъ осыпая меня и моего пособника, а силы, между тѣмъ, совершенно отказались служить для движенія даже и при помощи этого добраго солдата. Видя бесполезность нашихъ усилій, я обратился къ нему и, совѣтуя не терять бесполезно своей жизни, прошу оставить меня. „Нѣтъ, ваше благородіе, большой грѣхъ оставить васъ; хотъ сейчасъ и мнѣ умѣреть, а я васъ не оставлю“, и, пригнувшись въ кукурузу, началъ высматривать себѣ помощника. Къ счастью, имъ былъ замѣченъ и позванъ другой солдатъ. Усѣвшись на ружье и ухвативъ моихъ спасителей, я былъ доставленъ ими до санитаровъ нашего полка“

Такимъ образомъ, не смотря на неустрашимость начальниковъ и честное выполненіе долга солдатами, страшный огонь съ редута остановилъ наступленіе Серпуховцевъ. Самъ командиръ бригады, генералъ Божеряновъ, былъ раненъ въ 100 шагахъ не доходя редута...

Теперь уже не только весь правый флангъ и его частный резервъ, но и весь почти общій резервъ были въ огнѣ. Одна часть солдатъ сидѣла вокругъ редута, во рву и ложементахъ, продолжая перестрѣливаться съ турками, а другая часть войскъ залегла за холмами и стрѣляла по редуту залпами... Въ

Походный госпиталь.

общемъ резервъ оставался только одинъ батальонъ Серпуховцевъ и эскадронъ уланъ...

Уже смеркалось, и сдѣлалось совершенно темно, а выстрѣлы и отчаянные крики „ура“ еще раздавались близъ редута, служа какъ-бы доказательствомъ рѣшимости войскъ овладѣть главнымъ пунктомъ позиціи и смежными укрѣпленіями. Повременамъ казалось, когда стрѣльба затихала и какъ-бы удалялась и крики замирали, можно было думать, что редутъ въ нашихъ рукахъ... но снова усиленная канонада, отчаянная перестрѣлка и залповый огонь убѣждали въ противномъ...

Это были страшныя минуты! Особенно тяжелыя сцены происходили въ это время на нашемъ перевязочномъ пунктѣ. Вотъ какую картину рисуетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ врачей: „Работа кипѣла непрерывно, — говоритъ онъ: — никто изъ врачей не чувствовалъ физической усталости. У каждаго было лишь одно стремленіе — перевязать какъ можно большее число раненыхъ, уменьшить страданія согнанныхъ жертвъ. Какъ ни быстро шла наша работа, еще быстрѣ летѣло время. Солнце стало садиться; наступили сумерки. Здѣсь и тамъ кричатъ: „огня, фонарей!“ Руки санитаровъ заняты переноскою раненыхъ съ поля сраженія. Фельдшера перевязываютъ; сестры торопливо перебѣгаютъ отъ одного къ другому раненому, кого изъ нихъ напоить, кому перевязку наложить или впрыскиваютъ подъ кожу морфій, а тамъ и врачу помогаютъ при операціяхъ. Между тѣмъ, въ палаткѣ становится все темнѣе и темнѣе; а вотъ ужъ и ночь наступила. „Свѣта, свѣта!“ повторяютъ голоса работающихъ. Принесли по одному фонарю на палатку; недостатокъ свѣта замедлялъ работу. Я вышелъ изъ палатки вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Но, о, ужасъ! Вокругъ каждой палатки масса тяжело раненыхъ покрываетъ поле; не пройти въ сосѣдную палатку безъ того, чтобы не задѣть когонибудь изъ несчастныхъ страдальцевъ. — „Ваше благородіе, водицы“... — „Ваше благородіе, поглядите, я кровью истекаю“ Признаюсь, у меня и руки опустились, — сердце замирало; а въ ушахъ звенитъ адскій шумъ выстрѣловъ. Я сталъ на мгновеніе прислушиваться — и звуки становятся все яснѣе и яснѣе... „Тамъ, ваше благородіе, англичане орудуютъ“, замѣтилъ раненый, только-что прибывшій съ поля сраженія, „я самъ видѣлъ одного съ рыжей бородой въ англійской шал-

кѣ между красными фесками“ „Богъ не безъ помощи — бой еще не къ концу“

Оставимъ дѣла на правомъ флангѣ пока въ этомъ положеніи и послѣдуемъ за наступательнымъ движеніемъ лѣваго отряда князя Шаховскаго.

Лѣвый отрядъ, какъ мы уже знаемъ, занималъ позицію, съ 40 орудіями, восточнѣе деревни Радищево, на высотахъ, и во время артиллерійскаго боя успѣлъ уже близко придвинуться къ непріятелю, имѣя впереди полки Рыльскій и Курскій, подъ командою генераль-маіора Горшкова, а въ резервъ — Шуйскій и Ярославскій остановившіеся нѣсколько позади, не доходя Радищева.

Занявъ гребень радищевскихъ высотъ, лѣвый отрядъ имѣлъ передъ собою впереди, къ сторонѣ Плевны, другой рядъ высотъ, склоны которыхъ, обращенные къ нашей сторонѣ, опоясывались нѣсколькими рядами ложементовъ и траншей, занятыхъ массами непріятельской пѣхоты. Самый гребень непріятельскихъ высотъ былъ увѣнчанъ четырьмя батареями, т. е. земляными насыпями, вооруженными пушками. Непосредственно передъ этими батареями, на томъ же склонѣ высотъ, расположена была какая-то деревушка, а дальше, за батареями, по гребнямъ новыхъ высотъ, тянулись еще и еще окопы, вплоть до котловины, изъ которой поднимались верхушки колоколенъ и минаретовъ Плевны...

Вообще всѣ непріятельскія укрѣпленія были отлично примѣнены къ мѣстности, которая уже сама по себѣ представляла труднопроходимыя препятствія. Къ тому же, долина, которая вела съ нашей высоты къ непріятельской позиціи, не представляла никакихъ закрытій и вполне обстрѣливалась, какъ ружейнымъ огнемъ изъ всѣхъ ложементовъ и траншей съ откоса непріятельской высоты, такъ и артиллерійскимъ огнемъ четырехъ турецкихъ батарей съ гребня высотъ...

Къ концу артиллерійскаго боя на нашемъ лѣвомъ флангѣ выяснилось окончательно, что предметомъ дѣйствій лѣваго отряда князя Шаховскаго долженъ быть обходъ слѣва первой линіи турецкихъ укрѣпленій, а потомъ самый городъ Плевна. Такимъ образомъ, сразу опредѣлилось, что отрядъ не можетъ, при своемъ наступленіи, забирать вправо и тѣмъ содѣйствовать успѣху правой колонны генерала Вельяминова, атаковавшей Гривицкій редутъ. Оба отряда,

такимъ образомъ, предоставлены были каждый своей участи и вынуждены были дѣйствовать почти самостоятельно...

Въ 2¹/₂ часа по-полудни князь Шаховскій, какъ уже сказано было выше, считая атаку достаточно подготовленной артиллерійскимъ огнемъ и получивъ свѣдѣнія съ своего лѣваго крыла, что генераль Скобелевъ удерживаетъ противъ себя турокъ и можетъ содѣйствовать общей атакѣ, окончательно рѣшился перейти въ наступленіе, о чемъ и извѣстилъ, генерала Криденера.

Командовавшій передовыми частями лѣваго отряда, полками Рыльскимъ и Курскимъ, генераль-майоръ Горшковъ тотчасъ же усилилъ огонь своихъ батарей, чтобы облегчить пѣхотѣ атаку. На склонѣ холма, позади батарей, гдѣ помѣщался его отрядъ, падали и лопались турецкія гранаты, но среди этого треска можно было ясно слышать голосъ генерала, отдававшего приказанія и приготавливавшего людей въ атаку, — и надо было видѣть, съ какимъ спокойствіемъ и увѣренностью этотъ храбрый генераль отдавалъ свои приказанія! Небольшаго роста, коренастый, на крѣпкихъ ногахъ, съ живою и простою рѣчью, въ которой, какъ и въ его движеніяхъ, чувствовалась энергія, онъ расхаживалъ по склону холма, не обращая никакого вниманія на летавшія и лопавшіяся вокругъ него турецкія гранаты. Около трехъ часовъ по-полудни генераль Горшковъ развернулъ фронтъ Рыльского и Курскаго полковъ, построилъ ихъ и двинулъ въ атаку. Приказаніе это было встрѣчено радостными криками, ибо пѣхота съ нетерпѣніемъ переносила свое бездѣйствіе. Длинная линія войскъ, имѣя стрѣлковъ впереди, бодро пошла впередъ, спускаясь съ нашей высоты, черезъ лѣсокъ, въ долину, отдѣлявшую насъ отъ непріятеля. Турецкія гранаты то и дѣло попадали въ ряды и вырывали многихъ изъ нихъ. Не смотря на это, войска сохраняли свой строй, въ какомъ двинулись съ мѣста, и продолжали наступать правильной линіей. Генераль Горшковъ ѣхалъ все время впереди частей. Рассказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ граната упала прямо у морды лошади генерала. Лошадь нюхаетъ. „Ваше превосходительство, граната!“ кричатъ солдаты, и остановились. „А вамъ что за дѣло? отвѣчалъ Горшковъ: у меня нѣсколько тысячъ доходу въ годъ, домъ въ Петербургѣ, стало быть есть о чемъ пожалѣть, а

вотъ я не бѣгу отъ непріятеля. А вы что? У васъ, кромѣ блохъ, ничего нѣтъ. Маршъ впередъ! — и солдаты продолжали наступленіе. Выйдя изъ кустовъ, стрѣлки были встрѣчены сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ въ ложементахъ и глубокихъ траншеяхъ по всему склону противоположныхъ высотъ. Строй нашихъ войскъ, отъ нетерпѣливаго порыва впередъ однихъ и отставанія другихъ, вырванныхъ изъ шеренги непріятельскими снарядами, сталъ мало по малу терять свою правильность; тѣмъ не менѣе все, что держалось на ногахъ, быстро подвигалось впередъ. Всѣ солдаты видимо горѣли нетерпѣніемъ схватиться со врагомъ, который осыпалъ ихъ пулями, сидя тамъ, впереди, подъ прикрытіемъ траншей. Вотъ вся линія нашей пѣхоты дала первый ружейный залпъ; затѣмъ шеренги продолжали свое наступленіе нѣсколько изогнутою линіей. Вотъ они приблизились къ непріятельской позиціи. Ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ усилился, но звуки его заглушаются грохотомъ усилившейся пальбы изъ орудій съ нашихъ и непріятельскихъ высотъ. Зарядные ящики скачутъ къ орудіямъ, подвозя для нихъ новую пищу. Пушки удваиваютъ число своихъ залповъ. Наша цѣпь стрѣлковъ сгущается. Крики „ура“ атакующихъ разносятся по долинѣ и заставляютъ кровь быстрѣе обращаться въ жилахъ. Тамъ, слѣва, загорѣлась какая-то деревня. Боевое возбужденіе достигло высшей степени своего напряженія. Убитые и раненые виднѣются въ долинѣ, разсыпанные по всему маисовому полю; но волны живыхъ постоянно подвигаются мимо нихъ. Наши храбрые артиллеристы на всемъ гребнѣ радищевскихъ высотъ бодро продолжаютъ свое дѣло. Турецкія батареи, осыпаемые нашими гранатами, по временамъ умолкаютъ. Разрозненные ряды нашихъ передовыхъ стрѣлковъ сдвигаются ближе. Офицеры, махая обнаженными саблями, собираютъ людей въ болѣе густыя колонны. Между ними и непріятелемъ разстояніе всего во сто сажень. Предводимые командиромъ Курскаго полка, полковникомъ Ракуза, солдаты неистово бросаются впередъ. Турки за своими ложементами держатся стойко и ихъ ружейные залпы производятъ страшное опустошеніе въ рядахъ наступающихъ. Лошадь полковника Ракуза падаетъ, но самъ онъ черезъ минуту опять на ногахъ и, махая саблей, пѣшкомъ ведетъ своихъ людей впередъ. Вдругъ послышались

бѣшеные крики, съ которыми его солдаты бросаются впередъ съ ружьями наперевѣсъ. Въ мигъ они перескочили черезъ рвы окоповъ и очутились среди турокъ. Немногіе изъ враговъ уцѣлѣли въ этихъ ложементахъ подъ русскимъ штыкомъ.

Первая линія непріятельскихъ окоповъ была въ нашихъ рукахъ. Турки засѣли выше по склону горы, въ траншеяхъ. Отсюда они открыли по насъ снова убійственный непрерывный огонь. Трескотня выстрѣловъ была ужасная; можно было подумать, что турки стрѣляютъ изъ непрерывнаго ряда картечицъ. Но наши солдаты не охотники до ружейной перестрѣлки; они не любятъ закрытій и предпочитаютъ стрѣлять на свободѣ; они и не подумали воспользоваться занятыми ими ложементами, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ обстрѣлять слѣдующую позицію непріятеля, а перескочили черезъ рвы и двинулись нестройными рядами по открытому склону возвышенности прямо къ траншеямъ. Мѣстами они останавливались, такъ какъ огонь турокъ дѣйствовалъ убійственно и склонъ горы былъ усѣянъ тѣлами. Но, не смотря на страшный огонь и огромныя потери, большинство стремительно подавалось впередъ. Прошло около получаса, прежде чѣмъ Курцы и Рыльцы отъ передовыхъ ложементовъ достигли линіи турецкихъ траншей. На этотъ разъ турки, не дожидаясь атаки штыкомъ, дали послѣдній залпъ по наступавшимъ и толпами бѣжали вверхъ по склону, чрезъ сады и виноградники, подъ прикрытіе своихъ батарей, расположенныхъ на самомъ гребнѣ высотъ.

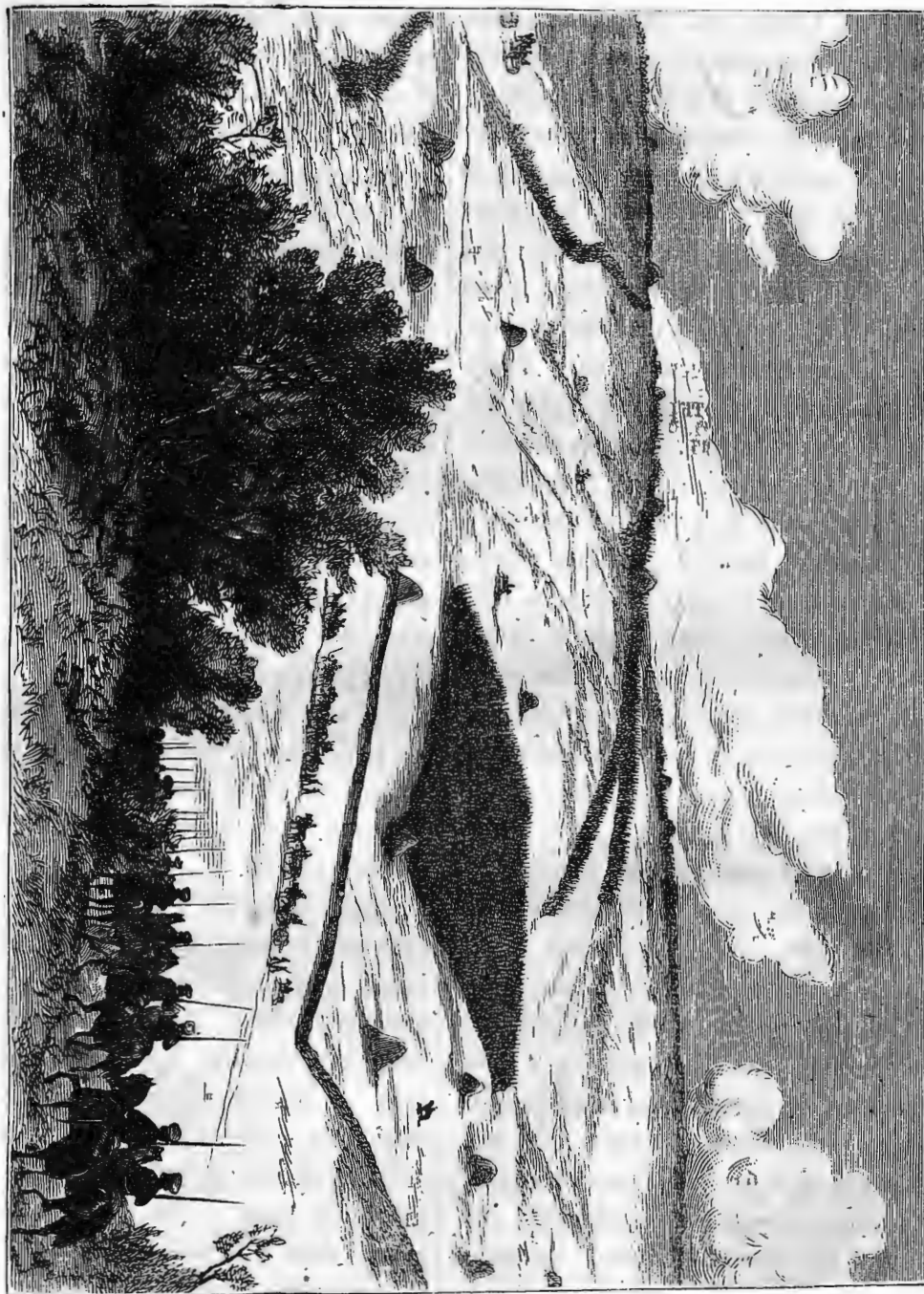
Такимъ образомъ, весь склонъ возвышенности перешелъ въ наши руки. Но турки бѣшено сопротивлялись. Ихъ оказалось больше, нежели можно было ожидать на томъ гребнѣ высотъ, который былъ занятъ ихъ батареями. Линія ложементовъ и траншей была игрушкой въ сравненіи съ послѣдней позиціей. Тѣмъ не менѣе войска рѣшились идти впередъ. Турки открыли съ батарей невообразимо сильный огонь въ упоръ наступавшимъ войскамъ; кромѣ того, съ одной изъ боковыхъ батарей, картечный огонь поражалъ Курцевъ и Рыльцевъ во флангъ, а турецкіе стрѣлки, густо занявшіе виноградники, по обѣимъ сторонамъ ската горы, стрѣляли съ боковъ и отчасти въ тылъ нашимъ храбрецамъ. Ужасная трескотня выстрѣловъ продолжалась непрерывно. Первый натискъ нашихъ оказался выше ихъ силъ.

Пришлось нѣсколько разъ повторить наступленіе. Во время этой славной атаки всѣ солдаты и командиры вели себя истинными героями. Начальникъ бригады, генералъ Горшковъ, находился постоянно въ огнѣ и съ поразительнымъ хладнокровіемъ распоряжался въ этомъ критическомъ положеніи дѣйствіями войскъ, по временамъ выѣзжая въ цѣпь, для воодушевленія людей. Подъ командиромъ Курскаго полка, полковникомъ Ракуза, убито было двѣ лошади; но онъ ни на минуту не покидалъ боя, хладнокровно распоряжаясь въ самомъ страшномъ огнѣ. Командующій Рыльскимъ полкомъ, подполковникъ Каменоградскій, контуженный и получившій рану, продолжалъ руководить полкомъ, оставаясь все время въ строю. Вотъ кучка русскихъ командировъ верхами отъѣзжаетъ за ограду виноградника и хладнокровно наблюдаетъ отсюда за движеніемъ нашихъ и турецкихъ войскъ. Вотъ командиры снова за чѣмъ-то подъѣзжаютъ къ своимъ полкамъ и вскорѣ возвращаются. Вдругъ весь склонъ горы закутывается бѣлымъ дымомъ, сквозь который виднѣются только черныя фигуры движущихся людей. Толпы солдатъ бѣгутъ по зелени виноградниковъ. Они направляются съ двухъ сторонъ къ одной изъ среднихъ непріятельскихъ батарей. Турецкіе снаряды съ большою мѣткостью поражаютъ ихъ. Но Рыльцы уже достигли батареи. Вотъ они показались съ двухъ сторонъ ея, бросились внутрь батареи и, послѣ ожесточеннаго рукопашнаго боя, овладѣли укрѣпленіемъ, захвативъ въ немъ два турецкихъ орудія.

Атака Курскаго полка на слѣдующую батарею была еще труднѣе... Пространство передъ батареей не имѣла вовсе закрытій, а непосредственно за валомъ этого укрѣпленія внезапно выросли передъ рядами нашихъ храбрецовъ сплошныя линіи турецкой пѣхоты, открывшія противъ нашихъ изъ-за вала, съ разстоянія 200—300 шаговъ, невѣроятной силы огонь. Началась настоящая бойня, въ полномъ смыслѣ этого слова... Отъ однихъ разказовъ участниковъ этого дѣла волосы становятся дыбомъ. Нельзя найти словъ, чтобы изобразить эту страшную картину самаго отчаяннаго огня, буквально осыпавшаго нашихъ храбрецовъ со всѣхъ сторонъ... Этотъ адскій огонь могъ переносить только твердый, стойкій и непоколебимый русскій солдатъ! Не смотря на страшный огонь, правый флангъ Курскаго полка

съ ротами Рыльского полка, опираясь на занятую Рыльцами батарею, началъ подаваться впередъ; лѣвый же флангъ Курекаго полка задержался, будучи остановленъ сильнѣйшимъ напоромъ турокъ. Люди нѣсколько времени стояли на одномъ мѣстѣ.

Движеніе впередъ загнулось. Это самый опасный моментъ въ битвѣ, когда войска внезапно останавливаются и, въ минутномъ оцѣпененіи, стрѣляютъ зря. Но князь Шаховскій, внимательно слѣдившій все время за ходомъ дѣла съ радищевскихъ высотъ, вѣрно

Атака отряда князя Шаховскаго.

понялъ опасность. Какъ разъ въ эту минуту онъ выдвинулъ впередъ наши батареи и, въ то же время, направилъ изъ резерва прямо въ бой 1-й батальонъ Шуйскаго полка, съ его храбрымъ команди-

ромъ, полковникомъ Каульбарсомъ, во главѣ. Приливъ свѣжихъ силъ сказался сразу. Колеблющіеся ряды разомъ двинулись впередъ. Но въ то же время и турки въ своихъ окопахъ получили подкрѣпле-

ня. И вскорѣ батальонъ Шуйскаго полка, попавъ неожиданно подъ убійственный перекрестный огонь, нѣсколько замаялся; но, благодаря необыкновенной энергіи и личной храбрости своего командира, полковника Каульбарса, Шуйцы скоро оправились. Этотъ отчаянный воинъ совершалъ чудеса храбрости. Летая постоянно верхомъ на лошади передъ вѣрными ему полкомъ, Каульбарсъ, какъ левъ, рвался впередъ, ободрялъ солдатъ и велъ ихъ на непріятельскіе окопы подъ самымъ страшнымъ огнемъ. Раненый въ самомъ началѣ, сперва въ ногу, а потомъ въ лѣвую руку, Каульбарсъ все-таки не слѣзая съ лошади и продолжалъ распоряжаться огнемъ и атакою. Вскорѣ третья пуля ранила его въ ту же руку—отъ сотрясенія онъ падаетъ. Оправившись садится снова на лошадь... лошадь убиваютъ. Солдаты кладутъ его на носилки и несутъ назадъ. Слѣдуетъ свистъ гранаты, снарядъ разрывается около и осколкомъ сноситъ Каульбарсу часть живота. „Идите въ бой... берите другихъ... мнѣ все равно умирать!“ проговорилъ онъ. Носильщики все-таки несутъ его далѣе. „Стой! приподымается полковникъ... я вамъ приказываю! Опустите носилки. Положите меня на землю. Вотъ такъ. Ну, теперь маршъ въ бой!“ Около него остается адъютантъ. „Ну, юноша, прощайте! Поверните мнѣ лицо къ непріятелю. Дайте въ руки вашъ револьверъ. Спасибо... теперь даромъ не отдамъ свою жизнь. Отправляйтесь въ дѣло!“ Затѣмъ, положивъ деньги, револьверъ и платокъ около, Каульбарсъ полузакрывъ глаза отъ боли.

Многіе изъ ротныхъ командировъ были тоже убиты, другіе ранены. Тѣмъ не менѣе люди шли все впередъ и впередъ, ко второй батарее. Турки, наконецъ, вышли изъ нея и батарея нѣкоторое время была совсѣмъ пуста. Горячее дѣло кипѣло по обѣимъ сторонамъ ея; но около 4 часовъ пополудни и вторая батарея была взята.

Что было дальше—никто, кажется, не могъ и разобрать хорошенько. Адскій огонь турокъ продолжался непрерывно изъ новыхъ окоповъ; кромѣ того, они открыли убійственный артиллерійскій огонь съ остальныхъ своихъ двухъ батарей. Дальше вышались сильный редутъ, защищенный нѣсколькими рядами новыхъ окоповъ. Укрѣпленія непріятельскія, казалось, изъ земли выростали. Ружейная

трескотня раздавалась безпрестанно со всѣхъ сторонъ,—и если дымки отъ ружейнаго огня, поднимавшіеся непрерывною нитью надъ линіей турецкихъ окоповъ, разсѣвались съ занятіемъ окопа нашими войсками въ одномъ мѣстѣ, то только для того, чтобы показать другой рядъ дымокъ, надъ другой линіей окоповъ. Такова была вторая позиція турокъ! Штурмъ всѣхъ этихъ укрѣпленій невозможно передать въ сколько нибудь послѣдовательномъ изложеніи. Здѣсь происходилъ настоящій хаосъ! Можно было только замѣтить, что наше наступательное движеніе приняло, въ это время, направленіе нѣсколько правымъ флангомъ впередъ. Однако же солдаты наши не терялись среди этого кромѣшнаго ада. Съ какимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ продолжали они дѣйствовать среди этой общей свалки лучше всего доказываетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ изъ рядовыхъ 7-й линейной роты Рыльскаго полка, въ то время, когда рота залегла въ виноградникахъ и вела съ непріятелемъ жаркую перестрѣлку, замѣтилъ впереди, на ближайшей плантаціи, что на жердяныхъ сушилкахъ висятъ связки табаку. Солдату вздумалось воспользоваться нѣсколькими изъ нихъ для собственнаго употребленія и угощенія товарищей. Онъ, подъ жестокимъ огнемъ, вышелъ изъ-за закрытія, подошелъ къ сушиламъ и началъ снимать связку; но едва успѣлъ снять одну, какъ вражеская пуля прорвала ему рукавъ. „Э, не позволяешь!.. Ну, такъ я и еще возьму!“ обратясь къ непріятельскому фронту, громко проговорилъ солдатъ и снялъ еще одну связку. Мимо него, какъ-бы въ отвѣтъ, просвистало еще нѣсколько пуль, очевидно въ него направленныхъ. „Все-еще сердиться? Ну, братъ, извини, а я для товарищей прихвачу ужъ и третью“ И прихватилъ, и принесъ въ ложементы даровое угощеніе. Вообще, что касается угощенія, то солдаты всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ частей находили въ непріятельскихъ ложементахъ, кромѣ боевыхъ снарядовъ, различные фрукты, арбузы, дыни... даже вино изрѣдка обрѣтали. Вообще, турки всѣмъ этимъ были снабжены въ изобиліи и при томъ предварительно и особо для каждой линіи ложементовъ, батарей и ровиковъ. Эти продукты для нашихъ солдатъ были весьма кстати, такъ какъ они цѣлыя сутки ничего не ѣли и не пили.

Какъ бы то ни было, а вторая позиція, подъ конецъ, была также взята. Но это стоило намъ страшныхъ усилій и огромныхъ потерь. Вдобавокъ къ этому, наши войска, благодаря сильному огню турецкихъ орудій съ новыхъ непріятельскихъ батарей, не могли извлечь пользы изъ взятой позиціи. Турки тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Тогда пустили въ дѣло резервную бригаду и приступили къ штурму позицій, непосредственно прикрывавшихъ Плевну. Атака эта началась часовъ въ 5 пополудни и продолжалась почти вплоть до заката солнца. Къ этому времени турки получили сильныя подкрѣпленія изъ Плевны и, расположившись за своимъ послѣднимъ рядомъ крытыхъ траншей, начали насѣдать на нашъ правый флангъ. Не смотря на самыя отчаянныя усилія нашихъ, съ турками рѣшительно ничего нельзя было подѣлать. Наши бросились въ штыки, но турки, всегда прежде избѣгавшіе рукопашнаго боя съ русскими солдатами, на этотъ разъ энергически выдержали напоръ и штыку отвѣчали штыкомъ въ смѣшавшихся крикахъ „Аллахъ“ и „ура“

Къ дѣлу былъ притянуть изъ резерва уже весь Шуйскій полкъ; въ резервѣ оставались только Ярославцы. Кромѣ того, послано было за подкрѣпленіемъ къ генералу Криденеру—въ общій резервъ, и тамъ, какъ мы уже знаемъ, обѣщали прислать Коломенскій полкъ. Наконецъ, для поддержки тѣснаго фланга, сущены были впередъ, въ самую долину, почти всѣ наши орудія. Этими мѣрами удалось отбросить противника отъ нашего праваго фланга; но, въ то же время, перевѣса здѣсь не оказывалось ни на той, ни на другой сторонѣ. Однѣ части отступали, другія подавались впередъ.

Среди этой сумятицы, пѣхота наша, бывшая на лѣвомъ флангѣ князя Шаховскаго, въ числѣ около двухъ ротъ Курскаго полка, подъ командою самого генерала Горшкова, пробралась между двумя высотами тученицкаго оврага подъ самый городъ Плевну и заняла здѣсь мельницу. Какъ ни твердо держались турки, но присутствіе даже незначительныхъ силъ въ тылу ихъ укрѣпленій заставило Османа-пашу изъ предосторожности дать приказаніе готовить обозы къ отступленію. Но, въ то же время, турки выдвинули въ боевую линію свѣжія подкрѣпленія, и нашъ лѣвый флангъ, такъ дорого добыв-

шій здѣсь побѣду, принужденъ былъ оставить мельницу. Какъ ни опасна была для насъ эта позиція, соблазнъ занять ее снова былъ слишкомъ великъ. Курскія роты, не имѣя возможности подвинуться впередъ, не хотѣли отступать. Разъ за разомъ бросались они впередъ, и когда, утомленные до крайности, не были болѣе въ силахъ кидаться на врага, они останавливались на мѣстѣ и умирали подъ непріятельскими выстрѣлами, но все-таки не отступали. Векоръ на поддержку ихъ былъ въ введенъ въ бой изъ резерва 1-й батальонъ Ярославскаго полка. Снова нашъ лѣвый флангъ подался впередъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Горшкова, котораго довелъ отрядъ опять до мельницы, гдѣ и засѣли крѣпко двѣ роты Ярославцевъ.

Турки вновь вывели подкрѣпленія и съ обоихъ фланговъ начали обскакивать насъ небольшими частями кавалеріи.

Уже темнѣло... Лѣвый флангъ былъ подкрѣпленъ еще батальономъ Ярославскаго полка. На самый крайній лѣвый флангъ, почти въ упоръ и во флангъ турецкимъ массамъ, поставлены были 8 орудій. Въ то же время генераль Скобелевъ съ своимъ лѣвымъ боковымъ отрядомъ предпринялъ всѣми своими силами послѣднюю атаку къ Плевнѣ, — и генераль Горшковъ продолжалъ удерживаться въ мельницѣ и проникъ въ самыя предмѣстья города...

Перейдемъ теперь къ лѣвому отряду генерала Скобелева, котораго мы оставили съ его маленькимъ отрядомъ, еще до начала атаки, на возвышенности у деревни Кришино, къ югу отъ Плевны.

Какъ мы уже знаемъ, Скобелевъ остался здѣсь всего съ 7-ю сотнями кавказцевъ, однимъ батальономъ Курскаго полка и 16-ю орудіями; остальные 5 сотенъ его отряда содержали шкеты и разѣзды по всѣмъ направленіямъ отъ д. Кришино. Позиція передъ нимъ, къ сторонѣ Плевны, въ то время была еще не укрѣплена турками, но оборонялась сильнымъ отрядомъ непріятельской пѣхоты и кавалеріи.

Поручивъ обезпеченіе своего тыла со стороны Ловчи полковнику Тутолмину съ тремя сотнями Кавказцевъ и 12 орудіями, генераль Скобелевъ, съ остальными своими ничтожными силами—съ однимъ Курскимъ батальономъ, 4-мя сотнями Кавказцевъ и 4-мя пѣшими орудіями—рѣшился перейти въ наступленіе на превосходныя силы непріятеля, который

самъ не осмѣливался напасть на нашъ маленькій отрядъ...

Генералъ Скобелевъ своимъ вѣрнымъ и быстрымъ военнымъ глазомѣромъ сразу оцѣнилъ положеніе дѣлъ и выбралъ надлежащій образъ дѣйствій: онъ вознамѣрился не позволять непріятелю утвердиться на командующей высотѣ, расположенной къ югу отъ города. Занявъ эту высотку, непріятель могъ бы поражать во флангъ войска князя Шаховскаго. И дѣйствительно, только благодаря усиліямъ лѣваго боковаго отряда, войска князя Шаховскаго были обезпечены отъ крайне опасной атаки турокъ во флангъ, со стороны тученицкаго оврага.

Первоначально Скобелевъ выслалъ противъ многочисленнаго непріятеля всего одну стрѣлковую роту, одинъ взводъ линейной роты Курскаго полка, четыре пѣшихъ орудія и двѣ сотни Владикавказско Осетинскаго полка. Курская стрѣлковая рота съ пѣснями двинулась впередъ и, не взирая на жестокий непріятельскій огонь, дошла до командующей высоты, послѣдней передъ городомъ Плевной, и, занявъ ее, подъ перекрестнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, бросилась на турокъ въ штыки. Въ то же время двѣ сотни Кавказцевъ ударили на непріятеля съ лѣваго фланга въ шашки. Турецкая кавалерія наскочила-было на нихъ, но была отброшена. Послѣ того башибузуки возобновляли попытку атаковать казаковъ нѣсколько разъ, но каждый разъ были отражаемы и преслѣдуемы. Между тѣмъ, четыре нашихъ орудія, подъ командою поручика Прохоровича, заняли весьма выгодную позицію на флангѣ у непріятеля и, не смотря на направленный на нихъ

пушечный и ружейный огонь, держались на ней до конца.

Съ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни кипѣлъ бой на высотѣ передъ Плевной. Одна стрѣлковая рота и одинъ взводъ Курцевъ съ двумя сотнями казаковъ оспаривали высотку у непріятеля, силы котораго доходили здѣсь до восьми батальоновъ, т. е. превосходили силы нашего отряда въ 8 разъ. Четыре орудія поручика Прохоровича также все время неустрашимо боролись съ нѣсколькими непріятельскими батареями, дѣйствуя въ сферѣ самаго жаркаго ружейнаго огня. Скобелевъ не подкрѣплялъ этой горсти храбрецовъ, а держалъ остальные $3\frac{1}{2}$ роты Курцевъ въ резервѣ, имѣя въ виду главное назначеніе своего отряда: удержать непріятеля въ случаѣ появленія его со стороны Ловчи. Только узнавъ, что войска генералъ лейтенанта князя Шаховскаго переходятъ въ наступленіе, и убѣдившись, что непріятель со стороны Ловчи не показывается, генералъ Скобелевъ ввелъ въ бой и остальные три роты Курцевъ, оставивъ одинъ взводъ при знамени.

Это было какъ разъ во-время. Кучка героевъ, утомленная 6-ти-часовымъ непрерывнымъ боемъ, уже начала-было отступать подъ напоромъ подавляющаго превосходствомъ непріятеля. Турки были уже въ 20-ти шагахъ отъ нашихъ орудій, когда остальные три роты вступили въ бой. Бросившись на непріятеля въ штыки, Курскія роты своимъ рѣшительнымъ натискомъ разомъ опрокинули непріятеля, гнали его до самаго городского предмѣстья и ворвались уже въ городъ. Но, встрѣченныя здѣсь перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ

Полковникъ баронъ Каульбарсъ.

во-время. Кучка героевъ, утомленная 6-ти-часовымъ непрерывнымъ боемъ, уже начала-было отступать подъ напоромъ подавляющаго превосходствомъ непріятеля. Турки были уже въ 20-ти шагахъ отъ нашихъ орудій, когда остальные три роты вступили въ бой. Бросившись на непріятеля въ штыки, Курскія роты своимъ рѣшительнымъ натискомъ разомъ опрокинули непріятеля, гнали его до самаго городского предмѣстья и ворвались уже въ городъ. Но, встрѣченныя здѣсь перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ

свѣжихъ войскъ и осыпанныя картечными гранатами, храбрыя Курскія роты должны были снова отойти къ своей батарее, которая продолжала бороться съ многочисленною непріятельскою артиллеріею.

Въ углубленной ловчинской дорогѣ Курскій батальонъ снова собрался. Генераль Скобелевъ снова воодушевилъ солдатъ, построилъ ихъ въ боевой порядкъ и, ставъ самъ во главѣ батальона, повелъ его опять въ атаку, какъ на парадѣ. Еще два часа боролась горсть храбрецовъ съ многочисленнымъ непріятелемъ и отважно отражала всѣ его натиски. Подъ самимъ Скобелевымъ было убито двѣ лошади, но онъ своей распорядительностью въ адекомъ огнѣ и своимъ блестящимъ спокойствіемъ продолжалъ воодушевлять войска, сдѣлавъ ихъ способными на чудеса храбрости. Всѣ усилія несмѣтныхъ массъ непріятельской пѣхоты — выбить горсть нашихъ храбрецовъ — оставались тщетными.

Вернемся теперь къ общему положенію дѣлъ.

Надъ окрестностями Плевны спустилась ночь — ужасная, кровавая ночь на 19-ое іюля... Было уже совершенно темно. Безъ огня нельзя было прочесть записки. На пересѣченной мѣстности трудно было различить дорогу. А войска наши все-еще бились подъ Плевной у Гривицкаго редута, въ Тученицкомъ оврагѣ, вокругъ мельницы, и у самыхъ предмѣстій города, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Силы войскъ были крайне истощены, солдаты утомлены въ высшей степени; но они продолжали драться съ отчаянной храбростью противъ превосходныхъ силъ непріятеля. Потери наши убитыми и ранеными были уже громадны. Изъ одного батальона, бывшаго у Скобелева, вышло около 300 человекъ; изъ цѣлой дивизіи корпуса князя Шаховскаго, только-что передъ тѣмъ переправившейся черезъ Дунай въ полномъ составѣ, осталось около четырехъ ротъ. На правомъ флангѣ потери были также громадны; изъ одного Пензенскаго полка вышло около половины людей. Свѣжихъ войскъ не было. Резервъ былъ израсходованъ до послѣдняго солдата. Все перебивало въ адекомъ огнѣ. Наконецъ, всѣ патроны были разстрѣяны, а новыхъ взять было неоткуда, такъ какъ обозъ былъ оставленъ далеко назади да за темнотою и подвезти не было никакой возможности. Остаткамъ нашихъ храбрецовъ приходилось дѣйствовать только

шттыкомъ, на „ура“ Не смотря на это, они продолжали геройски отстаивать занятыя ими позиціи и не теряли надежды даже на успѣхъ. Такъ думали не одни солдаты, но и многіе изъ командировъ, какъ на примѣръ, самъ Криденеръ и генераль Скобелевъ. Особенно крѣпко держался генераль Горшковъ въ занятой имъ мельницѣ, у самыхъ предмѣстій города, и, не смотря на отсутствіе подкрѣпленій, наступившую темноту и окружающую сумятицу, онъ былъ твердо увѣренъ въ прочности и выгодѣ своего положенія, такъ сказать, у самыхъ воротъ Плевны. Но онъ не предвидѣлъ, что это значило почти то же, что попасть „во врата ада“

Ко всему вышесказанному присоединилось еще глубокое недоразумѣніе, впрочемъ, неизбежное въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ. Какъ мы уже знаемъ, князь Шаховскій просилъ у генерала Криденера изъ общаго резерва подкрѣпленія для своихъ войскъ. Генераль Криденеръ, о чемъ тоже было упомянуто, немедленно направилъ къ нему половину всего общаго резерва — Коломенскій полкъ съ батареями. Полкъ спустился въ лощину у Гривицы и, поднявшись на высоты, вышелъ на правый флангъ князя Шаховскаго въ то время, когда этотъ флангъ, тѣснимый турками, подавался назадъ. Полкъ подкрѣпилъ его, вслѣдствіе чего флангъ занялъ прежнюю свою позицію. Такимъ образомъ, присланный полкъ хотя и оказалъ помощь, но не тамъ, гдѣ это признано было наиболее необходимымъ, т. е. на крайнемъ лѣвомъ флангѣ генерала Горшкова. Случилось же это, такъ сказать, поневолѣ. Гористая мѣстность, на огромномъ разстояніи, какое пришлось пройти Коломенскому полку, была сильно пересѣчена балками и оврагами и, сверхъ того, покрыта виноградниками, кустарниками, деревьями, кукурузой и пшеницей; все это сильно замедляло движеніе пѣхоты, и она могла бы добраться до лѣваго фланга князя Шаховскаго только къ вечеру. Поэтому полкъ, не зная своего настоящаго назначенія, и присоединился къ ближайшему къ нему правому флангу князя Шаховскаго, хотя Коломенцамъ и пришлось при этомъ сильнѣйшимъ образомъ самимъ пострадать отъ непріятеля. Разстояніе, отдѣлявшее обоихъ корпусныхъ командировъ, было такъ велико и связь между ними, за непроходимостью мѣстности, была такъ слаба, что князь Шаховской даже и не зналъ до послѣдней минуты,

что подкрѣпленіе ему прислано и что прибывшій полкъ уже дѣйствуетъ на его правомъ флангѣ.

Вѣроятно, въ виду этого невольнаго оставленія безъ помощи своего слабого и уже сильно пострадавшаго лѣваго фланга, а также въ виду вообще критическаго положенія всего лѣваго отряда, генераль-лейтенантъ князь Шаховской, хотя командовавшій лѣвымъ флангомъ генераль Горшковъ и настаивалъ на противномъ, приказалъ своимъ войскамъ, въ 7 часовъ вечера, начать отступленіе, о чемъ немедленно послалъ донесеніе генераль-лейтенанту Криденеру. Говорятъ, что, услыхавъ объ этомъ намѣреніи командующаго лѣвымъ отрядомъ, генераль Криденеръ сказалъ привезшему это печальное извѣстіе ординарцу: „Передайте князю Шаховскому, чтобы вовсе не отступать; всѣмъ оставаться на тѣхъ позиціяхъ, гдѣ останется ночь. Завтра утромъ, мы пойдемъ и возьмемъ Плевну“

Въ это время князь Шаховской только что тронулся съ своего наблюдательнаго пункта, чтобы оставить поле сраженія. Окруженный казаками и штабомъ, онъ спускался съ высоты, когда ординарецъ, протѣснившись, передалъ ему приказаніе барона Криденера и записку. — „Поздно, нельзя не отступить. Вы видите?“ указалъ онъ на идущія въ безпорядкѣ войска...

Дѣйствительно, массы тяжело и легко раненыхъ, утомившихся и заморившихся солдатъ возвращались въ безпорядкѣ съ позицій, указывая, что безъ резервовъ ничего не подѣлаешь — резервовъ же не было — и, что, въ сущности, отступленіе уже началось... Къ тому же, разстроенныя части войскъ не успѣли привести въ какой-либо порядокъ засвѣтло, ночью же, за темнотою, конечно, невозможно уже было это сдѣлать. Все указывало, что безъ резервовъ, безъ свѣжихъ войскъ, ничего не подѣлаешь. Правда, впоследствии было высказываемо мнѣніе, что на другой день могли подойти и резервы, за ночь-же, окопавшись, можно было бы и слѣдовало удержаться на занятыхъ позиціяхъ; но въ то время не многіе находили возможнымъ остаться на ночь на мѣстѣ при вышеописанныхъ условіяхъ...

Какъ бы тамъ ни было, но отступленіе лѣваго отряда началось, и его нельзя уже было удержать. Это было около 8-ми часовъ вечера. Генераль Криденеръ, находившійся все время въ правомъ отрядѣ

и продолжавшій упорно удерживать за собой занятую позицію, только что получилъ извѣстіе о началіи отступленія лѣвымъ отрядомъ, какъ вдругъ, противъ его праваго фланга, непріятель совершенно неожиданно обнаружилъ нѣсколько новыхъ батарей, залпы которыхъ начали скрещиваться съ гранатами фронтальныхъ турецкихъ позицій... „Дѣло неладно“ сказалъ вполголоса генераль Криденеръ, такъ, чтобы слова его могли слышать только непосредственно окружавшія его лица, и затѣмъ, подзвавъ къ себѣ адъютанта, приказалъ ему объявить начальникамъ дѣйствовавшихъ частей, что бой не можетъ продолжаться и нужно прервать его...

Черезъ нѣсколько минутъ по всей линіи раздались трескъ барабановъ, забившихъ „отбой“

Но не легко было вывести войска съ обширнаго крайне пересѣченнаго поля сраженія, среди наступившей ночной темноты, изъ-подъ напора надвигавшихся отовсюду непріятельскихъ массъ... Тѣ части, которыя разбрелись по полю сраженія, трудно было собрать, а тѣ, которыя засѣли впереди, въ отнятыхъ у непріятеля батареяхъ и ложементяхъ, такъ увлеклись боемъ и надеждою доканать противника, что ни за что не хотѣли отступать и продолжали ожесточенную перестрѣлку.

Особенно трудно было совершить отступленіе лѣвому отряду князя Шаховскаго. Здѣсь не оставалось въ резервѣ уже ни одного человѣка, чтобы прикрыть это отступленіе, и турки массами подвигались сквозь полумракъ на свои первоначальныя позиціи. Неустрашимые русскіе пѣхотинцы, засѣвшіе на этихъ позиціяхъ, подавались назадъ шагъ за шагомъ, оказывали отчаянное сопротивленіе и умирали какъ герои. Но ничто не помогало. Турки еще до заката солнца выдвинули изъ Плевны густыя колонны, чтобы снова завладѣть своими окопами, и, дѣйствительно, они заняли свою вторую позицію, которою русскимъ никакъ не удавалось овладѣть вполнѣ, и, затѣмъ, непріятель вернулъ все, чего лишился...

Нужно изумляться безстрашію, хладнокровію и отчаянному мужеству русскихъ солдатъ, съ какими они совершали свое отступленіе среди этой адской обстановки. Не дешево отдавали они врагу поле сраженія, и каждый наносилъ ему вредъ, сколько у кого хватало силъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что большинство ихъ не вернулось съ

поля сраженія и полегло на немъ костями. О плѣнѣ не могло быть и рѣчи. Много рассказываютъ чудесъ храбрости, совершенныхъ въ это время нашими войсками. Такъ, рассказываютъ, что взводный унтеръ-офицеръ 5-й роты Рыльского полка, Квятковский, отступая изъ виноградниковъ вмѣстѣ съ ротой, въ разбродѣ, натывается неожиданно на молодой дубнякъ и терновый кустарникъ и, не задумываясь, залегаетъ за нимъ одинъ, приготовясь къ выстрѣлу. Здѣсь онъ увидѣлъ, что мимо пробѣгаютъ до слѣдующей задней позиціи одинъ его однополчанинъ и двое рядовыхъ Курскихъ. „Стой, стой, ребята! ступай сюда, отсюда удобнѣе!“ закричалъ имъ Квятковский. Тѣ приблизились, залегли вмѣстѣ съ нимъ за терновникъ, открыли неторопливый, но мѣткій огонь, съ полною выдержкой, и такимъ образомъ четверемъ человѣкамъ удалось остановить наступленіе около трехъ сотъ турокъ. Въ это же время одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ той же дивизіи, уже порѣдѣвшій наполовину въ предъидущихъ схваткахъ со врагомъ, очутился внезапно окруженнымъ втрое многочисленнѣйшимъ непріателемъ. Русскіе дрались какъ львы, но ряды ихъ съ минуты на минуту становились рѣже, и съ яростными криками „Аллахъ, Аллахъ!“ турки все ближе и ближе тѣснили въ особенности остатки одной роты, по срединѣ которой виселось русское знамя. Шагъ за шагомъ отставали его храбрецы, но вдругъ покачнулось знамя, и вмѣстѣ съ тѣмъ упалъ на землю и знаменосецъ. Съ торжествомъ бросились впередъ низамы, и имъ, дѣйствительно, удалось уничтожить почти всю богатырскую роту. Спаслось какимъ-то чудомъ, среди этой сумятицы, подъ покровомъ ночной темноты, только нѣсколько человѣкъ, и имъ-то и удалось быть свидѣтелями слѣдующаго подвига. Когда тяжело раненый знаменосецъ упалъ на землю, то, собравъ послѣднія силы, онъ проталился на нѣсколько шаговъ къ стоявшему въ сторонѣ стогу сѣна и подсунулъ подъ него знамя. Товарищи, замѣтившіе это и успѣвшіе потомъ спастись, рассказали это другимъ солдатамъ, и въ слѣдующую затѣмъ ночь, не смотря на то, что позиція оставалась въ рукахъ турокъ, нѣсколько нашихъ молодцовъ пробрались къ завѣтному мѣстечку, и имъ какъ нельзя болѣе удачно посчастливилось спасти знамя. Между тѣмъ, турки, будучи увѣрены, что знамя оставлено на мѣстѣ

сраженія и что люди наши не могли его унести, потому что были буквально отрѣзаны отъ остальныхъ товарищей, не замедлили телеграфировать въ Стамбулъ о взятіи важнаго трофея, не смотря на то, что они и по сю пору не видѣли въ глаза знамени, которое прелюбопытно и теперь находится въ рядахъ нашего полка.

Съ такимъ самоотверженіемъ и преданностью своему долгу гибли здѣсь наши герои, гибли сотнями и тысячами подъ яростными ударами разсвирѣпѣвшихъ непріятельскихъ массъ. Въ сущности, на лѣвомъ флангѣ у насъ не было уже войскъ. Непрерывно тянулись только толпы раненыхъ, которые съ трудомъ прокладывали себѣ путь черезъ холмы. Тяжело раненые оставались большею частью на мѣстѣ. Рассказываютъ, что проходившіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ раненый полковникъ Каульбаръ, видѣли его еще живымъ. Позже, когда уже совсѣмъ стало темно, на поле сраженія набросились шайки ужасныхъ „санитаровъ“ въ образѣ баши-бузуковъ, которые не знаютъ пощады. Много рассказываютъ очевидцы о звѣрствахъ этихъ „исчадіи ада“ Раненый солдатъ, притворившійся мертвымъ и потомъ присоединившійся къ своему полку, рассказывалъ, что офицеръ, его собственный начальникъ, павшій около него, былъ страшно изувѣченъ: баши-бузуки отрѣзали ему носъ, уши и языкъ... Одинъ полкъ, отступая, имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ, какъ его собственный полковникъ, павшій во время отступленія, былъ изрѣзанъ на части, прежде нежели полкъ успѣлъ скрыться изъ виду. Между прочими попался баши-бузукамъ тяжело раненый фельдфебель, и вотъ, на глазахъ другихъ его товарищей, баши-бузуки сняли съ него сапоги и стали ножомъ вырѣзывать съ ногъ полосы кожи. Говорятъ, что ни одинъ изъ раненныхъ не остался въ живыхъ. „Зато ужъ и дерутся наши солдатики!—добавляли къ этимъ рассказамъ очевидцы:—и ни одинъ въ плѣнъ не дается, а дерется до послѣдней капли крови, хоть сколько бы турокъ ни было на одного, а не сдается: лучше пусть убьютъ, чѣмъ замучать“. Баши-бузуки сновали даже среди уцѣлѣвшихъ отступавшихъ солдатъ. Въ этомъ случаѣ баши-бузуки прибѣгали къ разнымъ вѣроломнымъ хитростямъ, чтобы какъ можно болѣе повредить противнику. Они переодѣвались въ мундиры убитыхъ русскихъ солдатъ,

надѣвали ихъ кепи и въ этомъ видѣ безпрепятственно подходили къ отступавшимъ русскимъ стрѣлкамъ, которые, принимая ихъ за отсталыхъ товарищей, подпускали къ себѣ и тутъ же падали, пораженные ихъ выстрѣлами.

Штабъ лѣваго отряда оставался во все время, пока не взомель мѣсяць, на высотахъ у села Радищева, подъ охраной всего нѣсколькихъ казаковъ. Здѣсь все могли слышать, какъ въ ночной тишинѣ раздавались изъ долины стоны и крики раненыхъ, жалобы о пощадѣ и кровавадыя фанатическія возгласы варваровъ. Это былъ ужасный часъ, когда самыя закаленные сердца трепетали. Штабъ ждалъ, не придутъ ли войска изъ „долины смерти“, разстилавшейся внизу, передъ Плевной; но, повидимому на это не было похоже. Князь Шаховской видѣлъ, какъ въ его глазахъ въ крови таяло его войско. Къ ночи въ кустарникахъ безпорядокъ сдѣлался страшный. Все части смѣшались. Турки уже заняли наши позиціи, и вскорѣ штабъ увидѣлъ вспыхивающее пламя выстрѣловъ, направленныхъ противъ него и слышалъ вой гранатъ, разрывавшихся вблизи. Свистъ ружейныхъ пуль не прекращался ни на минуту, и выстрѣлы попадали въ отступавшихъ раненыхъ. Даже съ высотъ, расположенныхъ противъ Радищева, снова послышался свистъ турецкихъ гранатъ, которыя падали внизъ, въ селеніе, усеянное ранеными. Баши-бузуки окончательно завладѣли полемъ сраженія, пробрались въ самое Радищево и, напавъ на раненыхъ, перерѣзали ихъ безъ всякаго милосердія. Среди всехъ этихъ ужасовъ, штабъ лѣваго отряда продолжалъ оставаться на высотахъ, съ томительной тоской, ожидая возвращенія какихъ нибудь войскъ... Дѣло въ томъ, что отрядъ генерала Горшкова и самъ онъ еще не возвращались изъ подъ Плевны послѣ занятія мельницы. Наконецъ, уже поздно ночью, отрядъ его показался изъ-за высотъ, медленно подвигаясь по дорогѣ на Радищево.

Грустно было генералу Горшкову съ своими храбрецами, занявшими уже было предмѣстье города и мельницу и взявшими два непріятельскія орудія, исполнить приказаніе—отойти назадъ. Да и не легко было это сдѣлать: вокругъ, на высотахъ, носился уже клубами пыльный дымъ, а виноградники, расположенные въ тылу и по сторонамъ, такъ и кишѣли турками. Но, получивъ приказаніе от-

ступить, генераль Горшковъ, собравъ всехъ отставшихъ и раненыхъ въ своемъ отрядѣ, испортилъ насколько возможно было, взятыя у непріятеля орудія, которыя не могли быть теперь увезены, вынулъ изъ нихъ и забралъ съ собою замки, и лично вывелъ отрядъ, занимавшій плевненскую мельницу, ночью, окруженный со всехъ сторонъ непріателемъ!

Около 10-ти часовъ ночи, штабъ лѣваго отряда, убѣдившись въ благополучномъ возвращеніи отряда Горшкова и оставивъ его ночевать у Радищева, покинулъ высоты, усеяныя стонущими и ранеными, медленно подвигаясь впередъ. Проплутавъ часть ночи и сбившись съ пути, наши, около часу по полуночи, пробывъ въ сѣдлѣ съ шести часовъ утра, свернули, наконецъ, въ засѣянное поле и, устроивъ себѣ постели изъ зрѣлыхъ колосьевъ, офицеры и казаки—все улеглись подъ открытымъ небомъ. Но имъ не суждено было даже отдохнуть: около 4-хъ часовъ утра пронеслась тревога, будто бы баши-бузуки приближаются къ нимъ и они тотчасъ должны были вскочить и снова плестись далѣе. Только къ утру они очутились въ Порадимѣ, верстахъ въ 12—15 отъ Плевны, куда подошелъ вскорѣ и отрядъ Горшкова. Сюда же начали стекаться больные и раненые, которыхъ частью привозили, частью они сами шли, плелись и ползли, стараясь добраться до безопаснаго пункта. Терпѣніе, съ которымъ переносились безъ стона ужаснѣйшія страданія, можетъ быть сравнено только съ тѣмъ необыкновеннымъ, нечеловѣческимъ, мужествомъ, съ которыми наши солдаты и офицеры шли въ бой.

Что же происходило въ это время на нашемъ правомъ флангѣ и на крайнемъ лѣвомъ, въ отрядахъ генераловъ Криденера и Скобелева?

Получивъ извѣстіе объ отступленіи войскъ князя Шаховскаго, генераль Скобелевъ, когда уже стемнѣло, началъ отводить и свои геройскія войска. Для прикрытія отступленія пришлось присоединить къ цѣпи Курскихъ стрѣлковъ—не смотря на то, что мѣстность совершенно не соответствовала дѣйствіямъ кавалеріи—кубанскихъ казаковъ; другихъ войскъ не было. Даже все фейерверкеры донской батареи, не имѣя болѣе возможности дѣйствовать изъ орудій, вмѣстѣ съ своимъ командиромъ Костинымъ, отправились въ цѣпь и, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, принялись вывозить нашихъ ра-

ненных стрѣлковъ. Казаки въ послѣдній разѣ отбѣсили непріятеля и дали возможность убрать всѣхъ раненыхъ и отвезти ихъ, равно какъ и наши орудія, къ деревнѣ Кришино. Когда же пришло время отступить и пѣхотѣ, Скобелевъ слѣзъ съ коня и, вложивъ саблю въ ножны, лично замыкалъ отступление, имѣя при себѣ генеральнаго штаба полковника Паренсова. Въ деревнѣ Кришино, въ 10 часовъ вечера, генералъ Скобелевъ получилъ приказаніе отъ князя Шаховскаго отступить къ Боготу и Пелишату.

На нашемъ правомъ флангѣ, генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ, рѣшившись начать отступление, когда также было уже совершенно темно, поручилъ генералу Вельяминову вывести изъ боя войска, а оставшемуся въ резервѣ батальону Серпуховскаго полка и эскадрону уланъ приказалъ занять позицію, за которую могли бы отходить впереди сражающіяся части войскъ; Галицкому же полку, какъ мѣнѣе другихъ пострадавшему, прикрывать это отступление. Самъ же баронъ

Криденеръ, со штабомъ, поѣхалъ черезъ виноградники къ перевязочному пункту, который находился вблизи боевыхъ линій, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, и гдѣ собрано было значительное число подводъ. Принявъ начальниковъ частей съ докладами и пріѣхавшаго вторично адъютанта отъ князя Шаховскаго съ порученіемъ передать, что въ лѣвой колоннѣ остались едва четыре роты, — баронъ Криденеръ указалъ путь отступления для обозовъ и войскъ: дивизіи Вельяминова на Булгарени, а дивизи

зи Шильдеръ-Шульднера — на Трстеникѣ. Нацасавъ затѣмъ двѣ телеграммы Государю Императору и великому князю Главнокомандующему и дождавшись, пока были старательно уложены на подводы всѣ раненые, подобранные до начала отступления, баронъ Криденеръ пропустилъ мимо себя всѣ до послѣдней подводы и, когда сняли шатры дивизионнаго лазарета, двинулся за обозомъ. На пути къ деревнѣ Турскому Трстенику онъ встрѣтилъ Воронежскій полкъ, который до тѣхъ поръ находился на переправѣ въ Систовѣ

и только къ ночи подошелъ къ упомянутой деревнѣ. Свѣжій полкъ тотчасъ же былъ отправленъ для прикрытія отступавшихъ войскъ, въ помощь Галицкому полку.

Получивъ приказаніе отъ генерала Криденера вывести войска праваго отряда изъ боя, генералъ Вельяминовъ долго не могъ выполнить этого порученія. Передовыя части войскъ, засѣвшія во рву и въ ложементяхъ вокругъ Гривцкаго редута, были такъ увлечены боемъ и до того озлобились противъ ту-

Генераль-маіоръ Горшковъ.

рокъ, что ни за что не хотѣли отступать и рѣшились остаться на отнятыхъ у непріятеля позиціяхъ. Всю ночь они просидѣли во рву около редута и продолжали перестрѣливаться съ турками. Только утромъ 19-го іюля удалось ихъ вывести оттуда. Послѣдніе ушедшіе изъ-подъ редута, часовъ въ 10-ть утра, были люди Архангелогородскаго полка, бывшіе подъ командой полковника Шлиттера, т. е. именно того полка, который понесъ въ первомъ плевненскомъ дѣлѣ самыя чувствительныя потери... Такъ они же-

лали отомстить неприятелю за первую неудачу. Возвратившись изъ-подъ редута въ деревню Гривицу, они и отсюда отступали поротно, не торопясь и перестрѣливаясь. Вышедши же на равнину, вѣтвь выстрѣла, а нѣкоторые еще въ виду самой Гривицы, построились въ батальонныя колонны и спокойно продолжали свой путь. Такъ отступилъ полкъ, о которомъ предполагали, что вслѣдствіе прежнихъ потерь онъ наиболѣе долженъ быть разстроены.

Къ 11 часамъ утра 19 іюля всѣ войска правой колонны были уже собраны у д. Турскій-Трестеникъ и у села Карагачь-Болгарскій.

Война—страшное дѣло. И побѣды достаются нелегко, а неудачи, безъ которыхъ не обходится ни одна армія въ мірѣ, ведутъ къ еще болѣе ужаснымъ послѣдствіямъ. Но тѣмъ больше чести русскому солдату, выдержавшему съ такой славой всѣ ужасы войны! Чтобы понять весь героизмъ и всю доблесть русскаго солдата, нужно видѣть его не только въ годину торжества его усилій, но и въ тяжелыя минуты тѣхъ жестокихъ страданій и того отчаяннаго положенія, чрезъ которыя онъ долженъ бѣжать неминуемо пройти прежде, чѣмъ добьется этихъ побѣдъ. Это время тяжкаго испытанія наступило для нашихъ солдатъ послѣ втораго плевненскаго пораженія.

Весь ужасъ роковой неудачи подъ Плевной 18 іюля обрушился, главнымъ образомъ, на лѣвой отрядъ князя Шаховскаго, какъ на наиболѣе потерпѣвшій въ этомъ дѣлѣ. Опасеніе преслѣдованія со стороны турокъ заставило эту гореть изнуренныхъ и обезсилѣвшихъ молодцовъ очистить. Порадимъ на другой же день и отойти далѣе, къ Булгарени. Въ полдень 19 іюля въ Порадимѣ уже не оставалось никого, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ...

Но особенно ужасную картину представляли плевненскіе герои-мученики, раненые. Никто, конечно, не предвидѣлъ такого числа раненыхъ, и потому помощь имъ, естественно, оказалась недостаточною на первый разъ, что безконечно увеличивало ихъ страданія. Обозъ съ ранеными тянулся нескончаемыми рядами на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по дорогѣ въ Систово. Большую часть ихъ везли на арбахъ, запряженныхъ волами; тяжело раненые помещались въ лазаретныхъ фургонахъ, а многіе пле-

лись и ползали пѣшкомъ, боясь отстать отъ обоза, или попасть въ руки башибузуковъ. Жара стояла страшная. При малѣйшемъ движеніи, на дорогѣ поднималась густая пыль. И вотъ, цѣлыя сотни этихъ храбрецовъ, перевозимыхъ въ открытыхъ телѣгахъ, подъ лучами солнца, безпощадно паливаго ихъ окровавленное тѣло, медленно двигались среди цѣлыхъ облаковъ густой пыли, покрывавшей ихъ лица, на которыя страданія наложили свою печать до того, что они наконецъ переставали походить на человѣческія лица. Воспаленныя раны страдальцевъ сжигали ихъ внутренность смертельной жаждой; но, добравшись до какого нибудь фонтана, многіе изъ этихъ несчастныхъ не могли даже пить, потому что всякая попытка глотнуть вызвала кровь изъ ранъ въ горлѣ и груди и такимъ образомъ лишала ихъ возможности хотя сколько нибудь промочить языкъ, покрытый страшнымъ слоемъ пыли. Нѣкоторые умирали тутъ же, на дорогѣ, и ихъ тутъ же хоронили, причемъ болгары совершали отпѣваніе. Но часто и среди этихъ адскихъ мученій солдаты не забывали общаго своего дѣла. Встрѣчая по дорогѣ проѣзжающихъ или прохожихъ, они первымъ дѣломъ спрашивали, идутъ ли свѣжія русскія войска на помощь и подкрѣпленіе ихъ товарищамъ противъ несмѣтнаго врага. Сами они уже сдѣлали свое дѣло. Ихъ жестокія раны ясно говорили, съ какимъ упорствомъ старались они выполнить свой долгъ.

Такой видъ представляла изъ себя, на другой день послѣ неудачнаго боя, злосчастная дорога отъ Плевны въ Систово.

Въ эти первыя сутки послѣ боя, въ моментъ всеобщаго тревожнаго замѣшательства, когда еще не выяснились всѣ обстоятельства дѣла, трудно было предвидѣть всѣ послѣдствія неудачи, причиненной такъ внезапно. Положеніе дѣлъ было, на самомъ дѣлѣ, весьма серьезное. Никто не былъ подготовленъ къ этой неудачѣ, такъ какъ всѣ были увѣрены въ успѣхѣхъ предпринятаго наканунѣ дѣла. Къ тому же, русскихъ войскъ, на всемъ болгарскомъ театрѣ войны, даже со включеніемъ частей, участвовавшихъ въ плевненскомъ сраженіи, было теперь очень немного. Передовой отрядъ генерала Гурко находился въ это время за Балканами и какъ разъ 19-го же іюля, какъ мы это уже знаемъ изъ предъидущаго очерка, отступалъ передъ натискомъ превос-

ходныхъ силъ Сулеймана-паши. По сю сторону Балканъ остались только 9-й корпусъ генерала Криденера, уже значительно пострадавшій при Никополѣ и два раза при Плевнѣ, затѣмъ одна дивизія 11-го корпуса и рущукская армія. Собственно же между только-что выигравшей сраженіе арміей Османа-паши (въ Плевнѣ и Ловчѣ) и Тырновомъ, гдѣ находилась главная квартира нашего главнокомандующаго, не было теперь ни одного русскаго солдата. Понятно, какаѣ страшная опасность угрожала нашимъ немногочисленнымъ силамъ въ случаѣ, если бы Османъ-паша вздумалъ тотчасъ же послѣ втораго боя двинуться на Тырново или Систово. Тѣмъ болѣе нельзя было поручиться за многое, что турецкія войска—не европейская армія, и вся масса христіанъ на ихъ пути могла подвергнуться жестокому избиенію.

Вотъ почему, во время втораго боя подъ Плевной, всѣ взоры русскіихъ, какъ они ни были увѣрены въ успѣхъ, тревожно были обращены къ Плевнѣ. Въ сущности, здѣсь рѣшался вопросъ о всей кампаніи и о судьбѣ тысячей христіанскихъ семействъ. Въ случаѣ нашей удачи, успѣхъ кампаніи могъ считаться вполне обезпеченнымъ, такъ какъ другихъ серьезныхъ препятствій не предвидѣлось; въ случаѣ же неудачи, самымъ лучшимъ исходомъ могло быть начатіе кампаніи почти снова, т. е. призывъ на театръ войны новыхъ войскъ за малочисленностью уже дѣйствовавшихъ здѣсь отрядовъ...

Таково было положеніе дѣлъ на болгарскомъ театрѣ войны, когда въ разныхъ пунктахъ его получено было извѣстіе о вторичной неудачѣ подъ Плевной.

Печальный исходъ сраженія отразился, прежде всего, на самомъ дальнемъ тылу русской арміи, въ Систовѣ, куда направлялись всѣ обозы съ ранеными и гдѣ у насъ имѣлся единственный въ то время мостъ черезъ Дунай, служившій для нашей арміи единственнымъ средствомъ сообщенія съ Россіей и охраняемый всего горстью солдатъ. На другой день послѣ сраженія, 19 іюля, въ 12¹/₂ часовъ утра, партія раненыхъ, слѣдовавшихъ изъ Булгарени черезъ Систово, рассказывала тамъ, въ госпиталяхъ и лазаретахъ, о нашемъ отступленіи, о громадныхъ потеряхъ и о томъ, что, по слухамъ, другая партія раненыхъ была атакована на пути турецкой кавалеріей, что часть раненыхъ попала въ плѣнъ и что тур-

ки идутъ влѣдъ за ними. Этотъ рассказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на весь нестроевой штатъ, уже слышавшій о прежнихъ варварствахъ турокъ надъ нашими. Легко составить себѣ понятіе о томъ смятеніи, которое вызвали эти извѣстія, представлявшіяся не совѣмъ невѣроятными. Всякій, кто только могъ, спѣшилъ спастись. Инструменты, перевязки, палатки, все, что только было возможно, набрасывалось кое-какъ на повозки и отправлялось въ Систово, что и подало поводъ къ слухамъ во всемъ уже городѣ о приближеніи турокъ. Паническій страхъ овладѣлъ всѣмъ населеніемъ. Кресты, выведенные болгарами на дверяхъ своихъ домовъ, были немедленно стерты, крестики изъ ленточекъ съ рукавовъ сняты, и всѣ бросились искать спасенія на той сторонѣ Дуная, въ Зимницѣ. Завѣдующіе лазаретами обратились, однако, для успокоенія раненыхъ и своего собственнаго, къ военнымъ властямъ, чтобы провѣрить основательность этихъ слуховъ; но военныя власти сами еще не успѣли получить точныхъ свѣдѣній и потому посоветовали всѣмъ быть наготовѣ и подождать болѣе опредѣленныхъ извѣстій отъ нашихъ казачьихъ развѣдочъ. Дѣйствительно, всѣ, кто только могъ, даже сестры милосердія, вооружились револьверами и приготовились къ отъѣзду, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Какъ на бѣду, въ это самое время, ночью съ 19-го на 20-е іюля, какой-то пьяный казакъ, наткнувшись случайно на быстро съѣзжавшій съ дороги, для очистки пути раненымъ, провіантскій обозъ, вообразилъ себѣ, что это турки. Стремглавъ, размахивая саблей, на неосѣдланномъ конѣ, онъ влетаетъ въ Систово, съ крикомъ: „Спасайтесь—идутъ турки!“ *) Помня судьбу Ловчи и другихъ городовъ, все болгарское населеніе съ женщинами и дѣтми бросилось къ мосту. Все, что съѣхалось въ Зимницу влѣдствіе войны—подрядчики, кушцы, комисіонеры и проч.—также пустились бѣжать, словно стадо испуганныхъ барановъ. Обозы съ пустыми повозками бросились тоже къ Дунаю,—и все это навалило на мостъ. Тѣ, которые попали на мостъ съ повозками, неслись по немъ во весь духъ. Появились на мосту и жители Систова; на лошадахъ, на ослахъ несло все на румынскій берегъ. Напоръ былъ такъ силенъ, что не было

*) Онъ былъ немедленно арестованъ.

силы удержатъ бѣгущихъ, и они чуть не сломали самаго моста.

Начальникъ войскъ у переправы, генераль-маіоръ Рихтеръ, немедленно приказалъ во что бы то ни стало, хотя бы силою оружія, остановить напавшихъ на мостъ. На сѣверномъ берегу, со стороны Зимницы, это удалось сдѣлать скоро, но на южномъ, на систовскомъ, пришлось опрокинуть нѣсколько повозокъ, чтобы забаррикадировать дорогу для спасенія моста. Тогда часть жителей, бѣжавшихъ къ мосту, бросилась къ лодкамъ и стала переправляться черезъ рѣку въ Зимницу, причемъ произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ.

Въ часъ по-полудни паника распространилась и въ городъ Зимницъ. Туда уже пришли извѣстія, что „турки взяли мостъ, двигаются на Зимницу и на четырехъ пароходахъ перевозятъ войска съ праваго берега на лѣвый“ Къ несчастью, какъ разъ въ это время, дѣйствительно, партія плѣнныхъ турокъ, шедшая изъ Никополя и Тырнова, подходила на переправу. Легко вообразить себѣ весь ужасъ жителей при видѣ настоящихъ турокъ. Все населеніе бросилось вонъ изъ города, и чрезъ нѣсколько часовъ Зимница совершенно опустѣла.

Между тѣмъ, еще нѣсколько раньше этого, въ Зимницѣ уже было получено извѣстіе отъ исправляющаго должность коменданта Систова, маіора Подгурскаго, что турокъ вовсе нѣтъ и что тревога ложная. Это немного успокоило жителей, собравшихся у моста на румынскомъ берегу. Вслѣдъ затѣмъ генераль-маіоръ Рихтеръ прибылъ самъ къ мосту и приказалъ энергически дѣйствовать противъ бѣгущихъ. Убѣдившись, что первый страхъ прошелъ, онъ разрѣшилъ пропускать по мосту только порожнія повозки, которыя должны были грузиться въ Зимницѣ провіантомъ для войска. Въ то же время по всѣмъ дорогамъ были посланы надежные казаки съ офицерами, чтобы успокоить бѣглецовъ. Въ Систовѣ же, для успокоенія жителей, всѣ войска, по распоряженію маіора Подгурскаго, стали кругомъ города на укрѣпленныя позиціи. Послѣ этого все стало мало по малу приходить въ порядокъ; но паника все-еще была такъ сильна, что сами отцы соглашались остаться въ городѣ, но женъ и дѣтей своихъ все-еще наровили какъ нибудь переправить на тотъ берегъ. Только веселый видъ нашихъ войскъ,

беззаботно продолжавшихъ стоять на позиціи у города, совершенно успокоилъ жителей.

Подобнаго рода случайностямъ нельзя, конечно, придавать особеннаго значенія: онѣ неизбѣжны во всякой войнѣ; но въ то же время онѣ служатъ необходимымъ дополненіемъ общей картины „театра военныхъ дѣйствій“

Не менѣе сильная паника овладѣла въ тотъ же день и жителями города Тырнова, гдѣ была расположена главная квартира великаго князя главнокомандующаго. Сюда еще 16-го іюля прибѣжалъ изъ Ловчи болгаринъ, извѣстившій о странномъ кровопролитіи, происходившемъ въ этомъ городѣ, куда, дѣйствительно, тогда явились башибузуки. По рассказамъ бѣженца, весь городъ оглашался криками, испускаемыми убиваемыми женщинами и дѣтьми. Рассказы эти произвели на тырновцевъ тяжелое впечатлѣніе. Черезъ два дня послѣ этого, 18-го іюля, пришла сюда вѣсть о началѣ сраженія при Плевнѣ. Въ этотъ день въ Тырновѣ господствовало уже весьма напряженное настроеніе. 19-го числа, утромъ, къ главнокомандующему прибылъ, наконецъ, курьеръ съ извѣстіемъ, что вторичная атака не удалась и что Криденеръ отступилъ съ громадными потерями. Въ 10 часовъ утра состоялся совѣтъ у главнокомандующаго. Совѣтъ продолжался до полудня; при этомъ никакихъ приказаній не было отдано. Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій со штабомъ выѣхалъ изъ Тырнова. Весь городъ пришелъ въ движеніе. По улицамъ засновали толпы вездѣ и впередъ; всѣ спрашиваютъ, въ чемъ дѣло, но никто не умѣетъ отвѣтить. Бросаются къ корреспондентамъ, и кое-кто начинаетъ объяснять истинное положеніе дѣлъ; но страхъ мѣшаетъ спокойно взвѣсить событія. Начинаются вопли: „Турки идутъ къ намъ! горе намъ!“ Паника распространяется на госпитали. Здѣсь повторяется то же, что и въ Систовѣ. Только послѣ энергическихъ хлопотъ и усилій удалось снова водворить въ городѣ спокойствіе и порядокъ.

Вообще, 19-е іюля было самымъ опаснымъ для насъ днемъ во всю прошлую турецкую кампанію. Еслибы Османъ-паша вздумалъ выйти изъ Плевны тотчасъ послѣ одержанной имъ побѣды по слѣдамъ отступавшаго нашего лѣваго отряда князя Шаховскаго, на Систово, или Тырново, то намъ не избѣжать бы великихъ бѣдъ. Войскъ пе

было. Если бы наша ружейная армия обратилась против Османа-паши, то этим открыла бы путь Мегемету-Али-паше, и онъ, съ своей 70-ти-тысячной арміей, принесъ бы намъ еще больше бѣдъ. Вообще, Османъ-паша на другой день послѣ своей побѣды могъ сдѣлать блестящій ходъ. Но, на самомъ-то дѣлѣ, отъ него никакой опасности не было, благодаря его расчету и упорству—не выходитъ изъ своей земляной клѣтки. Да и то нужно сказать, что Османъ-паша не былъ ни Наполеономъ, ни Мольтке, а былъ просто—Османъ-паша, т. е. такой же турокъ, какъ и всѣ турки. Онъ ни на волосъ не воспользовался своей побѣдой и даже вовсе не преслѣдовалъ насъ, что, съ точки зрѣнія турецкихъ интересовъ, составляло громадную ошибку, сразу ронявшую значеніе Османа-паши какъ полководца. Какъ послѣ оказалось, онъ самъ думалъ объ отступленіи! Не смотря на сравнительно незначительныя потери, онъ уже къ вечеру 18-го іюля, по рассказамъ плевненскихъ болгаръ, едва держался отъ нашего огня и, въ случаѣ повторенія атаки на другой день, рѣшилъ отступить. Къ этому сдѣланы были уже всѣ приготовленія, и отравленный уже изъ Плевны обозъ вернулся обратно только черезъ два дня. Впрочемъ, въ оправданіе храбраго защитника Плевны приводятъ его крайнюю осторожность, а главное—его зависимость отъ константинопольскаго военнаго совѣта, на содѣйствіе котораго было опасно полагаться, во всякомъ случаѣ, при рискованномъ движеніи внутрь страны, занятой русскими.

Ошибка эта была, или нѣтъ, но только турки не рѣшились насъ преслѣдовать. 18-го іюля, впрочемъ, было и невозможно, такъ какъ, за совершенною темнотою, они и не могли видѣть отступленія нашихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что вплоть до утра 19-го іюля все еще продолжалась перестрѣлка около редута. Въ послѣдующіе же дни Османъ-паша предпочелъ заняться еще большимъ укрѣпленіемъ своей позиціи.

Такимъ образомъ, турки ограничились только тѣмъ, что отбили атаку. Русскіе, въ числѣ 30,000 человекъ, нападали; турки, въ числѣ 50,000 человекъ, оборонялись, защищаясь за сильно укрѣпленными возвышенностями. Немудрено, что послѣ 8-ми часоваго жаркаго боя русскіе вынуждены были отступить, хотя и съ громадными потерями, но не подвергшись при этомъ преслѣдованію и не оставивъ

непріятелю ни пушекъ, ни знаменъ, словомъ—ни одного трофея. Битва, проигранная при такихъ обстоятельствахъ, сама по себѣ, строго говоря, не есть даже пораженіе, характеристическія черты котораго заключаются, какъ извѣстно, въ количествѣ взятыхъ непріятелемъ трофеевъ; чѣмъ больше эта потеря, тѣмъ сильнѣе считается пораженіе. Между тѣмъ, подъ Плевной это равнялось почти нулю. Русскіе оставили туркамъ развѣ нѣсколько разбитыхъ зарядныхъ ящиковъ да нѣсколько солдатскихъ кепи,—вотъ и все, чѣмъ овладѣлъ Османъ-паша послѣ своей блистательной побѣды! Что же касается до мужества русскихъ войскъ, то оно проявилось въ этомъ дѣлѣ весьма блистательно, ибо только самыя лучшія войска способны переносить такія потери, какія выпали въ этотъ день на долю русской арміи. Одно, поэтому, можно сказать, что если вторая битва сама по себѣ и не была для насъ пораженіемъ, то все-таки, само собою разумѣется, составляла неудачу, и неудачу весьма крупную. Въ этомъ сраженіи мы потеряли убитыми и ранеными и безъ вѣсти пропавшими—всего: генераловъ—одинъ (Боженновъ, раненъ), офицеровъ 168 и нижнихъ чиновъ 7,167 человекъ. Судя по этимъ цифрамъ, сраженіе можно причислить къ числу кровопролитнѣйшихъ, и подобная неудача во всякой другой арміи могла бы надолго омрачить настроеніе солдатъ, но только не русскихъ.

Къ 22-му іюля русскія войска уже совершенно отдохнули, устроились, отправили всѣхъ своихъ раненыхъ и укомплектовались, такъ что когда его высочество великій князь главнокомандующій изволилъ объѣхать, близъ Булгарени, всѣ войска, участвовавшія въ сраженіи, то нашелъ ихъ въ такомъ веселомъ, молодецкомъ духѣ, въ какомъ трудно было ожидать найти войска, перенесшія такое тяжкое испытаніе. Русскія войска послѣ плевненской неудачи доказали, что въ нихъ живетъ та свойственная только имъ особенность, которая больше всего ихъ прославила: они не только не падаютъ духомъ послѣ неудачи, но еще болѣе въ ней закаляются и съ удвоенною энергією готовы вновь помѣряться силами со врагомъ.

Въ сущности, русскій солдатъ остается одинаково спокоенъ, какъ идя на самый страшный штурмъ, такъ и возвращаясь изъ самаго кровопролитнѣй-

шаго боя, хотя бы и такого неудачнаго, какъ вторичная атака Плевны. Рассказываютъ, что, идя на штурмъ плевенскихъ редутовъ и окоповъ, солдаты наши спокойно срывали на ходу и ѣли арбузы; а одинъ генераль, бывшій подъ Плевной, рассказываетъ слѣдующій характеристическій случай, происходившій вслѣдъ за отступленіемъ отъ Плевны.

„На другой день послѣ плевенскаго дѣла, нѣсколько человѣкъ генераловъ, командиръ корпуса и я сидѣли у одной хатки. Видимъ, ѣдетъ солдатъ на ослѣ и сидитъ по-дамски; его сопровождаетъ какой-то болгаринъ. Когда онъ подѣхалъ къ намъ поближе, мы увидѣли, что голова его была очень распухши.

— А гдѣ тутъ наши? — обратился онъ къ намъ намъ (т. е. къ своимъ генераламъ).

— Какіе ваши?

— Да наши солдаты, значить?

— Ты раненъ, что-ли?

— А вотъ (и онъ указалъ на щеку) сидятъ двѣ пули, да еще вотъ въ самомъ бедрѣ — еще пуля.

„Мы его тотчасъ сняли съ ослы и посадили на землю. Онъ былъ очень доволенъ и, не обращая за тѣмъ на насъ никакого вниманія, началъ самъ съ собою, набивая трубочку, разсуждать.

— И удивительная вещь, — разсуждалъ солдатъ, — вѣдь пуля вотъ какая маленькая (и онъ указалъ, какая она дѣйствительно маленькая), а на короточки не могу, значить, съестъ, — удивленіе!

→ А откуда же ты досталъ ослы?

— Да все тамъ же скомандовалъ.

— Какъ скомандовалъ?

— Какъ меня ранили, я упалъ; потомъ всталъ и пошелъ. Смотрю, какая-то женщина у самой деревни встрѣтилась со мной. Сударыня, говорю — вотъ въ какое мѣсто я раненъ, пожалуйте, говорю, ослы. Она сейчасъ пошла къ мужу, и скомандала этого самаго ослы, — добавилъ рассказчикъ совершенно спокойнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о возвращеніи съ какой нибудь пріятельской пирушки, а не объ избавленіи, благодаря только собственной расторопности, отъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось отступленіе русскихъ изъ-подъ Плевны, въ особенности раненыхъ.

И ни въ одномъ солдатѣ, даже раненомъ, не было замѣтно унынія или раздраженія. Обыкновенно, первый вопросъ солдата, когда его приносили на перевязочный пунктъ — это былъ вопросъ о своихъ товарищахъ, о своемъ полкѣ: „ой, гдѣ-то мой полкъ, знать далеко уже ушелъ, мнѣ ужъ видно, не догнать его“ И изувѣченный солдатъ умолялъ врача поскорѣе вылечить его, чтобы онъ скорѣе могъ догнать своихъ товарищей и идти съ ними на поле сраженія. Легко раненые говорили: „только бы поскорѣе вылечиться, а ужъ не уважу“ Одинъ раненый съ прострѣленною навывлетъ ногою еще подсмѣивался надъ другимъ, у котораго засѣла пуля: „моя, братъ, умная, проскочила, а твоя, вотъ, дура лѣнивая, засѣла“ И такъ относились къ претерпѣннымъ увѣчьямъ почти всѣ раненые!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Послѣдствіе неудачи втораго боя подъ Плевною. — Стягиваніе силъ обѣихъ сторонъ. — Образование западнаго отряда. — Мелкія стычки. — Реногносцировка Скобелева къ Ловчѣ. — Общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны. Отсутствие единства въ дѣйствіяхъ турокъ. — Бой у Пелишата и Сгалевицы. — Взятіе Ловчи княземъ Имеретинскимъ.

Самымъ важнымъ и почти единственнымъ серьезнымъ послѣдствіемъ вторичной неудачи подъ Плевной было то обстоятельство, что неудача эта измѣнила самымъ кореннымъ образомъ прежній взглядъ нашъ на характеръ самой кампаніи и весь нашъ прежній планъ войны. Теперь всѣмъ было ясно, что, въ сущности, только теперь началась война, — война во всемъ ея грозномъ значеніи. Теперь уже

не было рѣчи ни о капитуляціяхъ, ни о бѣгствѣ турокъ. Повсюду въ результатъ оказывались только тучи пуль, громъ орудій, массы раненыхъ и убитыхъ и геройская стойкость съ обѣихъ сторонъ. Съ другой стороны, 19-е іюля разомъ обнаружилось при сложившихся обстоятельствахъ, малочисленность нашихъ войскъ на болгарскомъ театрѣ войны. Послѣ 18-го іюля недостатокъ въ войскахъ по-

ставили русскихъ въ такое затрудненіе, что они должны были тотчасъ же собрать отдѣльные отряды, стоявшіе въ Румыніи, а также призвать румынскую дивизію, подъ начальствомъ генерала Ману, переправившуюся вскорѣ черезъ Дунай при Никополѣ, и поставить ихъ также на линію рѣки Осмы, передъ Плевной. Кромѣ того, передовой отрядъ генерала Гурко, отступившій въ это время отъ Эски-Загры къ Балканамъ, былъ расформированъ, и многіа изъ войскъ его вызваны на эту сторону Балканъ и включены въ составъ своихъ частей. Даже изъ русскаго арміи Наслѣдника Цесаревича были затребованы нѣкоторыя части войскъ на рѣку Осму. Словомъ, планъ кампаніи совершенно мѣнялся: теперь всѣ русскія главные силы были направлены противъ Плевны; на прочихъ же мѣстахъ вся война должна была ограничиваться строго-оборонительными дѣйствіями, чтобы дать предварительно возможность спокойно покончить съ Османомъ-пашею.

Эти измѣненія въ планѣ кампаніи потребовали, въ свою очередь, новыхъ войскъ. Помимо рѣшенія предстоявшей задачи подъ Плевной, самая оборона балканскихъ проходовъ и рѣки Янтры могла быть выполнена съ успѣхомъ только съ помощью огромныхъ силъ, такъ какъ протяженіе этихъ линій очень велико, и заполнить ихъ тѣми силами, какія у насъ имѣлись тогда свободными на театрѣ войны, было невозможно. Вотъ почему, на другой же день послѣ второй плевненской неудачи, были вызваны изъ Россіи не только почти всѣ гвардейскія войска, весь гренадерскій корпусъ, но и другія части изъ Польши и другихъ мѣстъ, такъ что итогъ вытребованнаго подкрѣпленія простирался до 180,000 человекъ. Для службы въ тылу арміи рѣшена была мобилизація 36 резервныхъ батальоновъ и сформированіе резервныхъ войскъ четырехъ армейскихъ дивизій, для чего призвана была часть мѣстныхъ войскъ. Сверхъ того, было немедленно созвано 180,000 ратниковъ перваго разряда.

Но и турки, въ свою очередь, не дремали. Они начали стягивать отовсюду подкрѣпленія на европейскій театръ войны: перевезли 12,000 человекъ съ Кавказа—изъ-подъ Сухума и Батума; 14,000 человекъ изъ Смирны; 4,000 изъ Египта и 8,000 человекъ изъ Сиріи. Кромѣ того, въ Малой Азіи

произведенъ былъ новый наборъ, а въ Варну ежедневно прибывали батальоны уже отслужившихъ свой срокъ „аскеровъ“ (солдатъ), которые немедленно отправлялись въ Шумлу, гдѣ ихъ снабжали оружіемъ и включали въ ряды арміи. Изъ-за красныхъ турецкихъ фесокъ вскорѣ начали показываться иные уборы, иные наряды: тутъ черкесская бурка, тамъ плащъ курда или карапаха, египтянина или сирійца,—и число этихъ инородцевъ, впервые вступавшихъ теперь на европейскую почву, становилось съ каждымъ днемъ все больше и больше въ турецкихъ рядахъ и, казалось, скоро превзойдетъ массу собственно-турецкихъ силъ. Словомъ, плевненскія побѣды расшевелили военные инстинкты турокъ, и, ища опоры въ забытыхъ народностяхъ Востока, они готовились вступить въ борьбу на жизнь и смерть,—борьбу, грозившую разразиться ураганомъ съ часу на часъ.

Въ виду этого, русскимъ необходимо было поспѣшить съ доставкою новыхъ войскъ на мѣста ихъ назначенія. Начались передвиженія войскъ внутри Болгаріи, походы ихъ изъ Россіи и Румыніи въ Болгарію и т. д. Здѣсь-то и обнаружилось новое драгоцѣнное качество русскаго солдата—неутомимость въ походѣ. Нужно знать, при какихъ условіяхъ приходилось совершать всѣ эти усиленные переходы по такимъ странамъ, какъ Румыніа и Болгарія. Была середина лѣта. Уже съ 5 1/2 часовъ утра здѣсь начиналась страшная жара, а въ полдень доходило до 40° тепла въ тѣни. При томъ же дороги, большею частью, ведутъ здѣсь съ горы на гору и, повременамъ, поднимаются такъ круто, что приходилось карабкаться. На этихъ каменистыхъ дорогахъ иногда нельзя было встрѣтить даже деревьевъ, подъ которыми можно было бы укрыться отъ зноя, и, вдобавокъ, при каждомъ шагѣ поднимались облака пыли. И при такихъ условіяхъ наша пѣхота проходила верстъ по 30—35 въ день, останавливаясь лишь для незначительнаго отдыха. При всемъ томъ, рѣдко можно было встрѣтить солдата, который былъ бы оставленъ на пути, не будучи въ силахъ продолжать дороги, или котораго понадобилось бы для облегченія освободить отъ ружья, шинели и ранца. Правда, солдаты очень часто донельзя утомлялись,—это было ясно видно; при каждомъ привалѣ они моментально растягивались на землѣ и иногда тотчасъ же засыпали; большинство жаловалось также на боль

въ груди и въ животѣ (т. е. подъ ложечкою), чему причиною была скатанная шинель, которая тяжестью своею гнететъ солдата или—по ихъ выраженію— „жжетъ“ Но лишь только подавали сигналъ къ выстуленію,—всѣ тотчасъ были на своихъ мѣстахъ. Хорошо, что солдатамъ позволялось утолять жажду во всякое время: это отлично дѣйствовало на нихъ. Многочисленные и вообще хорошо содержимые въ Турціи фонтаны рѣшительно осаждались со всѣхъ сторонъ, такъ что трудно было пробраться къ нимъ, чтобы наполнить свою флягу свѣжею водою. Дойдя до какой нибудь рѣчки, солдаты наперерывъ бросались въ воду и спѣшили освѣжиться, усердно окунаясь.

Къ концу іюля на рѣку Осму уже начали прибывать нѣкоторыя изъ выгребованныхъ подкрѣпленій съ разныхъ пунктовъ Болгаріи, а также изъ Румыніи, какъ на примѣръ: 3-я стрѣлковая бригада, 4-я румынская дивизія, 2-я дивизія князя Имеретинскаго, только-что переправившаяся черезъ Дунай; кромѣ того, получено было 8,000 резерва для пополненія убыли въ 9-мъ корпусѣ. Войска же князя Шаховскаго перешли обратно на рѣку Янтру, въ руцукскій отрядъ, на свои первоначальныя позиціи передъ Османъ-Базаромъ, съ тѣмъ, чтобы не вмѣшиваться больше въ дѣла подъ Плевной, гдѣ они понесли такія огромныя потери.

Всѣ вновь прибывавшія на рѣку Осму русскія и румынскія войска, вмѣстѣ съ прежде участвовавшими въ дѣлахъ подъ Плевной, поступали подъ общее начальство бывшаго командира 4-го корпуса, генералъ-лейтенанта Зотова, на котораго была возложена теперь особая обязанность—сформировать такъ называемую „Западную армію“, предназначавшуюся специально для дѣйствій противъ г. Плевны и г. Ловчи, составлявшаго въ то время правый флангъ арміи Османа-паши. Еще въ концѣ іюля успѣвшія прибыть на р. Осму части вновь сформированной „Западной арміи“ начали уже приближаться къ Плевнѣ, дѣятельно укрѣпляясь на занятыхъ позиціяхъ, на случай нападенія со стороны турокъ, прежде прибытія нашихъ подкрѣпленій. Нечего и говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали сами солдаты, чтобъ имъ позволили сражаться снова.

Но выждавъ прибытія остальныхъ подкрѣпленій было необходимо. Дѣло въ томъ, что турки, поль-

зуясь удобствами морскихъ сообщеній, опередили насъ и успѣли уже къ тому времени съ изумительною энергіей стянуть войска со всѣхъ концовъ имперіи на европейской театрѣ войны и вернуть такія силы, которыхъ отъ нихъ не ожидалъ ни другъ, ни недругъ. Въ концѣ іюля подъ начальствомъ Османа-паши, близъ Плевны было уже собрано 60,000 человекъ; къ югу отъ Балкановъ, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, 50,000 человекъ; на линіи Шумла, Руцукъ, подъ начальствомъ Мегедеда-Али-паши, 100,000 человекъ, и, кромѣ того, противъ корпуса генерала Циммермана, въ Добруджѣ, около 50,000 человекъ. Къ этимъ силамъ присоединялось еще безчисленное множество иррегулярныхъ турецкихъ ордъ и вновь сформированная „Гражданская Гвардія“ Такъ что турецкія силы достигли теперь высшаго своего развитія. Русскія же главныя подкрѣпленія все еще только прибывали, или ожидались въ недалекомъ времени. Необходимо было подождать, пока силы наши будутъ уравновѣшаны съ неприятельскими. Словомъ, теперь началось такъ называемое „состязаніе въ силахъ“, и главный вопросъ состоялъ въ томъ, которая изъ обѣихъ сторонъ предупредитъ другую въ наступательныхъ дѣйствіяхъ.

Такъ какъ русскіе, за непрібытіемъ всѣхъ подкрѣпленій, не были въ состояніи перейти въ наступленіе еще нѣсколько времени, между тѣмъ какъ неприятель былъ уже готовъ, то перевѣсъ, очевидно, былъ на сторонѣ турокъ. Къ тому же первое свое наступательное дѣйствіе русскіе могли направить исключительно противъ турецкой позиціи въ Плевнѣ, между тѣмъ какъ турки въ состояніи были ударить одновременно вокругъ всей окраины громаднаго трехугольника, занятаго нами въ Болгаріи. Послѣ этого понятна будетъ вся затруднительность нашего положенія въ Болгаріи до прибытія сюда подкрѣпленій изъ далекой Россіи.

Настало для русскихъ вновь тревожное время. Силы наши были еще слабы; между тѣмъ, на насъ ежедневно готовъ былъ обрушиться ударъ. Турки угрожали намъ повсюду. 4-го августа они предприняли общую рекогносцировку за р. Янтрой противъ всего фронта руцукскаго отряда, отъ Дуная до Балкановъ, и начали вытѣснять слабые отряды

рущукской арміи съ ихъ передовыхъ позицій почти безъ боя. Въ тотъ же день колонна Сулеймана-паши изъ долины Тунджи сдѣлала рѣшительную попытку форсировать Ханкюйскій проходъ въ Балканахъ, но потерпѣла полную неудачу и отошла къ Казанлыку, откуда начала снова угрожать Шибкинскому перевалу. Вдоль линіи рѣки Осмы, у Плевны и Ловчи, турки также начали проявлять самую разнообразную дѣятельность, очевидно угрожая и здѣсь перейти въ наступленіе. Они то и дѣло производили развѣдки въ нашу сторону и постоянно тревожили насъ кавалерійскими наѣздами и артиллерійскимъ огнемъ. На нашихъ аванпостахъ то и дѣло слышна была сильная стрѣльба. Около Ловчи они день и ночь тревожили на форпостахъ казаковъ Скобелева.

Все это предвѣщало близость турецкаго наступленія, котораго, какъ мы видѣли, русскіе старались пока избѣжать во что бы то ни стало. Главнымъ образомъ насъ удерживало отъ столкновенія съ турками не столько недостатокъ наличныхъ силъ, сколько опасеніе за судьбу болгарскаго населенія, которому угрожало жестокое испытаніе, въ случаѣ если бы намъ, по недостаточности силъ, пришлось очистить какой либо изъ занятыхъ пунктовъ. Примѣръ уже былъ на Ески-Загрѣ, а вскорѣ повторился и на Ловчѣ. Еще до втораго боя подѣ Плевной, 16-го іюля, когда русскіе вынуждены были покинуть Ловчу, башибузуки набросились на городъ и перебили бѣольшую часть жителей. Избѣгшіе турецкой мести болгары бросились въ сосѣднія селенія; другіе пріютились въ лѣсахъ, гдѣ ихъ ждала голодная смерть. Но и изъ деревень имъ пришлось вскорѣ перекочевывать дальше, такъ какъ черезъ эти селенія, лежація на пути изъ Плевны въ Ловчу, начали проходить турецкія войска, направленныя Османомъ-пашею тотчасъ послѣ второй плевненской битвы въ городъ Ловчу. Вѣсть о появленіи этихъ хищниковъ наводила ужасъ на жителей, и они въ самомъ плачевномъ видѣ бѣжали толпами въ другія селенія. Перекочевывая изъ деревни въ деревню, толпы росли все больше, такъ что достигли уже значительныхъ размѣровъ. Вдругъ среди нихъ снова раздается крикъ: „башибузуки“ И все бросается бѣжать, но на этотъ разъ уже не въ ближайшія селенія, а прямо въ русскій ла-

герь, подѣ защиту нашихъ войскъ. Они шли пѣшкомъ, съ ребятишками на рукахъ, безъ всякаго имущества, за исключеніемъ немногихъ, успѣвшихъ захватить котомку черезъ плечо. По истинѣ ужасный видъ представляли эти толпы, состоявшія преимущественно изъ женщинъ и дѣтей. Исхудалыя, запыленные лица, едва покрытое рубищами тѣло, глаза, полные горя и ужаса — производили крайне тяжелое впечатлѣніе. Женщины пѣли похоронныя пѣсни по своимъ убитымъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ, трупы которыхъ остались въ покинутыхъ домахъ; другія, неизвѣстно для чего, съ плачемъ возили за собою изувѣченныхъ и обезображенныхъ турками мужчинъ. И всѣ эти толпы бѣглецовъ располагались лагеремъ вокругъ русскихъ бивуаковъ. Можно представить себѣ, какое дѣйствіе оказывали на нашихъ солдатъ вышеописанныя сцены, разыгрывавшіяся передъ ихъ глазами!

Все это, вмѣстѣ съ тревожнымъ ожиданіемъ наступленія и въ связи съ зловѣщими приготовленіями турокъ, чрезвычайно раздражало русскихъ и усиливало до высшей степени рѣшимость солдатъ схватиться со врагомъ, а необходимость выждать время еще болѣе разжигала въ нихъ нетерпѣніе. Это было самое томительное время.

За то ужъ если нашимъ солдатамъ удавалось въ это время гдѣ-нибудь завязать бой со врагомъ, то они дрались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Русскіе въ это время, какъ было упомянуто выше, значительно уже приблизились къ турецкимъ позиціямъ у Плевны и Ловчи; турки, съ своей стороны, тоже подались впередъ, такъ что наши и непріятельскіе аванпосты стояли почти на виду другъ у друга. Подѣ Плевной турки заняли деревню Гривицу, за которою былъ расположенъ ихъ укрѣпленный лагерь. Такъ какъ самая деревня не была укрѣплена, то казаки наши ухитрились добывать себѣ въ Гривицѣ барана на ужинъ: проскачутъ чрезъ аванпосты, схватятъ барана и мигомъ домой. Для нихъ это было ближе: съ пикетовъ версты 3, а до болгарскихъ деревень нужно было тащиться верстѣ 8; притомъ тамъ — плати болгарину, а здѣсь — даромъ. Вѣроятно, это не понравилось туркамъ. На разсвѣтѣ 25-го іюля около двухъ сотенъ черкесовъ прорвались чрезъ цѣпь казачьяго полка, съ праваго фланга, въ тылъ и напали на

4-й эскадронъ Чугуевского уланскаго полка, находившійся также на сторожевой службѣ. Чугуевцы, какъ мы видѣли, участвовали въ обоихъ бояхъ подъ Плевной и потому имѣли уважительныя причины быть особенно озлобленными противъ врага. Во время описываемаго нападѣнія полкъ эскадрона Чугуевцевъ

стояло въ цѣпи на своихъ мѣстахъ, а остальные два взвода находились въ резервѣ—въ главномъ караулѣ. Одинъ изъ этихъ взводовъ былъ на коняхъ, а другой только-что повелъ лошадей къ водопою. Какъ только ротмистръ Дзевульскій, командующій эскадрономъ, замѣтилъ черкесовъ, выходяв-

Генераль-Лейтенантъ Зотовъ.

шихъ изъ кукурузы и открывшихъ по уланамъ ружейный огонь, онъ въ тотъ же мигъ бросился на нихъ съ стоявшимъ на готовѣ взводомъ, успѣвъ только крикнуть остальному: „садись и за мной!“ Достигнувъ противника, уланы врѣзались въ его массу,

и здѣсь завязался рукопашный бой; но тѣ держались стойко. Въ это время къ мѣсту рубки подошелъ корнетъ Рѣшетилловъ съ „заставою“, состоявшею изъ 15 человекъ, и съ крикомъ „ура“ бросился во флангъ противнику. По словамъ сол-

дать, они въ продолженіе минутъ десяти „рубилы черкесовъ какъ капусту“ Дѣйствительно, уланы дрались молодецки, какъ настоящіе кавалеристы, съ налету, безъ выстрѣла, однимъ холоднымъ оружіемъ. Патрона не было выпущено ни одного. Раненыхъ у черкесовъ также не оказалось, такъ какъ всѣ, подвергавшіеся подѣ удары уланскихъ сабель, падали мертвыми. Убитые имѣли раны невѣроятныя: черепа были раздвоены, или снесены, головы держались только на кожѣ. Черкесы не выдержали этой рубки и дали тылъ, оставивъ до 80 тѣлъ на мѣстѣ; остальные усаkali по направленію къ деревнѣ Гривицѣ. Съ нашей стороны были убиты пулями двое рядовыхъ и нѣсколько лошадей. Преслѣдовать черкесовъ уланы не рѣшились, потому что въ самомъ селеніи Гривицѣ показались двѣ колонны турецкой пѣхоты, каждая человекъ въ 60 или 70, и заняли мѣста за плетнями и между строеніями. Наши ограничились только тѣмъ, что предали землѣ убитыхъ турокъ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что тѣла русскихъ, убитыхъ въ второмъ и первомъ плевненскихъ дѣлахъ, до сихъ поръ еще не были похоронены турками и валялись вокругъ плевненскихъ позицій на солнцѣ, скученныя вмѣстѣ, быстро разлагаясь и заражая воздухъ. Турки, по своему обыкновенію, не обращали на это никакого вниманія; а такъ какъ русскіе аванпосты въ это время уже значительно сблизились съ турецкими, то для нашихъ стало невыносимо присутствіе въ воздухѣ упомянутой заразы. Тогда генералъ Зотовъ, по порученію великаго князя главнокомандующаго, отправилъ въ турецкій лагерь, съ просьбою о дозволеніи предать землѣ тѣла русскихъ, одного капитана съ двумя трубачами, двумя гусарскими унтеръ-офицерами и съ большимъ бѣлымъ флагомъ. Это было на другой день послѣ вышеописанной стычки чугуевцевъ съ черкесами, именно 26 іюля. Капитанъ съ своими гусарами направился къ турецкимъ аванпостамъ около Гривицы, остановился на возвышенности, въ виду турецкаго лагеря и, развернувъ бѣлый флагъ, приказалъ трубачамъ дать сигналъ. Но турки, на предложеніе выслать парламентаря, отвѣчали залпомъ изъ ружей. Капитанъ повторилъ имъ приглашеніе, но получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда онъ повернулъ лошадь и посккалъ къ нашимъ аванпостамъ, причемъ турки пустили

ему въ догонку разрывную гранату, пролетѣвшую къ счастью, мимо. Такое явное нарушеніе правилъ цивилизованной войны возбудило среди русскихъ еще большее негодованіе противъ вѣроломнаго врага.

Съ какимъ нетерпѣніемъ наши солдаты ожидали минуты поквитаться съ ненавистнымъ противникомъ, доказываетъ также рекогносцировка города Ловчи, произведенная генераломъ Скобелевымъ 25 іюля, въ одно время со стычкой Чугуевцевъ съ черкесами у Гривицы. Рекогносцировка эта можетъ считаться одною изъ самыхъ смѣлыхъ во всю проплую турецкую кампанію, и потому не мѣшаетъ съ ней познакомиться поближе.

Городъ Ловча расположенъ въ 35 верстахъ къ югу отъ Плевны, ближе къ Балканамъ, на верхнемъ теченіи р. Осмы. Городъ соединенъ хорошими путями—на сѣверъ съ Плевной, на востокъ съ Тырновомъ чрезъ г. Сельви (въ 36 верстахъ отъ послѣдняго) и на югъ съ г. Трояномъ (въ 30 верстахъ), отъ котораго ведетъ дорога къ троянскому проходу черезъ Балканы. Изъ этого положенія города Ловчи можно убѣдиться, какъ важно было для Османа-паши занятіе его турецкими войсками. Чрезъ Ловчу онъ могъ сносятся и дѣйствовать заодно съ забалканской арміей Сулеймана-паши, и, кромѣ того, владѣя Ловчей, онъ угрожалъ тылу нашего отряда, занимавшаго Шибкинской переваль, и тылу русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Плевны съ юга. Наконецъ, г. Ловча прикрывалъ дорогу изъ Плевны въ Софію. Вотъ почему Османъ-паша мало по малу стягивалъ въ Ловчу все новыя и новыя войска и началъ укрѣплять ее по образцу Плевны.

За этимъ-то городомъ, какъ крайне опаснымъ для насъ пунктомъ, и приказано было слѣдить генералу Скобелеву. 25-го іюля Скобелевъ взялъ съ собою пять батальоновъ пѣхоты, кавказскую казачью бригаду, двѣ батареи конной артиллеріи и двинулся съ ними по сельвинско-ловчинской дорогѣ, съ цѣлью произвести рекогносцировку до самаго города. Дойдя до половины разстоянія между Сельви и Ловчей, верстахъ въ 15 отъ послѣдней, правое крыло Скобелева, состоявшее изъ кавалеріи, подалось впередъ и заняло нѣсколько селеній передъ Ловчей, вправо отъ дороги; артиллерія же поставлена была на самой дорогѣ, на высотахъ, господствующихъ надъ городомъ, верстахъ въ 7 отъ него. Отсюда было ясно

видно отъ 15 до 20 тысячъ турецкаго войска, расположеннаго лагеремъ въ городѣ и его окрестностяхъ, а также рядъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на низкихъ холмахъ, окаймляющихъ Ловчу. На одной изъ этихъ высотъ, командующихъ надъ дорогой въ Плевну, возвышался сильный редутъ. На переднихъ непріятельскихъ позиціяхъ можно было видѣть двѣнадцать орудій и значительное количество пушекъ въ резервѣ. Тѣмъ не менѣе Скобелевъ рѣшился потревожить турокъ и открылъ съ занятой нами высоты огонь изъ шести орудій. Турки отвѣтили немедленно, и скоро все холмы огласились гуломъ орудій и трескомъ гранатъ. Одного изъ прислуги убило разорвавшейся гранатой, но большая часть турецкихъ снарядовъ не разрывалась, глубоко врѣзываясь въ рыхлую почву. Правое наше крыло, состоявшее изъ кавалеріи, завязало тоже съ непріятелемъ артиллерійскую перестрѣлку.

Вскорѣ генералъ Скобелевъ двинулъ впередъ пѣхоту, которая открыла сильную ружейную пальбу. Съ той высоты, гдѣ были поставлены наши орудія, дорога спускается узкой ложбиной, по сторонамъ которой идетъ лѣсокъ, продолжающійся вплоть до крутаго склона холма, занятаго непріятельскими траншеями. Пѣхота наша начала спускаться, прикрываясь кустарниками, но была замѣчена турками, которые направили въ лѣсокъ сильный огонь. Русскіе, однако, продолжали подвигаться впередъ и скорѣе, чѣмъ это можно было ожидать, очутились у подножія непріятельскаго холма. Солдаты возвѣстили свое прибытіе громкимъ крикомъ „ура“ и, къ изумленію самого Скобелева, никакъ не предполагавшаго атаки, начали по два и по три въ рядъ взбираться по склону холма, занятаго непріятелемъ, прикрываясь мелкими кустами и рытвинами. Пальба со стороны турокъ усилилась и вскорѣ превратилась въ непрерывную трескотню. Судя по этой пальбѣ, можно было предположить, что непріятель былъ по крайней мѣрѣ втрое многочисленнѣе насъ. Атака при такихъ условіяхъ была бы безуміемъ. Скобелевъ, сопровождаемый конвоемъ, бросился внизъ, чтобы остановить атаку, принимавшую, вопреки его приказаніямъ, слишкомъ серьезный характеръ. Забывъ объ опасности, онъ скакалъ во весь карьеръ въ виду турокъ, направляясь къ нашимъ атакующимъ войскамъ, представляя собою великолѣпную

мишень для непріятельскихъ выстрѣловъ. Солдаты наши все шли впередъ и, повидимому, рѣшились во что бы то ни стало выбить турокъ изъ траншеи. Офицеры рассказывали послѣ, что они положительо не были въ состояніи удержать своихъ людей отъ наступленія. Генералъ Скобелевъ, доскакавъ до половины спуска, остановился на минуту, чтобы отдать приказаніе, какъ въ его бѣлую арабскую лошадь попала пуля, и онъ пересѣлъ на другую лошадь. Изъ конвоя генерала, состоявшаго изъ шести казаковъ, убавилось уже трое, изъ которыхъ двое были тяжело ранены, а одинъ—смертельно. Между тѣмъ пальба продолжала неистовствовать вдоль турецкихъ траншей, и русскіе все подвигались впередъ. Скобелевъ, на караковой лошади, подскакалъ галопомъ къ самому подножію непріятельскаго холма и сталъ кричать и дѣлать жесты руками, чтобы остановить солдатъ, а находившійся при немъ трубачъ протрубилъ отступленіе. Солдаты наконецъ услышали и тутъ только начали сходить съ холма. Вдругъ Скобелевъ повалился на землю вмѣстѣ съ своею лошадыю. При видѣ этого многимъ невольно подумалось: „ну, теперь пробилъ и его часъ“! При Плевнѣ подъ нимъ было убито двѣ лошади, теперь тоже двѣ, стало быть въ теченіе семи дней подъ нимъ убито четыре лошади. При такомъ образѣ дѣйствій было невѣроятно, чтобы и онъ самъ, подъ конецъ, не попалъ подъ пулю. Теперь онъ упалъ съ лошадыю вблизи непріятельскихъ траншей, въ самомъ сильномъ огнѣ. Турки, очевидно, получили къ этому времени свѣжія подкрѣпленія, и, судя по грохоту, пули сыпались какъ градъ. „Если Скобелевъ уцѣлѣетъ,—думалось многимъ,—то это будетъ чудо!“ Но въ этотъ моментъ общаго размышленія туча дыма и пыли разсыпалась на минуту, и все увидѣли генерала скакавшимъ уже на новой лошади, свѣжимъ и бодрымъ, какъ ни въ чемъ не бывало: онъ не получилъ ни одной царапины...

Рекогносцировка была окончена. Войска возвращались по тому же лѣсу, по которому пришли, провожаемые турецкимъ огнемъ, который теперь уже мало оказывалъ дѣйствія. Вся потеря состояла изъ пяти убитыхъ и двадцати раненыхъ. Не остановив генералъ свою пѣхоту во-время, она, какъ подъ Плевной, была бы отражена съ огромными поте-

риями. Скобелевъ нашелъ, что потребуются не менѣе полуторы дивизіи, чтобы атаковать городъ, между тѣмъ какъ у него было всего пять батальоновъ.

Отступивъ верстъ на семь, генералъ Скобелевъ расположился лагеремъ на позиціи, недалеко отъ Ловчи, съ тѣмъ, чтобы по возможности завлечь турокъ къ атакѣ; но они не посмѣли этого сдѣлать и ограничились только тѣмъ, что отгѣснили нашу кавалерію, стоявшую на правомъ крылѣ.

Этимъ пока и можно закончить эпизодъ подъ Ловчей, а теперь необходимо перейти къ общему положенію дѣлъ.

На всѣхъ пунктахъ европейскаго театра войны русскіе все-еще не могли предпринять что-либо противъ собравшагося съ силами непріятеля и продолжали ожидать подкрѣпленій; турки же съ лихорадочной поспѣшностью совершали разныя передвиженія съ тѣмъ, чтобы атаковать русскія линіи до прибытія этихъ подкрѣпленій. Вокругъ Плевны замѣчалось постоянно зловѣщее движеніе турецкихъ войскъ. Иногда они неизвѣстно куда выходили изъ Плевны съ артиллеріей, съ обозами боевыхъ принадлежностей и значительнымъ числомъ пѣхоты, то появлялись съ неизвѣстнымъ намѣреніемъ на дорогѣ изъ Ловчи въ Сельви. Русскіе держались постоянно насторожѣ, ежеминутно ожидая нападенія.

Въ это-то время и разразился страшный ударъ Сулеймана-паши на Шибку, и, въ то же время, за рѣкой Янтрой, Мегеметь-Али-паша налегъ всѣми своими силами на рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича, при деревнѣ Аяслярѣ. Это было между 9 и 14 числами августа мѣсяца. Сулейманъ-паша, очевидно, имѣлъ намѣреніе, прорвавшись черезъ Шибкинскій перевалъ, соединиться на сѣверной сторонѣ Балкановъ съ Мегеметомъ-Али-пашею—на правомъ флангѣ и съ Османомъ-пашею—на лѣвомъ и затѣмъ ударить сообща на русскихъ и отгѣснить ихъ за Дунай.

Положеніе дѣлъ было въ высшей степени тревожное. Нашимъ дѣйствіямъ подъ Плевной угрожало серьезное препятствіе. Подкрѣпленія, вызванные изъ Россіи, были еще далеко. Къ тому же, случилось такъ, что въ это время главный оплотъ нашей арміи на югѣ—Шибкинскій перевалъ—оставался почти безъ защитниковъ. Мы опишемъ въ

своемъ мѣстѣ подробно тяжелые августовскіе дни на Шибкѣ и дѣйствія въ это время рущукскаго отряда, а теперь только для связи разсказа скажемъ нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что въ первыхъ числахъ августа получено было извѣстіе, что турецкія полчища двинулись въ тылъ Шибки, на сѣверъ отъ Балкановъ, къ г. Еленѣ. Войска наши немедленно двинулись отъ Шибки къ Еленѣ, а Сулейманъ-паша, пользуясь этимъ, напалъ съ 60,000 испытанныхъ боевыхъ войскъ на Шибкинскій перевалъ съ юга, гдѣ на горѣ св. Николая у насъ стояло всего 3,000 человекъ. Всѣмъ извѣстно, съ какой тревогой слѣзили стрѣлки наши обратно на Шибку, слыша усиливающійся громъ канонады и гулъ тысячей выстрѣловъ, направленныхъ противъ горсти нашихъ защитниковъ перевала, но ранѣе трехъ дней не могли подать имъ помощи. Въ эти три дня турки точно опьяненные, лѣзли на крутые скаты св. Николая. Они производили атаку за атакой, безъ отдыха, поддерживаемые свѣжими таборами низамовъ, противъ нашихъ утомленныхъ, не спавшихъ, не выходившихъ изъ боя, голодныхъ солдатъ. На третій день наступленіе турокъ сдѣлалось еще рѣшительнѣе. Солдаты уже едва отбивались. Ряды за рядами умирали въ мрачномъ отчаяніи. Шагъ за шагомъ переходилъ въ руки непріятеля. Двадцать человекъ лѣзло противъ одного обороняющагося. Турки показались уже въ тылу на габровской дорогѣ—оставалось послѣднимъ нашимъ защитникамъ пасть подъ ихъ ударами, какъ вдругъ подоспѣли стрѣлки, и Сулеймановскія полчища были сброшены съ св. Николая внизъ. Шибка была спасена. Отбито было до 100 атакъ Сулеймана-паши съ огромнымъ урономъ, и въ концѣ концовъ онъ не выигралъ почти ничего. Наши дѣйствія подъ Плевной могли не только спокойно продолжаться, но еще блистательная побѣда на Шибкѣ заставила насъ очнуться и отъ прежнихъ неудачъ подъ Плевной.

На рѣкѣ Янтрѣ Мегеметь-Али-паша выигралъ также немного. Правда, нашему слабому рущукскому отряду, въ ожиданіи подкрѣпленій, пришлось, послѣ жаркихъ схватокъ съ непріятелемъ при Аяслярѣ, Кадькюѣ и Карахасанкюѣ, отступить ближе къ рѣкѣ Янтрѣ; но это отступленіе, не смотря на подавляющее превосходство противника, совершено было въ

такимъ порядкѣ и съ такими ничтожными потерями, что движеніе это смѣло можно отнести къ числу блестящихъ дѣлъ прошлой кампаніи; при томъ же уступленная непріятелю мѣстность не имѣла для насъ, въ сущности, никакого значенія.

Вообще турки не сумѣли воспользоваться крайне затруднительнымъ положеніемъ русскихъ. Къ нашему счастью, турецкіе паши постоянно опаздывали и никакъ не могли ударить на насъ одновременно съ разныхъ сторонъ. Въ тѣ дни, когда бѣшенныя атаки Сулеймана-паши достигали высшей степени своего напряженія, Мегметъ-Али-паша, какъ-бы прислушиваясь къ усиліямъ своего товарища, приостанавливался; но лишь только Сулейманъ-паша ослаблялъ свой натискъ, какъ Мегметъ-Али-паша, точно встрепенувшись, налегалъ всѣми своими силами на рущукскій отрядъ. Едва только кончились безплодныя попытки этихъ двухъ пашей, какъ вышелъ изъ Плевны самъ Османъ-паша и ударилъ на нашу „Западную армію“ подъ Плевной, при деревняхъ Пелишатъ и Сгалевицъ.

Это было 19-го августа. Османъ-паша опоздалъ по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяць. 19-е августа—не 19-е июля. Теперь русскіе исполнѣ уже были готовы встрѣтить ударъ со стороны Османа-паши, тѣмъ болѣе, что опасность на Шибкинскомъ перевалѣ миновала, а подкрѣпленія наши продолжали прибывать безостановочно. Противъ Плевны направлены были главныя наши операціи; поэтому неудрено, что здѣсь мы раньше и скорѣе, чѣмъ на прочихъ пунктахъ, собрались съ силами.

За рѣкою Осмою, противъ плевненскихъ позицій, въ такъ называемой Западной арміи генерала Зотова, у насъ находились въ это время слѣдующія войска: на правомъ флангѣ, къ сѣверу отъ Плевны, стояла 4-я румынская дивизія; въ центрѣ расположенъ былъ 9-й корпусъ генерала Криденера, совершенно дополненный послѣ плевненскихъ неудачъ; на лѣвомъ флангѣ, къ юго-востоку отъ Плевны, стоялъ 4-й корпусъ генерала Крылова. Въ составъ той же арміи входили 8-я, 9-я и 11-я кавалерійскія дивизіи. Сюда же причисленъ былъ и отрядъ князя Имеретинскаго, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и кавказской казачьей бригады и прикрывавшій крайній лѣвый флангъ Западной арміи противъ г. Ловчи.

Сверхъ того, генераль Зотовъ укрѣпилъ въ послѣднее время всю свою оборонительную линію двумя рядами земляныхъ верковъ. По примѣру турокъ, русскіе заблаговременно окопались на своихъ позиціяхъ, устроили ложементы для пѣхоты, нѣсколько редутовъ и цѣлый рядъ траншей, на тотъ случай, еслибы турки напали на насъ раньше прибытія всѣхъ ожидавшихся нами подкрѣпленій; но наше положеніе подъ Плевной, въ сущности, было уже настолько прочно, что теперь никто даже и не вѣрилъ, чтобы Османъ-паша осмѣлился напасть на насъ изъ своей земляной клѣтки. Даже во время Шибкинскихъ боевъ, въ началѣ августа, для нашей Западной арміи не столько было опасно наступленіе Османа-паши изъ Плевны, сколько возможность прорыва арміи Сулеймана-паши черезъ Шибкинскій перевалъ. Въ то время плевенскіе турки, вопреки своему обычку, сдѣлали одну или двѣ слабыя рекогносцировки по направленію къ нашимъ позиціямъ, кончившіяся незначительными кавалерійскими схватками. Наши объяснили это только тѣмъ, что Османъ-паша хотѣлъ отвлечь этимъ вниманіе отъ Шибки; въ наступленіе же его тогда уже перестали вѣрить, хотя и продолжали постоянно держаться насторожѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ этого, числа 16-го или 17-го августа, получено было свѣдѣніе, что Османъ-паша отправилъ изъ Плевны къ Ловчѣ 20,000 человекъ войска, какъ предполагали, для нападенія на отрядъ князя Имеретинскаго. Это извѣстіе еще болѣе подтверждало общее убѣжденіе, что изъ самой Плевны турки не осмѣлятся напасть на наши укрѣпленныя позиціи передъ этимъ пунктомъ.

Таково было положеніе дѣлъ подъ Плевной, когда Османъ-паша дѣйствительно задумалъ произвести въ обширныхъ размѣрахъ вылазку противъ лѣваго фланга Западной арміи.

Наступило утро достопамятнаго дня.—19-го августа. На нашемъ лѣвомъ флангѣ, къ юго-востоку отъ Плевны, какъ уже было упомянуто выше, расположенъ былъ 4-й корпусъ генерала Крылова. Войска его занимали съ утра слѣдующія позиціи: Впереди, на аванпостахъ, почти подъ выстрѣлами непріятельскихъ плевненскихъ укрѣпленій, стояли два эскадрона Харьковскихъ уланъ и два эскадрона Маріупольскихъ гусаръ. На лѣвомъ флангѣ,

подлѣ деревни Пелишати, находились пѣхотные полки Суздальскій и Углицкій, расположенные вдоль склона низких холмовъ, за ложементами, прикрытыми кустарникомъ. Впереди ихъ, на разстоянїи одной версты, на вершинѣ постепенно поднимающейся возвышенности, стоялъ русскій редутъ, занятый въ то время двумя ротами Угличанъ и Суздальцевъ съ двумя орудіями. На правомъ флангѣ, въ разстоянїи около 2-хъ верстъ отъ Пелишата, у селенія Сталевицы, стояли—Галицкій полкъ, два батальона Шуйскаго полка и одна рота саперъ. Они защищались линіей траншеи, расположенныхъ по склонамъ лѣсистыхъ холмовъ, тянущихся отъ деревни Сталевицы къ Пелишату. Самая деревня Сталевица лежитъ на вершинѣ высокаго холма, лѣсистый склонъ котораго, укрѣпленный травяными, также былъ занятъ Галичанами и Шуйцами. Позади всѣхъ этихъ позицій, въ общемъ резервѣ, у деревни Порадимъ, находились три полка 30-й дивизїи, также въ укрѣпленныхъ позиціяхъ, составлявшихъ вторую оборонительную линію 4-го корпуса.

Такимъ образомъ, впереди, на боевыхъ позиціяхъ 4-го корпуса, находилось всего около 11,000 человекъ, да немного меньше въ резервѣ.

Около 6¹/₂ часовъ утра, съ аванпостовъ, занимаемыхъ гусарами и уланами, было получено первое увѣдомленіе о выходѣ изъ плевненскихъ укрѣпленій, находящихся за Радищевомъ, большихъ непріятельскихъ силъ, около 20—25 тысячъ человекъ... Сначала наши попрежнему не повѣрили рѣшимости турокъ напасть на укрѣпленную позицію 4-го корпуса и объяснили движеніе непріятеля намѣреніемъ его отвлечь наше вниманіе отъ задуманнаго имъ удара на румынскую армію, переправляющуюся въ то время черезъ Дунай у Кораби, почему и рѣшено было оставить неизмѣннымъ вышеуказанное расположеніе войскъ, и особенныхъ мѣръ пока не было принято.

Вскорѣ, однако, пришло извѣстіе, что турки дѣйствительно идутъ по направленію къ Пелишату и Сталевицѣ. Говорятъ, что первый сигналъ объ этомъ наступленїи былъ поданъ изъ Пелишата ракетами, которыхъ должны были пустить 8, а ихъ поднялось всего 2,—остальные оказались испорченными. Какъ бы то ни было, но передовыя войска наши успѣли

во-время изготовиться для встрѣчи съ такъ давно ожидаемымъ противникомъ.

Турки шли плотной колонной, имѣя впереди густую цѣпь стрѣлковъ, постоянно смѣнявшуюся новыми людьми, подвигаясь, такимъ образомъ, впередъ такъ называемыми „перекатными цѣпиями“. Съ фронта ихъ прикрывала густая, широко раскинутая цѣпь кавалерїи.

По полученїи извѣстія о приближенїи непріятеля по направленію къ позиціямъ 4-го корпуса, всѣ войска генерала Крылова стали въ ружье, а на поддержку нашихъ передовыхъ кавалерійскихъ частей, тѣсныхъ непріятелемъ, посланы были остальные четыре эскадрона гусаръ и уланъ.

Непріятель, между тѣмъ, продолжалъ медленное наступленіе. Массы его конницы, поддерживаемыя артиллерїею и пѣхотою, очевидно, не могли быть задержаны нашими гусарами и уланами, которые, въ виду неравенства силъ, начали, избѣгая схватки и ограничиваясь наблюденіемъ, медленно отходить назадъ: гусары къ Сталевицѣ, а уланы къ Пелишату. Около восьми часовъ утра непріятельская конница также свернулась въ двѣ колонны, открывъ такимъ образомъ фронтъ густой цѣпи слѣдовавшихъ за нею стрѣлковъ, и одною колонною направилась къ своему правому флангу, а другою—къ лѣвому. Турецкая же пѣхота съ артиллерїей, начала, въ тотъ же моментъ энергическое наступленіе на пелишатскую позицію, стараясь видимо взять ее во флангъ. Началась сильная артиллерійская пальба, а вслѣдъ затѣмъ открылся жестокой ружейный огонь...

Нашъ редутъ, находившійся впереди Пелишата и обороняемый всего двумя ротами пѣхоты съ двумя орудіями, хотя и получилъ скорѣе подкрѣпленіе изъ пяти ротъ Суздальцевъ, но, послѣ упорнаго и краткаго сопротивленія, не выдержалъ натиска почти четверо сильнѣйшаго непріятеля: роты и орудія начали отходить назадъ къ Пелишату. Въ это время къ нимъ подошли на помощь новыя роты Суздальскаго полка, и въ то же время по очищенному нами редуту открытъ былъ сильнѣйшій огонь изъ 24-хъ орудій. Русскія гранаты со свистомъ полетѣли по направленію къ холму и одна за другой разрывались надъ спорнымъ редутомъ. Подкрѣпленные Суздальцы быстро оправились и, придя въ порядокъ,

смѣло бросились на непріятеля, выбили его изъ редута и преслѣдовали его еще около вереты.

Но это было только началомъ настоящаго боя...

Массы турецкой пѣхоты выросли снова. Къ десяти часамъ утра турки опять начали подаваться впередъ. Правый флангъ ихъ все болѣе и болѣе огибалъ слѣва пелишатскую позицію. Банибузуки уже ворвались въ самый Пелишатъ и зажгли его. Непритель вновь набросился на пелишатскій редутъ и снова овладѣлъ имъ.

Сраженіе стало принимать серьезный характеръ. Бой свирѣпствовалъ уже болѣе часу съ тѣхъ поръ, какъ раздался первый пушечный выстрѣлъ, — и за то время редутъ былъ взятъ турками, затѣмъ русскіе снова вернули его, и, наконецъ, онъ вторично перешелъ въ руки турокъ. Не прошло и пяти минутъ послѣ этого, какъ вершина холма, на которой стоялъ редутъ, на протяженіи цѣлой версты вдругъ почернѣла, какъ будто по гребню возвышенности была проведена чернилами линія. Это былъ непритель, который только-что овладѣлъ редутомъ и теперь началъ спускаться внизъ по склонамъ холма, намѣреваясь атаковать центръ русскихъ позицій, между Пелишатомъ и Сталевицей. Турки спускались по холму неспѣша и безъ ружейной пальбы, и не массами или рядами, а вразсыпную, прикрываясь страшнымъ огнемъ изъ своихъ многочисленныхъ орудій. Наши батареи, находившіяся на сталевицкой позиціи и производившія сначала рѣдкій огонь по непріятельскимъ колоннамъ, двигавшимся издали, теперь до крайней степени участили пальбу. Русская артиллерія просто свирѣпствовала, уничтожая сразу цѣлыя группы непріятеля. Вдругъ на самомъ гребнѣ холма, занятаго редутомъ, загремѣлъ огонь русской пѣхоты, и турки, только-что начавшіе строиться въ правильные ряды, стали быстро падать... Это русскимъ удалось снова овладѣть редутомъ.

Былъ уже полдень. Жара была подавляющая, вслѣдствіе чего люди и лошади испытывали величайшія мученія. Густая непрерывная цѣпь непріятельской пѣхоты вновь охватила уже все пространство отъ Сталевицы до Пелишата, и многочисленныя непріятельскія орудія, числомъ приблизительно 40 или 50, начали производить неумолкаемый огонь по всей нашей линіи, съ которой наши батареи и стрѣлки изъ-за закрытій отвѣчали такимъ же ог-

немъ. Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ не прекращался ни на минуту. Около часу пополудни непритель вновь перешелъ въ настойчивое наступленіе, направляя теперь одновременно три отчаянныя атаки — на пелишатскій редутъ, на центръ русскихъ позицій между Сталевицей и Пелишатомъ и на укрѣпленія у самой Сталевицы.

Съ особеннымъ ожесточеніемъ турки атаковали наши позиціи между Пелишатомъ и Сталевицей. Наступленіе началось залпомъ, на который русскіе отвѣчали дружнымъ огнемъ изъ-за траншей и ложементовъ. Но турки наступали смѣло; они упрямо лѣзли впередъ, не взирая на то, что имъ пришлось идти по трупамъ своихъ товарищей. Теперь турки, сравнительно, даже стрѣляли мало; очевидно, они намѣревались добиться успѣха съ помощью штыковъ. Это былъ въ высшей степени любопытный моментъ, когда армія Османа-паша, упоенная плевненскими удачами, намѣревалась въ первый разъ вступить въ открытый рукопашный бой. Турки быстро спустились въ небольшую лощину, расположенную передъ самой линіей нашихъ окоповъ, и бросились напроломъ въ атаку. Русскія батареи усилили огонь до высшей степени, а изъ-за траншей посыпался градъ пуль въ подвигающихся турокъ. Это длилось минутъ 15, или 20, и въ это время турки должны были понести громадныя потери. Вскорѣ они начали медленно отступать, подбирая за собою раненыхъ и убитыхъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Не смотря на первую неудачу, сопровождавшуюся огромными потерями, турки, точно наэлектризованные, вновь сомкнули свои ряды, разстроенные русскимъ огнемъ, и снова бросились впередъ. Они быстро спустились въ лощину, наполненную дымомъ и огнемъ, и ринулись на русскіе окопы въ смертельный бой. Турки набросились съ такимъ остервененіемъ, что многіе изъ нихъ свалились почти въ самыя траншеи. Весь грунтъ передъ нашими окопами былъ сплошь покрытъ непріятельскими тѣлами. Убитые турки лежали такъ близко къ нашимъ траншеямъ, что, будучи живыми, могли бы достать рукой русскихъ, сидѣвшихъ въ траншеяхъ. Много турецкихъ труповъ валялось даже въ глубинѣ траншей. Словомъ, здѣсь происходилъ самый ужасный бой. Положительно, какъ атака, такъ и защита были отчаянныя! Наши войска, какъ и всегда, держались необыкновенно стойко.

— А славная, братъ, эта штука, ложементы, — говорилъ своему товарищу одинъ солдатикъ, какъ видно, въ первый разъ испытавшій прелесть ложементовъ. Лежишь себѣ, только патроны набиваешь, а между тѣмъ доступу ему не даешь.

— Да, братъ, славная штука, высказывается другой, какъ видно, въ первый разъ участвовавшій вообще въ дѣлѣ: а если такой огонь бываетъ, такъ ничего, драться можно...

Въ одномъ пунктѣ турки подошли шаговъ на 30 къ нашей батарее, и въ этотъ моментъ съ ихъ стороны послышалась русская рѣчь: „свои, братцы, не стрѣляйте!..“ Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ выскочилъ даже впередъ и началъ тоже объяснять знаками, что это молъ свои. Но красныя фески скоро выдали хитрецовъ — батарея грянула картечью и смела турокъ, а двѣ роты Галичанъ, съ генераломъ Богацевичемъ во главѣ, докончили дѣло, бросившись въ штыки изъ ложементовъ. Остальные два батальона Галичанъ и два батальона Шуйцевъ, воодушевляемые успѣхомъ, сами сдѣлали смѣлую попытку доканать противника и бросились также въ штыки.

Говорятъ, что русскіе солдаты выказали въ этомъ сраженіи такую храбрость, что даже Османъ-паша, все время наблюдавшій за ходомъ битвы, невольно воскликнулъ: „браво!“...

Турки снова были отбиты и снова отступили на возвышенность. Только огромное неравенство силъ остановило наши войска отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Солдаты наши вовремя поудержали свой пылъ и отошли къ своимъ позиціямъ.

Трудно было предположить, чтобы турки вернулись послѣ этого еще разъ. Однако они сдѣлали это. Для всѣхъ, видѣвшихъ обѣ предъидущія атаки, это казалось безуміемъ, потому что всякій могъ ясно убѣдиться, что огонь русскихъ не ослабѣетъ ни на минуту и что русская линія не можетъ поколебаться, такъ какъ русскіе резервы стояли въ Порадимѣ наготовѣ и собирались броситься въ дѣло по первому сигналу. Не смотря на это, вновь появившіяся сильныя непріятельскія массы, вспомооществуемыя дальнобойною артиллеріей, начинали наступленіе. Эта третья атака, какъ кажется, была уже не болѣе, какъ только намѣреніемъ турокъ остановить начавшееся наше наступленіе. Война возобновилась, но

лишь на одно мгновеніе. Турки, разбитые окончательно, отступили, вяло отстрѣливаясь и подбирая по пути раненыхъ и убитыхъ. Какъ и всегда, многіе изъ нихъ забирались при этомъ на деревья, пользуясь ихъ прикрытіемъ.

Атака турокъ на пелишатскій редутъ, уже бывшій два раза въ ихъ рукахъ, отличалась также чрезвычайною стремительностью. Въ одну изъ минутъ порывистаго наступленія, при одномъ изъ нашихъ орудій, находившихся въ редутѣ, турки перебили и переранили всю прислугу, весь прикрывавшій орудіе взводъ пѣхоты, двѣ шестерки лошадей, подбили лафетъ и колесо, такъ что орудіе пришлось бросить. Нѣсколько нашихъ уцѣлѣвшихъ солдатъ успѣли только захватить съ собою замокъ отъ орудія. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ стойкости нашихъ артиллеристовъ, погибающихъ, но остающихся на своемъ мѣстѣ. Наконецъ атака и здѣсь была вновь отражена, благодаря меткому огню четырехъ батарей 16-ой бригады, а главное — удачнымъ выстрѣломъ 8-ой конной батареи и атаке уланъ и гусаръ, посланныхъ генераломъ Крыловымъ на крайній правый флангъ непріятеля. Турки, хотя и медленно, стали и отсюда отходить, откидывая далеко назадъ свой правый флангъ, угрожаемый нашею кавалеріей.

Такая же участь постигла и энергическую атаку, направленную турками противъ нашей позиціи у деревни Сталевицы. Непріятель началъ противъ этой позиціи бѣшеную атаку, перешедшую затѣмъ въ ожесточеннѣйшую свалку. Турки даже ворвались здѣсь въ ложементы, занимаемые нашею пѣхотою, но вскорѣ были отброшены смѣлымъ натискомъ двухъ батальоновъ Галицкаго и двухъ батальоновъ Шуйскаго полка. При этомъ не обошлось дѣло безъ забавнаго происшествія. Дѣло въ томъ, что нашу пѣхоту, въ теченіе цѣлаго мѣсяца стоянки подъ Плевной, учили брать штурмомъ укрѣпленія: построили для этого батарею изъ турокъ и фашинь, по всѣмъ правиламъ искусства, нарубили лѣстницъ и посылали солдатъ на примѣрный штурмъ. Случилось такъ, что въ моментъ наступленія непріятеля учебно-практическая батарея фронтомъ своимъ была обращена къ туркамъ, но при этомъ не была занята ни одною изъ частей нашего отряда. Турки и открыли по батарее оже-

сточенный артиллерійскій огонь. Вся мѣстность кругомъ и самая батарея были буквально изборождены снарядами. Наконецъ турки рѣшились штурмовать эту батарею и, конечно, заняли ее безъ боя. Зато они были скоро выбиты оттуда съ большими потерями, попавъ подъ сильный огонь нашей артиллеріи; затѣмъ пять ротъ пѣхоты бросились на турокъ въ штыки и вывели ихъ изъ батареи во мгновеніе ока а орудія наши, въ особенности 1-я батарея 30-й бригады полковника Гудима, преслѣдовали ихъ адскимъ огнемъ, буквально засыпавъ картечью густыя толпы непріятеля.

Попытка непріятеля обойти правый флангъ египетской позиціи, для чего была направлена турками сильная колонна кавалеріи, оказалась слабо веденною, такъ какъ конница эта, пробравшаяся черезъ овраги и дубякъ, покрывавшій высоты, находящіяся съ этой стороны, и вовремя замѣченная Мариупольскими гусарами, была немедленно осыпана картечными гранатами нашихъ батарей и въ безпорядкѣ кинулась назадъ.

Около 4-хъ часовъ пополудни турки пріостановили наступленіе по всей линіи и, подъ прикрытіемъ сильного артиллерійскаго и ружейнаго огня, начали отходить къ Плевнѣ.

Видя начавшееся такимъ образомъ отступленіе непріятеля, генераль Крыловъ тотчасъ же двинулъ для преслѣдованія турокъ Суздальскій и Углицкій пѣхотные полки и кавалерійскіе полки гусарскій и уланскій. Пѣхота преслѣдовала отступавшаго непріятеля около пяти верстъ, а кавалерія шла за нимъ по пятамъ, пока не заняла своихъ обычныхъ сторожевыхъ мѣстъ, находившихся подъ выстрѣлами плевненскихъ укрѣпленій, и пока наступившія сумерки не скрыли непріятеля отъ ея наблюденія.

Преслѣдовать непріятеля съ большею энергіею оказалось невозможнымъ, такъ какъ пѣхота наша была сильно утомлена почти непрерывнымъ девятичасовымъ боемъ съ превосходными непріятельскими силами, а оба кавалерійскіе полка, беззмѣнно стоявшіе на аванпостяхъ подъ Плевною въ теченіе цѣлаго мѣсяца и пробывшіе почти весь день 19-го августа на коняхъ, не кормленныхъ и не разсѣдланныхъ, были совсѣмъ изнурены. Къ тому же отрядъ генерала Крылова не могъ получить вовремя поддержки со стороны 9-го корпуса, откуда хотя и

III вып.

была въ этотъ день направлена, по приказанію генерала Зотова, бригада дивизіи генерала Шильдеръ-Шульднера, отъ Булгарепи къ Гривицѣ, на лѣвый флангъ непріятеля, но бригада эта пришла на мѣсто слишкомъ поздно, такъ какъ люди должны были сдѣлать на дорогѣ продолжительный привалъ, вслѣдствіе длиннаго, утомительнаго пути, съ тяжелыми ранцами на плечахъ, вдобавокъ при сильной жарѣ. Поспѣй бригада немного раньше,—и день 19-го августа завершился бы полнѣйшимъ разбитіемъ войскъ Османа-паши.

Но, во всякомъ случаѣ, турки были отражены блистательно и съ огромными потерями, не смотря на то, что у насъ въ бою участвовало не болѣе 11,000 человекъ, тогда какъ турки наступали въ числѣ 20 или 25 тысячъ бойцовъ, снабженныхъ превосходными ружьями и дальнобойной артиллеріею. Впрочемъ, непріятель велъ атаку превосходно; наступленіе турокъ было сдѣлано съ такой внезапностью и силою, что русскій редутъ въ первый разъ былъ взятъ положительно врасплохъ, раньше чѣмъ генераль Зотовъ узналъ о томъ, что началось нападеніе.

Замѣчательно, что турки, какъ рассказываютъ, были въ этотъ разъ всѣ выпивши, а многіе даже сильно пьяны; отъ каждаго изъ раненыхъ такъ и разило ракіею, запасы которой находили у многихъ убитыхъ солдатъ. Кромѣ того, у каждаго убитаго можно было найдти красный перецъ, галеты и виноградъ. Нѣсколькихъ человекъ раненыхъ турокъ, взятыхъ нами въ плѣнъ и доставленныхъ въ лазаретъ, пришлось прежде всего вытрезвлять. Не въ первый разъ, впрочемъ, замѣчено было, что турки спиваютъ своихъ солдатъ, прежде чѣмъ посылать ихъ въ бой: то же происходило и на Шибкѣ. Поэтому способность и храбрость турокъ въ наступленіи остаются пока сомнительными. Во всякомъ случаѣ, это была не храбрость разумныхъ, свято исполняющихъ свой долгъ, людей.

Какъ бы то ни было, а пѣхота Османа-паши, наступавшая плотною колонною и превосходившая насъ численностью, разбила о русскіе окопы и мужественный отпоръ, оказанный нашими храбрыми войсками. Турки отступили съ громадными потерями. Они оставили только на мѣстѣ до 500 турковъ, надъ закапываньемъ которыхъ войскамъ на-

шимъ пришлось потрудиться цѣлыхъ два дня; если же принять при этомъ во вниманіе обычай турокъ уносить съ собою не только раненыхъ, но и убитыхъ, то общую потерю ихъ, судя по числу оставленныхъ труповъ, нельзя было не признавать весьма крупною. Сколько непріятель захватилъ съ собою выбывшихъ изъ строя, объ этомъ можно было судить по числу брошенныхъ турками ранцевъ, которыми поле сраженія было буквально усыяно. Полагаютъ, что всего они потеряли въ этотъ день не менѣе 2,000 человекъ убитыми и ранеными. Наши солдаты дрались и гибли съ замѣчательною стойкостью и самоотверженіемъ; но потери ихъ не превышали 500 человекъ убитыми и ранеными.

— Довольны ли вы теперь? Сквитались вы теперь съ турками? — спросилъ своихъ солдатъ, по окончаніи боя, генералъ Зотовъ.

— Нѣтъ, этого еще мало, — отвѣчали солдаты; — мы рассчитаемся только тогда, когда отберемъ у турка Плевну.

И дѣйствительно, третья и рѣшительная попытка овладѣть Плевною была уже не далека.

Еще наканунѣ пелишатскаго боя, 18 августа, въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи рѣшено было предпринять, въ концѣ августа, въ колоссальныхъ размѣрахъ штурмъ плевненскихъ позицій, для чего предложено было взять предварительно Ловчу, чтобы чрезъ это вполне обезпечить флангъ и тылъ войскамъ, которыя нападутъ на Плевну съ восточной, юго-восточной и южной сторонъ.

Слухъ объ этомъ важномъ рѣшеніи тайно передавался уже изъ устъ въ уста; но многимъ какъ-то еще не вѣрилось, чтобы атака Плевны могла состояться черезъ полторы недѣли, тѣмъ болѣе что срокъ атаки вполне зависѣлъ отъ прибытія изъ-подъ Ловчи отряда князя Имеретинскаго съ генераломъ Скобелевымъ въ авангардѣ. Между тѣмъ, отряду этому предстояло еще взять городъ Ловчу, и хотя два вышеприведенныя имени ручались за успѣхъ, но въ войнѣ тысячи самыхъ непредвидѣнныхъ случайностей могутъ перевернуть всѣ расчеты вверхъ дномъ. Правда, войска наши были готовы исполнить долгъ свой во всякую минуту — и они доказали это блистательно — тѣмъ не менѣе, всѣхъ давило какое-то тяжелое предчувствіе. Не говоря уже объ атакѣ Плевны, даже взятіе Ловчи пред-

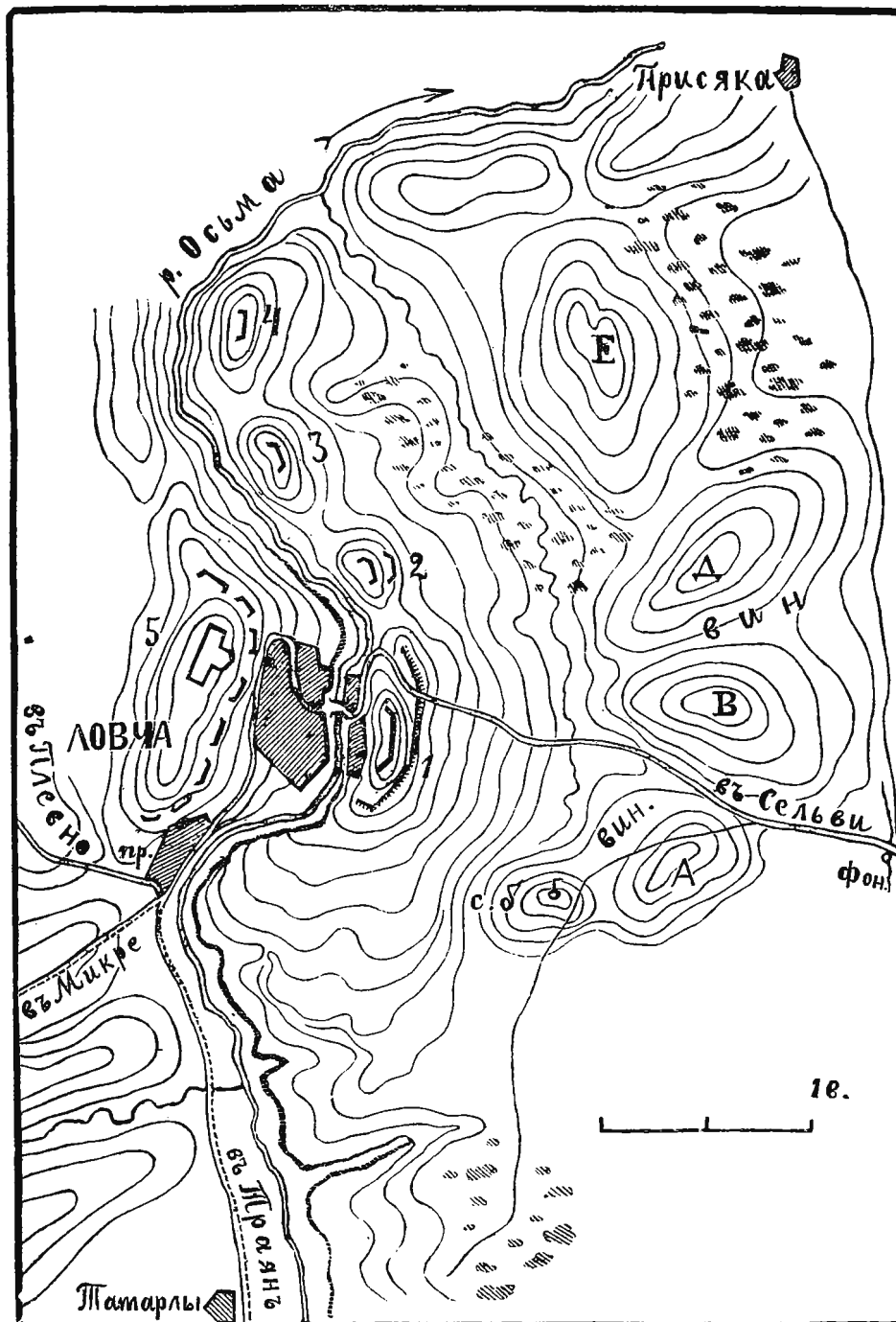
ставлялось дѣломъ крайне труднымъ и опаснымъ. Служа охраною плевненской арміи и связью ея съ забалканской арміею Сулеймана-паши, городъ Ловча привлекъ къ себѣ особенное вниманіе Османа-паши. Онъ сильно укрѣпилъ его, по образцу плевненскихъ позицій, и занялъ его въ послѣднее время значительными силами. Штурмъ города Ловчи грозилъ такими же потерями атакующимъ, какъ и два плевненскія побоища. Однако, на третій день послѣ пелишатскаго сраженія, 21-го августа утромъ, корреспонденты газетъ уже со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Ловчу, гдѣ въ этотъ день, судя по доносившемуся оттуда гулу орудійныхъ выстрѣловъ, началась уже атака.

Городъ Ловча, какъ мы уже знаемъ, лежитъ въ 35 верстахъ къ югу отъ Плевны, въ верховьяхъ рѣки Осмы. Городъ расположенъ на днѣ небольшой долины, окруженной съ трехъ сторонъ цѣпью невысокихъ холмовъ съ весьма пологими склонами. Въ серединѣ этой котловидной долины высятся отдѣльно стоящая, такъ называемая „Рыжая гора“, около которой протекаетъ, между отвѣсными скалами, рѣка Осма, перерѣзывающая всю ловчинскую долину. Самый городъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна — турецкая — примыкаетъ къ лѣвому берегу Осмы, именно къ одному изъ отвѣсовъ „Рыжей горы“, а другая — болгарская — лежитъ въ самой долинѣ, на правомъ берегу Осмы. Обѣ части города соединены небольшимъ мостомъ.

Турки укрѣпили и заняли артиллеріею всѣ вершины холмовъ, окружающихъ ловчинскую долину, за исключеніемъ двухъ высокихъ горъ, расположенныхъ вправо отъ дороги изъ Сельви въ Ловчу, не доходя до вышеупомянутыхъ холмовъ. Ключъ всей ловчинской долины составляла „Рыжая гора“, на которой турки устроили нѣсколько рядовъ траншей и поставили сильныя батареи. Сверхъ того, къ сѣверу отъ города, на высокомъ обрывистомъ холмѣ, господствующемъ надъ городомъ и надъ дорогою изъ Ловчи въ Плевну, возведенъ былъ турками сильный редутъ съ огромнымъ валомъ, обращеннымъ лицевою стороною къ востоку и югу и обнесеннымъ глубокимъ ровомъ съ лежащими по сторонамъ его траншеями и ложементами. Редутъ этотъ составлялъ ключъ позицій къ западу отъ города.

Численность турецкого войска, занимавшего всё | когда 22-тысячный отряд князя Имеретинского, эти укрепления, доходила до 20,000 человек. давно уже стоявший наготовѣ по дорогѣ из Сельви Таково было положеніе непріятеля въ Ловчѣ, въ Ловчу, получилъ изъ главной квартиры при-

Взятіе города Ловчи.

Буквы фон. обозначают фонтанъ; ви. — виноградники; с. б. — сторожевая будка. Буквами обозначены высоты, предварительно заняты нашими войсками; цифрами — позиции турецких войскъ, изъ которыхъ «Рыжяя гора» означена № 1, а редутъ — № 5. На югозападъ отъ Ловчи буквы пр. — означаютъ предместье города.

казаніе, отъ 19-го августа, немедленно атаковать | слѣдующія части: 2-я пѣхотная дивизія, т. е. полки этотъ городъ. | Калужскій, Либавскій, Ревельскій и Эстляндскій;

Въ составъ отряда князя Имеретинскаго вошли | 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи, т. е. полки

Псковскій и Великолукскій, 3-я стрѣлковая бригада, гвардейская полурота, 2-я артиллерійская бригада, три батареи 3-й артиллерійской бригады, одна батарея 9-й артиллерійской бригады,—всего 22 батальона, одна полурота и 80 орудій. Ему же былъ подчиненъ отрядъ генерала Скобелева, бывший въ составѣ Казанскаго полка, одного батальона Шуйскаго, Кавказской казачьей бригады, эскадрона конвоя Его Величества, двухъ сотенъ Донскаго № 30 полка, 1-й батареи 16-й артиллерійской бригады и Донской № 8 батареи, всего 4 батальона, 1 эскадронъ, 14 сотенъ и 14 орудій. Слѣдовательно всего войскъ, назначенныхъ для взятія Ловчи, было: 26 батальоновъ, 1 полурота, 1 эскадронъ, 14 сотенъ и 94 орудія.

Для атаки города Ловчи войска князя Имеретинскаго раздѣлены были на двѣ колонны: правую составляли 3-я стрѣлковая бригада и гвардейская сводная полурота, подъ командою генералъ-маіора Добровольскаго. Лѣвая колонна, начальство надъ которою было поручено генералъ-маіору Скобелеву 2-му, состояла изъ полковъ Казанскаго, Калужскаго и Псковскаго, одного батальона Шуйскаго полка, гвардейскаго эскадрона, двухъ сотенъ Кавказскихъ казаковъ и 56 орудій. Остальные пѣхотные полки—Ревельскій, Эстляндскій и Либавскій—должны были составлять общій резервъ, подъ главнымъ начальствомъ самого князя Имеретинскаго. Сверхъ того, 10 сотенъ Кавказскихъ казаковъ назначены были на крайній правый флангъ, а двѣ сотни Донцовъ—на крайній лѣвый.

Пѣхота ловчинскаго отряда заключала въ себѣ, большею частью, молодыя войска, еще ни разу не участвовавшія въ дѣлѣ; 2-я же дивизія князя Имеретинскаго состояла почти исключительно изъ уроженцевъ Казанской и Симбирской губерній, и въ ней насчитывалось около 30% татаръ-мусульманъ. Не смотря на все это, войска ловчинскаго отряда въ первомъ же дѣлѣ самымъ блистательнымъ образомъ доказали свою неустрашимость въ бою и непоколебимую преданность долгу и чести. Было здѣсь немало и участниковъ плевненскихъ битвъ,—свидѣтелей того, какъ расправлялись турки съ нашими ранеными; варварства эти были не менѣе извѣстны и всѣмъ остальнымъ солдатамъ. Поэтому можно судить о той участи, какую готовили

эти войска плевненскимъ выходцамъ—ловчинскому гарнизону. Въ особенности ожесточили нашихъ солдатъ противъ турокъ рассказы болгаръ о ловчинской рѣзнѣ и самый видъ несчастныхъ бѣженцевъ, расположившихся лагеремъ у нашихъ бивуакомъ.

20-го августа, утромъ, колонна генерала Скобелева была двинута впередъ. За нею слѣдомъ выступили и остальные части ловчинскаго отряда.

Нужно замѣтить, что взятіе Ловчи составляло любимую мечту Скобелева, которую онъ лелѣялъ въ теченіи трехъ или четырехъ послѣднихъ недѣль. Съ первыхъ чиселъ августа, послѣ уже извѣстной намъ рекогносцировки города Ловчи, генералъ Скобелевъ, поддерживаемый со стороны Сельви частями 14-й пѣхотной дивизіи, продолжалъ производить постоянныя развѣдки около Ловчи съ ввѣренными ему четырьмя батальонами. Тутъ онъ изучилъ мѣстность кругомъ Ловчи какъ свои пять пальцевъ, часто выѣзжая впереди своей цѣпи и забираясь даже за неприятельскую цѣпь безъ всякаго конвоя, одинъ одинешенекъ. Вотъ почему онъ и его ближайшіе помощники, полковникъ Паренсовъ и капитанъ Куропаткинъ, были выдвинуты впередъ, въ головѣ отряда, чтобы съ возможной тщательностью подготовить дѣло: они должны были осмотрѣть позиціи, занять наиболѣе выгодныя изъ нихъ, измѣрить разстоянія, опредѣлить число орудій, необходимыхъ для начала дѣла, и приготовить для артиллеріи батареи, а для пѣхоты вырыть ровики и ложѣменты, такъ чтобы, когда придутъ изъ-подъ Сельви войска князя Имеретинскаго, они могли быть поставлены уже на готовые позиціи.

Вообще планъ взятія Ловчи былъ заранѣе разработанъ до мельчайшихъ подробностей, такъ сказать, систематически.

Передъ выступленіемъ подъ Ловчу войскамъ лѣвой колонны былъ прочитанъ приказъ генерала Скобелева, въ которомъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Не забывать священнаго долга: выручки своихъ товарищей во что бы то ни стало“ „Не трогать даромъ патроновъ“ „Ура кричать лишь въ томъ случаѣ, когда непріятель дѣйствительно близокъ и предстоитъ атака“ „Обращаю вниманіе всѣхъ нижнихъ чиновъ, что потери при молодецкомъ наступленіи бываютъ ни-

чтожны, а отступление, въ особенности безпорядочное, кончается значительными потерями и срамомъ".

20-го августа, вечеромъ, отрядъ генерала Скобелева, не останавливаясь, подошелъ къ окрестностямъ Ловчи и тотчасъ произвелъ рекогносцировку тѣхъ двухъ горъ, которыя стоятъ по правую сторону дороги, не доходя до цѣпи ловчинскихъ холмовъ. Одна изъ этихъ горъ оказалась уже занятою неприятелемъ, но была немедленно взята съ бою батальономъ Казанскаго полка.

Уже смеркалось. Занявъ гору батальономъ Казанцевъ и поставивъ у подошвы ея, въ резервъ, другой батальонъ того же полка и одинъ батальонъ Шуйцевъ, генералъ Скобелевъ приступилъ къ укрѣпленію этой позиціи. Всю ночь съ 20-го на 21-е августа стрѣлки Казанскаго полка рыли на горѣ ложементы, ровики и строили батарею на 24 орудія. Въ ту же ночь на скалистую вершину этой горы были уже встѣнены пѣхотою восемь орудій.

Къ пяти часамъ утра 21-го августа огонь изъ этихъ орудій уже заставилъ турокъ очистить сильное укрѣпленіе на сосѣдней высотѣ. Занявъ эту высоту немедленно же Казанскимъ полкомъ, генералъ Скобелевъ получилъ возможность поставить здѣсь еще 32 орудія. Въ ночь на 23-е августа усиленіями пѣхоты сюда помѣщены были всѣ эти орудія, а на вышеупомянутую гору встѣнили еще 16 пушекъ. Здѣсь батареи пришлось прижать одну къ другой, по недостатку мѣста на узкой скалистой вершинѣ, такъ что одна батарея была выставлена на краю горы, а другія ниже. Но, во всякомъ случаѣ, на нашихъ позиціяхъ стояли уже всѣ 56 орудій, которыя еще до разсвѣта своимъ яростнымъ ревомъ должны были пробудить неприятеля.

Казанцы и Шуйцы продолжали сохранять свое прежнее расположеніе. Между тѣмъ подходили и остальные войска лѣвой колонны. Всю ночь капитанъ Куропаткинъ провожалъ эти войска на позиціи и указывалъ каждой части ея мѣсто, обозначалъ колышками мѣста для полевыхъ укрѣпленій и потомъ, въ готовыхъ уже батареяхъ, скрытно располагалъ артиллерию. Все это было исполнено съ замѣчательной быстротою и точностью. Къ 5^{1/2} часамъ утра войска лѣвой колонны генерала

Скобелева уже собрались на боевой позиціи въ блистательномъ порядкѣ, не смотря на всѣ затрудненія, какія представляли темнота ючи и гористая мѣстность.

На завтра, на 22-е августа, назначена была атака.

Ночь была темная. Всѣ движенія были чрезвычайно затруднительны до самой полуночи, когда взошла луна, чтобы благоприятствовать приготовленіямъ къ завтрашней рѣзни, въ отплату за плененскія неудачи. Войска были расположены позади высотъ къ востоку отъ Ловчи, такъ что лагерь нашъ былъ скрытъ отъ неприятеля. Картина была чрезвычайно живописна. Мириады лагерныхъ костровъ, сверкающихъ вдоль склоновъ холмовъ; печальный скрипъ артиллерійскихъ колесъ, сопровождающій движеніе орудій на ихъ позиціи; мѣрный топотъ пѣхоты, тайкомъ пробирающейся, подъ прикрытіемъ темноты, на боевую линію, и отчаянный галопъ казаковъ, передающихъ приказанія:— все это вмѣстѣ составляло поразительную картину.

Скрипъ артиллерійскихъ колесъ и зарядныхъ ящиковъ продолжался безъ перерыва, но огни начали мало-по-малу гаснуть.

На другой сторонѣ мусульмане тоже спали, не подозрѣвая ужаснаго пробужденія, которое вгихомолку готовили имъ русскіе. Завтра вдоль нашего фронта будетъ выставлено 80 орудій, подъ прикрытіемъ которыхъ русскіе предпримутъ атаку на турецкія позиціи. Удастся ли все такъ, какъ это было бы желательно?—таковъ былъ вопросъ, который въ эту ночь всѣ передавали другъ другу.

Въ эту же ночь, на 22-е августа, начальникъ 3-й стрѣлковой бригады, генералъ-маіоръ Добровольскій, командовавшій правою колонною, произвелъ рекогносцировку высотъ передъ Ловчею на правомъ флангѣ, у деревни Присяки, и въ теченіи ночи тоже укрѣпилъ ее. На позиціи поставлена была скорострѣльная батарея, сформированная изъ дальнобойныхъ турецкихъ орудій, отбитыхъ у неприятеля въ Никополѣ, и восемь орудій русскихъ 9-ти-фунтовыхъ.

На завтра предположено было: до двухъ часовъ пополудни приготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ, а въ два часа начать самую атаку.

Въ виду того, что такъ-называемая „Рыжая

гора“ командуетъ всѣми остальными высотами, окружающими городъ Ловчу, рѣшено было вести на нее главную атаку колонною Скобелева; только по овладѣніи „Рыжею горою“ должна была начать атаку и правая колонна генераль-маіора Добровольскаго.

Кавказской кавчѣй бригадѣ предписано было выдвинуться на крайній правый флангъ для наблюденія за плевно-ловчинской дорогою, а двумъ сотнямъ 30-го Донскаго полка наблюдать за дорогами на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, къ сторонѣ Балканскихъ проходовъ.

22-го августа, съ восходомъ солнца, наши 56 орудій, поставленные на двухъ высокихъ горахъ, занятыхъ Скобелевымъ, первая открыли огонь по „Рыжей горѣ“ и по смежнымъ съ нею турецкимъ позиціямъ. Въ это время непріятельскіе редуты, рвы, траншеи, вырытые повсюду, гдѣ только можно было насъ задержать, были уже перешолнены турецкою пѣхотою. Но прошло около получаса, прежде чѣмъ турецкія батареи на-

чали отвѣчать. Гранаты непріятельскія были хорошо направлены и долетали до высокой горы, на которой наши батареи были прижаты одна къ другой по недостатку мѣста; но большинство турецкихъ гранатъ не разрывалось. Мы стрѣляли правильно, чрезъ извѣстные промежутки времени; турки отвѣчали небрежно, какъ-бы желая дать этимъ понять, что они стрѣляютъ по принятому въ подобныхъ случаяхъ обыкновенію, а не въ надеждѣ причинить намъ вредъ. Около семи часовъ большія

массы русской пѣхоты начали сосредоточиваться позади горъ, занятыхъ нашей артиллеріею. Въ эту минуту бой представлялъ грандіозное зрѣлище. Восходящее солнце начинало золотить вершины холмовъ, между тѣмъ группы пѣхоты, скрытыя позади высотъ, громъ канонады и облака дыма, носившіяся надъ долиною, представляли разительный контрастъ съ обычной картиною утра въ Балканахъ.

Въ это время, на правомъ нашемъ флангѣ, занятомъ 3-й стрѣлковой бригадою и гвардейской

полуротою, подъ начальствомъ генераль-маіора Добровольскаго, туркамъ уже отчасти удалось разстроить наши первоначальные планы. Занявъ рядъ невысокихъ холмовъ, расположенныхъ на правомъ берегу Осмы, передъ нашей правой колонною, турки скрытно возвели на нихъ, въ продолженіи ночи, огромный редутъ, нѣсколько батарей и цѣлые ряды ложементовъ, и все это было занято густыми массами пѣхоты. Въ 6¹/₂ часовъ утра, прежде чѣмъ генераль Добровольскій успѣлъ сдѣлать выстрѣлъ съ

Свѣтлѣйшій князь Имеретинскій.

батарей своихъ, какъ турки уже открыли по его войскамъ страшный пушечный и ружейный огонь. Правая колонна, не сдѣлавъ еще ни одного выстрѣла, начала уже нести значительныя потери: изъ строя выбыли батальонный командиръ, полковникъ Криданъ, семь оберъ-офицеровъ и до 150 нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ непріятель быстро перешелъ въ наступленіе, подошелъ уже на 200 шаговъ къ нашей колоннѣ, но былъ съ большими потерями отброшенъ назадъ храбрыми стрѣлками Добровольскаго.

По диспозиціи, генераль Добровольскій долженъ былъ выждать результата атаки лѣвой колонны и только тогда перейти въ наступленіе; но, видя необходимость отгнѣнить турокъ, дабы уменьшить преждевременныя потери въ своихъ войскахъ, генераль Добровольскій рѣшилъ немедленно атаковать впереди лежащей холмъ. Въ 8 часовъ утра стрѣлковая цѣпь, имѣя всѣхъ офицеровъ впереди, пошла въ втаку. Раздался трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Съ каждымъ шагомъ перестрѣлка становилась все жарче и жарче. Турки поверхъ своихъ насыпей бросали въ насъ цѣлый дождь снарядовъ. Къ счастью нашихъ стрѣлковъ, турки не давали себѣ времени прицѣливаться и стрѣляли вверхъ на удачу. Однако изъ этого града пуль нѣкоторые попадали въ цѣль, и много уже русскихъ стрѣлковъ лежало на зеленой муравѣ и среди колыхающихся колосьевъ пшеницы. Не смотря на это, стрѣлки подвигались впередъ. Наши пушки стрѣляли противъ турецкой пѣхоты, ставшейся задержать приближеніе стрѣлковъ. Русскіе снаряды били прямо въ средину. Вскорѣ нижній рядъ ложементовъ былъ взятъ стрѣлками; но за этимъ рядомъ они наткнулись на новые окопы.

Тогда генераль-маіоръ Добровольскій рѣшилъ провести общую атаку на укрѣпленія праваго берега рѣки Осмы. На поддержку ему былъ посланъ изъ резерва Ревельскій полкъ. Вотъ онъ вѣтается уже по небольшому ущелью позади одной изъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ. Дневной жаръ становился подавляющимъ. Люди въ нашихъ резервахъ страшно страдали, хотъ и ничего не дѣлали. Можно послѣ этого судить о тѣхъ страданіяхъ, какія причинялъ этотъ зной войскамъ, взбиравшимся по скату холмовъ, чтобы присоединиться къ правой колоннѣ генерала Добровольскаго. Многіе солдаты падали на дорогѣ, истомленные жаромъ.

Нужно вообще замѣтить, что мѣстность вокругъ Ловчи не представляла особенныхъ закрытій ни отъ дневнаго зноя, ни отъ непріятельскаго огня. Только вершины холмовъ были покрыты деревьями, склоны же ихъ были заняты коношными и шпевичными полями; лишь изрѣдка встрѣчаются здѣсь овраги, прикрытые деревьями и шпевичными полями и представляющіе хорошее закрытіе для войскъ.

Въ девять часовъ перестрѣлка на правомъ флангѣ снова усилилась и распространялась все болѣе и

болѣе по берегамъ Осмы. Наши пушки открывали страшный огонь, чтобы поддержать наступленіе пѣхоты. Не смотря на громадныя препятствія, представляемая мѣстностью, гвардейцы и стрѣлки добрались до непріятельскихъ траншей и начали косить турецкіе ряды. Турки оставили окопы и бросились бѣжать, черезъ рѣку Осму и черезъ ловчинскую долину, къ своему сѣверному реду. Въ 10 часовъ 20 минутъ утра огонь на правомъ флангѣ совершенно уже прекратился. Въ это время прибылъ къ войскамъ генерала Добровольскаго Ревельскій полкъ и тотчасъ же началъ обстрѣливать „Рыжую гору“, которую долженъ былъ атаковать теперь лѣвый отрядъ генерала Скобелева.

„Рыжая гора“ составляла ключъ турецкихъ позицій. Взять ее было необходимо. Какъ скоро наши овладѣютъ этой горою, — городъ перейдетъ также въ наши руки. Тогда оставалось только завладѣть большимъ редутомъ за городомъ Ловчею.

Въ половинѣ одиннадцатаго трескъ ружейной пальбы слѣва показалъ, что генераль Скобелевъ уже перешелъ въ наступленіе съ своими 10-тью батальонами. Четверть часа спустя, колонна его уже спустилась, по склону холмовъ, въ небольшую долину, отдѣляющую его отъ „Рыжей горы“. Въ этотъ моментъ наша артиллерія направила бѣглый огонь по скату „Рыжей горы“, обращенному къ колоннѣ генерала Скобелева. Но съ непріятельскими батареями трудно было справиться; такъ, нашимъ четыремъ 9-фунтовымъ орудіямъ долго не удавалось заставить замолчать дѣйствовавшія противъ нихъ двѣ турецкія пушки, поставленныя влѣво отъ „Рыжей горы“, на гребнѣ высотъ, близъ дороги изъ Ловчи на Троянь. Зато нашей артиллеріи скоро удалось нанести огромный уронъ непріятельской пѣхотѣ, засѣвшей въ траншеяхъ на „Рыжей горѣ“ и направо отъ нея, по склонамъ холмовъ. Видно было, какъ турки оставляли свои траншеи и посигишно бѣжали къ вершинѣ „Рыжей горы“. У подошвы ея они, однако, держались еще хорошо и торопливо стрѣляли по войскамъ Скобелева.

Въ это время жара сдѣлалась положительно нестерпимою. Трудно было повѣрить, чтобы войска могли подвигаться при такой страшной температурѣ. Не смотря на это, одинъ изъ резервныхъ полковъ бодро началъ переходить черезъ ущелье, по правую

сторону отъ дороги, чтобы ударить во флангъ „Рыжей горы“ и отрѣзать туркамъ линію отступленія. Одна батарея выѣхала впередъ, чтобы поддержать движеніе этого полка; она заняла позицію на самой дорогѣ, къ востоку отъ горы. Десять минутъ спустя, генералъ Скобелевъ двинулъ впередъ Казанскій полкъ, — въ атаку „Рыжей горы“. Полкъ пошелъ на приступъ, какъ на ученья, съ распущенными знаменами и съ барабаннымъ боемъ. Казанцы выбрались на шоссеиную дорогу, бросились съ ружьями на перевѣсъ въ атаку, какъ ураганъ проникли въ укрѣпленія „Рыжей горы“, — и вскорѣ вершина ея увѣнчалась русскою пѣхотою. Артиллеристы турецкой батареи, стоявшей слѣва, на дорогѣ въ Трояль, которую русскіе никакъ не могли заставить замолчать, только теперь уступили, увозя за собою свои орудія.

Высоты правѣ „Рыжей горы“ были взяты Псковскимъ и Калужскимъ полками, подъ начальствомъ храбраго генерала Разгильдѣева, который, къ сожалѣнію, былъ раненъ при этой атакѣ.

Въ часъ пополудни мы завоевали всѣ турецкія позиціи, кромѣ большаго редута къ сѣверу отъ города. И такъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Нужно было теперь овладѣть редутомъ, самымъ сильнымъ изъ всѣхъ ловчинскихъ укрѣпленій, такъ какъ онъ командовалъ надъ всею окружающею его мѣстностью и, кромѣ того, защищенъ былъ отдѣльными траншеями, съ которыхъ турки могли ударить во флангъ атакующимъ.

Тотчасъ по занятіи „Рыжей горы“, часа въ 2 пополудни, на нее втащены были 16 нашихъ орудій, которыя открыли огонь по ловчинскому редуту. Одинъ батальонъ Казанцевъ остался на горѣ, а два другіе батальона того же полка продвинулись дальше по дорогѣ, въ самый городъ Ловчу, быстро заняли его и, расположившись по сѣверной окраинѣ города, открыли отсюда живой огонь по редуту. Къ нимъ присоединился вскорѣ посланный изъ резерва Псковской полкъ, батальонъ Шуйцевъ, Эстляндскій и Ревельскій полки. Войска эти образовали лѣвую штурмовую колонну, подъ начальствомъ Скобелева.

Полкъ Калужскій и Либавскій и нѣсколько десятковъ стрѣлковъ изъ 3-й бригады должны были идти на штурмъ съ праваго фланга, съ того мѣста, гдѣ стояла правая колонна генерала Добровольскаго.

Для подготовки штурма, кромѣ 16 орудій, поставленныхъ на „Рыжей горѣ“, были выставлены справа отъ нея, на шоссеиной дорогѣ, еще 16 орудій. Около трехъ часовъ по-полудни батареи уже заняли свои новыя позиціи и открыли по редуту страшный огонь. Въ это время, какъ оказалось послѣ, турецкій командиръ приказалъ уже перевести свои пушки за редутъ, изъ чего видно, что онъ заранѣе считалъ это укрѣпленіе потеряннымъ и спѣшилъ убрать свои пушки, чтобы онѣ не достались непріятелю. Но штурмъ былъ еще впереди.

День къ этому времени сдѣлался прелестный; зной понемногу спадалъ, но яркое солнце, склоняясь къ западу, отчетливо освѣщало картину боя, который походилъ теперь на маневръ: до того точно, спокойно производились всѣ передвиженія войскъ.

У подножія „Рыжей горы“ по обоимъ берегамъ рѣки Осмы, раскинулся городъ Ловча. Съ вершины горы онъ имѣлъ очаровательный видъ. Деревья доходили почти до конька крышъ, а пятнадцать минаретовъ, разбросанныхъ по городу, придавали ему совершенно восточный видъ. Но вблизи городъ терялъ свое очарованіе. Мрачныя жилища и узкія зловонныя улицы — вотъ что поражало зрителя, вмѣсто маленькаго рая, который онъ надѣялся встрѣтить, любуясь городомъ съ вершины холмовъ. Шоссеиная дорога, обогнувъ „Рыжую гору“ съ восточной стороны, входитъ въ самый городъ и на мостъ черезъ рѣку Осму, по которому прошли на сѣверную окраину города и войска нашей лѣвой колонны.

Между сѣверной окраиною города и подошвою того холма, на вершинѣ котораго возведенъ былъ грозный редутъ, разстилается гладкая равнина, длиною около версты, составляющая дно ловчинской долины. Равнина эта покрыта густою и высокою травою. По этой небольшой равнинѣ, подъ огнемъ турецкой пѣхоты, вполне защищенной окопами, должна была проходить изъ города къ редуту наша лѣвая штурмовая колонна. Холмъ редута представляетъ изъ себя высокую отвѣсную гору, обращенную обрывомъ какъ разъ къ сторонѣ русскихъ. Самый редутъ — послѣдняя опора защитниковъ Ловчи — былъ у нашихъ передъ глазами, какъ на ладони...

Къ востоку отъ редута протекаетъ рѣка Осма,

шириною въ 20 аршинъ и глубиною въ полъаршина. Лѣвый берегъ ея, къ сторонѣ редута, представляетъ изъ себя широкій низменный лугъ, усыянный бѣлыми камнями. Въ этомъ мѣстѣ на рѣкѣ построена водяная мельница. Рядомъ съ берегомъ рѣки, по широкому лугу, идетъ шоссеиная дорога изъ Ловчи въ Плевну. Между этой дорогою и подошвою обрывистаго холма, занятаго редутомъ, лежитъ старое турецкое кладбище. По этой мѣстности, черезъ рѣку Осму, черезъ дорогу и кладбище, должна была проходить правая штурмовая колонна. Вдоль шоссеиной дороги находится нѣсколько небольшихъ пригорковъ, достаточно высокихъ, чтобы прикрыть одного человѣка, подвигающагося ползкомъ, и эти маленькія прикрытія должны были служить мѣстомъ роздыха для солдатъ, старавшихся пробраться къ отвѣсной горѣ. Кладбище также было полно памятниками, которыми войска тоже могли пользоваться, чтобы укрываться при движеніи впередъ.

Въ 2 часа 30 минутъ по-полудни генераль Скобелевъ уже двинулъ изъ города войска лѣвой колонны въ атаку. Пѣхотные полки, пододвинувшіеся къ редуту почти съ трехъ сторонъ, ринулись въ долину подъ страшнымъ огнемъ. Но, не смотря на значительныя потери, батальоны лѣвой колонны, построенные поротно въ двѣ линіи, шли молодцами, съ распушенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Временное замѣшательство было замѣчено только въ одномъ батальонѣ Псковскаго полка, когда палъ храбрый командиръ этого полка, полковникъ Кузовъ; но стараніемъ офицеровъ батальонъ былъ быстро приведенъ въ порядокъ и не отсталъ отъ другихъ. Говорятъ также, что одинъ изъ батальоновъ Эстляндскаго полка, выйдя на кладбище, расположенное внутри города, былъ встрѣченъ сильнѣйшимъ огнемъ съ редута и изъ траншей, и нѣсколько замаялся. Тогда генераль Скобелевъ приказалъ офицерамъ собрать батальонъ и лично вывелъ его на средину кладбища, наиболѣе обстрѣливаемую турками. Выстроивъ батальонъ во фронтъ, генераль Скобелевъ сталъ впереди батальона и началъ командовать одинъ за другимъ ружейные приемы. Во все время этого ученія батальонъ потерялъ всего шесть человѣкъ. Этого было достаточно, чтобы солдаты убѣдились, что непріятельскій огонь

вовсе не такъ губителенъ, какъ они воображали; стойкость батальона возрасла, — и онъ смѣло пошелъ впередъ.

Скоро первая линія траншей, слѣва отъ редута, была занята. Войска открыли отсюда убійственный огонь противъ той стороны редута, которая обращена къ Ловчѣ. Это было не болѣе какъ ложное движеніе, имѣвшее цѣлію скрыть отъ вниманія непріятеля войска, уже подвигавшіяся къ редуту справа, черезъ рѣку Осму. Русская артиллерія въ это время работала безъ усталости. Двѣ батареи выдвинулись на шоссе, къ самымъ, такъ сказать, воротамъ города.

Наша пѣхота держала уже въ своихъ рукахъ Ловчу. Ей оставалось вырвать у турокъ этотъ страшный редутъ. Задачу эту должна была выполнить наша правая штурмовая колонна.

Войскамъ правой колонны, состоявшей изъ Калужскаго и Либавскаго полковъ и нѣсколькихъ десятковъ стрѣлковъ, пришлось понести самыя чувствительныя потери, такъ какъ они должны были пробираться въ бродъ черезъ рѣку Осму, у мельницы, при чемъ были встрѣчены убійственнымъ огнемъ съ редута и изъ смежныхъ съ нимъ окоповъ. Капитанъ Раухъ, тяжело раненый при этомъ въ ротъ и високъ, все-таки не позволилъ солдатамъ вести себя: „доплетусь и самъ“ Подъ командиромъ Калужскаго полка, полковникомъ Эльжановскимъ, во время переправы была убита лошадь, и онъ упалъ въ рѣку Осму; но, благополучно добравшись до противоположнаго берега, онъ тотчасъ же принялся устроить людей, подъ сильнѣйшимъ огнемъ съ редута, и лично повелъ свой полкъ впередъ. Солдаты наши, не смотря на сильныя потери при переходѣ черезъ рѣку, шли также браво. Къ одному офицеру, тотчасъ по переходѣ черезъ Осму, подъ самымъ градомъ пуль, подошелъ рядовой его роты и, вынувъ изъ-за пазухи тряпочку, въ которой оказались завернутыми нѣсколько ассигнацій, окунувшихся въ Осму, — спросилъ, показывая на подмоченныя бумажки: „ваше благородіе, ничего?“ И этотъ житейскій вопросъ предлагался спокойнымъ тономъ, подъ настоящимъ ливнемъ пуль и ядеръ.

Не прошло и десяти минутъ по выходѣ на берегъ головного отряда лѣвой колонны, какъ трава

и бѣлый песокъ на береговомъ дугу были уже усыпаны русскими убитыми и ранеными. Оставшіеся въ живыхъ солдаты сдѣлали привалъ подъ защитою небольшихъ пригорковъ, находящихся вдоль шоссеиной дороги. Затѣмъ они снова бросились впередъ въ то время, какъ турки продолжали поддерживать яростный огонь. Отъ времени до времени какой нибудь солдатъ перебѣгалъ все пространство, отдѣлявшее рѣку отъ отвѣсной горы, лишь на мгновеніе останавливаясь передохнуть за какимъ нибудь памятникомъ на турецкомъ кладбищѣ. Мимо солдатъ продолжали свистѣть пули, но большинству изъ нихъ удавалось живыми и невредимыми добираться до своей цѣли. По временамъ проходило нѣсколько минутъ, и ни одинъ изъ пробѣгавшихъ не подвергался ударамъ пуль, что не мѣшало туркамъ стрѣлять попрежнему. Изъ этого можно было заключить, что турки лежали въ своихъ траншеяхъ и стрѣляли черезъ валъ, не обращая вниманія на то, съ которой стороны идутъ русскіе. Это подтверждали послѣ и сами солдаты, рассказывавшіе, что они не видѣли надъ неприятельскими окопами ни одной головы.

Около трехъ часовъ пополудни большое число нашихъ войскъ уже собралось у отвѣсной горы, и велѣдъ затѣмъ приступлено было къ обходу угла редута, господствующаго надъ плевненскимъ шоссе. Вотъ, наконецъ, русскій отрядъ показался, съ сѣвера отъ плевненской дороги, съ батареею артиллеріи: войскамъ этимъ было поручено отрѣзать отступление турокъ на Шлевну. Другая атакующая колонна, которую отрядили отъ нашего крайняго праваго крыла, направилась одновременно вверхъ по Осмѣ, въ сторону редута. Солдаты разсыпались, и подвигаются осторожно, незамѣтно, для усиленія отряда, оперирующаго у сѣвернаго угла отвѣсной горы.

Въ настоящій моментъ битва сдѣлалась чрезвычайно интересною. Командиры съ затасаннымъ дыханіемъ слѣдили за всѣми ея переходами. Это было не мелкая война: шла настоящая бойня, о чемъ свидѣтельствовали трупы, на большомъ пространствѣ покрывавшіе равнину. Турки не переставали осматывать войска наши градомъ пуль; но орудія ихъ, расположенныя позади редута, стрѣляли лишь изрѣдка, такъ какъ нашихъ солдатъ не видно было

съ этой стороны. Русскія же орудія грохотали безъ перерыва. Наша лѣвая колонна, разсыпавшаяся слѣва отъ редута по склонамъ холмовъ, продолжала развлекать вниманіе непріятели убійственнымъ огнемъ. А грозный редутъ все-еще держался непоколебимо. Къ нему нужно было взбираться почти по отвѣсной кручѣ на верхъ горы, по скату которой расположены были, одинъ за другимъ, ряды траншей и ложементовъ, надъ которыми высился грозный валъ съ глубокимъ рвомъ впереди. Гарнизонъ этого укрѣпленія состоялъ изъ лучшихъ турецкихъ войскъ, которыя не хотѣли сдаваться.

Вдругъ русскіе, собравшіеся за сѣвернымъ угломъ отвѣсной горы, бросились впередъ и овладѣли турецкими траншеями передъ восточнымъ валомъ редута, въ разстояніи ста шаговъ отъ рва.

Было уже пять часовъ вечера. Рѣшительный моментъ приближался.

Войска лѣвой колонны, находившіяся слѣва отъ редута, къ сторонѣ Ловчи, снова открыли жаркій огонь по укрѣпленію, прикрываясь за деревьями и небольшими пригорками. Имъ опять удалось привлечь на свою сторону турецкія пули.

Въ этотъ моментъ человекъ пятьдесятъ русскихъ выскочили изъ только-что занятыхъ ими траншей и бросились къ восточной стѣнкѣ редута. Они приблизились уже шаговъ на пятьдесятъ къ рву. Люди эти, по видимому, повиновались собственному капризу, потому что никакой офицеръ никогда не подумалъ бы послать такую маленькую кучку солдатъ на штурмъ столь грознаго укрѣпленія. Турки направили въ нихъ убійственный огонь. Русскіе остановились, отвѣчая на мгновеніе на турецкій огонь, и затѣмъ отступили, не потерявъ ни одного человека. Турецкія пули пролетали надъ ихъ головами.

Въ теченіи еще 20-ти минутъ русскіе стрѣляли изъ траншей наудачу, какъ вдругъ раздалось громовое „ура“,—и настоящій штурмъ начался.

По всему склону, ведущему къ восточной стѣнкѣ редута, русскіе полки взбирались развернутымъ фронтомъ, съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, поддерживаемые подкрѣпленіями, не перестававшими прибывать велѣдъ за штурмующими. Батареи наши осыпали редутъ настоящимъ ливнемъ ядеръ, въ то время, какъ пѣхота

подвигалась впередъ. Турки не переставали ни на одну минуту отвѣчать энергичеки, и, еслибы выстрѣлы ихъ были лучше направлены, можетъ быть ни одному изъ нашихъ не удалось бы остаться въ живыхъ.

Развязка боя была близка. Слѣдившіе за ходомъ битвы командиры сдерживали дыханіе. Артиллерія наша вдругъ приостановила огонь.

Въ одно мгновеніе ока солдаты наши бросились въ ровъ, перескочили черезъ него, взобрались на валъ и появились въ самомъ редутѣ. Произошла ожесточенная рукопашная схватка. Черезъ нѣсколько минутъ защитники редута были истреблены. Первыми ворвались въ него: командиръ Калужскаго полка полковникъ Эльжановскій, съ своими Калужцами, нѣсколько человекъ Либавскаго полка и капитанъ Гиберфельсъ съ 26-ю стрѣлками 10-го стрѣлковаго батальона.

Въ то время, какъ одни брали самый редутъ, другая колонна прошла мимо стѣны редута, обращенной къ сторонѣ Ловчи, чтобы овладѣть выдвинутыми съ этой стороны траншеями. Но здѣсь произошла лишь незначительная схватка. По всему склону горы, гдѣ расположены были траншеи и откуда русскіе атаковали редутъ, лежало только незначительное число убитыхъ. Всѣ были ранены въ шею или въ голову: это доказывало только то, что турки стрѣляли черезъ головы своихъ противниковъ.

Самая же страшная кровавая баня разыгралась внутри редута. Здѣсь по всемъ направленіямъ лежали трупы турокъ и русскихъ. Но о происшедшемъ здѣсь можно было составить себѣ понятіе только по тому ужасающему зрѣлищу, какое представляло изъ себя значительное пространство, приходившееся на западную часть редута. Въ этой сторонѣ, въ одномъ изъ угловъ, черезъ который турки пытались, вѣроятно, бѣжать изъ редута, на пространствѣ шаговъ въ пятьдесятъ длины

и въ двадцать ширины, навалены были груды раненыхъ и убитыхъ турокъ, образовавшихъ кучу вышиною болѣе чѣмъ въ сажень. Мертвые и живые лежали одинъ надругомъ, и пары крови поднимались изъ этой страшной кучи. Изрѣдка виднѣлись въ ней и трупы русскихъ, свидѣтельствуя о той ожесточенной борьбѣ, которая происходила въ этомъ роковомъ мѣстѣ.

Но настоящая рѣзня была еще впереди.

Еще до взятія

редута, какъ только наши показались на его валу, турки, занимавшіе до этого времени траншеи и ложементы по склонамъ западныхъ холмовъ и стоявшіе въ резервахъ за редутомъ и за сосѣдними холмами, начали уже отступать, заранѣе увозя съ собою свою артиллерію; но лишь только наши войска появились въ самомъ редутѣ, какъ отступление турокъ обратилось въ полнѣйшее бѣгство.

Тогда немедленно потянулась на рыскахъ за отступавшимъ непріателемъ наша кавалерія. Справа,

Полковникъ Кусовъ.

съ сѣверо-востока, неслась Кавказская казачья бригада, а слѣва, почти изъ самаго города, мчался гвардейскій эскадронъ конвоя Его Величества. Началось знаменитое „преслѣдованіе турокъ“, чѣмъ въ особенности и прославилось ловчинское сраженіе.

Турки были въ полномъ отступленіи къ западу. Наши казаки стремительно преслѣдовали ихъ. Вотъ они уже настигаютъ толпы бѣглецовъ, обгоняютъ ихъ, и начинается знаменитое „отхватыванье“ непріятельскихъ колоннъ. Заѣзжая впередъ съ фланговъ, кавалерія наша вдругъ врбалась въ турецкіе ряды и отдѣляла такимъ образомъ часть отступавшихъ колоннъ, вслѣдъ за чѣмъ происходила страшная кровавая баня. Ряды за рядами, до послѣдняго человѣка, ложились подъ отчаянной „рубкою“ Командиръ Владикавказскаго казачьяго полка, полковникъ Левизъ, съ ввѣреннымъ ему полкомъ ринулся на перерѣзъ непріятелю, ударилъ въ шашки на пѣхоту и отрѣзалъ два батальона турокъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, турки и тутъ отказывались сдаться—и всѣ легли подъ шашками казаковъ. Этотъ маневръ казаки повторяли нѣсколько разъ. Одинъ осетинъ рассказывалъ потомъ: „У насъ шестидесятилѣтній лекаръ (докторъ), и тотъ шесть человѣкъ уложилъ своею рукою, а кто помоложе, такъ удалось человѣкъ 30—40 зарубить“ Благодаря молодецкой удали кавказской бригады, гвардейскаго эскадрона и отличному дѣйствию 8-й Донской конной батареи, непріятель при отступленіи потерялъ, какъ рассказываютъ, около 6,000 человѣкъ. Мѣстность, по которой бѣжалъ непріятель, была почти сплошь усѣяна тѣлами турокъ. У нѣкоторыхъ труповъ на открытой груди видны были по три или по четыре раны холоднымъ оружіемъ. Сперва въ нихъ попали пули, а потомъ ихъ доканали саблями. То тамъ, то сямъ лежалъ между ними и трупъ русскаго, свидѣтельствуя о томъ ожесточеніи, съ которымъ совершалась здѣсь расправа за плевненскія варварства. Нужно еще замѣтить, что страшная бойня происходила отчасти вслѣдствіе упорства турокъ. Не смотря на явную неудачу, турки по временамъ пытались, спрятавшись за кукурузу, дать отпоръ нашей кавалеріи и стрѣляли совершенно въ отчаянномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока ихъ не уби

вали. Непріятель разъ даже угостилъ нашу кавалерію картечью изъ послѣдняго увозимаго орудія. Въ виду этого, казаки наши продолжали повторять „охватыванье“ нѣсколько разъ, пока непріятель не скрылся по направленію къ Балканскимъ горамъ, далеко на западъ, такъ что его еле уже было видно сквозь золотистую пыль, поднявшуюся на шоссе, уходящему въ горы, за которыя черезъ какіе-нибудь полчаса должно было скрыться и заходящее солнце. Это и было причиною прекращенія ужаснаго преслѣдованія.

До какой степени были разстроены боемъ ряды турокъ и съ какимъ ожесточеніемъ преслѣдовали ихъ русскіе—показываетъ то обстоятельство, что даже нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ пѣхотинцевъ гнались за непріятелемъ. Вотъ какъ рассказывалъ рядовой 117-го Ярославскаго полка, Карпъ Андреевъ, раненный подъ Ловчею въ лѣвый бокъ, о томъ, какъ онъ преслѣдовалъ въ самый разгаръ боя одного турка, который куда-то „утекалъ“, и въ рукахъ „чемоданчикъ держалъ“: „Сидимъ мы, ваше благородіе, съ товарищами за кустами; пальба идетъ такая, что только дымъ да свистъ кругомъ; поотстали мы отъ своихъ и боимся, какъ бы насъ турки не запримѣтили; только видимъ—бѣгутъ прямо на насъ четверо, и у одного въ рукахъ чемоданчикъ; увидали они насъ—въ сторону; я говорю товарищамъ: „давайте догонять“,—не пошли, инда меня интересъ взялъ насчетъ того, что, думаю, у турка за чемоданчикъ, и къ примѣру самъ себя размышляю, коли убить, такъ и такъ убьютъ, а я по крайности хоть чемоданчикъ посмотрю; вскочилъ—я да за ними. Вотъ двое обернулись: одного сразу положилъ штыкомъ, а другаго прикладомъ, осталось два; одинъ-то что безъ чемоданчика, на утекъ, ну, а послѣднему-то я въ догонку—пулю, сбилъ его, штыкомъ прикололъ, значитъ, мой чемоданчикъ, и только, прахъ-то его возьми, въ двухъ бугылочкахъ тамъ водки двоимъ выпить да бумажки турецкія. Вынулъ я эти бумажки, показалъ потомъ болгарамъ; посулилъ одинъ дать мнѣ за нихъ крючекъ водки, да и то не далъ, а трудовъ-то я не мало принялъ, троихъ турокъ положилъ“ — А что, развѣ не жалко, не страшно человѣка на штыкъ колотъ—спросили того же Карпа Андреева.— „Какое тутъ

ваше благородіе, жалко, когда въ этихъ страстяхъ и самъ-то себя не помнишь, самъ на пулю да на штыкъ дѣвешь; только какъ, значить, пустишь штыкомъ въ грудь, кровь кругомъ штыка закипитъ сейчасъ, ну, въ ту минуту и придетъ на мысль, что живаго человѣка колешь“

Впрочемъ, пѣхота нападѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго утомленія, принимала лишь незначительное участіе въ преслѣдованіи отступавшихъ турокъ. Главная роль при этомъ выпала на долю кавалеріи.

Съ закатомъ солнца преслѣдованіе непріятеля прекратилось совершенно. Теперь русскимъ нужно было разобратъся въ томъ страшномъ хаосѣ, какой представляло изъ себя поле сраженія, а въ особенности ловчинскій редутъ. Многіе изъ русскихъ еще засвѣтло принялись приводить въ порядокъ это мрачное жилище смерти. Ожесточеніе битвы прошло, чувство жалости возвратилось къ солдатамъ. Они съ участіемъ наклонялись надъ кучею человѣческаго мяса, мужественно стараясь отдѣлить живыхъ отъ мертвыхъ. Они отбрасывали въ сторону трупы и переносили раненыхъ на откосъ, къ которому тѣ могли прислониться. Русскіе поработали уже добрыхъ полчаса, и этихъ полчаса едва было достаточно для того, чтобы только почать эту ужасную кучу. Никто никогда не могъ вообразить себѣ, чтобы человѣческія тѣла могли представлять такое невообразимое мѣсиво, какое представляла изъ себя эта гора кровавыхъ тѣлъ. Многіе изъ числа отброшенныхъ въ сторону турокъ еще дышали, но большинство уже испустило послѣдній вздохъ.

Солнце зашло надъ торжествомъ русскихъ войскъ, надъ недвижными трупами храбрецовъ и надъ скорченными тѣлами умирающихъ. Русская пѣхота и артиллерія заняли турецкія позиціи вокругъ города, и ихъ бивуачные огни послужили иллюминаціею для отпразднованія побѣды подъ Ловчей.

Наши потери заключались въ 319 убитыхъ и 1,145 раненыхъ. Потеря эта была легка сравнительно съ численностью войскъ, введенныхъ въ дѣло, а также въ сравненіи съ важностью достигнутыхъ результатовъ. Уронъ нашъ и не могъ бы быть меньше. Битва была удивительно скомбинирована и превосходно ведена; войска съ такимъ искусствомъ щадили, что потери не могли быть меньше. Русскіе ни разу не выставялись группами передъ огнемъ

непріятеля, какъ это было подъ Плевною. Генералъ Разгильдѣевъ, командовавшій правой штурмовой колонною и раненый въ ногу, направлялъ свои войска съ рѣдкимъ талантомъ, и, только благодаря его искусству и осторожности, правая колонна, посланная на штурмъ редута, понесла лишь легкія сравнительно потери.

Общая потеря непріятеля была громадна. На другой день были погребены 1,000 турецкихъ тѣлъ; на третій день погребены были еще 1,200 тѣлъ только въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ бывшей непріятельской позиціи. Наконецъ, во время преслѣдованія непріятеля 22-го августа, кавалерія нападѣ изрубила около 6,000 человѣкъ.

Результаты боя подъ Ловчею, кромѣ взятія самаго города и укрѣпленій, были слѣдующіе: взяты два знамени, болѣе милліона штукъ патроновъ, множество ящиковъ со снарядами и громадное количество оружія.

Нечего и говорить, что за княземъ Имеретинскимъ, главнымъ виновникомъ этого торжества, былъ генералъ Скобелевъ. Вотъ что писалъ о Скобелевѣ князь Имеретинскій въ своемъ донесеніи Великому Князю главнокомандующему: „Репутація этого блестящаго по своимъ военнымъ способностямъ и храбрости генерала настолько уже извѣстна Вашему Императорскому Высочеству и всей арміи, что мнѣ остается только доложить, что успѣхомъ подъ Ловчею я обязанъ преимущественно ему“

Потеря Ловчи была тяжелымъ ударомъ для плевенской турецкой арміи, которая не только утратила теперь возможность войти въ связь съ войсками Сулеймана-паши черезъ Троянскій проходъ, но также подвергалась явной опасности быть отрѣзанною отъ Софіи. Ловча составляла правый флангъ арміи Османа-паши, и этотъ флангъ былъ теперь отрѣзанъ, разбитъ и уничтоженъ. Это совершенно обезпечивало тылъ нашихъ войскъ, которыя вскорѣ должны были подступить отсюда къ Плевнѣ.

Недаромъ турки въ Плевнѣ во весь день ловчинскаго боя продержались на правомъ флангѣ своей позиціи въ положеніи готовности къ атакѣ, и вечеромъ двинулись со своихъ позицій по направленію къ Ловчѣ, съ видимою цѣлю оказать помощь, войскамъ, отступавшимъ отъ этого города; но Османъ-паша опоздалъ по крайней мѣрѣ на цѣлыя сутки.

Поздно вечеромъ 22-го августа, когда войска наши расположились уже на отдыхъ на отбитыхъ у непріятеля позиціяхъ, князь Имеретинскій получилъ изъ штаба 4-го корпуса, стоявшаго подъ Плевною, извѣстіе, что значительныя непріятельскія силы выступили изъ Плевны и идутъ къ Ловчѣ. Развѣды наши тоже донесли о появленіи со стороны Плевны непріятеля.

Темнота не позволяла непріятелю атаковать насъ въ Ловчѣ немедленно; поэтому войска наши спокойно отдыхали ночью. Едва стала занимать заря 23-го августа, какъ солдаты въ лагерѣ закопошились: кто тащилъ доски, хворостъ для утренней варки, кто ошипывалъ птицу, захваченную въ покинутыхъ турками домахъ, всѣ принялись варить себѣ пищу,—и вдругъ все это пришлось бросить. Котелки и котлы были опрокинуты, войска стали въ ружье и двинулись съ артиллеріею на позиціи: извѣстіе о приближеніи турецкаго отряда подтвердилось. Въ авангардѣ, которымъ, конечно, командовалъ самъ Скобелевъ, по временамъ завязывалась уже перестрѣлка. Скобелевъ прислалъ частыя донесенія. Непріятель однако не обнаруживалъ никакого плана. Колонны его, виднѣвшіяся на отдаленномъ гребнѣ высотъ, къ сѣверу отъ Ловчи, то спускались въ лощины, какъ-бы съ намѣреніемъ атаковать насъ, то опять отходили. Батареи турецкія тоже по временамъ открывали слабый огонь. „Что-то будетъ сегодня?“—проговорилъ съ тревогою князь Имеретинскій, обращаясь къ окружавшимъ его лицамъ.

Положеніе дѣлъ было дѣйствительно непріятное: относительно численности наступавшаго турецкаго отряда существовала полная неизвѣстность. Изъ подъ Плевны, отъ нашихъ, также не было никакихъ извѣстій. Между тѣмъ, по распространяемымъ болгарамъ слухамъ, изъ Плевны вышелъ будто бы самъ Османъ-паша съ значительною частью арміи, и пробирается окружными путями за Балканы.

Непріятельская цѣпь, выступившая—было противъ насъ съ сѣвера, отошла назадъ, и колонны турецкія начали появляться все западнѣе и западнѣе. Около полудня непріятель появился уже на самомъ крайнемъ лѣвомъ нашемъ флангѣ. Турки однако никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій не предпринимали, повторяя лишь по временамъ попытку

атаковать насъ; но атака не поддерживалась—и турки быстро ретировались.

Скоро пришлось всему нашему отряду стать на позицію, занимая различныя укрѣпленія и мѣняя фронтъ по мѣрѣ того, какъ непріятель все болѣе и болѣе подвигался къ югу и обходилъ нашу позицію. Въ срединѣ дня и главныя наши силы приняли участіе въ артиллерійскомъ боѣ.

Положеніе дѣлъ все-таки нисколько не выяснилось. Непріятель растянулся почти по всему западному гребню горъ, и, по недостатку у насъ свѣжихъ кавалерійскихъ силъ, всѣ попытки опредѣлить численность турецкаго отряда оказались тщетными. Около трехъ часовъ пополудни турки опять начали спускаться съ горъ, по направленію къ Ловчѣ, и теперь гораздо болѣе значительными силами. Въ это время пріѣхалъ изъ авангарда къ князю Имеретинскому генералъ Скобелевъ. Послѣ короткаго совѣщанія, рѣшено было сдѣлать усиленную рекогносцировку къ западу, съ тѣмъ чтобы, если представится благопріятный случай, атаковать турокъ. Скобелеву дали пѣхотный полкъ, одинъ изъ батальоновъ котораго онъ и повелъ самъ лично. При спускѣ ихъ въ долину, посыпались на нихъ одна за другою, съ необычайною мѣткостью, турецкія гранаты. Вотъ одна упала какъ разъ въ средину нашей колонны; солдаты смутились, кинулись въ сторону, нѣсколько человекъ повалилось. Скобелевъ останавливаетъ батальонъ; послышалась его команда, производятся построенія, и черезъ двѣ-три минуты батальонъ въ полномъ порядкѣ двигался уже далѣе, не смотря на то, что гранаты не переставали падать кругомъ.

Между тѣмъ, турки продолжали тревожить насъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ на новыхъ мѣстахъ—все далѣе и далѣе къ югу. Это требовало постоянного передвиженія нашихъ войскъ и до крайности утомляло ихъ, тѣмъ болѣе что уже четвертый день какъ войска наши питались одними сухарями, да и тѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ были уже на исходѣ. Отъ Скобелева пришло, наконецъ, извѣстіе, что онъ оставилъ намѣреніе атаковать турокъ, не будучи увѣренъ, что атака эта не перейдетъ въ серьезный бой, который не пред-

ставлялся желательнымъ, такъ какъ князь Имеретинскій имѣлъ предписаніе—по взятіи Ловчи немедленно идти къ Плевнѣ.

Такъ дѣло до рѣшительнаго столкновенія и не дошло. Къ вечеру непріятель, подобно грознымъ тучамъ, медленно отодвинулся по направленію къ Балканскимъ горамъ, не обнаруживъ окончательно своего намѣренія.

Оставивъ въ городѣ Ловчѣ достаточный гарнизонъ, князь Имеретинскій съ остальными войсками своего отряда поспѣшно выступилъ къ деревнѣ Боготъ куда и прибылъ къ вечеру того же дня, съ тѣмъ чтобы двинуться на слѣдующій день далѣе—къ Плевнѣ, гдѣ собирались уже новыя тучи, готовилась разразиться новая гроза, еще болѣе ужасная, чѣмъ всѣ прежнія плевненскія битвы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Способы боя турецкаго и русскаго солдата. — Подготовленія къ третьему штурму. — Бомбардированіе и дѣйствія генерала Скобелева.

Третій бой подъ Плевною, продолжавшійся собственно съ 26-го по 31-е августа, т. е. цѣлую недѣлю, былъ самымъ крупнымъ и самымъ характернымъ дѣломъ не только изъ всѣхъ плевненскихъ боевъ, но и во всю прошлую кампанію. Это было одно изъ ожесточеннѣйшихъ сраженій, какъ по численности войскъ, введенныхъ въ дѣло русскими и турками, такъ и по продолжительности боя и по количеству потерь, понесенныхъ обѣими сторонами. Въ этотъ разъ употреблены были крайнія усилія со стороны наступавшихъ и оборонявшихся. Этимъ же боемъ доказана была невозможность взятія Плевны открытою силою и необходимость обложенія войсками плевненскихъ позицій. Наконецъ, въ третьемъ боѣ болѣе рѣзко выразился характеръ почти всѣхъ сраженій прошлой кампаніи: это—дѣйствіе штыкомъ и „натискомъ“ съ одной стороны и оборона пулями и „землею“—съ другой.

Ни въ одно изъ предъидущихъ и послѣдующихъ сраженій ни турки, ни русскіе не проявляли въ такой крайне-рѣзкой формѣ своей манеры сражаться, какъ въ третью плевненскую битву. Ко времени этого боя Османъ-паша развилъ до высшей степени излюбленный имъ способъ обороны— посредствомъ окапыванья и усиленнаго огня; а русскіе, въ особенности въ лицѣ Скобелева 2-го, довели въ этотъ разъ употребляемый ими способъ открытой атаки до поражающей отваги и смѣлости.

Вообще, чтобы понять суть кровавой драмы, разыгравшейся подъ Плевною 30-го августа, а отчасти и характеръ почти всѣхъ сраженій прошлой кампаніи, необходимо предварительно поближе по-

знакомиться съ турецкимъ солдатомъ и его способомъ обороны, а также съ русскимъ солдатомъ и его способомъ наступленія.

Безспорно, турецкій солдатъ храбръ и, нужно сознаться, обладаетъ громаднымъ терпѣніемъ; но онъ въ то же время отличается чрезмѣрной осторожностью и крайнею неповоротливостью. По темпераменту, это настоящій медвѣдь. Изъ этихъ увальней-солдатъ все-таки могла-бы образоваться превосходная армія во многихъ отношеніяхъ; но, на бѣду турокъ, ихъ воины, въ какомъ бы они ни были чинѣ, по большей части неразвиты въ высшей степени и не имѣютъ очень часто самыхъ элементарныхъ познаній въ военномъ дѣлѣ. Немудрено послѣ этого, что въ рядахъ турецкой арміи чрезвычайно рѣдко встрѣчаются способные, а тѣмъ болѣе образованные офицеры. Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ туркамъ вывести войска свои въ открытое поле, чтобы помѣряться съ противникомъ не только численнымъ превосходствомъ, но и знаніемъ и ловкостью, единодушіемъ и сообразительностью, стройностью и легкостью движеній, словомъ—тѣмъ, что называется „военнымъ искусствомъ“

Понятно послѣ всего сказаннаго, что будь у турокъ втрое болѣе войска, чѣмъ у какого-нибудь образованнаго ихъ противника, они все-же не устоятъ противъ него въ открытомъ полѣ. Но посадите турка въ яму, дайте ему туда ружье и мѣшокъ патроновъ, краюху хлѣба и кружку воды:—и этотъ увальень-медвѣдь, глазомъ не моргнувъ, просидитъ тамъ цѣлую недѣлю, а пожалуй

и мѣсяць, какой бы сильный артиллерійскій огонь ни направляли на него. Сидѣть и стрѣлять изъ ямы—для этого особеннаго искусства не потребуется, тѣмъ болѣе что въ ямѣ продѣлывать все это сравнительно безопасно; выжидать же, сидя за окопомъ, турокъ великій мастеръ. Лишь этимъ способомъ и можно было для турецкихъ командировъ извлечь выгоду изъ личной храбрости турка. Поэтому-то они и прибѣгали всегда къ оборонительной войнѣ, полагаясь, главнымъ образомъ, на прочность своихъ укрѣпленій.

Съ этою цѣлью турецкія войска выходятъ на непріятели большею частью снабженные, кромѣ обыкновеннаго вооруженія, еще лопатами, кирками и топорами, и, какъ только займутъ позицію, сейчасъ же усиливаютъ ее ложементами, т. е. выкапываютъ небольшіе ровики, съ набросанною впереди землею. Затѣмъ, если ихъ оставляютъ въ покоѣ, канавки углубляются, устраиваются помѣщенія для орудій, возводятся высокіе валы, сплошные или съ перерывами. Если время позволяетъ, то осторожный турокъ устраиваетъ такіе же валы и позади себя, противъ тыльнаго обстрѣливанія. Послѣ этого люди, пользуясь свободной минутою, принимаются возводить новыя ряды траншей. При этомъ они стараются еще расширить свою позицію, т. е. провести линіи траншей на сосѣднія высоты и т. д. Терпѣніе, обнаруживаемое при этомъ турками, необыкновенное. Турецкіе укрѣпленные лагери, находившіеся подъ Ловчею и кругомъ Плевны, показывали, что во время пребыванія въ нихъ турецкихъ войскъ земляныя работы въ этихъ лагеряхъ не прекращались ни на минуту. Въ Ловчѣ, когда укрѣпленіе позиціи было уже, по видимому, совсѣмъ окончено, турки все-таки нарыли себѣ, сверхъ этого, еще нѣсколько прекрасныхъ погребовъ и, наконецъ, приступили къ послѣднимъ работамъ—къ устройству въ землѣ крытыхъ помѣщеній. Но эту послѣднюю работу русскіе имъ не дали окончить.

Работая, когда нужда заставляетъ, и сами, турки предпочитаютъ, все-таки, сгонять для земляныхъ работъ болгаръ, трудъ которыхъ иногда оплачивается.

Даже успѣхъ не заставляетъ турокъ складывать руки. Какъ только имъ удастся взять у непріятели позицію, или свою возвратитъ,—сейчасъ же турки

уже копошатся, исправляя поврежденія и разрушая чужіе ложементы. Мало того, они часто въ виду непріятели, подъ пушечными выстрѣлами, спокойно продолжаютъ разбивать новыя линіи траншей. Цѣлыя шеренги ихъ рабочихъ выходятъ на позицію съ кирками и лопатами, и дружно приступаютъ къ рытью канавъ и ровиковъ и къ сооруженію насыпей, пока непріятель не разгонитъ ихъ картечными гранатами.

Не смотря на поспѣшность и затрудненія, съ какими очень часто приходится возводить полевое укрѣпленіе, и не смотря на необходимость постоянно заботиться объ усиленіи и расширеніи окоповъ, турокъ все-таки не забываетъ при этомъ похлопотать и объ удобствахъ своего временнаго помѣщенія. Заботливость ихъ въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Турецкій солдатъ устроивается въ своихъ траншеяхъ совершенно такъ, какъ если бы онъ намѣревался поселиться тамъ на житье. Въ каждой траншеѣ, передъ каждымъ солдатомъ вырыто во внутренней стѣнѣ вала небольшое углубленіе, въ которое ставится для сражающихся вода, а иногда медъ и сухари. Тутъ же, по близости, нрѣдко устроивается походная печка для варки кофе. Словомъ, турокъ въ траншеѣ—какъ у себя дома. Мало того, турецкія укрѣпленія очень часто не только сильны по своимъ размѣрамъ, но и имѣютъ красивый видъ. Вообще, турки обладаютъ несомнѣнной способностью копать и устраиваться въ землѣ.

Отградивъ себя нѣсколькими рядами надежныхъ и уютныхъ траншей, турокъ усаживается въ передней изъ нихъ и чувствуетъ себя здѣсь въ полной безопасности. Чтобы совсѣмъ не подвергаться непріятельскимъ выстрѣламъ, онъ старается даже не высовывать, безъ крайней необходимости, головы изъ своей канавы и сидитъ тутъ до тѣхъ поръ, пока держится его траншея. А продержаться она можетъ долго: пуля ее не пробиваетъ; граната, упавъ на рыхлую землю окопа, по большей части совсѣмъ не разрывается, развѣ ударится до паденія своего обо что нибудь твердое. Только картечью можно достать турка на днѣ его канавы; но для этого нужно стрѣлять картечью съ близкаго разстоянія, шаговъ съ 500, что, при сильномъ ружейномъ огнѣ изъ траншей, рѣдко бываетъ достигнуто. Словомъ, выбить турка изъ траншеи трудно. Если же это наконецъ и удастся, то турокъ переходитъ въ слѣдующую

траншею и опять будет сидѣть въ ней до тѣхъ поръ, пока она его защищаетъ; когда же и здѣсь его потревожатъ, то онъ уходитъ въ третью траншею и т. д. Чѣмъ больше у турка запасъ траншей, тѣмъ онъ чувствуетъ себя въ большей безопасности и тѣмъ становится упорнѣе. При этомъ онъ заботится только объ одномъ: чтобы не допустить противника забраться въ самую траншею или подойти къ ней на очень ужъ близкое разстояніе. Съ этой цѣлю турки совершенно особеннымъ образомъ пользуются ружьемъ.

Сидя на днѣ своей канавы, турокъ старается какъ можно чаще стрѣлять изъ ружья въ то пространство, которое, по его соображенію, занято непріятелемъ. Стараясь не высовывать головы изъ-за окопа, турокъ очень часто не видитъ своего противника и потому стрѣляетъ не цѣлясь. Солдаты обыкновенно кладетъ себѣ ружье на лѣвую руку дуломъ вверхъ — и выстрѣлы его идуть такимъ образомъ поверхъ окопа, большею частію въ дугообразномъ направленіи. О томъ, чтобы не тратить даромъ патроновъ, турокъ не заботится. Пока у него есть патроны, онъ хлопочетъ изъ всѣхъ силъ участить огонь. Съ этою цѣлю, каждый солдатъ имѣетъ при себѣ неистощимый запасъ патроновъ; онъ набиываетъ ихъ себѣ въ карманы, въ ранецъ, за пазуху, и стрѣляетъ непрерывно, какъ говорится, рукъ не покладывая. Отъ начала и до конца сраженія онъ то-и-дѣло заряжаетъ ружье. Это его единственный способъ защиты. Даже ѣда и питье не отвлекаютъ его отъ этого занятія, такъ какъ и то, и другое находится у него подъ руками; онъ можетъ даже кофе напиться, не сходя съ мѣста. Если же какой нибудь отрядъ наконецъ разстрѣляетъ свои патроны, то нерѣдко женщины и даже дѣти тотчасъ же тащатъ ему новый запасъ.

Для такого осторожнаго солдата, какъ турецкій, которому необходима канавы и „бѣглый огонь“, чтобы удерживать противника на почтительномъ разстояніи отъ траншей, — были истинною находкою скорострѣльные ружья новѣйшей системы, дающія возможность стрѣлять на 3,000 шаговъ, со скоростью до 15 выстрѣловъ въ минуту.

Помимо скорости стрѣльбы, новѣйшія ружья системы Пибоди могутъ обезпечивать положеніе обороняющагося еще губительностью своихъ выстрѣловъ.

и вып.

Сила, съ которою проникаетъ въ предметъ снарядъ ружья Пибоди, имѣетъ стремительность необыкновенную. Приходилось не разъ выкапывать пули, которыя, пролетѣвъ около версты съ непріятельскихъ позицій, пронизывали у насъ твердый грунтъ на два фута, или, падая отвѣсно, вонзались въ землю дюймовъ на шесть въ глубину, а иногда и на цѣлый футъ.

Послѣ этого понятна будетъ сила турецкаго огня, причинявшаго намъ въ прошлую войну потери въ десятки тысячъ человѣкъ и доставлявшаго туркамъ тотъ успѣхъ, съ которымъ они долгое время отстаивали свои траншеи. Заручившись скорострѣльнымъ ружьемъ Пибоди, турокъ изъ своей канавы стрѣлялъ уже рѣшительно безъ умолку и непрерывно осыпалъ все достигаемое выстрѣломъ пространство настоящимъ градомъ пуль. Уже на разстояніи 2,000 шаговъ огонь этотъ наносилъ намъ вредъ. Наболѣе же сильный и чувствительный потерями огонь турокъ приходилось выдерживать съ 2,000 до 600 шаговъ, такъ какъ выстрѣлы, пущенные изъ траншей вверхъ въ дугообразномъ направленіи, приходились преимущественно на это пространство; затѣмъ мѣткость турецкаго огня постепенно ослабѣвала; при дальнѣйшемъ нашемъ приближеніи къ траншеямъ, наиболѣе робкіе солдаты переставали уже совсѣмъ стрѣлять, остальные продолжали стрѣлять по-прежнему вверхъ, въ большинствѣ случаевъ не высовывая головъ изъ ложементовъ. Пули въ это время летѣли массами черезъ головы нашихъ, не причиняя имъ уже никакого вреда.

Понятно, что турки принимали всѣ мѣры, при такой безумной тратѣ патроновъ, къ безостановочному питанію ихъ во время самаго боя. Въ этомъ случаѣ снабженіе турокъ патронами было изумительное. Въ ложементахъ, кромѣ патроновъ, имѣвшихся у каждаго солдата за пазухою, въ карманахъ, въ ранцахъ, лежали еще патроны въ углубленіяхъ въ стѣнкѣ вала и, кромѣ того, стояли еще по дну траншеи въ большихъ ящикахъ со свинцовою и деревянною укорками. Въ Ловчѣ было взято нѣсколько погребовъ, наполненныхъ этими ящиками. Случалось, что турки иной разъ выходили изъ своихъ траншей по направленію къ нашимъ позиціямъ, залегали за приторками и открывали на нѣкоторое время бѣглый огонь; когда ихъ удава-

6

лось, спустя нѣсколько минутъ, выбить отсюда, то около пяти-шести турецкихъ труповъ уже можно было насчитать штукъ полтораста пустыхъ гильзъ. Вслѣдъ за наступавшими турками везлись постоянно патронные ящики. Во время большихъ сраженій турецкія войска израсходывывали по 400 и 500 патроновъ на человѣка. Можно послѣ этого представить себѣ силу турецкаго огня!..

Таковъ былъ способъ обороны, къ которому прибѣгали турки въ прошлую кампанію, за недостаткомъ въ ихъ солдатахъ военной выправки и отваги.

Теперь посмотримъ на „манеру сражаться“ русскаго солдата.

Храбрость и отвага русскихъ солдатъ давно уже прославили ихъ. Дисциплина и строгій порядокъ въ рядахъ нашихъ войскъ также всегдѣ извѣстны. При этомъ въ нашей арміи найдется не мало способныхъ и вполне образованныхъ офицеровъ. Все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ русскую армію, въ отношеніи военнаго искусства, несравненно выше турецкой. Наши войска могутъ стать въ открытомъ полѣ лицомъ къ лицу съ любой европейской арміею. Поэтому русскіе не имѣютъ надобности прятаться, безъ особенной нужды, за окопы и канавы. Было бы странно видѣть эти стройныя линіи войскъ, безусловно повинующіяся въ малѣйшей ихъ части общей командѣ начальника и не смущающіяся ни подъ какимъ градомъ пуль, — прячущимися за земляныя насыпи или окопы. Такая армія, какъ русская, создана не для обороны, а для наступленія, для встрѣчи со врагомъ въ открытомъ полѣ. Правда, русскія войска доказали, что они способны и обороняться, притомъ такъ, какъ турки и представить себѣ не могутъ, что вполне показала оборона Севастополя и Шибки, — но все же наши войска не созданы для обороны. Можетъ, конечно, иная война привести къ такому печальному исходу, что придется и русскимъ войскамъ заботиться главнымъ образомъ объ оборонѣ; но никогда еще не было примѣровъ, чтобы русскіе, объявляя войну, думали только объ оборонѣ, а не наступленіи. Наступленіе всегда было главной задачей русской арміи. Въ этихъ понятіяхъ воспитанъ каждый русскій солдатъ; объ этомъ говоритъ ему вся наша исторія, все наши войны и все отдѣльные случаи изъ этихъ войнъ. Сообразно

съ этимъ солдатъ нашъ выработалъ въ себѣ и „манеру сражаться“

Прежде всего русскій солдатъ не склоненъ, безъ крайней на то необходимости, рыть себѣ канавы или защищаться земляными насыпями. „Все равно, уйдемъ отсель, пропадетъ наша работа даромъ“, — говорили наши солдаты въ прошлую кампанію. Если даже русскій солдатъ и окопается на позиціи, то онъ все-таки думаетъ не объ удобствахъ и безопасности этого помѣщенія, а о томъ — какъ бы поскорѣе выйти изъ ложементъ да схватиться со врагомъ въ открытомъ мѣстѣ, лицомъ къ лицу. Правда, если крайность заставляетъ, онъ съ необычнымъ терпѣніемъ сидитъ и въ ложементѣ, не только день, или недѣлю, но и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это было на Шибкѣ или въ Севастополѣ; но все-таки мысль о выходѣ изъ ложементъ, о движеніи впередъ — не покидаетъ его ни на минуту и даже мучитъ его больше всякаго непріятельскаго огня. Тѣмъ удивительнѣе становится терпѣніе нашихъ солдатъ, выказанное ими въ прошлую войну при оборонѣ Шибки, Баязета и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, гдѣ наши войска должны были „отсиживать“ мѣсяца по два, по три и даже по пяти, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ возможности двинуться съ мѣста.

Относясь съ пренебреженіемъ къ сидѣнію въ ложементѣ, солдатъ нашъ не пытается особеннаго расположенія и къ инструментамъ, необходимымъ для рытья разныхъ канавъ и ровиковъ. Не разъ снабжали нашихъ солдатъ всеми этими инструментами, но на дѣлѣ инструменты эти приносили имъ мало пользы. При наступленіи это, конечно, трудно устроить иначе. Бѣжать впередъ съ лопатами и кирками подъ градомъ пуль — не то, что сидѣть спокойно съ ними въ какомъ-нибудь безопасномъ мѣстѣ. Русскій солдатъ, наступая въ горячемъ бою, подъ сильнымъ огнемъ, особенно по трудно проходимой мѣстности и въ жаркую погоду, первое, чѣмъ облегчаетъ себя, — это снимаетъ ранецъ, затѣмъ бросаетъ лопату или топоръ, потомъ слѣдуетъ шинель и, наконецъ, доходитъ очередь и до мѣшка съ сухарями. Остаются при солдатѣ только ружье да манерка. Такимъ образомъ, наша наступающая и штурмующая часть, введенная въ горячій бой, достигаетъ непріа-

тельской позиціи безъ всякихъ инструментовъ. Случалось, что солдаты наши, снабженные передъ началомъ боя всѣмъ панцевымъ инструментомъ, возвращались изъ атаки съ пустыми руками. Солдаты, конечно, недаромъ освобождалъ себя отъ излишнихъ тяжестей: пробѣжавъ съ увѣсистою ношею огромное разстояніе, которое отдѣляетъ его отъ непріятельской позиціи, онъ измучился бы до-того, что не въ состояніи былъ бы совладать съ противникомъ, спокойно сидящимъ въ своемъ ложементѣ. Между тѣмъ, безъ инструментовъ приходится тоже плохо, даже при быстромъ наступленіи: достигнувъ мѣста, на которомъ солдату необходимо остановиться на нѣкоторое время для отдыха, или для ознакомленія съ положеніемъ непріятеля, наступающему уже нечѣмъ прикрыть себя отъ сильнаго огня, который на близкомъ разстояніи стонвится еще губительнѣе. Тогда солдатъ нашъ поневолѣ или продолжаетъ бѣжать безъ остановки впередъ, или же, остановившись, выкапываетъ себѣ небольшую ямку, въ видѣ закрытія, частью крышкою отъ манерки, частью голыми руками, а то и просто штыкомъ, дѣлая это больше для успокоенія своей совѣсти, чѣмъ для безопасности. Полежавъ здѣсь минуту-другую, онъ уже опять бѣжитъ далѣе...

Относительно стрѣльбы русскій солдатъ составляетъ также полную противоположность съ турецкимъ. Прежде всего русскій крайне расчетливъ въ расходованіи патроновъ. „Нельзя патроны на вѣтеръ бросать — порохъ казенный!“ разсуждаетъ нашъ солдатъ. И не разъ случалось, что солдатъ возвращался изъ самаго жаркаго боя, не истративъ ни одного патрона:—все штыкомъ изъ экономіи работаль! Такіе случаи были, на примѣръ, на сивастопольскомъ берегу, при переправѣ черезъ Дунай. Если нашъ солдатъ и начнетъ стрѣлять, то только на разстояніи вѣрнаго прицѣла, чему учитъ его и военный уставъ,—именно на разстояніи 600 шаговъ отъ непріятеля, когда турецкая стрѣльба становилась уже недѣйствительною. При стрѣльбѣ съ такого близкаго разстоянія огонь нашей пѣхоты рѣшительно невыносимъ. Въ открытомъ мѣстѣ турки никогда не вѣдерживали его. Солдатъ нашъ въ спокойномъ положеніи стрѣляетъ навѣрняка, тщательно прицѣливаясь; трескотни бываетъ сравнительно немного, но дѣйствіе выстрѣловъ поистинѣ

ужасное: это не разъ испытывали турки на Шибкѣ. Что же касается до турецкихъ окоповъ, то, конечно, при наступленіи на нихъ и такая стрѣльба ничего не подѣляетъ, тѣмъ болѣе что турки, при приближеніи русскихъ, благоразумно не высовываютъ головъ своихъ изъ ложементовъ. Кромѣ того, на сторонѣ наступающихъ и другія невыгоды. Если напему штурмующему отряду и удастся подойти къ окопамъ, то онъ къ тому времени сильно поубавится въ числѣ; люди въ его рядахъ придутъ, задыхаясь отъ долгаго бѣга, такъ какъ пробѣжать имъ придется съ версту или болѣе, или же придется взлѣзать по дорогѣ на высокія крутизны. На бѣгу стрѣлять они мѣтко конечно уже не могутъ; если же солдатъ для того и пріостановится, то сердце послѣ ускореннаго бѣга такъ бьется, что руки неизбѣжно дрожать. Между тѣмъ обороняющійся противникъ, засѣвшій въ траншеяхъ, можетъ преспокойно цѣлиться вѣ подходящаго врага. Вотъ при какихъ невыгодныхъ условіяхъ производится стрѣльба при быстромъ наступленіи,—стрѣльба очень часто совершенно бесполезная.

Можетъ быть, поэтому между нашими солдатами и казаками сложилось убѣжденіе, что „пуля не беретъ турка“, что „онъ отъ пули заговоренъ, а надо брать его на пику, на штыкъ, на саблю, и тогда,—шабашъ—не устоитъ!“ Дѣйствительно, натиска холоднымъ оружіемъ турки почти не разу не выдерживали. „Надо только поскорѣе доходить до него и брать на ура!“ съ убѣжденіемъ говорили наши солдаты. „У него“—объяснялъ одинъ раненный унтеръ-офицеръ стоявшему подлѣ него „статскому“:— „знай—открылъ скобочку, да и шабашъ. У насъ ты, говоритъ, сначала отверти эвтую самую скобочку, да вложи патрону, да подыми курокъ, да опусти его. А вѣдь на все надо время. Ну, пока ты изготовишься, онъ тебя въ лоскъ и уложитъ. Особенно на дальнемъ разстояніи страсть какъ жаритъ. Ты въ него разъ, а онъ въ тебя десять. Но какъ Богъ тебѣ помогъ подойти поближе, такъ турка пропаль. Стрѣлять хоть онъ и стрѣляетъ, да все болѣе вверхъ. Понялъ?..“

Такимъ образомъ, расчетливая, мѣткая стрѣльба—по пословицѣ „рѣдко да мѣтко“,—стараніе попасть во что бы то ни стало поскорѣе въ ложементъ къ турку и, затѣмъ, горячая штыковая

работа: вотъ образецъ наступленія русскаго солдата. Этотъ же способъ въ сущности онъ примѣняетъ и къ оборонѣ своей позиціи, лишь нѣсколько измѣняя его, сообразно даннымъ обстоятельствамъ.

Замѣчательно, что какъ русскій способъ наступленія, такъ и турецкій способъ обороны нашли себѣ самое широкое приложеніе подѣ Плевною и въ наиболѣе рѣзкой формѣ выразились именно въ третью плевненскую битву. Главными представителями того и другаго способа явились здѣсь: съ турецкой стороны—муширъ (маршалъ) Османъ-паша, а съ русской—генераль-лейтенантъ (тогда еще генераль-маіоръ) Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й, которому въ третью плевненскую битву поручено было атаковать самый важный пунктъ непріятельской плевненской позиціи. Такъ какъ особенности характера и военныхъ дарованій Османа-паши и генерала Скобелева 2-го имѣли значительное вліяніе на характеръ важнѣйшихъ дѣйствій подѣ Плевною, то необходимо поближе познакомиться съ обѣими этими личностями.

Османъ-паша—природный турокъ; онъ родился въ Малой Азіи, въ Анатолиі, въ Токатѣ. Воспитывался въ военной школѣ въ Константинополѣ; съ тѣхъ поръ велъ бродячую жизнь, состоя по генеральному штабу. Османъ-паша имѣетъ семью и, между прочимъ, двухъ сыновей. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ арабами, въ Іеменѣ; незадолго до послѣдней Русско-турецкой войны сражался съ боснійцами и герцеговинцами. Званіе мушира (маршала) получилъ за пораженіе сербовъ подѣ Зайчаромъ, подѣ начальствомъ генерала Черниева.

Во время плевненскихъ невзгодъ многіе изъ русскихъ, подѣ вліяніемъ разсказовъ о звѣрствахъ турокъ, составили себѣ понятіе объ Османѣ-пашѣ какъ о кровожадномъ и свирѣпомъ азіатѣ. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось послѣ, это былъ весьма добродушный человѣкъ. На видъ ему лѣтъ сорокъ пять. У него довольно красивое и очень симпатичное лицо, безъ малѣйшей грубости или рѣзкости. Для жителя Востока лицо его можно назвать очень бѣлымъ, съ небольшимъ естественнымъ румянцемъ; носъ съ едва замѣтною горбиною, вовсе не турецкаго типа; борода небольшая, но окладистая, круглая, не совсѣмъ черная, а какъ будто съ каптановымъ отливомъ. Главное украшеніе этого лица

составляютъ большіе темнокаріе глаза, глубокіе, задумчивые, съ оттѣнкомъ грусти; во время разговора въ нихъ проглядываетъ что-то весьма добродушное. Одѣвается онъ постоянно въ свой любимый синій плащъ.

Османъ-паша отличается большою скромностью.

Въ то же время это—генераль умный и осторожный. Онъ говоритъ, что „голова прежде всего, потомъ сердце—какъ у мужчины, такъ и у женщины; особенно нужно владѣть собою умно и толково тѣмъ лицамъ, которымъ судьбою ввѣрена участь десятковъ тысячъ людей“ Сверхъ того, Османъ-паша обладаетъ большимъ личнымъ мужествомъ. Подѣ Плевною онъ самъ постоянно объѣзжалъ позиціи, не боялся огня, осматривалъ и повѣрялъ цѣпь. Онъ же былъ главнымъ виновникомъ необыкновеннаго развитія подѣ Плевною турецкихъ землекопныхъ работъ.

Вообще, лучшаго полководца, какъ Османъ-паша, для тяжелаго на подъемъ и крайне осторожнаго турка, и быть не могло. По своему характеру и наклонностямъ, Османъ-паша самъ истинный турокъ. Онъ не отличается особеннымъ военнымъ образованіемъ отъ прочихъ турецкихъ генераловъ. Выдающаяся черта его характера также чисто-турецкаго свойства, это—чрезмѣрная осторожность и нерѣшительность. Но онъ не лишенъ, какъ уже было замѣчено выше, природнаго ума, а главное—слыветъ, и не безъ основанія, искреннѣйшимъ патріотомъ между своими соотечественниками. Всѣ эти личныя качества храбраго защитника Плевны какъ нельзя болѣе способствовали самому широкому развитію въ этомъ пунктѣ землекопныхъ работъ, тѣмъ болѣе что условія для этого были здѣсь самыя благоприятныя. Подѣ Плевною, на сравнительно небольшомъ пространствѣ, было скучено значительно больше войскъ, чѣмъ на другихъ турецкихъ позиціяхъ. Кромѣ того, турки продержались и здѣсь, не сходя съ мѣста, довольно продолжительное время для того, чтобы успѣть изрыть окопами всю мѣстность вокругъ Плевны. Наконецъ, здѣсь оборона была главной ихъ задачею, тогда какъ на другихъ пунктахъ театра войны они мечтали еще о наступленіи. Въ виду всего этого, крайне осторожный и добросовѣстно относящійся къ своему дѣлу, Османъ-паша употребилъ всѣ усилія, чтобы какъ можно глубже и уютнѣе закопаться

въ землю съ своими увальнями — „аскерами“ Онъ непрерывно понуждалъ къ рытью редутовъ, траншей, ложементовъ и западной и безъ того уже склонныхъ къ этому способу обороны турецкихъ солдатъ. И дѣйствительно, двѣ наши первыя неудачи подъ Плевною дали имъ время вдоволь насладиться этой работою. Когда русскіе подошли въ первый разъ къ Плевнѣ, то нашли здѣсь лишь незначительные окопы, и то только на сѣверной сторонѣ города. Во время же втораго боя подъ Плевною наши встрѣтили здѣсь уже нескончаемые ряды сильныхъ земляныхъ укрѣпленій, облегающихъ городъ съ сѣверной, восточной и юго-восточной сторонъ; только южная сторона Плевны оставалась тогда еще открытою, что и позволило генералу Скобелеву проникнуть съ этой стороны, съ однимъ батальономъ, въ самый городъ. Теперь же, передъ третьей плевенской битвою, и южная сторона Плевны была уже укрѣплена тремя огромными редутами и безчисленнымъ множествомъ траншей и ложементовъ. Сверхъ того, къ этому времени появились новыя укрѣпленія и съ другихъ сторонъ Плевны, которыя были прежде укрѣплены; прежніе же окопы на этихъ пунктахъ были исправлены и значительно усилены. Словомъ, ко времени третьяго боя, вся мѣстность кругомъ Плевны была почти сплошь покрыта земляными укрѣпленіями. Если бы кто-нибудь полюбопытствовалъ въ то время окинуть глазомъ всю окрестность Плевны съ какого-нибудь возвышеннаго пункта къ востоку или юго-востоку отъ города, то увидѣлъ бы передъ собою рядъ холмовъ, на вершинахъ и скалахъ которыхъ желтѣютъ полосы выкинутой изорвовъ земли; за первымъ рядомъ холмовъ виднѣлись другіе холмы, большіе, а за ними еще рядъ возвышенностей, ближайшихъ къ Плевнѣ, и все это, гдѣ только можно было разсмотрѣть, испещрено было и вдоль и поперекъ, по-видимому неправильными и причудливыхъ формъ рвами и насыпями, точно на всѣ эти возвышенности наложена перепутанная черная сѣтка. Глазъ терялся въ изгибахъ, зигзагахъ и лабиринтахъ этой сѣти. На самыхъ возвышеннѣйшихъ пунктахъ чернѣлись грозные редуты. Передъ этими твердынями и рядомъ съ ними тянулись по гребнямъ высотъ линіи турецкихъ батарей. Еще далѣе виднѣлись грозныя очертанія другихъ редутовъ. Скаты подъ редутами и батареями изрыты были траншея-

ми, ложементами, ретраншаментами и западнями. Куда ни помотришь — вездѣ редутъ за редутомъ, батарея за батареею. Передніе ряды прикрываютъ задніе; а эти послѣдніе ловко обстрѣливаютъ передніе, такъ что штурмующему на каждомъ шагу должны представляться все новыя преграды и новыя неожиданности.

Что же касается до ружейнаго огня, то Османъ-паша довелъ его подъ Плевною до небывалой силы. Всѣ турецкія войска въ Плевнѣ снабжены были скорострѣльными ружьями Пибоди. Запасъ патроновъ имѣлся у нихъ колоссальный, такъ что они расходовали ихъ безъ всякой пощады. Теперь вообразите себѣ массы турецкой пѣхоты, укрывшейся за всѣми плевенскими окопами и непрерывно извергающія по нѣскольку разъ въ минуту тысячи одновременныхъ выстрѣловъ изъ своихъ скорострѣльныхъ ружей, — и вы получите только приблизительное понятіе о силѣ турецкаго огня! Во время втораго боя подъ Плевною турецкія пули залетали даже въ наши резервы, стоявшіе за холмами, тысячи за три шаговъ отъ турецкихъ позицій, и притомъ въ такомъ количествѣ, что мундиры у нѣкоторыхъ солдатъ были буквально изрѣпечены, хотя въ этомъ случаѣ пули уже не причиняли ранъ, такъ какъ, пролетѣвъ такое огромное разстояніе, пуля теряетъ свою силу и способна пробить только сукно, не оставивъ на тѣлѣ даже царапины. Тѣ же изъ солдатъ, которымъ удалось выйдти невредимыми изъ самаго боя, буквально вытряхали послѣ изъ своихъ скатанныхъ шинелей застрявшія въ нихъ пули. Такой градъ пуль сыпался на штурмующихъ еще во время второй плевенской битвы. Къ третьему же плевенскому бою огонь турецкой пѣхоты былъ, можно сказать, утроенъ и вдобавокъ еще подкрѣпленъ огнемъ тяжелой артиллеріи. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что къ этому времени Османъ-паша перевезъ изъ Виддина въ Плевну осадную артиллерію и вооружилъ ею плевенскія укрѣпленія, такъ что Плевна получила теперь видъ настоящей крѣпости. Теперь почти съ cadaго редута ружейный огонь производился въ три яруса: съ вала, изъ рва, лежащаго передъ нимъ, и изъ ложементовъ, прикрывающихъ ровъ. Этотъ „бѣглый огонь“ турокъ превосходилъ по своей силѣ все, что только можно себѣ представить. Знаютокъ военнаго дѣла, знаменитый защитникъ Сева-

стопоя, генераль Тотлебенъ, говоритъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ бельгійскому инженеру Бриальмону, что наши войска встрѣчали подъ Плевною такой губительный и опустошительный огонь со стороны турецкой пѣхоты, какого никогда до сихъ поръ не производила никакая европейская армія. Генераль Тотлебенъ говоритъ, что огонь турецкой пѣхоты уподоблялся дѣйствию перекаточной машины, непрестанно извергавшей массы свинцу на огромныя дистанціи. Теперь прибавьте къ этому ливню пуль градъ турецкихъ бомбъ и гранатъ изъ турецкихъ орудій, которыми вооружены были всѣ редуты. Какъ поднимаютъ стрѣльбу, — такъ всѣ скаты холмовъ огнемъ пылаютъ. Сверху режутъ орудія дальняго боя, въ нѣсколькихъ этажахъ редута гремитъ непрерывная линія пушекъ, а промежутки между этими линіями пополнены сухой трескотнею ружейныхъ залповъ, и куда ни суньтесъ — вездѣ встрѣтитъ васъ четырехъ-русный огонь. И на такія-то позиціи незадумываясь пошли 30-го августа наши солдаты!

Самое отчаянное нападеніе и самыхъ опасныхъ враговъ Османъ-паша встрѣтилъ въ этотъ разъ со стороны войскъ генерала Скобелева 2-го, которому поручено было теперь атаковать наиболѣе уязвимый пунктъ плевенской позиціи — южную сторону города. Нужно вообще замѣтить, что, вслѣдствіе отчаяннаго сопротивленія турокъ въ Плевнѣ и вслѣдствіе необходимости взять этотъ городъ во что бы то ни стало, наши открытыя атаки этого пункта отличались особенной отвагою и смѣлостью. Самымъ же блестящимъ исполнителемъ этого способа нападенія явился здѣсь генераль Скобелевъ 2-й.

Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Скобелевъ 2-й родился 17-го сентября 1844 года; ему, было тогда, слѣдовательно, 35 лѣтъ. Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ, изъ дворянъ, 18-ти лѣтъ поступилъ въ военную службу унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ, а два года спустя произведенъ былъ въ корнеты съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ, который въ то время (начало 1863 года) находился въ Варшавѣ. По окончаніи польскаго мятежа и по совершенномъ успокоеніи края, М. Д. Скобелевъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и кончилъ въ ней курсъ съ отличіемъ, почему, по окончаніи курса академіи, былъ тотчасъ

же причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу сперва въ Туркестанскій край (1868 г.), а потомъ на Кавказъ (1870 годъ); но тамъ оставался не долго. По возвращеніи съ Кавказа, М. Д. Скобелевъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ 22-й пѣхотной дивизіи. Начавшаяся въ скоромъ времени война съ коканцами вызвала его исключительно къ боевой дѣятельности. Въ 1873 г. онъ участвовалъ въ хивинскомъ походѣ въ оренбургскомъ отрядѣ генерала Веревкина. За дѣла и отличія въ Туркестанскомъ краѣ М. Д. Скобелевъ получилъ всѣ высшія военныя боевыя награды: золотую саблю съ надписью „за храбрость“, орденъ св. Георгія Побѣдоносца 4-й и 3-й степеней, а также чины полковника и генераль-майора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Заслуги его вслѣдъ затѣмъ при покореніи Кокана у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. На тридцатомъ году отъ рожденія М. Д. Скобелевъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской (Коканской) области и командующимъ въ ней войсками, но оставилъ эту почетную и важную должность, чтобы отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, въ дѣйствующую армию на Дунай.

Здѣсь, еще до плевенскихъ боевъ, онъ принималъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ крупныхъ и даже мелкихъ дѣлахъ. Еще задолго до перехода черезъ Дунай, во время праздной бомбардировки турками румынскаго берега, М. Д. Скобелевъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе полнѣйшимъ своимъ равнодушіемъ къ турецкимъ гранатамъ, что не могло не подѣйствовать сразу благотворно на наши молодыя войска, среди которыхъ онъ находился. Затѣмъ, при загражденіи Дуная торпедами у селенія Паралана, при извѣстномъ дѣлѣ миноноски Скрыдлова съ турецкимъ мониторомъ, М. Д. Скобелевъ, командовавший береговымъ прикрытіемъ, въ критическую минуту спасъ отрядъ нашихъ моряковъ и стрѣлковъ, одыхавшихъ на островѣ по срединѣ рѣки, отъ вѣрной гибели подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ съ турецкаго берега. Въ памятный день 15-го іюня, при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Зимницы, М. Д. Скобелевъ, прибывъ на систовскій берегъ съ генераломъ Драгомировымъ, руководилъ во время боя стрѣлковыми цѣпами подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Спустя нѣсколько времени послѣ переправы черезъ Дунай, когда гене-

ралъ Гурко перешелъ черезъ Ханкіойскій проходъ въ Балканахъ и, появившись съ передовымъ отрядомъ въ тылу Шибкинскаго перевала, атаковалъ его, не достигнувъ, впрочемъ, опредѣленныхъ результатовъ, М. Д. Скобелевъ, черезъ день послѣ этого, 7-го іюля, повелъ Орловскій полкъ въ атаку на

тотъ же перевалъ съ фронта, со стороны Тырнова, и на его счастье оказалось, что турки уже бѣжали съ перевала, такъ что М. Д. Скобелеву пришлось первому занять Шибку...

Самымъ же блестящимъ періодомъ его дѣятельности представляется участіе его въ отчаянныхъ ата-

Генераль-адъютантъ Скобелевъ 2-й.

кахъ подъ Плевною и Ловчею, гдѣ онъ заслужилъ всеобщую любовь въ войскахъ, съ которыми совершилъ чудеса храбрости. Хладнокровіе Скобелева въ бою вѣсьма извѣстно. Для этого генерала опасностей не существуетъ. Свистъ пуль, трескъ гранатъ на бранномъ полѣ онъ выслушиваетъ съ та-

кимъ же спокойствіемъ, какъ мы слушаемъ обыкновенно знакомые намъ напѣвы. Онъ бывалъ въ самомъ страшномъ огнѣ, подъ нимъ убивали въ теченіи боя нѣсколькихъ лошадей, но онъ спокойно сидѣлъ на новаго коня и не испытывалъ ни малѣйшей тревоги даже въ самые критическіе моменты боеваго

положенія. Во время самыхъ отчаянныхъ атакъ онъ водилъ свои войска на непріятеля въ необыкновенномъ порядкѣ, воодушевляя ихъ личнымъ примѣромъ и хладнокровной распорядительностью въ самомъ адскомъ огнѣ. Вотъ почему онъ игралъ видную роль во всѣхъ открытыхъ атакахъ Плевны и долгое время служилъ для русской публики, такъ сказать, залогомъ нашего успѣха подъ Плевною, хотя лично отъ него, можетъ быть, зависѣло весьма немного и хотя на долю его приходилась даже чуть ли не большая часть потерь, понесенныхъ нами въ плевненскихъ бояхъ; но его настойчивость, изворотливость и энергія, съ которыми онъ долгое время боролся съ Османомъ-пашою, служили полнымъ выраженіемъ тогдашняго настроенія нашей публики. Во всякомъ случаѣ, имя генерала Скобелева надолго будетъ связано съ именемъ Плевны.

Въ третью плевненскую битву Османъ-паша долженъ былъ встрѣтить въ „Скобелевѣ“ самого опаснаго противника. Генералъ Скобелевъ только-что передъ тѣмъ разбилъ, посредствомъ открытаго нападенія, правый флангъ Османа-паши, при взятіи г. Ловчи. Во время втораго плевненскаго боя Скобелевъ, съ помощью того-же способа открытой атаки, проникъ съ юга въ самыя предмѣстья Плевны всего съ однимъ батальономъ пѣхоты. Теперь ему было дано 22 батальона, чтобы атаковать тотъ же пунктъ плевненской позиціи. Генералъ Скобелевъ получилъ, такимъ образомъ, въ свое распоряженіе силы, какихъ еще не было подъ его командою. Но, какъ мы видѣли, ко времени третьяго боя обстановка подъ Плевною тоже нѣсколько измѣнилась: тамъ, гдѣ прежде было открытая мѣстность, теперь воздвигнуты были грозныя укрѣпленія съ трехъ и четырехъяруснымъ огнемъ.

Изъ всего сказаннаго о способахъ сраженія, какъ русскихъ, такъ и турокъ, можно понять, какой страшный бой долженъ былъ теперь разыгратъ, подъ Плевною, гдѣ готовились встрѣтиться, въ третій разъ, самыя упорныя турецкія войска, уже искусившіяся въ оборонѣ съ помощью траншей и адскаго огня, и самыя храбрыя войска, сгоравшія нетерпѣніемъ во чтобы то ни стало выбить турокъ изъ безконечныхъ рядовъ ихъ окоповъ. Это должна была быть война пулями, самая кровопролитная изъ всѣхъ битвъ прошлой кампаніи.

Передъ Плевною, вдоль лѣваго берега рѣки Осмы, стояли уже наготовѣ войска нашей „Западной арміи.“ Въ составъ этой арміи входили въ это время слѣдующія части: 4-й румынскій корпусъ, только-что переправившійся черезъ Дунай у Караби, въ числѣ 25,000 человекъ; 9-й корпусъ генерала Криденера, уже участвовавшій въ первыхъ двухъ бояхъ подъ Плевною, теперь пополненный и состоявшій изъ 18,000 человекъ; 4-й корпусъ генерала Крылова, бывшій генерала Зотова, разбившій турокъ у Пелишата и Сталевицы и достигавшій 20,000 человекъ; наконецъ отрядъ князя Имеретинскаго, только что взявшій городъ Ловчу и заключавшій въ себѣ тоже 20,000 человекъ. Сверхъ того, къ „Западной арміи“ присоединились два кавалерійскихъ отряда генерала Лошкарева и генерала Леонова. Соединенныя силы пѣхоты составляли, такимъ образомъ, приблизительно 83,000 человекъ, кавалеріи около 10,000, артиллеріи около 250 орудій, въ томъ числѣ 20 осадныхъ.

Османъ-паша располагалъ въ это время въ Плевнѣ 70,000 человекъ войска и 100 орудіями.

Штурмъ плевненскихъ позицій, какъ говорятъ, былъ рѣшенъ еще до взятія Ловчи, наканунѣ пелишатскаго сраженія 18-го августа. Рассказываютъ, что на военномъ совѣтѣ, происходившемъ по поводу этой атаки, не всѣ мнѣнія были за нее. Дѣло въ томъ, что позиціи вокругъ Плевны, которыя должны были занять наши войска, простираются верстъ на 50 или 60. Если растянуть на такомъ огромномъ пространствѣ нашу 80-ти-тысячную армію, то поневолѣ придется раздробить ее на незначительныя отряды, которые не въ состояніи будутъ одолѣть стойкаго противника, защищеннаго почти въ каждомъ пунктѣ безчисленными укрѣпленіями и сосредоточеннаго, въ количествѣ 70,000 человекъ, въ серединѣ занятаго нами полукружія, а слѣдовательно имѣющаго полную возможность ударить всей своею массою на любую сторону этой окружности.

Опасенія неудачи третьей атаки Плевны имѣли, такимъ образомъ, свои основанія. Но въ то же время въ пользу этой атаки говорило столько данныхъ, что мнѣніе о необходимости ея восторжествовало. Во-первыхъ, положеніе нашихъ отрядовъ на Шибкѣ и р. Янтрѣ сдѣлалось къ тому времени до того невыносимымъ, что необходимо было „Западной арміи“

поспѣшить къ нимъ на помощь, немедленно покончивъ съ арміею Османа-паши, такъ какъ подкрѣпленія изъ Россіи въ то время далеко еще не всѣ подошли. Армія Сулеймана-паши все болѣе и болѣе тѣснила нашихъ „шибкинскихъ орловъ“, почти уже окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Отрядъ Наслѣдника Цесаревича уже отступилъ предъ превосходными силами Мехмета-Али-паши отъ береговъ рѣки Чернаго Лома къ рѣкѣ Янтрѣ. На обоихъ пунктахъ грозило произойти нѣчто худшее, чѣмъ всѣ плевненскія битвы. Нашей „Западной арміи“ нужно было послѣдить воспользоваться возможностью спокойно довершить ударъ арміи Османа-паши, чтобы вслѣдъ затѣмъ предоставить возможность и другимъ нашимъ отрядамъ перейти въ наступленіе и, такимъ образомъ, дать толчекъ всему ходу кампаніи.

Съ другой стороны, недостатокъ войскъ въ нашей „Западной арміи“ могъ быть замѣненъ отчасти огромнымъ количествомъ собранныхъ здѣсь орудій. Превосходство нашей артиллеріи давало надежду серьезно облегчить атаку иѣхотѣ.

Сверхъ того, успѣху этой атаки, казалось, благоприятствовали и предшествовавшія событія: громадный уронъ, нанесенный туркамъ въ половинѣ августа нашими храбрыми защитниками Шибки, и наши побѣды надъ арміею Османа-паши у Пелишата и Сгалевицы и подъ Ловчею—должны были возстановить обаяніе русскаго оружія, страхъ передъ которымъ былъ нѣсколько поколебленъ въ туркахъ двумя нашими первыми неудачами подъ Плевною. Одни сраженія у Пелишата и подъ Ловчею, не говоря уже о шибкинскихъ бояхъ, причинили туркамъ такой же уронъ, какой мы понесли въ двухъ плевненскихъ битвахъ, такъ что турки вновь превзошли насъ потерями. Все это, по-видимому, должно было наконецъ сломить стойкость защитниковъ Плевны и поколебать увѣренность въ самомъ Османѣ-пашѣ въ неуязвимости его позицій.

Что же касается русской арміи, то мужество и рвеніе ея росли не только по мѣрѣ увеличенія числа нашихъ побѣдъ, но и по мѣрѣ встрѣчаемаго ею сопротивленія со стороны непріятели, такъ что солдаты наши всегда были готовы въ бой и давно уже горѣли нетерпѣніемъ расквитаться съ упорнымъ врагомъ.

Наконецъ, численность нашей „Западной арміи“ не настолько была слаба, чтобы возможно было по-

втореніе прежнихъ ошибокъ, какъ, напримѣръ, недостатокъ связи между отдѣльными атакующими отрядами. Численность нашихъ войскъ, какъ она ни была незначительна, все-таки позволяла теперь заполнить ими все пространство вокругъ Плевны, такъ что объ отсутствіи связи и поддержки между различными атакующими отрядами теперь, по-видимому, не могло быть и рѣчи. Къ тому же штурмъ главнаго пункта плевненской позиціи имѣлось въ виду поручить теперь храбрѣйшему изъ русскихъ генераловъ—Скобелеву 2-му.

Въ виду всего сказаннаго, атака Плевны, въ концѣ августа, была рѣшена безповоротно.

Главнoкомандующимъ соединенной русско-румынской западной арміею назначенъ былъ въ этотъ разъ князь Карлъ Румынскій; начальникомъ штаба—генералъ лейтенантъ Зотовъ, уже выигравшій одно сраженіе у турокъ, при Пелишатѣ и Сгалевицѣ.

Главный трудъ по подготовленію атаки Плевны возложенъ былъ на генерала Зотова. Начальникъ штаба взялся за дѣло весьма энергично. Болѣе мѣсяца онъ изучалъ турецкія позиціи, подготовлялъ планъ атаки, производилъ расчеты. За послѣднюю недѣлю нашимъ офицерамъ удалось, хотя и съ опасностью жизни, снять подробную карту Плевны, въ масштабѣ 250 сажень. На этой гигантской картѣ показаны были всѣ, даже самыя незначительныя возвышенности, въ виду важнаго значенія ихъ для полководца, ищущаго закрытій для своихъ солдатъ. На картѣ обозначенъ былъ также каждый колодезь и было показано даже сколько въ немъ воды и какого качества, такъ какъ въ нѣкоторые источники, текущіе изъ-подъ Плевны, турки набросали труповъ убитыхъ русскихъ, „чтобы насолить живымъ товарищамъ“

Не смотря на всю тщательность подготовки атаки, а можетъ быть благодаря именно близкому знакомству съ мѣстомъ предстоящаго дѣйствія, генералъ Зотовъ, говорятъ, настойчивѣе другихъ высказывалъ мнѣніе, что атаковать турокъ невозможно съ тѣми силами, какія были у него въ распоряженіи. „Дайте мнѣ достаточное количество войска,—говорилъ онъ,—и я сейчасъ же атакую Плевну“. Но мы видѣли уже, сколько данныхъ говорило за необходимость и возможность этой атаки.

Подготовленія къ ней велись съ чрезвычайной скрытностью; даже командиры отдѣльныхъ частей ни-

чего не знали о задуманномъ дѣлѣ, пока не наткнулись на эту новость случайно. Лишь за два-три дня до выступленія на позиціи можно было догадаться, что рѣшительная минута быстро наступаетъ. Въ эти дни, т. е. съ 23-го по 25-е августа, въ стоявшихъ до сихъ поръ въ полномъ бездѣйствіи войскахъ Западной арміи вдругъ пробудилась новая жизнь. До сего времени, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, солдаты только и дѣлали, что копошились изо дня въ день около пустыхъ траншей и ложементовъ, или отдыхали цѣлыми грушмами подъ тѣнью своихъ палатокъ, расположенныхъ передъ Плевною по склонамъ и на вершинахъ холмовъ; казалось, будто армія навсегда поселилась въ этихъ лагеряхъ. Теперь же, передъ 25 августа, вдругъ начались передвиженія войскъ. Полки и дивизіи быстро и таинственно исчезли куда-то, и на мѣсто ихъ появились другіе. Въ с. Порадимъ неожиданно прибыли длинные обозы артиллеріи, между прочимъ нѣсколько громадныхъ осадныхъ орудій, которыя мирно стояли до сихъ поръ въ запасѣ въ Зимницѣ. До двадцати воловъ терпѣливо и медленно тащили теперь каждое орудіе подъ Плевну.

24-го августа главная квартира Великаго Князя Главнокомандующаго переведена была изъ Горнаго Студеня въ селеніе Радуніцу, близъ Порадима. На другой же день, 25-го августа, около 4-хъ часовъ полудни, пріѣхалъ сюда къ Его Высочеству Главнокомандующему начальникъ соединенной Западной арміи, князь Карлъ Румынскій, въ сопровожденіи блестящей свиты. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ, рядомъ съ полковникомъ французской службы Гальяромъ; на козлахъ переважно помѣщались его ординарецъ и кучеръ, разодѣтый въ цвѣтной народный румынскій костюмъ: шляпу съ пестрыми перьями, яркій широкій поясъ и съ бичемъ въ рукахъ; лошади съ бубенчиками, колокольчиками и разноцвѣтными лентами въ залетенныхъ гривахъ. Переговоривъ съ Великимъ Княземъ, князь Карлъ Румынскій черезъ полчаса, вмѣстѣ съ полковникомъ Гальяромъ, уѣхалъ назадъ, въ свою главную квартиру, расположенную въ селеніи Порадимѣ. Послѣ обѣденнаго стола, накрытаго подъ навѣсомъ сарая, причемъ, по обыкновенію, играла музыка лейбъ-казаковъ, помощникъ начальника штаба дѣйствующей арміи, генералъ Левицкій, собралъ адъютантовъ и ординарцевъ Великаго Князя Главнокомандующаго и прочелъ

имъ диспозицію, составленную на завтрашній день. По диспозиціи назначено было выступить войскамъ въ 6 часовъ вечера того же дня. При этомъ присутствовали военные представители Германіи, Даніи, Швеціи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи.

Извѣстіе о томъ, что наконецъ приступаютъ къ дѣлу, было съ радостію встрѣчено какъ офицерами, такъ и солдатами, порядочно уже истомившимися постояннымъ бездѣйствіемъ и скучнымъ сооруженіемъ, разныхъ ровиковъ и земляныхъ насыпей. На бивуакахъ тотчасъ же пошла укладка: полковое имущество скидывалось на обозы; шинели вмѣстѣ съ полотнищами палатокъ скатывались черезъ плечо; ранцы приказано было не брать, а отправить на подводахъ въ Порадимъ, что съ радостію было встрѣчено солдатами, которымъ пришлось и безъ того захватить съ собою сухарей дня на 4 и варенаго мяса по 2 фунта на человѣка. Кухни должны были слѣдовать невдалекѣ за полками и доставлять, по мѣрѣ надобности, горячую пищу.

Въ назначенный часъ, чуть лишь спустилась вечерняя темнота, войска всей Западной арміи съ различныхъ пунктовъ на лѣвомъ берегу рѣки Осмы тихо двинулись къ Плевнѣ.

— „Впередъ, пора!“ скомандовали врачи санитарнымъ колоннамъ.

Войска должны были занять приблизительно тѣ же позиціи, что и 18 іюля. Три румынскихъ дивизіи, подъ начальствомъ генерала Черната, направились на возвышенности къ сѣверу отъ Плевны между гривицкимъ шоссе и р. Видомъ; 9-й корпусъ барона Криденера выступилъ по направленію къ высотамъ, расположеннымъ между гривицкимъ шоссе и дорогою изъ Целишата въ Плевну; 4-й корпусъ генерала Крылова двинулся на радищевскія высоты. Войска же князя Имеретинскаго, въ составѣ 16 батальоновъ при 76 орудіяхъ, съ генераломъ Скобелевымъ въ авангардѣ, должны были занять высоты къ югу отъ Плевны, между тученицкимъ оврагомъ и рѣкою Видомъ, на плевно-ловчинскомъ шоссе, откуда предполагалось нанесеніе рѣшительнаго удара. Сверхъ того, Донская казачья и Кавказская бригады должны были примкнуть также къ отряду князя Имеретинскаго, а 1-я бригада 4-й кавалерійской дивизіи, генерала Леонтьева, стать на позиціи между этимъ отрядомъ и 4-мъ корпусомъ генерала Крылова. Остальныя кавалерійскія

части пока еще не получали опредѣленнаго назначенія.

Войска шли съ артиллеріею, летучими парками, частью полковыхъ обозовъ, кухнями, состоявшими изъ первобытнаго громаднаго котла на цѣлую роту. Люди растянулись съ обозами на нѣсколько верстъ, хотя и старались идти и ѣхать, по возможности, въ нѣсколько рядовъ. Всадники съ фонарями, скакавшіе впереди и сбоку санитарныхъ колоннъ, служили для войскъ печальными провожатыми.

За войсками слѣдовалъ самъ генералъ Зотовъ, для личнаго надзора за ходомъ дѣла.

Наступившая темнота чрезвычайно затрудняла движеніе. Кругомъ гробовое молчаніе, а въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, можетъ быть, ужъ выжидаетъ врагъ, разсчитывая, что вотъ, молъ, пускай „московы“ подойдутъ поближе, чтобы вѣрнѣе уложить ихъ на мѣстѣ. Полки шли мѣрно и тихо, сокрушаясь о томъ, что и стрѣлять нельзя, потому что въ эту темную ночь легко перестрѣлять другъ друга. Вдобавокъ ночь стояла холодная: такой стужи еще не было въ Болгаріи со времени перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай. Завывалъ сѣверный вѣтеръ. Все вокругъ выглядывало мрачной осенней ночью и навѣвало тяжелыя думы... „Такой подлой ночи давно ужъ не приходилось переживать,“ — замѣчали другъ другу офицеры.

При той темнотѣ, которая въ это время наступила, трудно было различать одинъ поворотъ отъ другого, и потому вся масса войскъ, не смотря на то, что дорога къ Плевнѣ была намъ знакома, нѣсколько разъ сбивались съ дороги: то забирали слишкомъ вправо, то слишкомъ влѣво, и поминутно останавливались. Телѣги и фуры то и дѣло съѣзжали незамѣтно съ колеи на поле, попадали въ канавы; слышались ругательства, — значитъ — случилась какаянибудь бѣда: колесо разсыпалось, ось сломалась, или упряжь изорвалась.

Такимъ образомъ, благодаря страшной темнотѣ, потребовалось 5—6 часовъ, чтобы добраться до плевненскихъ позицій, пройдя разстояніе всего какихънибудь 6—10 верстъ.

Приближаясь къ высотамъ вокругъ Плевны, наши нашли ихъ совершенно незанятыми непріателемъ, такъ что многіе не вѣрили своимъ глазамъ. Поднялись выше, на самые гребни холмовъ, господствующихъ

надъ непріятельскими укрѣпленіями: — тамъ тоже было тихо и мертво. „Да не ушли-ли въ самомъ дѣлѣ турки изъ подъ-Плевны?“ мелькнуло у многихъ въ головахъ.

Но турки не ушли: они отлично знали, куда и когда передвигались наши войска, и не мѣшали намъ лишь потому, что берегли людей для слѣдующихъ дней.

Между тѣмъ, и наши войска, подъ прикрытіемъ темноты, принялись готовить туркамъ подарокъ: занявъ гребни холмовъ, русскіе должны были скрытно отъ непріятеля возвести за ночь батареи и установить на нихъ орудія; далеко впередъ сейчасъ же высланы были цѣны стрѣлковъ, которые мигомъ окопались на своихъ позиціяхъ; остальные части войскъ расположились резервами за склонами холмовъ.

Всю ночь назначенныя для того войска работали на высотахъ подъ Плевною надъ устройствомъ и постановкою артиллеріи. Особенно трудная и сложная операція исполнялась въ эту ночь на востокъ отъ Плевны, передъ деревнею Гривницею: приходилось возвести и установить здѣсь батарею изъ 20 осадныхъ орудій. Чтобы понять всю трудность этой работы, которую слѣдовало выполнить въ нѣсколько часовъ, съ соблюденіемъ возможно-полной тишины, приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ орудіяхъ, изъ 20 осадныхъ орудій 16 были мѣдныя 24-хъ фунтовыя и 4 дальнобойныя стальные, изготовленныя на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ. Мѣдныя стрѣляли на 5 верстъ по прицѣлу, но снарядъ могъ пролетать и все 6 верстъ. Стальные орудія били по прицѣлу на 7 верстъ! Тѣ и другія могли также бить картечными гранатами на разстояніи трехъ-четырехъ верстъ. Для перевозки этихъ 20-ти орудій, а также платформъ, на которыя они устанавливались, и необходимаго количества снарядовъ (около 4-хъ тысячъ) потребовалось около 1,500 воловъ. Въ Зимницѣ весь обозъ переходилъ черезъ Дунай по мосту въ теченіи 18 часовъ! Каждое мѣдное орудіе везли 14 воловъ, а каждое стальное—18; доски для платформъ везли на 16 подводахъ. На берегу рѣки Осмы, у Булгарени, гдѣ довольно крутой спускъ, тоже потребовалось около 10 часовъ, чтобы благополучно спустить съ горы весь транспортъ. Орудія съ принадлежностями прибыли въ Порадимъ, какъ мы видѣли, 23-го августа. Установить ихъ на позиціи подъ Плевною, т. е. возвести

насыпи, устроить платформы и установить самыя орудія, — все это предполагалось сдѣлать въ одну ночь. На мѣсто, выбранное для возведенія осадной батареи, было выслано около 4,000 человекъ рабочихъ. Какъ только было разбито мѣсто, т. е. указано колышками направленіе насыпей, — работа у саперъ живо закипѣла. Самое большое затрудненіе представляла установка платформъ. Нужно было правильно уложить брусья, настлать помостъ изъ досокъ, заранѣе пригнанныхъ одна къ другой и перенумерованныхъ; но, вслѣдствіе огромнаго количества досокъ и за темнотою ночи, ихъ легко было перепутать. Самыя орудія были доставлены на мѣсто, къ батареямъ, пѣхотою, причемъ на каждое орудіе отряжено было по 200 человекъ. Благодаря энергіи и распорядительности саперныхъ офицеровъ, къ 5^{1/2} часамъ утра 26-го августа были уже готовы обѣ осадныя батареи, одна въ 12, другая въ 8 орудій, расположенныя почти рядомъ, противъ деревни Гривицы.

Смѣшанный шумъ устанавливающагося лагеря стоялъ подъ Плевною почти всю ночь, постепенно улегаясь къ разсвѣту. Непривѣтливо было кругомъ, непривѣтливо на душѣ. „Быть можетъ, послѣдняя ночь въ жизни, и какая скверная ночь!“ думалось многимъ. Однако, надо было какъ-нибудь провести эту ночь. Со стороны Плевны по-прежнему все было спокойно: непріятеля какъ-бы не существовало по соседству. Войска, стоявшія въ резервахъ, расположились на ночлегъ. О палаткахъ нечего теперь было и думать; о кострахъ тоже пришлось оставить всякое пощеченіе. Люди завалились прямо на землю, подложивъ подъ голову кто шинель, кто потникъ. Спалось худо — одолѣвалъ холодъ; многіе закутывались въ полотнища палатокъ.

Въ 6^{1/2} часовъ утра, какъ только разсѣялся туманъ, грянулъ громъ осадныхъ орудій, которымъ и начался знаменитый артиллерійскій бой подъ Плевною.

Передъ началомъ канонады, лишь только стала заниматься заря, закопошились и войска наши, расположившіяся бивуакомъ за холмами. Торопливо скатывались шинели вмѣстѣ съ полотнищами палатокъ; всѣ стали „въ ружье“ построились въ батальонныя колонны и потянулись впередъ, ближе къ позиціямъ.

Утро было прохладное и ясное. По всему гори-

зонту, спереди, справа и слѣва, выкатывались вверхъ, къ блѣдно-голубому небу, отдѣльные клубы бѣлыхъ дымковъ отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ первыя минуты пальба съ нашей стороны была ожесточенная, и только понемногу улеглась и приняла болѣе правильнѣй и спокойный ходъ. Турки начали также спокойно отвѣчать съ своихъ укрѣпленій рѣдкими, но мѣткими выстрѣлами. Съ обѣихъ сторонъ раздавалось не болѣе семи-десяти выстрѣловъ въ минуту. Въ тихомъ воздухѣ отчетливо было слышно шипѣніе гранатъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, то у противника, то у насъ взвивались съ земли желтые столбы пыли и дыма отъ разрывающихся снарядовъ.

Вскорѣ самолично посѣтилъ поле сраженія Государь Императоръ. Это былъ день годовщины коронаціи Его Величества. На одной изъ радищевскихъ высотъ устроена была насыпь съ площадкою, предназначенная для высокаго Посѣтителя. Государь Императоръ помѣстился на этомъ возвышенномъ пунктѣ и, сидя на складномъ деревянномъ стулѣ, наблюдалъ въ бинокль за ходомъ артиллерійскаго боя. Великій Князь Главнокомандующій также пріѣзжалъ на поле сраженія въ теченіи дня, а князь Карлъ нѣсколько разъ являлся съ своимъ штабомъ смотрѣть на ходъ бомбардировки.

Рѣшено было мало-по-малу усиливать огонь, вводилъ въ бой запасныя орудія, и постепенно приближать артиллерію и пѣхоту къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Предполагалось продолжительнымъ артиллерійскимъ огнемъ подготовить атаку настолько, чтобы разрушить часть непріятельскихъ укрѣпленій и ослабить огонь съ нихъ, подбивъ въ нихъ орудія.

Турецкія позиціи представляли нескончаемые ряды сильныхъ укрѣпленій. Къ востоку отъ Плевны, прямо противъ нашихъ осадныхъ батарей, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ д. Гривицею, возвышался гривицкій редутъ, тотъ самый, который уже дважды былъ атакованъ безуспѣшно и съ огромными потерями полками 9-го корпуса. Теперь редутъ былъ значительно усиленъ и расширенъ. Позади него, нѣсколько влѣво, виднѣлся большой укрѣпленный лагерь со множествомъ палатокъ, обнесенный громаднымъ валомъ и широкимъ ровомъ и защищенный небольшимъ редутомъ. Далѣе, совсѣмъ къ сѣверу отъ Плевны, верстахъ въ 7—8 отъ гривицкаго редута, на вершинахъ и склонахъ обрвы-

стыхъ высотъ, виднѣлись безчисленныя укрѣпленія, представлявшія одинъ сплошной лагерь, еще болѣе обширный, чѣмъ первый, положительно усѣянный редутами и батареями.

Налѣво отъ гривицкаго редута, на юго-востокъ отъ Плевны, передъ самымъ Радищевомъ, турки соорудили также сильнѣйшій редутъ, вооруженный дальнѣйшими крупновскими орудіями и обращенный фронтомъ къ Гривицѣ, а лѣвымъ флангомъ — къ радищевскимъ высотамъ. Позади этого редута также было раскинуто значительное число палатокъ. Налѣво отъ этого большого редута, въ недалекомъ разстояніи отъ него, расположены были одинъ возлѣ другаго три другихъ редута, по линіи дуги, обращенной вогнутой стороною къ намъ: два редута — впереди, на концахъ этой дуги, третій — въ вершинѣ дуги. Правый крайній редутъ имѣлъ видъ подковы; лѣвый крайній редутъ этой группы имѣлъ форму продолговатаго четырехугольника, обращеннаго длиною стороною къ юго-востоку. Фронтъ средняго редута былъ обращенъ прямо къ радищевскимъ высотамъ. Всѣ три редута были соединены между собою траншеями, а впереди ихъ виднѣлись линіи ложементовъ. Позади этихъ трехъ редутовъ виднѣлись за деревьями фигуры какихъ-то новыхъ валовъ и траншей; опредѣлить точнѣе, что это такое, — было невозможно, но нельзя было сомнѣваться, что и тамъ турки готовили для насъ не мало сюрпризовъ, на случай, если бы имъ пришлось уступить намъ первую линію своихъ укрѣпленій. Лѣвѣ трехъ соединенныхъ редутовъ, на отдѣльномъ холмѣ, близъ тученицкаго оврага, было расположено еще одно укрѣпленіе, также соединенное траншеею съ предъидущими редутами и со второю линіею. Однимъ словомъ, куда ни помотришь, — все кругомъ было изрыто окопами, траншеями и ложементами.

За тученицкимъ оврагомъ, къ югу отъ Плевны, недалеко отъ предмѣстій города, близъ плевно-ловчинской дороги, передъ рядами лѣсистыхъ холмовъ, возвышались два редута, соединенные между собою траншеею. Лѣвѣ ихъ, подлѣ деревни Кришино, на господствующей высотѣ, стоялъ третій огромный редутъ, командующій надъ всѣми окружающими его высотами и надъ вышеупомянутыми двумя редутами. Но это былъ еще самый слабый пунктъ турецкой позиціи, по крайней мѣрѣ наиболѣе уяз-

вимый, такъ какъ непосредственно за двумя соединенными редутами не было болѣе укрѣпленій, и очень близко отъ нихъ лежалъ самый городъ.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, непріятельскія укрѣпленія, противъ которыхъ утромъ 26-го августа открыли огонь наши полевые и осадныя батареи. Позиціи русскихъ и румынъ кругомъ Плевны начинались на сѣверѣ, противъ Букова, тянулись вдоль турецкихъ укрѣпленій до Гривицы, потомъ поворачивали за Радищево вокругъ Плевны, на разстояніи 2 — 3 верстъ отъ нея, до плевно-ловчинской дороги, затѣмъ шли вдоль этой дороги, вплоть до д. Кришино. Русско-румынская линія похожа была на серпъ: острый конецъ лежалъ на сѣверѣ, противъ Букова; середина самага серпа — противъ Гривицы, начало ручки — близко у Плевны, откуда ручка тянулась до Кришина. Самый близкій къ Плевнѣ пунктъ нашихъ позицій былъ, слѣдовательно, близъ ловчинской дороги, гдѣ стоялъ отрядъ князя Имеретинскаго, съ генераломъ Скобелевымъ въ авангардѣ. Какъ-бы предчувствуя ударъ съ этой стороны, турки сосредоточили здѣсь съ перваго же дня значительныя силы.

Противъ сѣверныхъ плевненскихъ укрѣпленій дѣйствовали 12 румынскихъ батарей. Противъ громаднаго гривицкаго редута стояла русская большая батарея изъ двѣнадцати осадныхъ орудій.

Осадныя орудія отличались необыкновенной мѣткостью прицѣла: граната за гранатою ударяла въ валъ гривицкаго редута или падала внутрь него; земля такъ и взлетала на воздухъ посреди самага укрѣпленія. Отъ времени до времени турецкія орудія въ редутѣ совсѣмъ умолкали, и русскіе начинали уже думать, что упорная оборона прекратилась и что турки успѣшно удалились; но не прошло и десяти минутъ, употребленныхъ непріателемъ на необходимое исправленіе поврежденій, какъ огонь изъ гривицкихъ орудій снова начиналъ свирѣпствовать съ прежнею силою. Впрочемъ, снаряды турецкіе, по большей части, не долетали до осадной батареи и потому мѣтили въ наши четыре тяжелыхъ орудія, стоявшія отдѣльно впереди и поддерживавшія осадную батарею. Гранаты же нашихъ осадныхъ орудій летѣли, по временамъ, даже за гривицкій редутъ, въ турецкій лагерь, или ложились по другую сторону — въ большомъ радищевскомъ редутѣ.

Между гривицкимъ редутомъ и нашей осадной батареею, внизу, по откосу лощины, раскинулась большая деревня Гривица. Вездѣ въ ней прилѣпляются къ откосу сѣрые мазанки; надъ ними виднѣются цѣлыя горы соломы, высятся зеленыя рощи персиковыхъ и вишневыхъ деревьевъ, мѣстами стоятъ стройныя тополи. Тамъ—въ этомъ оставленномъ селѣ—теперь ни души. Развѣ только офицеръ проскачетъ по безлюдной улицѣ, да бочкомъ по стѣнамъ проберется куда-нибудь изголодавшаяся кошка. Но зато рядомъ съ деревнею, тамъ, внизу, въ долинѣ, при нескончаемомъ свистѣ гранатъ надъ головою, сельское населеніе Гривицы, мужчины и женщины, усердно молотили кукурузу, торопясь убрать хлѣбъ въ-время. Гранаты летѣли высоко надъ ихъ головами.

Позади осадной батареи, на нашей позиціи, устроена была вышка, состоявшая изъ лѣстницы, вышиною сажень въ 10, поддерживаемой канатами. На самомъ верху устроено было сидѣнье и прилажена подзорная труба; туда забирался офицеръ и наблюдалъ за паденіемъ нашихъ гранатъ. Положеніе его было незавидное: турецкіе снаряды то и дѣло свистѣли около головы его и угрожали сломать подъ нимъ лѣстницу.

Другая наша осадная батарея, расположенная лѣвѣе первой и состоявшая изъ 8 орудій, дѣятельно стрѣляла по большому радищевскому редуту, откуда турки напрасно старались отвѣчать ей, такъ какъ ихъ снаряды рѣдко долетали сюда.

Отъ малой осадной батареи тянулся цѣлый рядъ полевыхъ батарей, почти до самой дороги въ Ловчу. Особенно много этихъ батарей стояло противъ пяти турецкихъ редутовъ, на радищевскихъ высотахъ. Весь гребень этихъ высотъ представлялъ сплошной рядъ батарей, и тутъ шла самая ожесточенная перестрѣлка. Батареи непрерывно бросали гранаты въ турецкіе редуты и, въ свою очередь, дѣятельно обстрѣливались турками. Со всѣхъ холмовъ ежеминутно срывались клубы дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Турецкія гранаты разрывались подлѣ нашихъ батарей и залетали даже за гребень радищевскихъ высотъ, гдѣ расположены были наши резервы. Нѣсколько штукъ упало даже въ село Радищево и зажгло во дворахъ скирды хлѣба.

Пѣхота наша вся расположилась на противопо-

ложныхъ непріятельскимъ позиціямъ склонахъ холмовъ, какъ можно выше къ вершинамъ, спустившись лишь на столько, на сколько нужно было, чтобы оставаться незамѣченною. Большинство солдатъ лежало на землѣ, ничѣмъ не прикрывшись отъ солнца, щедро обливавшего палящимъ зноемъ эту арену страданія и смерти. Вонъ въ лощинѣ, вокругъ холоднаго ручья, наклоняются истомленные, словно выпеченныя на солнцѣ лица солдатъ. Черныя кучки ихъ усеяли скаты; солнце сверкаетъ порою на штыкахъ ружей, сложенныхъ въ козлы; лишь кое-гдѣ бѣлѣтъ палатка. Изрѣдка шальная граната падала сюда, переполошивала солдатъ, спокойно отдыхавшихъ на землѣ, но по большей части не причиняла имъ вреда. Стрѣлки же наши спокойно сидѣли впереди батарей, на склонахъ, обращенныхъ къ турецкимъ редутамъ; они цѣпью залегли среди колосевъ кукурузы; здѣсь гораздо было безопаснѣе, хотя и ближе къ непріятельскимъ позиціямъ: всѣ гранаты перелетали черезъ голову, развѣ какалъ нибудь шальная разрывалась раньше времени.

При первыхъ же выстрѣлахъ съ нашихъ батарей турки также ушли изъ своихъ редутовъ и лагерей, и залегли кучками въ траншеяхъ и лощинахъ, куда снаряды наши не долетали:—иначе потери ихъ были бы ужасны. Во всѣхъ турецкихъ редутахъ и лагеряхъ хоть шаромъ покати: не видно было никакого движенія, точно все вымерло. Только турецкіе артиллеристы хладнокровно продолжали работать среди разрывавшихся гранатъ.

Особенно сильно обстрѣливались съ нашихъ батарей, какъ мы уже сказали, турецкіе редуты и лагерь передъ радищевскими высотами. Часть непріятельскаго лагеря, расположеннаго за большимъ радищевскимъ редутомъ, около 2-хъ часовъ пополудни, загорѣлась отъ нашихъ выстрѣловъ; пламя живо охватило нѣсколько палатокъ, стоявшихъ близко одна отъ другой. Вокругъ же редутовъ продолжали то и дѣло падать гранаты и, разрываясь, поднимали столбы пыли. Вотъ скачетъ какой-то турецкій всадникъ черезъ лагерь въ редутъ; граната разрывается около: всадникъ падаетъ на землю—и лошадь бѣшено скачетъ, неуправляемая никѣмъ. Слѣдомъ за тѣмъ благополучно провозятъ на волахъ, въ тотъ же редутъ, орудіе для замѣны подбитаго. Вотъ видно, какъ изъ боковой траншеи выбѣжалъ турокъ,

спустился въ ровъ передъ редутомъ и пробирается по дну рва, такъ что видна только быстро двигающаяся голова. Добравшись до угла, онъ выскочилъ въ поле, быстро осмотрѣлъ валъ по фронту редута и затѣмъ вернулся тѣмъ же порядкомъ. Вскорѣ начался пожаръ на среднемъ изъ трехъ редутовъ: загорѣлись корзины съ землею; но турки не обращаютъ на это никакого вниманія и только усиленнѣе отвѣчаютъ на нашъ огонь. До этого на одномъ изъ крайнихъ редутовъ орудія какъ бы смолкли, — вѣроятно что нибудь было повреждено; но и они ожили съ пожаромъ и начали опять усиленно отвѣчать.

Нѣсколько оживляетъ картину бомбардированія пріѣздъ генераловъ на наши позиціи для осмотра батарей. Начальство пробирается осторожно; но турки зорко наблюдаютъ: сейчасъ же высмотрѣли, что пріѣхало какое-то начальство, и въ ту же минуту пустили нѣсколько гранатъ. Къ счастью, онѣ не причинили никому никакого вреда.

Къ вечеру нѣкоторые изъ непріятельскихъ редутовъ были уже значительно повреждены; валъ гривицкаго редута былъ положительно избороденъ гранатами; нѣкоторые орудія на немъ совсѣмъ смолкли: очевидно — они были подбиты; но радищевскій редутъ упрямо отстрѣливался.

У насъ оказалось за день нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, между прочимъ 7 офицеровъ, изъ которыхъ было трое ранено, четверо убито, въ томъ числѣ и доблестный командиръ 1-ой батареи 30-й бригады, полковникъ Гудима. Всѣ эти потери

были причинены намъ исключительно артиллерійскимъ огнемъ, такъ какъ во весь день не сдѣлано было ни одного ружейнаго выстрѣла. Но нигдѣ нельзя получить такихъ страшныхъ ранъ, какъ именно во время бомбардировки. Гранаты не только раздробляютъ и разрываютъ въ куски части тѣла, но и производятъ глубокое общее потрясеніе въ организмѣ раненаго. Безжизненнымъ трупомъ лежитъ онъ, блѣдный какъ мертвецъ, покрытый холоднымъ потомъ. Пульсъ едва слышенъ. Рана кажется нечувствительною, но лихорадочно сверкающіе глаза тревожно вращаются въ своихъ орбитахъ и свидѣтельствуютъ о страшныхъ мученіяхъ, переносимыхъ страдальцемъ. Зачастую въ этомъ состояніи начинается агонія; иногда же жизнь продолжаетъ теплиться, хотя половина грудной кѣтки оторвана и судорожно бьющееся сердце обнажено. Число такихъ раненыхъ и въ послѣдующее время было не велико, не болѣе 20 въ день, потому что большинство убивается на смерть этими страшными снарядами.

Полковникъ Гудима.

За день перебито было также много артиллерійскихъ лошадей, хотя онѣ и поставлены были нѣсколько поодаль отъ батарей, въ лощинахъ и кустахъ. Видъ несчастныхъ животныхъ былъ ужасенъ. Вотъ одна лошадь съ разбитою нижнею челюстью; губа виситъ въ лохмотьяхъ. Ей очевидно придется умереть голодною смертью, если ее не пристрѣлятъ; иногда стоитъ она такъ дня два-три на одномъ мѣстѣ, понуря голову. Вотъ другая: большой осколокъ гранаты пробилъ ей насквозь шею — рана

большая, кулакъ свободно пройдетъ. Кровь струится ручьями по шеѣ и ногамъ, уштываетъ землю, и, минутъ черезъ 20—30, бѣдное животное окольвается, истекши кровью.

Къ ночи артиллерійскій бой стихъ. Пѣхота отошла назадъ и залегла за холмами.

Ночь съ 26 на 27 августа прошла почти совершенно спокойно, если не считать нѣсколькихъ одиночныхъ выстрѣловъ нашихъ орудій, которые какъ-бы напоминали туркамъ, что передъ ними непріятель. Пользуясь темнотою, наша стрѣлковая цѣпь подвигалась ночью далеко впередъ, встрѣчалась съ турецкой цѣпью, причемъ турки даже стрѣляли. Они по ночамъ выводили къ своимъ укрѣпленіямъ значительные резервы пѣхоты, вѣроятно опасаясь ночнаго нападенія съ нашей стороны.

Въ 6 часовъ утра 27 августа артиллерійскій бой возобновился съ прежнею силою. Трудно было замѣтить, чтобы вчерашній огонь принесъ намъ какую нибудь пользу. Казавшіяся вчера сильно поврежденными, непріятельскія укрѣпленія, подъ прикрытіемъ ночи, были всѣ исправлены заново и казались теперь опять въ полномъ порядкѣ, какъ будто по нимъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Турецкіе редуты отвѣчали намъ съ правильностью маятника. У турокъ сегодня какъ будто даже прибавилось энергіи, и орудія ихъ откликаются на нашъ огонь съ гораздо ббльшимъ задоромъ. Чуть нашъ снарядъ ляжетъ удачно, въ самый валъ или въ середку редута, не успѣвъ подняться къ небу черный клубъ пыли отъ нашей разорвавшейся гранаты, — какъ съ редута уже мелькаетъ огонекъ и чрезъ нѣсколько секундъ доносится звукъ выстрѣла.

Но и рускіе не бездѣйствовали въ продолженіи ночи. Они спустили съ высотъ часть полевыхъ батарей ниже, въ маисовыя поля, ближе къ турецкимъ позиціямъ; батареи осадныхъ орудій также были подвинуты къ селенію Гривицѣ, такъ что теперь выстрѣлы даже полевыхъ орудій легко могли хватать до неприступныхъ редутовъ; кольцо русскихъ батарей плотнѣе охватило турецкія позиціи.

Но турки не унывали и посылали въ отвѣтъ гранату за гранатою, направляя огонь по преимуществу въ передовую артиллерійскую линію. Почва

по всѣмъ направленіямъ была избуравлена гранатами; но онѣ мало причиняли вреда артиллеристамъ, спокойно исполнявшимъ свои обязанности среди густыхъ колосевъ маиса, такъ какъ большинство турецкихъ гранатъ пролетало черезъ голову.

Русская пѣхота за ночь также была подвинута впередъ. Позади всякаго бугра, въ каждой ложинѣ, повсюду — ничкомъ лежали солдаты среди колосевъ маиса; многіе изъ нихъ стояли далеко впереди полевыхъ батарей, версты на полторы ближе къ Шлевнѣ, подъ прикрытіемъ возвышенности, очевидно въ ожиданіи начала атаки; рускія и турецкія гранаты свистали надъ ихъ головами, нисколько, по-видимому, не тревожа ихъ. Вотъ одинъ полкъ подымается изъ ложины и направляется по высокой кукурузѣ въ другую ложину, которую считаютъ болѣе удобнымъ мѣстомъ. Теперь уже вся пѣхота находится на позиціяхъ и ждетъ только сигнала; штурмовыя колонны на всякій случай снабжены были лѣстницами.

Однако же день тянулся довольно однообразно. Солнце на этотъ разъ сильно пекло. Завѣса пороховаго дыма покрывала холмы, долину и горы; часто ничего не было видно, кромѣ вспышекъ огня и густыхъ клубовъ бѣлаго дыма. Лишь изрѣдка, когда дулъ легкій вѣтерокъ, воздухъ прояснялся и впереди, за семь верстъ, въ долину, открывался, какъ на ладони, городъ Шлевна съ его бѣлыми минаретами.

На батареяхъ неизмѣнно повторялась одна и та же картина: „первая!“ командуетъ юный прапорщикъ въ воодушевленіи своихъ восемнадцати лѣтъ. Раздается выстрѣлъ; всѣ взоры устремляются на турецкій редутъ; черезъ нѣсколько секундъ тамъ подымается столбъ желтой пыли. „Хорошо!“ кричитъ прапорщикъ, если снарядъ легъ у самаго вала. Вдругъ слышится рѣзкое жужжаніе. „Это индюшка летитъ“, говорятъ солдаты, и долго слышится жужжаніе осаднаго снаряда, пока онъ не разорвется гдѣ нибудь версты за четыре назадъ. Надъ головами артиллеристовъ непрерывно свистятъ гранаты, прозванныя солдатами „тетерьками“ и съ трескомъ лопаются вокругъ батарей, направо и палѣво, взрывая комками землю. По временамъ доносится особый звукъ, точно лопаются пузыри: — это шрапнель, пущенная турками куда нибудь въ

лощину, въ надеждѣ перебить лежащую впереди батареей пѣхоту.

Во всѣхъ оврагахъ стоятъ передки, зарядные ящики и лазаретныя фуры. Далеко позади скрыты резервы и стоитъ кавалерія.

Монотонность общей картины бомбардировки нѣсколько нарушается частными артиллерійскими схватками. Вотъ одно изъ непріятельскихъ укрѣпленій предъ радищевскими батареями, расположенное направо отъ трехъ соединенныхъ редутовъ, ближе къ тученицкому оврагу, начинаетъ сильно тревожить насъ, обстрѣливая почти весь радищевскій холмъ продольными выстрѣлами. Четыре нашихъ конныхъ батареи быстро выѣзжаютъ впередъ и открываютъ ожесточенный огонь по укрѣпленію. Турки оживленно и мѣтко отвѣчаютъ изъ четырехъ крупновскихъ орудій, имѣвшихся на этомъ редутѣ. Однимъ изъ первыхъ же выстрѣловъ сламываютъ рукоятку механизма у одного изъ нашихъ орудій и раняютъ нѣсколько человекъ прислуги. Но сосредоточенный огонь нашихъ 32 орудій минутъ черезъ 20 заставилъ замолчать всѣ четыре орудія редута и сильно повреждаетъ его насыпи. Надъ правымъ угломъ укрѣпленія поднимается бѣлый флагъ съ красной луною; но подъ его покровительствомъ тутъ происходитъ не перевязка, а просто турки что-то хлопочутъ надъ орудіемъ. Наши продолжаютъ стрѣлять по редуту; отъ этого въ разныхъ мѣстахъ происходятъ небольшіе пожары. Въ это время за редутъ вступаются сосѣднія турецкія укрѣпленія, открывая огонь по нашимъ четырехфунтовкамъ изъ дальнобойныхъ орудій. Наши терпятъ большой уронъ въ прислугѣ и лошадяхъ, и наконецъ отъѣзжаютъ. Не прошло и десяти минутъ съ того момента, какъ снялись наши орудія, а турки уже высыпали толпами на редутъ и кругомъ него, и дѣятельно принялись за исправленіе поврежденій; вотъ подвозятъ на рысяхъ новое орудіе, живо насыпаютъ вокругъ него валъ, и не прошло и получаса, какъ орудіе это вновь открываетъ продольный огонь по радищевской позиціи; рядомъ же съ разореннымъ редутомъ воздвигается новое укрѣпленіе, надъ которымъ работаютъ массы болгаръ и постоянно стоняются туда новыя партіи рабочихъ. Бѣлыя рубахи болгаръ рѣзко выдѣляются на бурожелтомъ фонѣ окоповъ.

III вып.

Вдругъ, въ средѣ нашихъ отступающихъ артиллеристовъ происходитъ страшный переполохъ: по лощинѣ несется карьеромъ зарядный ящикъ безъ крышки; внутри него что-то горитъ, и съ минуты на минуту можно ожидать взрыва. Нѣсколько человекъ бросаются къ лошадямъ и пытаются остановить ихъ, но безуспѣшно. На крикъ артиллеристовъ кидаются къ лошадямъ пѣхотинцы Владимірскаго полка; они такъ отчаянно машутъ руками предъ лошадьми, что тѣ наконецъ останавливаются. Никто однако не рѣшается предупредить несчастье; всѣ ждутъ страшнаго взрыва. Въ эту минуту одинъ неустрашимый артиллеристъ вскакиваетъ на ящикъ и быстро выбрасываетъ оттуда горящую паклю. Еще нѣсколько секундъ — и послѣдовалъ бы ужасный взрывъ; но теперь всякая опасность миновала, и тлѣющая переборка въ ящикѣ щедро заливается водою изъ солдатскихъ манерокъ, которыя Владимірцы наперерывъ суютъ храброму артиллеристу, оказавшемуся малороссомъ.

Солнце перевалило уже за полдень. Въ пѣхотѣ кое-гдѣ начинаютъ уже подумывать о вылазкахъ противъ редутовъ; вызываются охотники, составляются планы, но дѣло не клеится, такъ какъ начальство находитъ подобныя предпріятія еще рискованными.

Вдругъ, около 4-хъ часовъ пополудни, на высотахъ къ югу отъ Плевны, за тученицкимъ оврагомъ, послышалась сильная ружейная пальба. Очевидно, завязалось дѣло у Скобелева, который командовалъ авангардомъ отряда князя Имеретинскаго.

Отрядъ князя Имеретинскаго, взявшій городъ Ловчу, только-что прибылъ подъ Плевну и, имѣя во главѣ колонну генерала Скобелева, занялъ позицію къ югу отъ города, на плевно-ловчинскомъ шоссе. Еще наканунѣ 25 и 26 августа, генераль Скобелевъ съ тремя сотнями и двумя орудіями произвелъ тщательную рекогносцировку этой мѣстности, и теперь, утромъ 27 августа, сталъ съ своей передовой колонною *) , состоявшей изъ восьми батальоновъ, 36 орудій и трехъ сотенъ, у деревни Брестовацъ,

*) Калужскій и Эстляндскій пѣхотные полки, 9-й и 10-й стрѣлковыя батальоны, 1-я, 2-я и 3-я батареи 2-ой артиллерійской бригады, 3-я батарея 3-ей артиллерійской бригады, дальнобойная батарея, сформированная изъ отбитыхъ въ Никополѣ орудій, и три сотни казаковъ бригады полковника Чернозубова.

расположенной передъ лѣсистыми высотами, покрытыми виноградниками и называемыми „Зелеными горами“, за которыми виднѣлись къ сторонѣ Плевны два соединенные редута, а нѣсколько лѣвѣе ихъ — большой кришинскій редутъ. Тотчасъ по прибытіи на мѣсто, артиллерія авангарда была поставлена въ заранѣе приготовленные для нея окопы, на возвышенности позади деревни Брестоваць, и открыла оттуда сильный огонь по кришинскому редуту и по лежащимъ впереди высотамъ. Турки отвѣчали съ „Зеленыхъ горъ“ и съ кришинскаго редута усиленнымъ, чрезвычайно мѣткимъ огнемъ, и вскорѣ начали причинять намъ чувствительныя потери. Наконецъ, около трехъ часовъ пополудни, послѣ ожесточенной артиллерійской перестрѣлки, Калужскому пѣхотному полку, стоявшему близъ деревни Брестоваць, поручено было выбить турокъ съ „Зеленыхъ горъ“, которыя тянулись вдоль нашей и турецкой позиціи тремя гребнями, изъ которыхъ второй Калужцы и должны были атаковать и занять.

Въ началѣ пятаго часа, два батальона Калужцевъ, съ своимъ храбрымъ командиромъ, полковникомъ Эльжановскимъ, вотлавѣ, пройдя благополучно первый гребень высотъ, достигли наконецъ до непріятельской цѣпи, которая, отступивъ немного и давъ Калужцамъ свободно занять второй гребень высотъ, вслѣдъ затѣмъ остановилась и съ разстоянія 500 шаговъ открыла по Калужцамъ сильнѣйшій ружейный огонь. Это и было причиною ожесточенныхъ выстрѣловъ, слышанныхъ на другихъ нашихъ позиціяхъ. Полковникъ Эльжановскій тотчасъ же донесъ о случившемся генералу Скобелеву, испрашивая у него дальнѣйшихъ приказаній. Скобелевъ, по обыкновенію, отправился на мѣсто боя самъ, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла, пославъ, однако, впередъ приказаніе пріостановиться. Между тѣмъ, прежде чѣмъ Скобелевъ успѣлъ прибыть на мѣсто, здѣсь произошло уже много перемѣнъ.

Командиръ полка, полковникъ Эльжановскій, былъ контуженъ и отправленъ на перевязочный пунктъ. Калужцы страшно ожесточились за потерю своего командира и, по собственному порыву, двинулись впередъ, атаковали третій гребень „Зеленыхъ горъ“, сильно занятый непріятелемъ, овладѣли имъ и, преслѣдуя турокъ, взяли ихъ ложементы, расположенные за третьимъ гребнемъ, у подножія высотъ.

Когда Скобелевъ прибылъ на второй гребень „Зеленыхъ горъ“, то, понятно, не нашелъ уже на немъ Калужцевъ. Между тѣмъ, турки, опомнившись отъ неожиданной атаки, собрали значительныя силы пѣхоты и кавалеріи и ударили со стороны кришинскаго редута на лѣвый флангъ Калужцевъ. Со всего лѣвистаго склона кришинской возвышенности раздался трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, постепенно усиливавшійся, и скоро гора и деревня покрылись облаками голубоватаго дыма. Турки массами наступали на Калужцевъ, а кришинскій редутъ открылъ жестокой артиллерійскій огонь; съ бруствера его непрерывно разстилалось пламя пушечныхъ выстрѣловъ, и чрезъ нѣсколько минутъ весь редутъ скрылся подъ густымъ облакомъ дыма, окутавшимъ всю гору. Ревъ пушекъ наводилъ ужасъ. Ружейные выстрѣлы трещали на-подобіе частой барабанной дроби. Это длилось около 20 минутъ. Огонь былъ нестерпимый. Калужцы потеряли до 700 человекъ и начали отступать. Скобелевъ лично вывелъ стоявшій въ резервѣ 3-й батальонъ Калужцевъ и нѣсколько сотенъ донскихъ казаковъ на третій гребень „Зеленыхъ горъ“, чтобы прикрыть отступление двухъ переднихъ батальоновъ Калужскаго полка. Русскія батареи, расположенныя позади Брестоваца, открыли изъ-за своихъ окоповъ такой адскій огонь, который равнялся только огню турецкаго редута. Нѣкоторыя батареи выдвинулись впередъ и сосредоточили всѣ свои выстрѣлы на кришинскомъ редутѣ. Русская пѣхота вначалѣ, подъ напоромъ провосходныхъ непріятельскихъ силъ, отошла ко второму гребню высотъ; но получивъ вслѣдъ затѣмъ подкрѣпленіе изъ одного батальона Эстляндскаго полка, снова стала спокойно и самоувѣренно спускаться въ небольшую лощину, отдѣляющую второй гребень отъ третьяго гребня „Зеленыхъ горъ“, и открыла страшный ружейный огонь противъ турецкаго редута, стрѣляя изъ-за деревьевъ, камней, пригорковъ, словомъ — прикрываясь всѣмъ, что встрѣчалось подъ рукою. Вся долина переполнилась дымомъ. Солнце въ это время скрылось за большими тучами; но вскорѣ оно выплыло большимъ кровавымъ пятномъ, окрасившимъ всѣ облака дыма багровымъ оттѣнкомъ. Затѣмъ солнце закатилось за гору, и потемки спустились на землю.

Выстрѣлы, однако, продолжались еще нѣсколько минутъ; съ редута, со склона возвышенностей, съ

подножія горъ летѣли тысячи огненныхъ языковъ. Въ это время наши, пользуясь отступленіемъ турокъ и прикрываясь наступившей темнотою, подбирали раненныхъ и убитыхъ.

Къ ночи артиллерійская и ружейная пальба смолкла. Этотъ день стоилъ отряду Скобелева потери до 900 человекъ убитыми и ранеными, изъ которыхъ 700 приходилось на долю зарвавшихся Калужцевъ. Не смотря на это, храбрый Калужскій полкъ былъ собранъ еще подъ выстрѣлами, приведенъ въ порядокъ и съ пѣснями отведенъ на обшую позицію. Второй гребень былъ удержанъ нами и занятъ Эстляндцами.

На остающихся нашихъ позиціяхъ, съ наступленіемъ темноты, пальба также утихла. Гривицкій редутъ былъ засыпанъ чугуномъ, и валъ его буквально былъ вспаханъ нашими осадными снарядами. Къ вечеру редутъ совсѣмъ смолкъ. Только большой радищевскій редутъ продолжалъ еще упрямо отвѣчать на выстрѣлы нашей малой осадной батареи. Атака, во всякомъ случаѣ, оказывалась еще недостаточно подготовленною.

Почти во всю эту ночь, съ 27-го по 28-е августа, продолжался, хотя и рѣдкій, артиллерійскій огонь, такъ какъ русскіе рѣшили не давать отдыха турецкимъ орудіямъ на редутахъ и мѣшать непріятелю исправлять поврежденія. Въ продолженіи ночи нѣсколько разъ также будили всѣхъ случайные залпы ружейнаго огня: это, вѣроятно, цѣни сходились слишкомъ близко и вступали въ перестрѣлку; впрочемъ, больше слышенъ былъ турецкій огонь, частый точно барабанная дробь. „И чего-то они переполошились? — спать не даютъ“ : ворчали наши солдаты на бивуакахъ.

Утромъ, съ разсвѣтомъ, артиллерійскій бой возобновился съ новою силою по всей линіи. Русскія и румынскія батареи на правомъ нашемъ флангѣ были подвинуты впередъ, ближе къ гривицкому редуту. Одна батарея стала на открытомъ пространствѣ, передъ самымъ фронтомъ редута, и упорно удерживалась на своей позиціи, не взирая на огонь съ редута, который теперь казался значительно слабѣе вчерашняго. Большая осадная батарея продолжала также осыпать его чугуномъ; малая же осадная батарея, изъ 8 орудій, перенесена была съ праваго фланга на радищевскія высоты, чтобы стать

поближе къ упрямому радищевскому редуту. Полевые батареи здѣсь положительно спустились внизъ, въ майсовыя поля, уступивъ свое мѣсто наверху тяжелымъ орудіямъ, и съ разстоянія 800 сажень непрерывно громили всѣ пять радищевскихъ редутовъ, гдѣ турецкіе артиллеристы продолжали работать съ прежнимъ жаромъ.

Русская пѣхота, какъ и наканунѣ, скрытая въ углубленіяхъ мѣстности, была вполне готова къ атакѣ, какъ только наступитъ удобный моментъ.

Гдѣ же турецкія войска? Единственные живыя существа, которыхъ можно было замѣтить съ нашихъ позицій,—это артиллерійская прислуга на редутахъ. Но вокругъ укрѣпленій не было ни одной живой души, не видно было ни одного солдата на темныхъ луговинахъ между редутами, гдѣ, однако, изъ-за склоновъ небольшихъ возвышенностей виднѣлись массы сверкающихъ штыковъ. Можно было съ положительностью сказать, что стбитъ только нашей пѣхотѣ двинуться изъ лоцинъ впередъ, какъ сейчасъ же изъ всѣхъ траншей и редутовъ раздадутся залпы ружейныхъ выстрѣловъ.

Артиллерійскій бой вокругъ Плевны затягивался. Только на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ князя Имеретинскаго, съ ранняго утра опять загорѣлось жаркое дѣло съ непріятелемъ. Турки, какъ видно, дорожили этимъ уголкомъ и, сознавая слабость этого пункта, напрягали необычайныя усилія, чтобы удержаться на немъ.

Ночью, послѣ вчерашняго боя, генераль Скобелевъ отвелъ Эстляндцевъ со втораго гребня „Зеленыхъ горъ“ нѣсколько назадъ, на первый гребень этихъ высотъ, гдѣ и занялъ весьма выгодную позицію между ловчинской дорогою и тученицкимъ оврагомъ. Эстляндцы, не смотря на крайнее утомленіе, въ ту же ночь окопались двумя рядами глубокихъ ложементовъ и расположились здѣсь на ночлегъ. Мѣстность впереди хорошо обстрѣливалась изъ ложементовъ, такъ какъ представляла изъ себя совершенно открытую площадь. Батареи остались на прежней позиціи у д. Брестоваць.

Едва Эстляндцы успѣли отдохнуть на занятой позиціи, какъ въ 5 часовъ утра, 28-го августа, турки уже появились въ значительныхъ массахъ между д. Брестоваць и позицію Эстляндцевъ.

Встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ съ брестовацкихъ батарей и ружейнымъ огнемъ Эстляндцевъ, за сѣвшихъ въ ложементы, непріятельскія колонны приостановились, разсыпались и открыли частый огонь. Одна изъ нашихъ батарей *) выѣхала впередъ, ближе къ туркамъ, и осыпала ихъ картечными гранатами; но, потерявъ сама въ нѣсколько минутъ часть прислуги и лошадей, должна была сняться и отъѣхать обратно. Между тѣмъ, брестовацкія батареи и огонь Эстляндцевъ усилились дотого, что турки не выдержали, поднялись съ площади и стали отходить по направленію къ кришинскому редуту. Наши батареи преслѣдовали ихъ жестокимъ огнемъ и вслѣдъ затѣмъ направили выстрѣлы на кришинскій редутъ. Не прошло и получаса, какъ вдругъ на вершинѣ холма, во фронтѣ редута, поднялась къ висящей надъ нимъ черной грозовой тучѣ громадная пирамида пламени, а за нею взвился длинный бѣлоснѣжный столбъ дыма, послѣ чего послышался цѣлый рядъ оглушительныхъ ударовъ, какъ будто стрѣляли съ батареи изъ 100 орудій. По войскамъ нашимъ пробѣжало громкое, восторженное „ура“ Это наши гранаты взорвали на редутѣ пороховой погребъ.

Вслѣдъ за этимъ взрывомъ турки снова стремительно бросились въ атаку, открывая на ходу убійственный ружейный огонь. Усилившійся шумъ битвы походилъ на раскаты грома. Но Эстляндцы, очевидно, приберегали выстрѣлы до тѣхъ поръ, пока непріятель не подойдетъ къ нимъ поближе, и вотъ раздался внезапный яростный взрывъ палбы. Вершина холма, занятаго русскими, начала изрыгать пламя и дымъ. Надъ турецкимъ редутомъ, высоко въ воздухѣ, то и дѣло появлялись и исчезали языки пламени, и каждый изъ нихъ оставлялъ за собою небольшой бѣлый клубъ дыма: — это русскія шрапнели, непрерывно разрывавшіяся надъ головами турецкихъ артиллеристовъ и производившія оглушительный шумъ. Отдаленный гулъ осадныхъ орудій, изрѣдка доносившійся съ востока, довершалъ потрясающее впечатлѣніе. „Этотъ Скобелевъ!..“ говорили стоявшіе въ резервѣ офицеры: „какъ отъ него достается туркамъ!“ Нѣсколько казаковъ, слѣдившихъ за боемъ, также съ горячимъ участіемъ

выражали свое удовольствіе, убѣжденные, что Скобелевъ находится тамъ, въ самомъ пылу битвы. Генералу дѣйствительно не спалось, и онъ давно уже былъ впереди, но не одинъ: при немъ, между прочимъ, безотлучно находились: капитанъ Куропаткинъ, поѣзковникъ Паренсовъ и братъ извѣстнаго художника В. В. Верещагина, Сергѣй Васильевичъ Верещагинъ, поступившій волонтеромъ въ отрядъ Скобелева и продолжавшій ходить въ штатскомъ платьѣ.

Между тѣмъ турки наступали на насъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Даже изъ города Плевны вышла партія турецкихъ стрѣлковъ и направилась вдоль тученицкаго оврага, какъ-бы съ намѣреніемъ ударить на Скобелева съ тылу. Одна изъ нашихъ батарей въ карьеръ помчалась внизъ, черезъ виноградники и засѣянные поля, въ одну минуту снялась съ передковъ и начала поражать стрѣлковъ, захватывая ихъ съ тыла и фланга, такъ что они скоро скрылись въ предметяхъ Плевны. Но массы турокъ, вышедшія со стороны кришинскаго редута, продолжали напирать на Эстляндцевъ. Стрѣлковая и 1-я рота Эстляндскаго полка, за сѣвшія въ ложементахъ, храбро и твердо выдерживали натискъ турокъ и встрѣчали ихъ на близкомъ разстояніи залпами. Турки остановились, залегли въ канавахъ, отдѣлявшихъ виноградники, и съ своей стороны стали осыпать нашихъ градомъ пуль. Свѣжія турецкія войска нѣсколько разъ пытались опрокинуть Эстляндцевъ, подходили къ ложементамъ на 60 шаговъ, но каждый разъ были отбрасываемы снова къ виноградникамъ. Недолго пришлось туркамъ сидѣть и въ канавахъ у виноградниковъ: въ послѣдній разъ они налегли на Эстляндцевъ всей своей массой; тогда правый флангъ нашъ былъ подкрѣпленъ 1-ю и 2-ю ротами 10-го стрѣлковаго батальона; стрѣлки двинулись впередъ и дружно ударили на лѣвый флангъ турокъ. Вдругъ огонь съ нашей стороны сталъ ослабѣвать, и двѣтри-минуты спустя, раздался на нашемъ холмѣ продолжительный и громкій крикъ восторга. Турки были отброшены за „Зеленую гору“; затѣмъ огонь совсѣмъ прекратился; но крики продолжались, постепенно удаляясь: это Скобелевъ преслѣдовалъ со стрѣлками бѣгущихъ турокъ штыками, смялъ ихъ въ виноградникахъ и отбросилъ къ кришинскому

*) 5-я батарея 2-й артиллерійской бригады.

редуту. 1-ю роту стрѣльцовъ, увлекшихся преслѣдованіемъ, съ трудомъ только можно было остановить. Турокъ было прогнано отъ 6 до 10 таборовъ. Послѣ этого непріятель не рѣшился уже на новую атаку, и отрядъ нашъ спокойно расположился на прежней позиціи.

По правую сторону отъ тученицкаго оврага, вокругъ Шлевны, продолжали гудѣть наши осадныя орудія и полевыя батареи. Русскій огонь и здѣсь начиналъ видимо осилить турецкій. Всѣ ждали съ часу на часъ общей атаки. Въ сумеркахъ баронъ Криденеръ двинулъ на высоты Радищева 31-ю дивизію, чтобы быть поближе къ радищевскимъ турецкимъ укрѣпленіямъ. Но было уже слишкомъ поздно, предпринять въ этотъ день что-нибудь серьезное противъ непріятеля.

Ночь по-прежнему прошла спокойно, исключая изрѣдка доносившихся съ аванпостовъ случайныхъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Съ разсвѣтомъ 29-го августа вокругъ Шлевны опять возобновился артиллерійскій бой. Всѣ орудія наши были подвинуты за ночь еще ближе къ турецкимъ укрѣпленіямъ. Полевыя батареи положительно забрасывали непріятельскіе редуты массою гранатъ, и по временамъ огонь послѣднихъ совсѣмъ умолкалъ; казалось, что туркамъ наступилъ конецъ. Но турки умирали медленно, и всякій разъ, вслѣдъ за приостановкою, снова летѣли изъ ихъ укрѣпленій двѣ или три гранаты; нѣкоторые же редуты, не смотря на осыпавшій ихъ жестокій огонь, отвѣчали весьма бодро.

Отряду Скобелева приказано было въ этотъ день занять третій гребень „Зеленыхъ горъ“, послѣдній передъ турецкими редутами; но Скобелевъ, сохраняя силы своего незначительнаго отряда до общей атаки, не рѣшился занять этотъ гребень въ тотъ же день, а ограничился тѣмъ, что, послѣ незначительной перестрѣлки, овладѣлъ вторымъ гребнемъ „Зеленыхъ горъ“, на которомъ тотчасъ же и окопался съ своими передовыми войсками. Батареи же наши съ Брестовацкихъ высотъ цѣлый день поддерживали канонаду по турецкимъ редутамъ, а дальнобойная батарея стрѣляла даже въ церковь Шлевны, обращенную турками въ пороховой магазинъ...

Между тѣмъ русская пѣхота на остальныхъ нашихъ позиціяхъ продолжала стоять за прикрытіями

наготовѣ. Солдаты были крайне утомлены необходимостью оставаться въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ на позиціи, не раздвываясь, съ ружьями и въ мундирахъ, безъ палатокъ и почти безъ движенія, чтобы не выказывать своего расположенія туркамъ. Вода и пища все время доставлялись имъ на позиціи, и, къ счастію, щи хотя и варились за 5 верстъ отсюда, но, благодаря громадности нашихъ котловъ, приходили на позиціи теплыми, чему очень завидовали румыны.

Нашимъ союзникамъ - румынамъ солдаты почему-то не очень довѣряли и смотрѣли на нихъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ. „Помилуйте, ваше благородіе“, говорилъ усачъ-гусаръ, указывая на румынскаго, калараша:— „какой артиллеристъ ходить въ холщевыхъ штанахъ!..“

Скука рѣшительно начинала одолаживать нашихъ солдатъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали „дѣла.“ Вотъ двѣ роты русскихъ пѣхотинцевъ, пролежавшихъ цѣлый день на склонѣ горы, за лѣскомъ, между деревнею Гривицею и гривицкимъ редутомъ, на закатѣ солнца, когда артиллерійскій бой уже умолкъ, покинули этотъ лѣсокъ и вразсыпную начали избираться на склонъ по направленію къ редуту, стрѣляя на ходу. Редутъ былъ уже сильно поврежденъ осадными снарядами и теперь совсѣмъ молчалъ. Пѣхотинцы подошли къ нему на близкое разстояніе и, казалось, могли проникнуть въ него безъ всякаго сопротивленія. Многіе офицеры говорили, что турки очистили редутъ, что они даже сами видѣли, какъ турецкія орудія отвозились отъ редута къ укрѣпленному лагерю. Одинъ изъ офицеровъ, съ девятью рядовыми, опередилъ стрѣлковыя роты и побѣжалъ къ площадкѣ передъ редутомъ. Онъ уже прошелъ по ея поверхности шаговъ сто, какъ былъ оставленъ стѣною турецкихъ ружей и фесокъ, показавшихся надъ вершиною траншейнаго вала, нѣсколько сбоку отъ редута. Офицеръ не нашелъ благоразумнымъ продолжать путь въ подобныхъ условіяхъ и отступилъ къ своимъ пѣхотинцамъ, которые оставались въ лѣску до наступленія ночи, обмѣниваясь выстрѣлами съ турецкими стрѣлками, скрывавшимися въ траншеяхъ.

Такъ окончился четвертый день бомбардированія Шлевны—канунъ знаменательнаго дня 30-го августа, — дня, который для многихъ былъ послѣднимъ...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

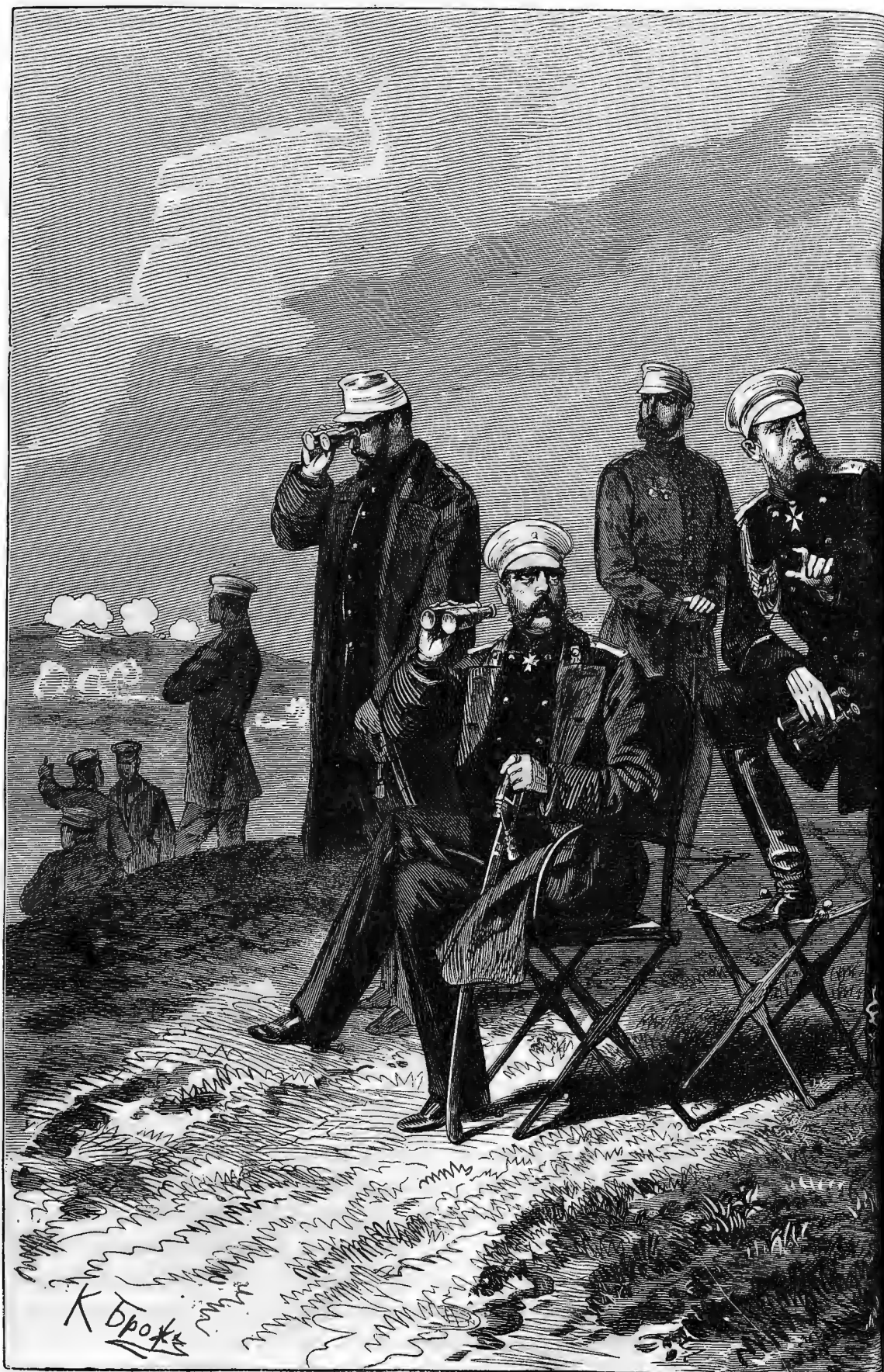
Планъ третьяго штурма Плевны. — Дѣйствія на правомъ флангѣ. — Взятіе Гривицкаго редута. — Дѣйствія въ центрѣ противъ Радищева. — Неудача и отступленіе. Дѣйствія отряда Скобелева на лѣвомъ флангѣ. — Успѣхъ и занятіе редутровъ. — Геройская оборона занятыхъ редутровъ. — Бой Скобелева 31-го августа. — Отступленіе русскихъ къ Зеленымъ горамъ.

Говорятъ, что вечеромъ 29-го августа собрался военный совѣтъ, на которомъ и рѣшена была окончательно атака Плевны на 30-е августа. Говорятъ также, что многіе высказались на этомъ совѣтѣ противъ атаки, заявивъ, что турецкая позиція не настолько еще поколеблена артиллерійскимъ огнемъ, чтобы можно было приступить безъ риска къ штурму, и что необходимо еще дня 3—4 работать артиллерию. При этомъ выставляли на видъ еще то обстоятельство, что почти всѣ турецкія укрѣпленія расположены были такъ, что легко могли обстрѣливать другъ друга, вслѣдствіе чего если бы и удалось русскимъ, ослабивъ какой нибудь редуть, занять его, то на него обратились бы выстрѣлы со всѣхъ остальныхъ редутровъ. Такимъ образомъ представлялось на первый взглядъ необходимымъ ожидать, пока будетъ разрушена большая часть укрѣпленій. Но, не смотря на всѣ эти соображенія, атака на 30-е августа рѣшена была безповоротно. Дѣло въ томъ, что штурмъ и безъ того уже откладывался нѣсколько разъ, и пѣхота наша въ теченіи уже четырехъ дней тщетно ждала подготовленія атаки артиллерійскимъ огнемъ: обыкновенно къ вечеру каждаго дня гранаты наши разворочаютъ валы непріятельскихъ редутровъ и даже подобюютъ на нихъ часть орудій, и хотя этотъ моментъ для штурма казался бы удобнымъ, но быстрое наступленіе ночи заставляло отлагать штурмъ до разсвѣта. Съ разсвѣтомъ же оказывалось, что турки за ночь вновь насыпали эти валы, для чего сгоняли со всѣхъ окрестностей массы болгаръ и, кромѣ того, замѣняли подбитыя орудія свѣжими, а свои стрѣлковыя ложементы выдвинули даже впередъ. Такимъ образомъ, ожидать большаго успѣха отъ дальнѣйшаго дѣйствія артиллерійскаго огня не было особенныхъ оснований. Наконецъ, нѣкоторыя изъ нашихъ орудій и безъ того уже отъ четырехдневной стрѣльбы испортились и пришли въ негодность, и, кромѣ того, началъ чувствоваться недостатокъ въ снарядахъ (выпущено было всего около 3,000 снарядовъ), а на подвозъ новыхъ трудно было рассчитывать: по-

ка стали бы подвозить эти снаряды, турки могли бы тѣмъ временемъ не только исправить прежнія укрѣпленія, но и настроить десятокъ - другой новыхъ. Такимъ образомъ, пропали бы безслѣдно и тѣ результаты, какіе были достигнуты предъидущей четырехдневной бомбардировкою. Къ тому же, поздно вечеромъ 29-го августа, въ штабѣ получено было извѣстіе отъ начальника рущукскаго отряда, что онъ крайне нуждается въ подкрѣпленіяхъ, такъ какъ позиція его на Янтрѣ угрожаетъ серьезная опасность. Послѣ этого откладывать атаку было уже рѣшительно невозможно, взятіе Плевны становилось дѣломъ крайне необходимымъ, тѣмъ болѣе что теперь пока еще существовала хотя нѣкоторая надежда на утомленіе турокъ отъ предъидущей четырехдневной бомбардировки и на возможное ослабленіе, вслѣдствіе этого, ихъ упорства въ защитѣ, въ особенности при задуманномъ нападеніи на нихъ съ разныхъ сторонъ.

Атаку предположено было произвести съ трехъ пунктовъ: съ фронта, соединенными русско-румынскими силами, — на большой гривицкій редуть; съ лѣваго фланга, войсками 4-го корпуса, — на турецкія укрѣпленія противъ Радищева, и съ юга, отрядомъ князя Имеретинскаго, — на редуты у плевно-ловчинской дороги. Румынскія же войска, стоявшія къ сѣверу отъ Плевны, должны были только отвлекать турецкія силы отъ упомянутыхъ выше трехъ пунктовъ атаки. Кромѣ того, выслана была соединенная русско-румынская кавалерія, подъ начальствомъ генераль-маіора Лошкарева, на западъ отъ Плевны, для наблюденія за софійской и виддинской дорогами. Такимъ образомъ армія Османа-паши ко времени третьяго штурма была окружена русскими войсками со всѣхъ сторонъ.

Говорятъ, что по поводу этого плана нѣкоторые заявляли также мнѣніе, что атака позицій у Радищева врядъ ли можетъ кончиться благополучно, такъ какъ здѣсь, судя по множеству турецкихъ укрѣпленій, слѣдовало ожидать громадныхъ потерь отъ перекрестнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, и что

Государь Император

Под Плевною.

было бы лучше двинуть все, что было возможно из силъ 4-го корпуса, за тученицкй оврагъ въ отрядъ князя Имеретинскаго и Скобелева, такъ какъ, взявши расположенные къ югу отъ Плевны редуты, легко можно было проникнуть въ городъ и, такимъ образомъ, атаковать линію турецкихъ укрѣпленій съ тылу. При этомъ рассказываютъ еще, что и самъ князь Имеретинскій заявлялъ о недостаточности имѣвшихся въ его распоряженіи силъ для исполненія возлагавшейся на него задачи. Но, по мнѣнію большинства, атака турецкихъ укрѣпленій съ трехъ разныхъ пунктовъ представляла, по-видимому, больше надежды на успѣхъ.

Въ виду всего сказаннаго, понятно, съ какой тревогою и нетерпѣніемъ ожидали всѣ роковаго дня 30-го августа.

Съ вечера пошелъ дождь, слышны были дальніе раскаты грома. Было какъ-то особенно непривѣтливо. Кругомъ ни зги не видно.

Между тѣмъ, на бивуакахъ штурмовыя колонны наши дѣятельно готовились къ атакѣ. То и дѣло посылались адъютанты и ординарцы съ порученіемъ вывести полки съ мѣста ихъ расположенія на новыя позиціи; на кухняхъ разогрѣвались котлы съ горячею пищею, раздавался солдатамъ запасъ сухарей, шанцевый инструментъ и проч. Съ аванпостовъ изрѣдка доносились ружейныя выстрѣлы;— это стрѣлки Ярославскаго полка, выдвинувшіеся къ самому выходу тученицкаго оврага, состязались въ стрѣльбѣ съ неприятельскими стрѣлками, засѣвшими въ ложементяхъ: чуть покажется турецкая феска—выстрѣль, и турокъ убитъ; тѣхъ, кто пытается подобрать убитаго, тоже укладываютъ на мѣстѣ мѣткими выстрѣлами. Такъ и бросили турки своихъ убитыхъ, и тихо продолжали сидѣть въ ложементяхъ.

Наступило утро. Все еще шелъ мелкій дождь; по временамъ рябила въ воздухѣ какал-то изморось. Туманъ окутывалъ всю мѣстность, такъ что нельзя было разглядѣть предметы въ разстояніи ста шаговъ. Земля размокла, дороги сдѣлались вязкими. Скверно и жутко было у каждаго на душѣ. Угрюмая погода какимъ-то гнетомъ ложила на всѣхъ.

Артиллерія однако начала уже свое дѣло. По случаю дурной погоды явилось-было вновь предположеніе отсрочить атаку; но неизвѣстность будущаго состоянія погоды, недостатокъ въ снарядахъ, а глав-

ное — необходимость своевременно воспользоваться уже добытыми результатами бомбардировки заставили поспѣшить начатіемъ дѣла. Приказано было: открыть артиллерійскій огонь съ разсвѣта и продолжать до 9 часовъ, затѣмъ вдругъ прекратить по всей линіи, чтобы заставить непріятели напрасно ожидать атаки; съ 11 часовъ до 1 часу пополудни огонь вновь возобновить и съ 12^{1/2} часовъ усилить, прекративъ его, когда штурмовыя колонны двинутся въ атаку. Полкамъ приказано было выступать съ музыкою, а передовымъ колоннамъ—идти съ штурмовыми лѣстницами и фашинами.

И вотъ, съ разсвѣтомъ, повсюду съ батарей нашихъ открылся яростный огонь.

Густыя волны тумана окутали всю мѣстность непроницаемой, мрачной пеленою. Темный, сырой воздухъ наполнился свистомъ пуль и воемъ гранатъ. Солдаты, стоявшіе на возвышенностяхъ, едва могли разглядѣть другъ друга. Дымъ отъ выстрѣловъ еще болѣе усиливалъ мракъ.

Турки на своихъ позиціяхъ слабо отвѣчали на страшный огонь русскихъ батарей, вѣроятно потому, что многія изъ ихъ орудій были сбиты, или же неприятель сознавалъ, что стрѣлять было бы напраснымъ трудомъ въ такой густой туманъ. Должно быть, это было ужаснымъ моментомъ для турокъ, осаждаемыхъ невидимымъ врагомъ и находящимся въ неизвѣстности, откуда будетъ нанесенъ ударъ. Русскіе также ничего не знали, что дѣлается на турецкихъ позиціяхъ; слышали только, что воздухъ наполненъ вокругъ шумомъ разрывающихся снарядовъ. Это было самое таинственное, самое роковое положеніе, какое только можно представить себѣ!

Вдругъ, около 8 часовъ утра, послышалась сильная ружейная перестрѣлка на позиціяхъ у Скобелева. Кто кого атакуетъ? Многіе рѣшили, что это Скобелевъ прокладываетъ себѣ путь въ проходы на дорогѣ изъ Ловчи въ Плевну;—но туманъ ничего не позволялъ разсмотрѣть. Положеніе было дотога таинственное, что нѣкоторые начали утверждать, что атака ведется не русскими, а турками.

Около 10 часовъ туманъ нѣсколько разсѣялся, и теперь ясно было видно, какъ турецкіе редуты отвѣчаютъ на огонь русскихъ батарей. Гривицкй редутъ все-еще держался, хотя огонь съ него уже значительно ослабѣлъ. Позади редутовъ, на откры-

тыхъ луговинахъ, видѣлись турки, работавшіе надъ сооруженіемъ земляныхъ окоповъ подъ сильнымъ огнемъ гранатъ съ русскихъ батарей. Наши осадныя орудія время отъ-времени бросали снаряды въ самый городъ Плевну. Вскорѣ послѣ этого пальба вдругъ затихла, и наступило почти полное молчаніе. Изрѣдка только проносилось по высотамъ грозное эхо отдѣльныхъ залповъ, и — опять молчаніе. Всѣмъ невольно думалось, что это тишина передъ бурей. Всѣ говорили шепотомъ, какъ-бы боясь нарушить общее спокойствіе, только отъ времени до времени прерываемое слабымъ гуломъ отдаленной пальбы въ отрядѣ князя Имеретинскаго. Пользуясь этимъ затишьемъ, турки высыпали изъ-за своихъ окоповъ и ложементовъ и спокойно прогуливались на площадкахъ передъ редутами, разминая свои уставшіе члены отъ долгаго сидѣнья. Вскорѣ мокрый туманъ спустился снова надъ Плевною и покрылъ своей завѣсою и друга, и недруга.

Въ 11 часовъ утра внезапно разразился ревъ орудій съ новой силою по всей линіи, а велѣдъ затѣмъ раздалась яростная ружейная пальба по направленію къ Радищеву. Что это, наконецъ, — приступъ? Но невозможно было разглядѣть что нибудь на разстояніи десяти сажень. Все громче и громче доносился грохотъ скрытаго ружейнаго огня, и вскорѣ можно было ясно убѣдиться, что приступъ дѣйствительно начался.

Атака во всѣхъ трехъ пунктахъ хотя по диспозиціи и должна была происходить по всей линіи одновременно — въ 3 часа пополудни, но по нѣкоторымъ причинамъ началась не вездѣ въ одни и тѣ же часы. Только на нашемъ правомъ флангѣ, противъ гривицкаго редута, русско-румынскимъ войскамъ удалось почти буквально выполнить диспозицію.

Распоряженія относительно штурма большого гривицкаго редута сдѣланы были съ такимъ расчетомъ, чтобы наибольшая часть труда, а слѣдовательно и чести, пришлась на долю румынскихъ войскъ: румыны должны были атаковать редутъ, а русскіе только поддерживать ихъ; но вышло какъ разъ наоборотъ.

Штурмующій русско-румынскій отрядъ составленъ былъ изъ двухъ колоннъ: первая колонна, состоявшая изъ 15 батальоновъ румынскихъ стрѣлковъ и доробанцевъ, должна была первая атаковать редутъ съ востока и сѣвера-востока; вторая колонна, составлен-

ная изъ двухъ русскихъ полковъ — Архангелогородскаго и Вологодскаго — и назначенная въ резервъ, въ случаѣ неудачи румынъ должна была поддерживать ихъ атаку на редутъ, съ юга и юго-запада.

Сначала были пущены въ дѣло румынскія войска. Впереди шла цѣпь румынскихъ стрѣлковъ, среди которыхъ пробирались особо-назначенные люди съ ружьями, перевѣшанными черезъ плечо, съ штурмовыми лѣстницами, турами и фашинами. Стрѣлкамъ приказано было не стрѣлять, а только бѣжать впередъ, засѣсть въ ровъ редута и поставить лѣстницы позади себя. За стрѣлками слѣдовали остальные двѣнадцать батальоновъ румынъ, построенные для атаки въ ротныя колонны; они должны были принять лѣстницы отъ стрѣлковъ и штурмовать редутъ.

Въ это время надъ окрестностями Плевны продолжалъ стоять густой туманъ. Въ воздухѣ моросило, съ вѣтромъ, какъ у насъ осенью; почва, по которой пришлось идти къ редуту румынской колоннѣ, подъ ногами была липкая, мохрая и перерѣзывалась гривицкой ложиною и нѣсколькими боковыми оврагами. Стрѣлки однако благополучно добрались до небольшого рва, лежащаго справа отъ редута. Здѣсь они были встрѣчены сильнѣйшимъ огнемъ, но ровъ хорошо прикрывалъ ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Между тѣмъ, шедшіе за ними слѣдомъ остальные румынскіе батальоны, подъ начальствомъ полковника Грамона, попавъ на овражистую, окутанную густымъ туманомъ мѣстность, сбились съ пути и вышли къ редуту съ той стороны, гдѣ онъ сильно обстрѣливался съ другихъ турецкихъ укрѣпленій. Здѣсь румыны дѣйствительно были встрѣчены такимъ градомъ пуль, котораго румынскія войска, видѣвшія въ первый разъ боевой огонь, не выдержали, смутились и начали отступать, сначала въ порядкѣ, а потомъ въ разбродъ и наконецъ бѣгомъ, оставляя по дорогѣ груды раненыхъ и убитыхъ.

Въ это время штабъ Западной русско-румынской арміи находился на возвышенности у деревни Гривицы и слѣдилъ за ходомъ битвы. Тутъ же былъ и командующій всей Западной союзной арміею, князь Карлъ Румынскій. Вдругъ онъ слышитъ возгласы со стороны наблюдавшихъ въ бинокли генераловъ: „Румыны дрогнули...“ „Румыны отступаютъ!..“ „Румыны бѣгутъ!!!“

Князь Карлъ, какъ рассказываютъ, страшно по-

ПЛАНЪ

ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЛЕВНО

Масштабъ въ 1/42000

Г. ПЛЕВНО

Лазеръ

Лазеръ

Трибуца

Въ Болгаренъ

Въ Бураскини

К.Р.

Трибуца

Радичево

Осера

Въ Палишанъ

Брестовецъ

Въ Могови

Тученци

Въ Палишанъ

Богомъ

Цинкоклише С. Крайова.

Авторъ М. Дюлметовъ Б. Царкоградскій пр. в. №10.

блѣднѣлъ, всталъ съ мѣста... Онъ былъ взволнованъ. Ударъ былъ неожиданный и жестокой... Молодая армія, на которую онъ и его народъ потратили столько стараній и хлопотъ и возлагали столько надеждъ,— бѣжить и бѣжить безпорядочно... Шатаясь, князь пошелъ впередъ... Ноги цѣплялись за кусты... Къ нему бросились окружающіе.

— „Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, я пойду самъ.“

Между тѣмъ, вторая штурмовая колонна, составленная изъ русскихъ полковъ Архангелогородскаго и Вологодскаго, была уже выдвинута генераломъ Криденеромъ впередъ, черезъ гривицкій ручей, къ редуту. Когда наши увидѣли, что 12 батальоновъ румынъ оставили поле сраженія, то не знали что дѣлать: отступать и намъ, или нѣтъ? Въ это время, какъ рассказываютъ, вышелъ впередъ командиръ Архангелогородскаго полка, флигель-адъютантъ Шлиттеръ.

— „Я кавказскій офицеръ“, сказалъ онъ:— „у насъ, на Кавказѣ, приказывали брать—и брали не такія позиціи... Ребята, за мною!..“

И онъ первымъ бросился на приступъ. Солдаты пошли за нимъ отважно и стойко. Они двинулись сомкнутыми колоннами, картинно, въ полномъ порядкѣ; даже равненіе не разстроивалось, съ шагу не сбивались: „темпъ ногами отбивали солдаты“,— рассказывали послѣ офицеры... И ни жестокой огонь, разразившійся имъ на-встрѣчу, ни взрывъ заряднаго ящика, внезапно раздавшійся среди Вологодцевъ, ни крайне пересѣченная мѣстность—ничто не могло остановить или разстроить движеніе солдатъ.

Надо замѣтить, что Архангелогородцы и Вологодцы участвовали и въ первыхъ двухъ бояхъ подъ Плевною, и теперь шли въ третій разъ, и все на тотъ же редутъ.

Солдатамъ приходилось прежде всего перебѣжать лощину, затѣмъ всползти на откосъ горы, наверху которой и стоитъ редутъ. Мелкій дождь билъ имъ въ лицо, туманъ застилалъ впереди лежащее пространство, размокшая почва скользила подъ ногами и липла комами къ сапогамъ,—но солдаты наши все шли и шли впередъ. Наши батареи въ это время открыли адскій огонь по редуту и по ложеамтамъ, чтобы помочь атакѣ; но турки, пока наши были далеко, попрятались отъ артиллерійскаго огня въ крытыя помѣщенія, вырытыя въ землѣ, и открыли оттуда,

въ свою очередь, убійственный ружейный огонь по наступавшимъ солдатамъ и по нашей артиллерійской прилугѣ. Орудія съ редутовъ въ это время не стрѣляли, потому что наши пушки заставили бы ихъ замолчать; какъ-бы взаимнѣ этого, турки открыли по нашимъ солдатамъ перекрестный артиллерійскій огонь съ боковыхъ своихъ батарей, такъ что, по мѣрѣ того, какъ Архангелогородцы и Вологодцы подходили ближе и ближе къ редуту, по нимъ били все новыя и новыя батареи. Турки такъ ловко расположили свои орудія, что не было вершка земли на той мѣстности, по которой приходилось идти нашимъ солдатамъ, куда не попадало бы снарядовъ.

Добѣжавъ до редута на разстояніе полутора шаговъ, солдаты наши остановились на минуту въ небольшомъ рву, находившемся справа отъ редута. Тутъ они встрѣтили уже раньше засѣвшихъ здѣсь румынскихъ стрѣлковъ. Соединившись съ ними, Архангелогородцы и часть Вологодцевъ, предводимые лично командиромъ бригады, генералъ-маіоромъ Родіоновымъ, бросились на редутъ съ оглушающимъ крикомъ „ура“, покрывшимъ и ревъ орудій, и трескъ ружейныхъ выстрѣловъ; а другая часть Вологодцевъ стремительно ударила влѣво, въ тылъ редута. Въ это время батареи наши вдругъ прервали свой страшный ревъ, чтобы не попасть въ своихъ. Турки же выползли изъ своихъ норъ и открыли такой убійственный огонь, подобнаго которому солдаты наши не запомнятъ. Точно черезъ огненный дождь, падавшій не сверху, а горизонтально, какъ-бы спереди, и бившій прямо въ лицо,—приходилось бѣжать нашимъ солдатамъ. Пули пронизывали ряды, щелкали у ногъ, свистали массами мимо ушей; но солдаты наши не останавливались ни на минуту.

Подъ самой стѣною редута, у ложементовъ, вспыхнулъ ужасный штыковый бой. Редутъ былъ устроенъ такъ, что съ фронта на него проходовъ не было; шель онъ сплошнымъ валомъ, безъ отверстій, безъ амбразуръ. Впереди вала—громадный ровъ; передъ этимъ рвомъ находились ложементы, т. е. маленькіе ровики съ земляными насыпями, а впереди ихъ оказалась еще пропасть ямъ, въ родѣ лисьихъ западней, покрытыхъ хворостомъ съ землею,—тамъ сидѣли турки. Выйти имъ уже нельзя было оттуда; зато они открыли убійственный огонь по приближавшимся къ нимъ солдатамъ, такъ что жизнь каждого непріа-

теля, сидѣвшего въ такой западнѣ, обходилась имъ въ нѣсколько своихъ. Добравшись до этихъ ямъ, солдаты наши просто прикалывали въ нихъ турокъ штыками. Пройдя западни, солдаты взяли ложементы, и когда оставили ихъ позади себя, то въ этихъ ложементахъ оказались, незамѣтныя сначала, помѣщенія для стрѣлковъ, вырытыя въ землѣ, какъ норы. Изъ этихъ норъ открылся убійственный огонь, прямо въ тылъ нашимъ солдатамъ, такъ что имъ приходилось возвращаться отдѣльными кучками назадъ, кончать съ засадами, и потомъ уже бѣгомъ присоединяться къ своимъ.

Въ самый критическій моментъ, когда передъ наступающими выросла стѣна редута, майоръ Квитко пошелъ впередъ такъ энергично, что всѣхъ увлекъ за собою: иначе пунктъ этотъ, говорятъ, обошелся бы намъ гораздо дороже. Перейдя ровъ, скользя по грязи, нагая и подсаживая другъ друга, Архангелогородцы съ частью Вологодцевъ взошли, наконецъ, на валъ редута.

Первымъ вскочилъ на брустверъ майоръ Квитко. Рядомъ съ нимъ очутились на гребнѣ вала доблестный командиръ Архангелогородскаго полка — полковникъ Шлиттеръ, адъютантъ барона Криденера — ротмистръ Хвостовъ и румынскій офицеръ, отправившійся на штурмъ волонтеромъ. Румынскій офицеръ едва лишь соскочилъ съ гребня вала въ редутъ, какъ былъ изрубленъ ятаганами. Майоръ Квитко, какъ говорятъ, прыгнулъ внизъ и попалъ на не-

пріятельскую пушку. Но онъ отдѣлался лишь легкою огнестрѣльною ранюю подъ мышку, безъ нѣсколенныхъ. Ротмистръ Хвостовъ остался совершенно невредимъ, а полковникъ Шлиттеръ, соскочивъ съ вала во внутрь редута, получилъ пулю въ лобъ навывлетъ и былъ вынесенъ за смертью изъ редута. Черезъ два дня онъ скончался.

Тутъ же былъ раненъ и командиръ бригады, генералъ Родіоновъ, и отправленъ на перевязочный пунктъ.

Полковникъ Шлиттеръ.

Послѣ того какъ солдаты ворвались въ редутъ, внутри него минулы три кипѣль ужасный бой. Выскакивавшихъ изъ редута турокъ били штыками; окруженныхъ въ редутъ — тоже всѣхъ перекололи. Въ эти минуты выстрѣлы уже слышались изрѣдка, въ-перемежку; одними штыками да прикладами работали. До окончательнаго штыковаго боя наши потери были больше, а когда солдаты вскочили въ редутъ, — тогда больше ложилося турокъ.

Впрочемъ, большая часть защитниковъ редута ушла къ себѣ благополучно по траншеямъ, которыя были вырыты у нихъ позади редута, по направленію къ лагерю. Непрiятеля, не успѣваго перебѣжать по траншеямъ, преслѣдовали по скату горы, которая вся была усыяна мертвыми тѣлами турокъ.

Взятію редута много способствовало смѣлое движеніе остальной части Вологодцевъ, ударившихъ, какъ мы уже упомянули выше, въ тылъ редута. Во-

ь, остальные—или погибли,

дѣло еще не кончилось. Мало

дужно было еще закрѣпить его

пушки, какъ мы уже знаемъ, строили свои

дѣло ко-
Вологодцы,
на лагерь, ко-
го гривицкаго ре-
владѣнію послѣднимъ.
Вологодцевъ и облегчило Ар-
дцамъ взятіе гривицкаго редута. Но въ
лагерь Вологодцы не могли, конечно, до-
лнуть большихъ успѣховъ. „Намъ нужно было
засчитывать только на свои силы,—разсказывали
послѣ офицеры Вологодскаго полка:—у насъ не было
резервовъ, мы знали, что намъ никто не поможетъ,
если мы сами не управимся; будь у насъ въ тылу
войска,—мы бы и лагерь захватили съ редутомъ...“
Однако же велика была и та заслуга, которая оста-
лась за Вологодцами, удержавшими турокъ, своимъ
смѣлымъ натискомъ, въ ихъ лагерь и не давшими
непріятелю оказать никакой помощи атакованному
Архангелогородцами редуту. Сдѣлавъ свое дѣло, пол-
ковникъ Рыкачевъ съ бывшею съ нимъ частію Во-
логодцевъ вернулся также въ гривицкій редутъ, гдѣ
и принялъ команду надъ всею бригадою, вмѣсто ра-
неннаго генерала Родіонова.

Редутъ былъ взятъ, такимъ образомъ, въ 7^{1/2}
часовъ вечера. На редутѣ нами захвачены были
пять дальнобойныхъ крупновескихъ орудій и два зна-
мени. Одно знамя было взято солдатами Архангело-
городскаго полка, а другое—румынами. Объ этомъ,
впрочемъ, разсказываютъ слѣдующее: оба знамени
были взяты русскими. Одно изъ этихъ знаменъ дали
держать русскому солдату, унтеръ-офицеру знаме-
носпцу; но затѣмъ пришли нѣсколько румынъ, кото-
рые начали отнимать это знамя. Произошла свалка,
въ которой сильно пострадалъ нашъ унтеръ-офи-
церъ; но тѣмъ не менѣе ему удалось удержать въ
своихъ рукахъ древко отъ знамени. Послѣ уже от-
дали румынамъ и древко, которое они торжественно
преподнесли князю Карлу.

Вообще, въ числѣ русскихъ полковъ, атаковав-
шихъ редутъ, участвовала небольшая часть румынъ,
не болѣе двухъ ротъ, изъ которыхъ добѣжало до

укрѣпленія такимъ образомъ, чтобы послѣ отдачи
одного изъ нихъ можно было тотчасъ же открывать
съ другихъ уцѣлѣвшихъ укрѣпленій по уступленно-
му пункту сильнѣйшій огонь. Такъ было и съ гри-
вицкимъ редутомъ. „Мы думали, что у нихъ здѣсь
одинъ редутъ, — разсказывали послѣ солдаты: — а
оказалось два“. По гривицкому редуту не только
били пушки изъ сосѣдняго турецкаго лагеря съ ма-
лаго редута, но дѣйствовалъ и ружейный огонь изъ
траншей, которыя вели отъ гривицкаго редута къ
лагерю. Тотчасъ же по отступленіи турокъ изъ ре-
дута, ихъ орудія открыли по нему сильнѣйшій огонь.
Канонада продолжалась всю ночь, и не было внутри
редута мѣста, которое не взрыли бы турецкія
гранаты. Люди падали здѣсь, какъ колосья подъ
серпомъ. А когда чья-нибудь голова высывалась
изъ-за вала редута, то на-встрѣчу такъ и низали
воздухъ турецкія пули. Не смотря на все это, на-
ши солдаты держались здѣсь упорно. Мало того,
нашлось даже нѣсколько охотниковъ Вологодцевъ,
которые вышли изъ редута къ сторонѣ непріятель-
скаго лагеря, засѣли у вала лицомъ къ туркамъ и,
не смотря на усиленный огонь со всѣхъ турецкихъ
позицій, били оттуда наповаль всѣхъ, кто только
показывался. Вскорѣ они замѣтили впереди себя
двѣ брошенныя турками пушки. Очевидно, непріятель,
отступая изъ редута, не успѣлъ увести ихъ съ
собою и бросилъ на серединѣ дороги. Теперь турки
пытались ихъ убрать съ дороги въ свой лагерь. На-
ши охотники навалили вокругъ этихъ орудій цѣ-
лую гору турокъ: вышлетъ непріятель нѣсколько че-
ловѣкъ взять эти орудія,—охотники наши часть
этихъ смѣльчаковъ перебьютъ, а часть прогонять
обратно въ лагерь. Разъ турки выскочили стрем-
главъ за орудіями на лошадахъ:—охотники переби-
ли и людей и лошадей. Въ гривицкомъ редутѣ за-
хвачено было множество турецкихъ ружей и патро-
новъ къ нимъ; чтобы не тратить своихъ зарядовъ,
Вологодцы били турокъ изъ ихъ же ружей.

Ночью турки прибѣгли къ другому средству:
подъ прикрытіемъ темноты, они нѣсколько разъ про-

изводили отчаянную попу
тый у нихъ гривицкій ре;
нашимъ утомленнымъ полкамъ
и Вологодскому—и ночью не

До утра они стояли подъ ружьемъ. Но
которыя вели отъ турецкихъ позицій къ гривицко-
му редуту, турки четыре раза подступали сюда, на-
дѣясь застигнуть нашихъ врасплохъ: сперва въ 11
часовъ, потомъ въ 12. Последняя атака была въ
4 часа утра; но наши все время были на-сторожѣ.
Въ первый разъ туркамъ удалось подойти къ са-
мой стѣнѣ редута.

— Кто тутъ? спрашиваютъ Вологодцы.

— Болгары!.. послышался отвѣтъ.

По непризнаннымъ болгарамъ дали такой залпъ,
отъ котораго они сейчасъ же утекли, оставивъ на
мѣстѣ половину своихъ смѣльчаковъ. Особенно силь-
ную атаку предприняли турки противъ этого ре-
дута въ самую полночь и, не смотря на силу нати-
ска, были отражены съ страшнымъ урономъ. Послед-
ующія атаки были слабѣе и съ разсвѣтомъ со-
всѣмъ прекратились.

Велика была радость Архангелогородцевъ и Во-
логодцевъ, овладѣвшихъ наконецъ вполне роко-
вымъ гривицкимъ редутомъ. Во время втораго
боя подъ Плевною они просидѣли подлѣ этого
самаго редута во рву цѣлый день, всю слѣдую-
щую ночь и утро, и все-таки имъ пришлось тогда
отступить; были они здѣсь и въ первое сраженіе
подъ Плевною, кончившееся также отступленіемъ;
и вотъ теперь этотъ редутъ въ ихъ рукахъ! Одинъ
корреспондентъ попалъ на бивуакъ Архангелогород-
скаго полка на третій день послѣ сраженія и былъ
свидѣтелемъ восторга этихъ солдатъ. „Когда я
подѣхалъ,—разсказываетъ онъ,—солдатамъ разда-
вали доставленную на подводахъ пищу: гречневую
кашу, полужидкую, такъ-называемую размазню, и
какой-то супъ. Приближаюсь къ кучкѣ солдатъ,
уже обѣдавшихъ: „Хлѣбъ-да-соль, ребята!“ —
Милости просимъ. — „Нѣтъ-ли водицы напить-
ся“?—Извольте!— „Да вы бы слѣзли съ лошади,—
прибавилъ другой,— да поѣли бы съ нами“. Я
отказался. Мало-по-малу завязался разговоръ, и
скоро я былъ окруженъ цѣлою толпою солдатъ, на-
перерывъ сообщавшихъ мнѣ многія подробности

такъ м.

въ редутѣ-

ли три турца.

поправляетъ третъ.

четвертая-то стояла

лагать, онъ ее хотѣлъ увези..,

„А намеднись тутъ показался, изъ-за
начальникъ, паша, толстый да важный такой
ротный и говоритъ: „Ну, братцы, попробуй-ка,
уложить-ли его кто? Ефимовъ, изъ четвертой ро-
ты, приложился, и такъ это ловко, что паша такъ
и повалился навзничь, сердешный“. — „Проклятый
этотъ турка, какую штуку сдѣлалъ съ нами, ваше
благородіе! Шанцы у нихъ понадѣланы въ редутѣ
чудесные такіе, точно онъ ихъ цѣлый годъ строилъ:
ходы подъ землею, ямки для зарядовъ и для про-
віанта, да и самимъ-то есть гдѣ схорониться на
случай. Что же бы вы думали, ваше благородіе?
Сидимъ это мы въ редутѣ-то часа два, надо по-
лагать, али еще больше, глядимъ, а изъ подъ зе-
мли и вылѣзаютъ. Сначала мы въ темнотѣ-то не
разобрали: думали изъ нашихъ кто, анъ потомъ,
какъ разглядѣли, видимъ, турки, ну, и прикололи
ихъ почти всѣхъ; человекъ два или три уткло“

Вернемся теперь къ положенію дѣлъ въ нашемъ
центрѣ у д. Радищева, на мѣстѣ расположенія
войскъ генерала Крылова, гдѣ атака должна была
происходить независимо отъ штурма гривицкаго ре-
дута, но въ тѣсной связи съ наступленіемъ войскъ
генерала Скобелева 2-го на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Атака войсками 4-го корпуса съ радищевскихъ
высотъ была направлена на турецкій редутъ, рас-
положенный лѣвѣе трехъ соединенныхъ редутовъ,
ближе къ тученицкому оврагу, на вершинѣ отдѣль-
но стоящей горы. Редутъ этотъ находился въ раз-
стояніи всего полторы версты отъ города, по со-
сѣдству съ позиціею генерала Скобелева, и былъ
слабѣе прочихъ укрѣпленій противъ радищевскихъ
высотъ. Даже наши четырехфунтовки, какъ мы
уже видѣли, не разъ разрушали его и подбивали

Взятіє Гривичкаго редуга.

въ немъ орудія, хотя туркамъ, подъ прикрытіемъ огня съ сосѣднихъ укрѣпленій, постоянно удавалось быстро и заново исправлять его.

Штурмъ упомянутого редута предполагалось произвести собственно въ видахъ поддержки и облегченія атаки войсками Скобелева главнаго пункта турецкой позиціи — южныхъ редутовъ у ловчинской дороги. Но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ условий, штурмъ отдѣльно стоящей укрѣпленной горы, не смотря на беззавѣтную храбрость и мужество нападавшихъ, окончился не совсемъ благопріятно для насъ, да къ тому же и начался не въ-время, такъ что генераль Скобелевъ не могъ извлечь для себя надлежащей пользы изъ этихъ дѣйствій войскъ 4-го корпуса.

Штурмовую колонну, направленную противъ редута на отдѣльно стоящей горѣ, составляли, собственно, слѣдующія войска: пѣхотные полки Углицкій и Казанскій (2-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи)*), поддержанные полками Ярославскимъ и Шуйскимъ (1-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи), подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Шнитникова. Въ резервъ была назначена 2-я бригада 30-й пѣхотной дивизіи, то-есть полки Коломенскій и Серпуховскій, и Маріупольскій гусарскій полкъ.

Въ 11 часовъ утра, подъ прикрытіемъ густаго тумана и при усиленной пальбѣ со всѣхъ радищевскихъ батарей, войска эти были двинуты впередъ, къ лощинѣ, ведущей къ укрѣпленной горѣ съ упомянутымъ редутомъ. Пользуясь густымъ туманомъ, покрывавшимъ всю мѣстность, штурмовая колонна благополучно достигла ската лощины, гдѣ и расположилась въ боевомъ порядкѣ, въ ожиданіи условленнаго срока атаки, т. е. 3-хъ часовъ пополудни. Но не прошло и получаса, какъ раздался яростный ружейный огонь съ южной стороны Плевны, гдѣ турки произвели неожиданное нападеніе на отрядъ генерала Скобелева. За густымъ туманомъ и дымомъ, непроницаемою пеленою покрывавшими все поле сраженія, наши штурмовыя войска не могли разобрать хорошенько — въ чемъ дѣло. Между тѣмъ, слѣва у нихъ ружейная пальба раздавалась все громче и громче, и вскорѣ была подхвачена и тур-

*) Вторая бригада этой дивизіи, т. е. полки Владимирскій и Суздальскій, въ ночь на 30-е число была направлена къ отряду генерала Скобелева.

ками, занимавшими впереди ихъ редутъ на отдѣльно стоящей горѣ и другія укрѣпленія противъ Радищева. Турки, не замѣчая нашей штурмовой колонны, хотѣли только поддерживать этимъ огнемъ наступленіе своихъ войскъ противъ отряда Скобелева; но наши штурмовыя войска приняли эти выстрѣлы съ центральныхъ укрѣпленій за нападеніе турокъ съ этой стороны на наши радищевскія позиціи. Нѣсколько ротъ Углицкаго полка, желая предупредить непріятеля, намѣревавшася, какъ имъ то показалось, захватить радищевскія батареи, по собственному порыву бросились впередъ, къ редуту на отдѣльно стоящей горѣ, и увлекли за собою и остальные роты своего полка, а также и весь Ярославскій полкъ. Вскорѣ разразился яростный ружейный огонь нашей пѣхоты, спускавшейся на дно лощины. Густой туманъ хорошо прикрывалъ ихъ, но звукъ ружейныхъ выстрѣловъ открылъ непріятелю ихъ движеніе и далъ указаніе — съ какой стороны происходитъ нападеніе. Однако турки приберегали свои выстрѣлы до той поры, пока русскіе не подойдутъ къ нимъ поближе. И вотъ, по мѣрѣ того какъ наши подвигались впередъ, огонь турокъ все усиливался. Подъ конецъ на нашихъ направилась жестокая пальба со всѣхъ сосѣднихъ укрѣпленій и изъ траншей въ нѣсколько ярусовъ. Туманъ и скользкая почва и безъ того сильно замедляли движеніе пѣхоты; но, не смотря ни на что, солдаты наши продолжали подвигаться впередъ. Въ это время съ нашихъ батарей открылся страшный огонь, и дымъ выстрѣловъ еще болѣе усилилъ мракъ. Воздухъ снова наполнился свистомъ пуль и воемъ гранатъ. Вдругъ, среди этого всеобщаго хаоса, раздались изъ лощины восторженные крики „ура“: это Угличане и Ярославцы, приблизившись къ укрѣпленной горѣ, стремительно бросились впередъ и въ одинъ мигъ выбили турокъ изъ ложементовъ, расположенныхъ у подножія горы. Но такъ какъ атака эта, никѣмъ не предусмотрѣнная, не могла быть произведена въ надлежащемъ порядкѣ, а слѣдовательно и своевременно поддержана, то смѣльчаки наши были, въ свою очередь, выбиты изъ ложементовъ и отброшены назадъ съ огромными потерями. Однако же и туркамъ не прошла эта атака даромъ. Когда, около часу пополудни, сильный порывъ вѣтра на одну минуту разсѣялъ туманъ и дымъ надъ

непріятельскими укрѣпленіями, то ясно можно было видѣть массы раненыхъ турокъ на склонѣ горы передъ редутомъ; видно было также, какъ турки отдѣльными кучками быстро спускались внизъ, къ подножію горы, въ свои передовые ложементы. Полки наши, потерпѣвшіе неудачу, стояли уже на противоположномъ скатѣ лощины: Казанцы и Угличане—на лѣвомъ флангѣ, а Шуйцы и Ярославцы—на правомъ.

Скоро дождь и мракъ усилились, и густой туманъ опять спустился надъ долиною.

Такимъ образомъ, часа за три до условленнаго по диспозиціи срока общей атаки, войска, предназначившіяся на штурмъ центральныхъ укрѣпленій, потеряли уже весьма чувствительный уронъ. Это неожиданное обстоятельство не могло, конечно, повліять хорошо на предстоящую атаку. Къ тому же изъ этого дѣла ясно обнаружилось, что, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, наступленіе здѣсь нельзя было вести иначе какъ съ фронта; а это обстоятельство, въ свою очередь, обѣщало также весьма мало хорошаго.

Между тѣмъ, артиллерія наша продолжала свирѣпствовать противъ непріятельскихъ укрѣпленій. Но въ половинѣ третьяго часа пополудни начали вдругъ стрѣлять тише и продолжали замедлять огонь, пока не пришлось совѣмъ прекратить его, изъ опасенія, чтобы снаряды наши не попали въ своихъ, которые теперь опять двинулись въ атаку. Около четырехъ часовъ массы русской пѣхоты вразсыпную, съ линіею стрѣлковъ впереди и сопровождаемая подкрѣпленіями и резервомъ, наполнили лощину передъ редутомъ. Это были Угличане и Казанцы. Вслѣдъ за тѣмъ турки открыли страшный огонь на горѣ, такъ что послѣдняя совѣмъ скрылась подъ огнемъ и дымомъ, и казалась какимъ-то гигантскимъ чудовищемъ, изрыгающимъ пламя. Сквозь дымку тумана лишь смутно было видно, какъ штурмовыя колонны прорывались впередъ. Онѣ перешли лощину, выбили турокъ изъ ложементовъ у подножія горы и стремительно поднялись на ея южный откосъ. Одновременно съ этимъ, со склоновъ радищевскихъ высотъ начали спускаться Ярославцы и Шуйцы; они бѣгомъ перебѣжали черезъ лощину и стали взбираться на юго-восточный и южный склоны отдѣльно стоящей горы. На одну минуту въ ихъ движеніи произошла задержка у нижнихъ уступовъ откоса,—казалось, что путь имъ здѣсь чѣмъ-то загражденъ. Они подались направо отъ ло-

жементовъ, и, послѣ минутной остановки, линія стрѣлковъ перешла окопы. За стрѣлками показалась масса пѣхоты, поддержанная подкрѣпленіями, а резервы окружили подножіе горы у ложементовъ, и вскорѣ густыя колонны осаждавшихъ pokrыли гору. Начался ожесточенный бой. Повзводный огонь русскихъ осыпалъ турокъ въ редутъ тучами пуль; тѣ, въ свою очередь, отвѣчали тѣмъ же. Со всѣхъ сосѣднихъ турецкихъ укрѣпленій на встрѣчу наступающимъ неслась также жестокая пальба; а изъ траншей, расположенныхъ въ нѣсколько ярусовъ за рвомъ редута, турецкая пѣхота открыла убійственную перекрестную ружейную стрѣльбу. Дико свирѣпствовалъ огонь турокъ и, казалось, хотѣлъ смести русскихъ съ откоса горы; но хотя ясно были видны широкіе проходы, которые огонь турокъ прокладывалъ въ рядахъ русскихъ, однако онъ не могъ остановить наступающихъ. Не смотря на картечи, пули и гранаты, сыпавшіяся на нихъ градомъ, наши подвигались впередъ съ необычайной храбростью. Солдаты работали молодецки, отбиваясь и подвигаясь все выше и выше. Склонъ былъ крутой, почва скользила подъ ногами отъ проливнаго дождя, но—ничто не останавливало солдатъ. Наконецъ, къ довершенію затрудненій, на заднемъ склонѣ горы, справа, показались турецкія подкрѣпленія, шедшія вразсыпную, на помощь гарнизону редута. Чтобы справиться съ этимъ новымъ врагомъ, русскіе быстро повернули свое правое крыло, солдаты пригнулись и дали залпъ по приближавшимся туркамъ, въ то время какъ наши радищевскія батареи работали изо всѣхъ силъ, осыпая непрерывнымъ градомъ картечи жидкую колонну турецкихъ резервовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ главныя массы русской пѣхоты появились уже около траншей, лежащихъ впереди редута. Сквозь туманъ и дымъ выстрѣловъ, окружавшихъ вершину горы, раздалось оглушительное „ура“ русскихъ: траншеи были взяты и пройдены. Русскіе появились уже подъ самой стѣною редута. Всякій, у кого въ груди билось воинственное сердце, не могъ безъ восторга смотрѣть на этихъ мужественныхъ солдатъ, презиравшихъ всякую опасность смерти. Въ теченіи трехъ минутъ, на вершинѣ горы ничего нельзя было разобрать за пороховымъ дымомъ. Редутъ скрылся подъ густымъ облакомъ. Но вотъ стрѣльба вдругъ затихла. По всей вѣроят-

ности, происходилъ горячій бой на штыкахъ. Судьба редута колебалась. На нашихъ радищевскихъ батареяхъ, всё, затаивъ дыханіе, ждали того мгновенія, когда раздастся новое „ура“ побѣдоносныхъ русскихъ войскъ и русское знамя появится надъ редутомъ. Всё такъ были увѣрены въ побѣдѣ, что солдаты наши на батареяхъ готовились уже бросить вверхъ шапки въ знакъ торжества и прокричать восторженное „ура“, какъ вдругъ раздалась пальба... и какая пальба! Русскихъ окружило на горѣ цѣлое море огня. Турки, очевидно, получили свѣжія подкрѣпленія. Измученные огнемъ съ фронта и съ фланговъ, наши стали отступать. Огонь турокъ продолжалъ свирѣпствовать съ необычайною силою. Солдаты, пятась, скользили по вязкой почвѣ, скатывались по крутому откосу внизъ и, наконецъ, успѣли укрыться у подножія горы, въ турецкихъ же ложементахъ.

Но еще не все было потеряно. Резервы наши пока еще не принимали участія въ атакѣ, — они все время держались у подножія горы; ихъ было около трехъ полковъ. Возвратившіеся солдаты также начали собираться въ лощинѣ, чтобы перевести духъ и сомкнуть ряды.

Наступилъ перерывъ въ битвѣ. Перерывомъ этимъ турки вздумали воспользоваться. На склонѣ горы, передъ редутомъ, сначала показалось нѣсколько человѣкъ, потомъ цѣлыя толпы турецкихъ мародеровъ, и, казалось, они готовились уже приступить къ ограбленію убитыхъ и доканчиванію раненыхъ. Это была страшная минута. Только нѣсколько шаговъ отдѣляло башибузуковъ отъ ихъ несчастныхъ жертвъ, изъ коихъ нѣкоторые старались скатиться по спуску. На усиленный ружейный огонь русскихъ, стоявшихъ въ лощинѣ, турки не обращали никакого вниманія. Вдругъ разрывается среди турокъ шрапнель, пушенная съ радищевскихъ батарей, затѣмъ другая, третья: турки обратились въ бѣгство и вскорѣ исчезли за валомъ редута. На этотъ разъ раненые были спасены.

Въ это время стоявшіе въ лощинѣ резервы, въ свою очередь, бросились на редутъ и возобновили приступъ. Снова раздалась страшная пальба. Но не успѣли наши дойти и до рва редута, какъ ряды ихъ уже разстроились подъ жестокимъ огнемъ. Орудія редута стрѣляли картечью, скорострѣльные ружья

турецкой пѣхоты трещали изъ всѣхъ траншей безъ умолку. Раненые и убитые усеяли весь скатъ горы. Цѣлыя кучки людей валились сразу, и затѣмъ изъ навшихъ образовывался темный неподвижный холмикъ. Къ довершенію смятенія, съ сосѣдняго редута турки открыли продольный огонь шрапнелью. Это продолжалось минутъ 20. Наконецъ резервы наши подались назадъ, а вмѣстѣ съ этимъ исчезла послѣдняя надежда на успѣхъ штурма. Больше уже некому было идти на приступъ. Раненые и убитые покрыли собою весь склонъ горы и всю лощину. Резервовъ больше не было. Возвратившихся съ приступа было также недостаточно, чтобы возобновить это опасное дѣло. Надъ мѣстностью начиналъ уже ступаться вечерній мракъ. Дѣло было, очевидно, потеряно. Третья атака неудалась. Редутъ остался цѣлъ.

Такимъ образомъ, штурмъ центральныхъ укрѣпленій, хотя и поведенный со всею отвагою, всегда отличающею наступленіе нашихъ войскъ, не смотря на то, что повторялся нѣсколько разъ, къ сожалѣнію, не привелъ къ успѣху. Во время этихъ открытыхъ атакъ войска наши должны были понести страшныя потери, тогда какъ турки отдѣлались сравнительно лишь незначительнымъ урономъ, такъ какъ все время были скрыты изъ виду и, при приближеніи нашихъ, высовывались лишь для того, чтобы встрѣтить врага адскимъ огнемъ. Не одинъ нашъ солдатъ замѣчалъ турокъ и слышалъ ихъ крики „Алла“, когда непріятельская пуля уже пронизывала ему сердце. И все-таки много разъ войска наши, воодушевляемые своими начальниками, врывались въ непріятельскіе окопы, но всякій разъ убійственный перекрестный огонь, который турки открывали изъ слѣдующихъ траншей, возведенныхъ въ нѣсколько ярусовъ, вновь выбивалъ ихъ оттуда, пока, наконецъ, наступившая ночь не прекратила совсѣмъ этой безпощадной бойни.

Грустно было видѣть неудачное возвращеніе съ поля битвы этихъ мужественныхъ солдатъ, такъ безстрашно шедшихъ въ атаку. Передъ атакою никто не думалъ о роковой неудачѣ. „Мы пошли весело въ“, — рассказывалъ послѣ раненый рядовой Ярославскаго полка, изъ вольноопредѣляющихся. „Командиръ напомнилъ намъ, что мы покажемъ себя молодцами. Мы прокричали „ура“ и пошли. За двѣ тысячи шаговъ ужъ турецкія пули начали

насъ пощелкивать; но мы идемъ. Въ это время еще совсѣмъ не было страшно; но чѣмъ ближе, тѣмъ чаще пощелкиваютъ пули. Смотришь—упалъ одинъ, другой, третій. Скверно. Думаешь: вотъ хватить и меня. Идемъ, идемъ и приляжемъ, выстрѣлимъ и опять вкочимъ и на „ура“ Огонь чаще, и какъ-то все начинаешь забывать. Видишь только впереди дымокъ, слышишь, какъ щелкаютъ пули, закипаетъ въ груди злоба противъ врага,—и самъ стрѣляешь. Вдругъ обдало насъ перекрестнымъ огнемъ. Боже, какъ было жарко! Но мы все подвигаемся. Изъ 600 человѣкъ насъ осталось скоро немного. Смотримъ, бѣгутъ къ намъ нѣсколько человѣкъ: это остатки тѣхъ, которые пошли прежде насъ. Офицеры перебиты. Мы стали отступать. Тутъ случился въ сторонѣ овражекъ,—мы повернули въ него и прилегли. Здѣсь мы отдохнули часъ. Капитанъ говоритъ наконецъ: „Что же, братцы, пора. Все равно умирать надо. Пойдемъ!“ Встали мы и опять закричали „ура“, и бросились впередъ. Огонь былъ жаркій, но не такой, какъ прежде. Шаговъ двѣсти осталось намъ до непріятеля: тутъ гранату разорвало около насъ. Возлѣ меня два солдата упали. Я взглянулъ только и бросился впередъ, чтобы не видать, какъ ихъ обезобразило. Опять падаютъ. Мы идемъ цѣпью. Два-три раза я видѣлъ, какъ пули убиваютъ наповаль. Солдатъ склонить на грудь голову, точно кто его толкнетъ сзади, и упадетъ, и такой маленькій и жалкій онъ кажется, свернувшись на землѣ. Насъ осталось человѣкъ 50, кто-гдѣ: кто впереди, кто сзади, кто въ сторонѣ. Въ это время осколкомъ гранаты выбило у меня ружье, потому что-то щелкнуло по рукѣ. Въ это время совсѣмъ не было больно. Я поднялъ другое ружье: ихъ много тутъ валялось, но стрѣлять было неловко. Я пошелъ назадъ. Плелись и другіе. Скверно было идти. Раненые, трупы, стоны. Думаешь: вотъ въ спину тебя хватятъ. Кругомъ — щелкъ-щелкъ. Да когда же, думаешь, въ спину-то? Встрѣтилъ раненаго въ ногу. Пошли вмѣстѣ. Я его поддерживалъ. Не знаю, нашъ-ли, Ярославецъ. Пришли на перевязочный пунктъ. Фельдшеръ меня перевязалъ. Наши фельдшера славно работали. Собралось насъ человѣкъ двѣсти. Дали намъ сыраго мяса на ужинъ. Всѣ ранены. Какъ варить? Часа два провозились мы,

безрукіе, безногіе. Къ 11 часамъ, однако, приготовили ужинъ и поѣли“

Такъ окончился бой въ центрѣ нашего расположенія, противъ деревни Радищево, гдѣ у турокъ были весьма сильныя и многочисленныя укрѣпленія. Но самый страшный, безпримѣрный по кровопролитію бой происходилъ въ этотъ день на нашемъ лѣвомъ флангѣ, къ югу отъ Плевны, въ отрядѣ генерала Скобелева.

Наканунѣ этого дня, 29 августа, генералъ Скобелевъ, какъ мы уже знаемъ, занялъ второй гребень „Зеленыхъ горъ“, на которомъ и провелъ съ своимъ отрядомъ всю ночь на 30-е августа, окопавшись здѣсь ложементами и отбивъ въ теченіи ночи двѣ незначительныя атаки турокъ, со стороны Кришина и двухъ соединенныхъ редутовъ.

Генералъ Скобелевъ 2-ой командовалъ собственно передовымъ отрядомъ войскъ князя Имеретинскаго; но въ ночь на 30-е августа Скобелевъ получилъ приказаніе изъ главной квартиры принять начальство надъ всѣми войсками лѣваго отряда, князь же Имеретинскій назначался начальникомъ особаго резерва въ лѣвомъ же отрядѣ. Въ то же время въ распоряженіе генерала Скобелева присланы были также изъ войскъ 4-го корпуса пѣхотные полки Владимірскій и Суздальскій (1-я бригада 16-ой пѣхотной дивизіи). Такимъ образомъ, въ составъ лѣваго отряда генерала Скобелева поступали слѣдующія части войскъ: Владимірскій и Суздальскій пѣхотные полки, 3-я стрѣлковая бригада генералъ-майора Добровольскаго, Ревельскій пѣхотный полкъ, и, сверхъ того, въ резервъ, позади деревни Брестовацъ, у князя Имеретинскаго оставлены были пѣхотные полки: Эстляндскій, Либавскій и Калужскій; всего въ лѣвомъ отрядѣ теперь находилось 22 батальона при 76 орудіяхъ.

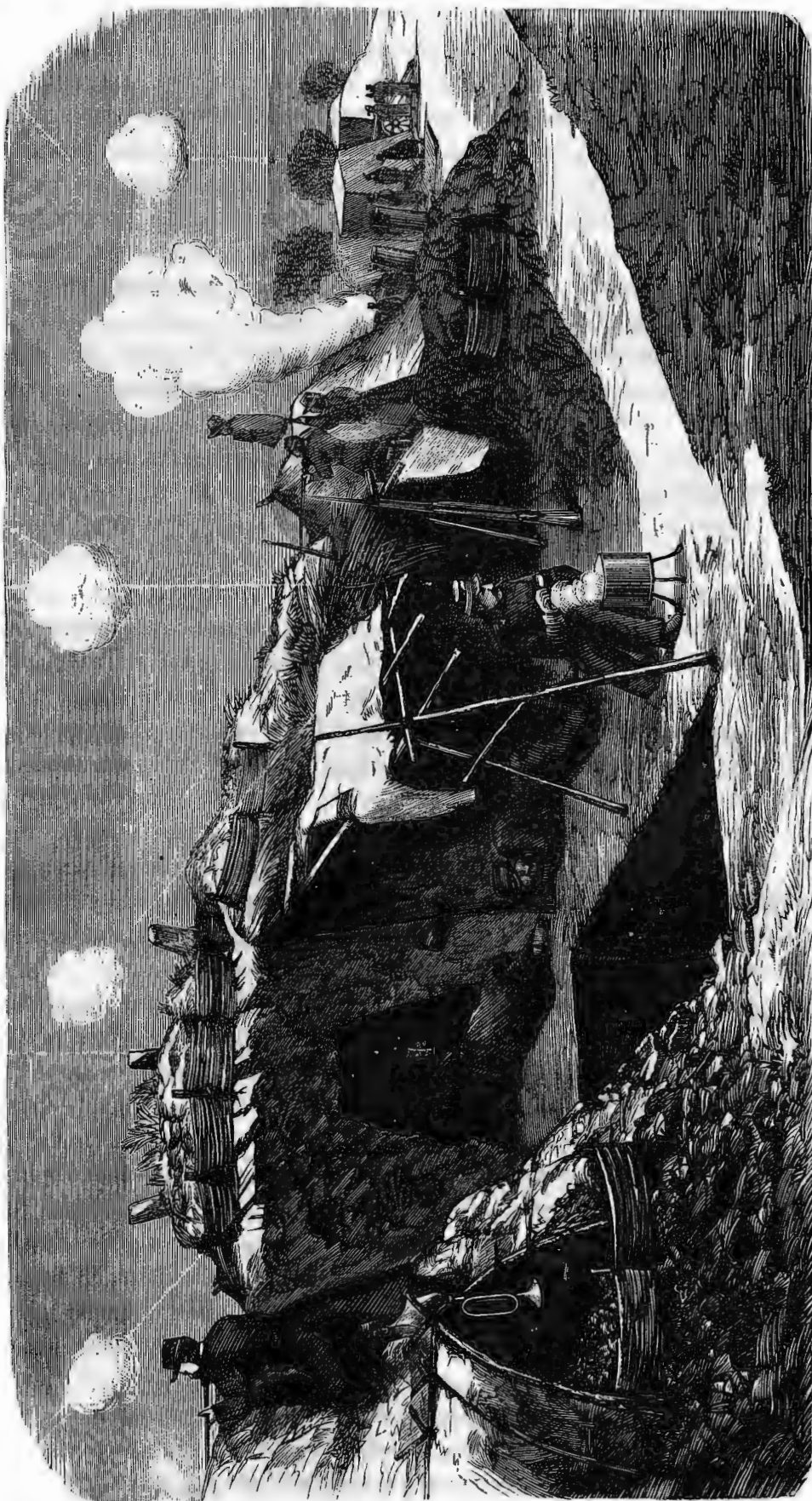
Непосредственно лѣвый флангъ этого отряда былъ охраняемъ Донскою казачьею бригадою полковника Чернузубова; а далѣе, со стороны р. Вида, его прикрывала Кавказская казачья бригада полковника Тутолмина.

Отряду генералу Скобелева поручалось атаковать непріятельскій укрѣпленный лагерь, расположенный за кришинскимъ редутомъ и прикрывавшій городъ Плевну съ южной стороны, у плевно-ловчинской до-

роги. Для выполнения этой задачи, генералу Скобелеву предстояло предварительно овладеть третьим гребнем „Зеленых гор“ и затѣмъ двумя соединенными редутами, защищавшими доступы къ лагерю со стороны „Зеленых гор“

Начать это дѣло предписывалось Скобелеву въ условленный срокъ общей атаки—30 августа, въ три часа по полудни.

Атака Плевны съ южной стороны, какъ мы уже знаемъ, была наиболѣе опасна для турокъ, и потому отсюда предполагалось нанести рѣшительный ударъ арміи Османа-паши, почему турки нѣсколько разъ уже переходили сами въ наступленіе, еще во время бомбардированія Плевны, когда на всѣхъ другихъ пунктахъ они оставляли насъ совершенно въ покоѣ. Дѣйствительно, штурмъ Плевны со стороны ловчинскаго шоссе почти равнялся удару въ тылъ всѣмъ плевненскимъ укрѣпленіямъ; къ тому же укрѣпленія съ

Подъ Плевною.

этой стороны были такъ слабы и такъ близко расположены къ самому городу, что, взявъ первую линію укрѣпленій, легко можно было бы проникнуть въ Шлевну, т. е. въ тылъ и центръ непріятельскаго расположенія; а это равнялось бы почти полному разбитію всего плевненскаго непріятельскаго лагеря. На основаніи этого, можно было заранѣе уже предвидѣть, съ какимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ будетъ отстаивать этотъ пунктъ армія Османа-паши.

Въ виду всего сказаннаго, ни самъ генералъ Скобелевъ, ни князь Имеретинскій не находили достаточными для выполненія возложенной на нихъ задачи вѣранныхъ имъ силъ лѣваго отряда, и Скобелевъ, какъ рассказываютъ, заблаговременно просилъ о высылкѣ болѣе значительныхъ подкрѣпленій, нежели тѣ, которыя ему дали; но ему могли прислать только то, что оставалось свободнымъ на другихъ нашихъ пунктахъ, т. е. одну бригаду 16-ой дивизіи (Владимірскій и Суздальскій полки). Тѣмъ не менѣе, получивъ командованіе лѣвымъ отрядомъ, генералъ Скобелевъ все-таки надѣялся достигнуть успѣха и не терять надежды, что въ трудную минуту ему дадутъ новыя подкрѣпленія, такъ какъ ожидалъ въ этотъ день успѣха и на всѣхъ другихъ пунктахъ нашей атаки, вслѣдствіе чего должно было бы освободиться значительное число войскъ. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, генералъ Скобелевъ вѣрилъ въ возможность успѣшнаго выполненія возложенной на него задачи, и съ рѣшимостью, всегда отличающею этого генерала, положилъ достигнуть успѣха во что бы то ни стало.

Прежде чѣмъ штурмовать южные редуты и кришинскій лагерь, генералу Скобелеву предстояло предварительно овладѣть третьимъ гребнемъ „Зеленыхъ горъ“, который прикрывалъ доступъ къ редутамъ и былъ занятъ также сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ. Для атаки этой высоты назначенъ былъ Владимірскій пѣхотный полкъ, прошедшій предыдущую ночь, вмѣстѣ съ Эстляндцами и стрѣлками 3-й бригады, въ ложементахъ на второмъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“

Войска уже съ вечера изготовились къ задуманному наступленію. Солдаты были сытно и хорошо накормлены. Къ каждой части были подтянуты патронные ящики, лазаретныя фуры и санитарныя

команды; кромѣ того, людямъ роздано было нѣсколько пачекъ патроновъ въ карманы и башлыки. Къ сторонѣ Радищева, на правомъ берегу тученицкаго оврага, на заранѣе выбранной позиціи, были поставлены три батареи, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Суздальскаго полка, для обстрѣливанія съ фланга подступовъ со стороны непріятельскихъ редутовъ. Влѣво отъ ловчинской дороги къ сторонѣ Кришина, для охраненія лѣваго фланга отряда, стала Донская казачья бригада полковника Чернозубова.

Въ 10 часовъ утра 30-го августа генералъ Скобелевъ выѣхалъ къ своимъ войскамъ, чтобы ободрить солдатъ въ послѣднія минуты передъ боемъ. Генералъ зналъ, что на его отрядъ возложена самая важная задача—нанести рѣшительный ударъ плевненской арміи Османа-паши,—и что всѣ надежды устремлены на его солдатъ; но опъ, въ то же время, хорошо понималъ, съ какою трудностью и страшной опасностью сопряжено все это дѣло, въ особенности если его молодцамъ придется помѣряться со всѣми силами Османа-паши. Поэтому онъ хотѣлъ заранѣе увѣриться въ своихъ солдатахъ, заранѣе поддержать въ нихъ бодрость и возбудить непреклонную рѣшимость достигнуть побѣды. Самъ онъ и виду не подавалъ, что его тревожитъ какое либо опасеніе; онъ казался совершенно увѣреннымъ въ успѣхъ и явился передъ войсками, которыя самъ собирался вести въ бой, разодѣтый какъ на праздникъ, въ новомъ, съ иголочки, мундирѣ, бѣлыхъ перчаткахъ, чистой бѣлой фуражкѣ, словно ѣхалъ куда на балъ. Лошадь подъ нимъ была также бѣлая.

— Здорово, ребята!—звучно проговорилъ генералъ, обращаясь къ фронту и поглядывая на своихъ солдатъ любовно и привѣтливо.

— Надо постараться, продолжалъ генералъ, вѣдь на насъ смотритъ вся Россія, ребята! Ну, вы у меня молодцы, я знаю... въ огнѣ увидимся.

Генералъ привѣтливо кивнулъ головою. — „Съ Богомъ!“—сказалъ онъ начальнику штурмовой колонны.

Наступленіе началось.

Владимірцы, построеныя въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ, съ 10-мъ стрѣлковымъ батальономъ на правомъ флангѣ, тремя ротами Эстляндцевъ на лѣ-

вомъ и тремя батареями—въ резервъ, двинулись впередъ.

Командиру колонны было приказано: дойдя до третьяго гребня „Зеленыхъ горъ“, остановиться и тотчасъ же усиленно окопаться, въ ожиданіи часа, назначеннаго для общей атаки.

Передовая линія Владимірцевъ, встрѣченная сильнымъ огнемъ хорошо укрывшихся за горою турокъ, почти не отвѣчая на выстрѣлы непріятеля, въ полномъ порядкѣ достигла указаннаго гребня, по возможности окопалась здѣсь ложементами, пользуясь мягкимъ грунтомъ и высокою кукурузою, залегла тутъ и только тогда уже открыла огонь. Турки, видя, что мы пріостановились, сейчасъ же сами перешли въ наступленіе и въ большихъ массахъ, въ особенности на флангахъ, стали напирать на Владимірцевъ. Завязалась ожесточенная перестрѣлка, длившаяся съ 11 часовъ утра до 2 часовъ пополудни *). Непріятель открылъ, сверхъ того, адскій огонь съ редутовъ. Только предусмотрительно заготовленные ложементы помогли передовой линіи Владимірцевъ выдержать этотъ настоящій свинцовый ливень. Огонь былъ такъ силенъ, что даже впереди, передъ третьимъ гребнемъ, въ лощинѣ, по дну которой протекалъ глубокій ручей, падалъ непрерывный дождь бомбъ, ядеръ и пуль.

Вскорѣ однако пришлось, для поддержки первой линіи Владимірцевъ, втянуть въ бой и вторую линію, состоявшую изъ 3-го батальона Владимірскаго полка. Немного спустя, значительныя потери, понесенныя Владимірцами и стрѣлками, заставили притянуть изъ резерва и Суздальскій полкъ, и расположить его за Владимірцами. Наконецъ, къ двумъ часамъ пополудни, густая непріятельская цѣпь настолько приблизилась къ расположенію нашей первой линіи, что турецкія пули стали наносить вредъ не только Владимірцамъ и расположеннымъ за ними Суздальцамъ, но даже и нашимъ главнымъ резервамъ, находившимся въ верстѣ отъ первой линіи. Продолжать оставаться на мѣстѣ при такихъ условіяхъ—сдѣлалось невыносимымъ, хотя и было приказано держаться здѣсь до 3 часовъ пополудни; но такъ какъ этотъ часъ общей атаки былъ уже

близокъ, то генераль Скобелевъ приказалъ наконецъ Суздальскому полку атаковать турокъ и сбросить ихъ съ „Зеленыхъ горъ“

Съ радостію поднялись Суздальцы изъ своихъ ложементовъ, и, осыпаясь градомъ пуль и картечи, быстро и дружно, даже безъ крика „ура“, ударили на турокъ въ штыки. Непріятель не выдержалъ, очистилъ „Зеленныя горы“ и въ беспорядкѣ отступилъ къ своимъ редутамъ, гдѣ залегъ за траншеи и началъ снова осыпать насъ ливнемъ пуль.

Между тѣмъ, часъ общей атаки приближался. Необходимо было тотчасъ же сдѣлать всѣ предварительныя распоряженія. Кромѣ полковъ Владимірскаго, Суздальскаго, 9-го и 10-го стрѣлковыхъ батальоновъ, уже введенныхъ въ дѣло, были немедленно вызваны изъ резервовъ и расположены: за третьимъ гребнемъ „Зеленыхъ горъ“, въ лощинѣ, Ревельскій полкъ, а за вторымъ гребнемъ—Либавскій и 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны. Два батальона Калужскаго и два батальона Эстляндскаго полковъ заняли ложементы на второмъ гребнѣ.

Такимъ образомъ, въ главномъ резервъ у князя Имеретинскаго, въ деревнѣ Брестоваць, уже теперь, передъ началомъ атаки, оставался всего только одинъ батальонъ Калужцевъ.

На второмъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“ поставлены были также три батареи отряда, и съ 2¹/₂ часовъ пополудни всѣ эти 24 орудія открыли отсюда усиленный огонь по редутамъ, на которые должно было вести штурмъ.

Спустя полчаса послѣ этого, ровно въ 3 часа пополудни, генераль Скобелевъ отдалъ приказаніе атаковать редуты.

— Не рано-ли? замѣтилъ на это, какъ рассказываютъ, генераль-маіоръ Добровольскій, командовавшій второю линіею штурмовой колонны.

— Генераль,—отвѣчалъ Скобелевъ:—теперь не время объ этомъ разсуждать.

Задѣтый, генераль Добровольскій вынулъ саблю, сталъ впереди цѣпи и воскликнулъ:

— За мною, ребята, впередъ!..

Владимірцы, Суздальцы, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны, составлявшіе штурмовую колонну, поднялись съ занимаемыхъ ими мѣстъ и, съ музыкаю и барабаннымъ боемъ, двинулись въ атаку.

*) Эти выстрѣлы и были причиною прискорбнаго переполоха въ нашемъ центрѣ, заставившаго Угличавъ и Ярославцевъ принять несвоевременную атаку.

Имъ предстояло: спуститься съ лѣсистаго гребня третьей высоты въ лощину, по дну которой въ глубокихъ берегахъ протекаетъ ручей; перейти черезъ этотъ ручей и затѣмъ съ полверсты взбираться на крутой, совершенно голый откосъ, на которомъ негдѣ укрыться даже зайцу. На вершинѣ этого откоса и расположены непріятельскіе редуты. Укрѣпленія эти состояли собственно изъ двухъ редутовъ, соединенныхъ между собою глубокою траншеею, и изъ ряда ложементовъ, устроенныхъ по откосу горы.

Когда наши начали спускаться въ лощину, турки встрѣтили ихъ адскимъ ружейнымъ огнемъ изъ ложементовъ и редутовъ. Сверхъ того, оба атакующія редута, а равно кришинскій редутъ, расположенный лѣвѣе, на вершинѣ огромной горы, начали осыпать нашихъ картечными гранатами. А такъ какъ въ это время турки успѣли уже отбить нашу атаку у Радищева на центральные редуты, то съ этихъ послѣднихъ укрѣпленій также открыли сюда продольный огонь, который, въ связи съ огнемъ съ кришинскаго редута, наносилъ намъ страшныя потери. Не смотря на все это, штурмовыя колонны, съ генераломъ Добровольскимъ во главѣ, продолжали мужественно подвигаться впередъ, медленно спускаясь по лѣсистому склону въ лощину и поминутно размыкая и смыкая свои, сильно порѣдѣвшіе ряды. Непріятельскіе стрѣлки осыпали нашихъ храбрецовъ буквально градомъ пуль, а картечныя гранаты вырывали ихъ изъ строя десятками. Съ каждымъ шагомъ огонь становился все невыносимѣе и убійственнѣе, и люди начали падать цѣлыми кучками. Но храбрецы наши и тутъ не останавливались, въ особенности видя, съ какою беззавѣтной отвагою шелъ впереди ихъ храбрый командиръ, генералъ Добровольскій. Вскорѣ, однако, послѣдній былъ раненъ въ руку; но, не обращая на это никакого вниманія, продолжалъ идти впереди своихъ колоннъ.

Спусти еще нѣсколько минутъ, переднія части атакующей колонны достигли уже до ручья, что на днѣ лощины, но здѣсь вынуждены были наконецъ приостановиться, чтобы перевести духъ отъ адскаго огня. Только густая цѣпь стрѣлковъ немного продвинулась далѣе и залегла на голомъ откосѣ, открывъ совершенно безвредный огонь по хо-

рошо прикрытымъ туркамъ и терпя сама страшныя потери.

Такимъ образомъ дѣло нѣсколько замедлилось, штурмовыя колонны уже перемѣшались, словомъ—первая атака не пошла на ладъ.

Тогда генералъ Скобелевъ приказалъ Ревельцамъ, стоявшимъ въ резервѣ за третьимъ гребнемъ „Зеленыхъ горъ“, поддержать атаку, и вывелъ изъ-за втораго гребня свои послѣдніе резервы—Либавцевъ и два батальона стрѣлковъ—впередъ, на мѣсто Ревельцевъ, за третій гребень высотъ.

Свѣжіе батальоны Ревельцевъ двинулись въ атаку точно на парадѣ, дошли до ручья, перебрались черезъ него и стали мужественно взбираться по голому откосу, увлекая за собою приостановившихся-было Владимірцевъ и Суздальцевъ. Но и этихъ силъ оказалось недостаточно, чтобы побороть многочисленность турокъ, ихъ фанатическое упорство, а главное—ихъ адскій ружейный огонь. Ревельцы, дойдя до середины откоса, не могли болѣе выносить жестокой пальбы и остановились, а Владимірцы, Суздальцы и стрѣлки, оставшіеся на днѣ лощины у ручья, подъ градомъ пуль и картечи, отдѣлялись кучками и въ одиночку, и повалили назадъ. Турецкій же огонь продолжалъ трещать имъ въ тылъ подобно барабанному бою.

Минута была критическая. Послѣ всѣхъ отчаянныхъ усилій и страшныхъ потерь, вторичная атака не удалась. Турки могли съ секунды на секунду перейти сами въ наступленіе и ударить въ тылъ отступавшимъ войскамъ. Очевидно, отрядъ нашъ былъ вообще слишкомъ малъ, чтобы одолѣть сильнаго и хорошо укрѣпившагося врага. Необходимо было, не медля ни минуты, получить болѣе значительныя свѣжія войска, чтобы не только удержать турокъ отъ вылазки, но и съ успѣхомъ атаковать ихъ. Но—увы!—кромѣ Либавскаго полка и двухъ батальоновъ стрѣлковъ, стоявшихъ позади, за третьимъ гребнемъ „Зеленыхъ горъ“, у насъ не было болѣе въ резервѣ ни одного взвода! Чтобы представить себѣ всю безвыходность положенія нашей штурмовой колонны, взглянемъ на положеніе дѣлъ въ эту минуту въ тылу отряда, на мѣстѣ расположенія главныхъ резервовъ князя Имеретинскаго.

Какъ мы уже знаемъ, весь этотъ день моросилъ дождь, густой туманъ затягивалъ всю мѣстность не-

проницаемою завѣсою. Поэтому князь Имеретинскій, стоявшій въ тылу отряда, на ловчинской дорогѣ, позади „Зеленыхъ горъ“, не имѣя возможности за густымъ туманомъ разсмотрѣть хоть что нибудь впереди себя, по цѣлымъ часамъ ждалъ въ томительномъ ожиданіи извѣстій о результатахъ дѣла у Скобелева. Онъ былъ сильно взволнованъ. Накинувъ на плечи кожанъ отъ пронизывавшей насковозь сырости, князь Имеретинскій нервно ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ. Резервовъ у него давно уже никакихъ не было. Два батальона Эстляндцевъ, до сихъ поръ не участвовавшіе въ атакѣ, съ утра уже охраняли лѣвый флангъ отряда со стороны деревни Кришино; батальонъ Калужцевъ былъ также необходимъ для охраненія деревни Брестовацъ; остальные же роты Калужскаго и Эстляндскаго полковъ прикрывали наши орудія на второмъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“. Такимъ образомъ, князь Имеретинскій давно уже все отдалъ до послѣдняго человѣка и остался только вдвоемъ съ своимъ начальникомъ штаба, полковникомъ Паренсовымъ, представлявшимъ теперь единственную „душу“ резерва, которымъ могъ располагать князь Имеретинскій. Всѣ же войска и самъ Скобелевъ были далеко впереди, но гдѣ именно—здѣсь не каждую минуту было извѣстно. Впередъ ѣхать—ничего не видать за туманомъ, а пожалуй и на шальную пулю наскочишь. Вотъ, изъ четырехъ офицеровъ, сопровождавшихъ Скобелева и передававшихъ его донесенія князю Имеретинскому, двоихъ уже принесли сюда ранеными. Вскорѣ подходитъ конвойный казакъ и ведетъ свою раненую лошадь въ поводу, а другаго казака, смертельно раненаго, приносятъ на носилкахъ. Здѣсь же, на самой дорогѣ, раскинулся трупъ солдата. Бѣдняку какъ будто вовсе опалило лицо. Вотъ почти прибѣгаетъ сюда же офицеръ Суздальскаго полка—блѣдный, весь въ крови, съ мутными глазами. Дальше лежитъ опять офицеръ того же полка, но этотъ уже успокоился вѣчнымъ сномъ, на его лицѣ—смертная блѣдность. Дальше, на той же дорогѣ, перевалочный пунктъ, представляющій еще болѣе грустную картину: лазаретныя фуръ, носилки, санитары, стоны, лужи крови, трупы, ползущіе и ковыляющіе раненые, возвращающіеся пѣшкомъ и частью приносимые на рукахъ, и все это въ крови; съ носилокъ часто раздаются стоны; раны ужасны. Къ

тому же, какъ на бѣду, холодно. Мелкій дождь не перестаетъ моросить; на дорогѣ грязь, въ сторонѣ по тропинкѣ раненые скользятъ или вязнутъ. Тяжело было ихъ положеніе. Многіе говорили: „Лучше бы быть убитыми“. Такая участь уже постигла художника Сергѣя Верещагина. Онъ ѣхалъ передать донесеніе Скобелева, когда пуля сразила его, а подоспѣвшіе черкесы, говорятъ, изрубили. Наши осетины успѣли только отрѣзать пашку и револьверъ убитаго, и доставили эти предметы въ обозъ, для передачи роднымъ на память.

Такова была картина на ловчинской дорогѣ, на мѣстѣ давно отсутствовавшихъ резервовъ, въ тылу незначительнаго отряда, потерпѣвшаго уже двѣ неудачныя атаки.

Но тѣмъ изумительнѣе покажется непоколебимое мужество этой горсти храбрецовъ, отважившихся на третій отчаянный приступъ.

Послѣ того какъ атака Ревельцевъ на редуги была отбита, а Суздальцы, Владимірцы и стрѣлки уже повалили изъ лощины назадъ отъ посыпавшагося на нихъ града пуль и картечи, генералъ Скобелевъ, не медля ни минуты, вывелъ изъ-за третьяго гребня высотъ послѣднія силы своего отряда—Либавцевъ и два стрѣлковыя батальона. Послѣ этого у него уже не оставалось въ частномъ резервѣ ни одного человѣка для прикрытія отступленія, въ случаѣ новой неудачи. У князя Имеретинскаго, въ главномъ резервѣ, какъ мы видѣли, тоже не было никакихъ войскъ. Шагъ этотъ покажется еще болѣе смѣлымъ въ виду того, что въ это время Скобелеву было уже извѣстно, что на сосѣдней позиціи, у Радицева, атака наша была также отбита. Не смотря на это, Скобелевъ рѣшился бросить впередъ весь свой послѣдній резервъ и всѣми введенными въ бой силами попытаться сломить упорство врага.

Подкрѣпивъ разстроенныхъ огнемъ Ревельцевъ двѣнадцатью свѣжими ротами Либавцевъ и 11-мъ и 12-мъ батальонами стрѣлковъ, Скобелевъ двинулъ эти части впередъ; затѣмъ поднялъ Владимірцевъ, Суздальцевъ, остатки Ревельцевъ и стрѣлковъ, кое-какъ собралъ ихъ подъ огнемъ въ кучки, и, ставъ самъ во главѣ всей этой толпы, съ обнаженной саблею, верхомъ на лошади, окруженный своимъ штабомъ, повелъ ихъ въ атаку на гору.

Это была отчаянная попытка!

Быстро повалила вся эта масса вверх по откосу, подъ страшнымъ ливнемъ пуль и картечи, и, добѣжавъ до первой линіи непріятельскихъ ложементовъ, бросилась на нихъ съ крикомъ „ура“ Турки не выдержали—и, оставивъ часть своихъ товарищей на мѣстѣ, бѣжали въ редуты.

Первый успѣхъ ободрилъ атакующихъ. Солдаты двинулись впередъ, выше, по направленію къ одному изъ двухъ редутовъ, расположенному лѣвѣе, на откосѣ горы. Солдаты приближались къ туркамъ, съ грозными криками „ура“, нестройными, но дружными толпами, имѣя впереди самого Скобелева, а рядомъ съ нимъ нарочно подобранныхъ—наиболѣе храбрыхъ и сильныхъ физически солдатъ. „Ура“ становилось все грознѣе. Выстрѣлы же турокъ, по мѣрѣ приближенія нашихъ, становились все менѣе вѣрными, пули начали летѣть уже вверхъ черезъ головы солдатъ, въ рядахъ непріятельскихъ замѣчалось какъ будто колебаніе... смущеніе. Еще одна минута—и Скобелевъ съ передней толпою храбрецовъ ворвался въ траншею. Очистивъ ее отъ турокъ штыками, отчаянные храбрецы бросились впередъ, къ редуту. Въ это мгновеніе сабля Скобелева была раздроблена гранатой пополамъ. Затѣмъ, минутой спустя, когда онъ готовился верхомъ на лошади перескочить ровъ, лошадь, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, повалилась на землю. По рядамъ солдатъ пронесся стонъ. Вся толпа замерла. Неизвѣстно, была ли лошадь убита или ранена, но сѣдокъ оказался невредимъ! Скобелевъ въ одинъ прыжокъ перескочилъ ровъ, и тогда вся масса, изумленная совершившимся чудомъ, съ восторженнымъ, оглушающимъ ревомъ „ура“, бросилась черезъ ровъ, черезъ самый валъ, и какъ ураганъ ворвалась въ редутъ. Защитники редута, быстрѣе чѣмъ это можно сказать, были переколоты штыками, а часть успѣла спастись бѣгствомъ. Тогда громкое, восторженное „ура“ возвѣстило, что редутъ взятъ и что еще одна изъ твердынь Плевны перешла въ руки русскихъ!

Это совершилось въ 4 часа 25 минутъ пополудни.

Обширный, съ огромнымъ валомъ редутъ, значительная линія траншеи, проведенной вправо къ другому редуту, и одно орудіе—были трофеями этой отчаянной атаки. Но за то какой цѣною былъ ку-

пленъ успѣхъ! Непродолжительная атака какихъ-нибудь трехъ-четырехъ сотенъ саженъ поверхности земли стоила намъ 3,000 человекъ, оставленныхъ на откосѣ горы, въ траншеяхъ и во рву, т. е. почти четвертой части всѣхъ солдатъ Скобелева. Но, во всякомъ случаѣ, лучше было вынести огромную потерю и достигнуть успѣха, нежели согласиться на половину этой потери и все-таки понести неудачу.

Впрочемъ, успѣхъ нашъ былъ еще далеко не обезпеченъ. Рядомъ съ занятымъ нами редутомъ, по правую его сторону стоялъ другой непріятельскій редутъ, оставшійся еще въ рукахъ турокъ; даже часть траншеи, соединяющей оба редута, была еще занята непріятелемъ, который открылъ отсюда, а равно и изъ своего редута убійственный огонь по уступленному намъ пункту. Какъ на бѣду, оставшіе во множествѣ на откосѣ горы солдаты, ища закрытія отъ огня, стали подтягиваться въ отбитый нами у непріятеля редутъ, какъ ближайшее къ намъ прикрытіе, и вскорѣ нѣсколько тысячъ человекъ разныхъ полковъ безъ всякой нужды заняли почти сплошной массой всю внутренность редута, наполнили траншеи и даже ровъ. За невозможностью укрыться всѣмъ за валомъ редута, многіе изъ подходившихъ солдатъ попадали прямо подъ выстрѣлы съ сосѣдняго турецкаго редута. Кромѣ того, занятый нами редутъ не имѣлъ вала со стороны третьяго непріятельскаго укрѣпленія—кришинскаго редута, стоявшаго по лѣвую сторону, и съ этого послѣдняго турки, какъ только убѣдились, что редутъ занятъ русскими, тотчасъ же открыли по немъ адскій огонь изъ орудій. Каждый снарядъ, попадавшій во внутренность редута, въ густую массу солдатъ, поражалъ десятки людей и окончательно разстроивалъ ихъ. Наконецъ, къ довершенію затрудненій, турки вышли массами изъ своего лагеря, расположеннаго за кришинскимъ редутомъ, и двинулись противъ нашего лѣваго фланга, вмѣстѣ съ другими массами турокъ, выступившими съ фронта. Тѣ и другіе открыли убійственный ружейный огонь по занятому нами редуту. На этотъ разъ впереди турецкой цѣпи виднѣлось нѣсколько фигуръ, рѣзко отличавшихся отъ турокъ и напоминавшихъ скорѣе англичанъ. Особенно выдѣлялся одинъ русый мужчина съ бѣлою шапкою на головѣ.

Положеніе становилось въ высшей степени критическимъ. Нужно было немедленно принять самыя рѣ-

Скобелев беретъ редуты 30-го августа.

пительныя мѣры. Дѣйствительно, капитану Куропаткину, все время неустрашимо распоряжавшемуся въ боевой линіи, удалось кое-какъ вывести изъ внутренней редута человекъ 200 — 300 и расположить ихъ цѣпью въ 200 шагахъ отъ редута, къ сторонѣ Кришина. Къ нимъ вскорѣ присоединилось еще нѣсколько кучекъ изъ оставшихъ солдатъ, — и всѣ они тотчасъ же открыли живой огонь по наступавшимъ на нашъ лѣвый флангъ туркамъ. Наконецъ, смѣлое занятіе нашими казаками деревни Кришино, на флангѣ у непріятеля, появленіе казаковъ близъ самаго кришинскаго редута и открытіе противъ него огня нашею конною батареею помогли окончательно отбить атаку турокъ, хотя и съ значительными потерями съ нашей стороны, вслѣдствіе открытаго положенія людей.

Между тѣмъ огонь съ сосѣдняго непріятельскаго редута, стоявшаго вправо отъ занятаго нами укрѣпленія, не прекращался и продолжалъ наносить страшныя потери. Кромѣ того, человекъ пятьдесятъ турокъ все-еще сидѣли въ соединительной траншеѣ, шагахъ во ста отъ занятаго редута, и также непрерывно осыпали насъ градомъ пуль. По угламъ обороняемаго нами редута лежали уже груды труповъ, у вала корчились десятки раненыхъ, кругомъ раздавались стоны и вопли. Не смотря на это, между защитниками редута выискалось человекъ сто охотниковъ, которые не задумываясь бросились впередъ, къ соединительной траншеѣ, подъ убійственнымъ огнемъ достигли турокъ, прогнали ихъ изъ траншеи, а частію перекололи на мѣстѣ. Увлеченные успѣхомъ, смѣльчаки двинулись впередъ, въ атаку на второй редутъ, даже не оглядываясь, слѣдуетъ ли за ними поддержка — а поддержки этой не было: — и изъ сотни храбрецовъ вернулось назадъ лишь двадцать-тридцать человекъ.

Положеніе наше сдѣлалось настолько затруднительнымъ, что генераль Скобелевъ нашелъ необходимымъ снова самому побывать на редутѣ, который онъ покинулъ-было передъ тѣмъ, въ надеждѣ на окончательный успѣхъ дѣла. Пересѣвъ на свѣжаго коня, Скобелевъ не задумываясь вѣхалъ въ укрѣпленіе верхомъ, такъ что голова его и грудь выдались надъ валами редута, обстрѣливаемого турками съ трехъ сторонъ, и спокойно принялся съ лошади осматривать окрестности.

— Ваше превосходительство, сойдите съ лошади! предупреждали его кругомъ офицеры.

— Благодарю васъ, господа, — было отвѣтомъ.

— Такъ опасно, ваше превосходительство, лучше пѣшкомъ...

— Спасибо, отвѣчалъ генераль, которому необходимо было внимательно ознакомиться съ мѣстностью.

Наконецъ рѣшено было во что бы то ни стало овладѣть вторымъ редутомъ. Но какъ это сдѣлать? При взятіи перваго редута, Скобелеву еще много помогло то обстоятельство, что тогда онъ имѣлъ возможность непрерывно подкрѣплять штурмовую колонну хотя маленькими, но свѣжими отрядами — способъ, къ которому прибѣгалъ Скобелевъ постоянно во всѣхъ атакахъ. Что же оставалось дѣлать теперь, когда свѣжихъ войскъ уже негдѣ было взять?! Позади были только оставшіе, голодные и уже порядочно изнуренные первой атакою солдаты, бродившіе кучками и въ одиночку по откосу, въ лощинѣ и по высотамъ. Тутъ были въ перемежку люди разныхъ полковъ, ротъ и даже взводовъ. Въ редутѣ находилась также не менѣе разнохарактерная толпа сильно изморившихся солдатъ. У князя Имеретинскаго, какъ мы это видѣли, также не было никакихъ резервовъ. Откуда же было взять свѣжихъ подкрѣпленій для атаки втораго редута?

Въ виду крайней необходимости овладѣть этимъ редутомъ, Скобелеву и его штабнымъ офицерамъ пришлось, за неимѣніемъ свѣжихъ войскъ, прибѣгнуть къ безпримѣрному въ военныхъ лѣтописяхъ способу — къ организациі подкрѣпленій изъ отсталыхъ и изморившихся солдатъ. Полковникъ генеральнаго штаба Шестаковъ и майоръ Владимірскаго полка Горталовъ стояли все время въ тылу отряда и вели усиленную дѣятельность: они останавливали всѣхъ утомившихся и выходившихъ изъ боя нижнихъ чиновъ, формировали ихъ въ особыя „сборныя“ команды и снова направляли въ огонь.

Къ 5-ти часамъ пополудни уже значительная колонна этихъ импровизированныхъ войскъ, около 8¹/₂ ротъ, спустилась съ „Зеленыхъ горъ“ и начала переходить ручей. Изъ нихъ меньшая часть направлена была на лѣвый флангъ, для прикрытія со стороны Кришина, въ занятый нами редутъ, а около

пяти сборных ротъ Либавцевъ и Суздальцевъ двинуты въ атаку съ фронта на второй турецкій редутъ. Въ то же самое время защитники перваго редута сдѣлали вылазку противъ праваго крыла этого укрѣпленія, и къ 5^{1/2} часамъ пополудни наши изморившіяся войска уже ворвались съ двухъ сторонъ во второй турецкій редутъ и заняли его.

Такимъ образомъ, послѣ отчаянныхъ усилій и страшныхъ потерь, оба редута были въ нашихъ рукахъ.

Теперь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать ихъ за собою. А дѣло это оказалось еще болѣе труднымъ, чѣмъ самое взятіе редутовъ. Надъ обоими занятыми нами укрѣпленіями командовалъ слѣва кришинскій редутъ; со стороны Плевны они подвергались огню турецкихъ стрѣлковъ, справа — открыты были огню со всѣхъ центральныхъ непріятельскихъ укрѣпленій, расположенныхъ противъ Радищева. Мало того, вся наша позиція, начиная съ занятыхъ редутовъ и до перваго гребня „Зеленыхъ горъ“ включительно, подвергалась ружейному огню турокъ съ трехъ сторонъ, такъ какъ мы клиномъ врѣзались въ непріятельскую позицію. Словомъ, положеніе наше послѣ занятія обоихъ редутовъ сдѣлалось невыносимымъ и, во всякомъ случаѣ, было таково, что не допускало ни малѣйшаго перерыва въ энергическихъ дѣйствіяхъ отряда, не смотря на страшное утомленіе солдатъ.

Командованіе надъ всѣми, собранными въ правомъ редутѣ войсками принялъ подполковникъ Суздальскаго полка Мосцовой, а надъ защитниками лѣваго редута вначалѣ командовалъ генераль-маіоръ Добровольскій, получившій, какъ мы уже видѣли, легкую рану въ руку еще до атаки. Вскорѣ этотъ храбрый генераль палъ одною изъ первыхъ жертвъ обороны редута. Турки, по отступленіи изъ втораго редута, не думали униматься и непрерывно продолжали осыпая насъ со всѣхъ сторонъ убійственнымъ огнемъ. Одною изъ первыхъ же пуль генераль Добровольскій былъ раненъ смертельно въ грудь. Тѣло тяжело раненаго генерала было вывезено съ поля сраженія, подъ огнемъ турокъ, въ его собственномъ экипажѣ; слѣдовавшемъ за нимъ всюду. Замѣчательно было предчувствіе Добровольскаго: когда его отличныя лошади и щегольской экипажъ появились въ первый разъ на позиціи лѣваго отряда, то, на

вопросъ нѣкоторыхъ изъ товарищей, генераль отвѣтилъ: „Это хорошо, что я взялъ свой экипажъ и своихъ лошадей; лазаретнымъ фурамъ и безъ того будетъ много работы — по крайней мѣрѣ теперь будетъ на чемъ вывезти съ поля мое тѣло“. Экипажъ этотъ слѣдовалъ за нимъ во все время сраженія и, дѣйствительно, вывезъ его тѣло изъ-подъ убійственнаго огня. На перевязочномъ пунктѣ генераль провелъ цѣлую ночь въ страшныхъ мученіяхъ и къ утру слѣдующаго дня скончался.

За выбитіемъ изъ лѣваго редута генерала Добровольскаго, начальство надъ этимъ укрѣпленіемъ еще засвѣтло принялъ командиръ Владимірскаго полка, генераль-маіоръ Тебякинъ, самымъ дѣятельнымъ помощникомъ котораго былъ все время маіоръ того же полка Горталовъ, сдѣлавшійся впоследствии душою защитниковъ лѣваго редута.

Наступила ночь. Стрѣльба со всѣхъ сторонъ не прекращалась, мѣстами утихая, мѣстами усиливаясь. Такъ какъ турки еще засвѣтло пытались нѣсколько разъ вытѣснить насъ изъ редутовъ, стараясь ударить преимущественно на открытое пространство къ сторонѣ Кришина, влѣво отъ редутовъ, гдѣ у насъ не было никакихъ закрытій, то солдаты наши, расположенные въ этомъ мѣстѣ, въ ожиданіи новаго нападенія, принялись съ наступившею темнотою дѣятельно окапываться ложементами... Устройство этихъ закрытій было весьма тяжелымъ дѣломъ для изморившихся солдатъ, тѣмъ болѣе что они не имѣли съ собою никакихъ шанцевыхъ инструментовъ. Однако, сознавая всю важность укрытія отъ огня въ подобномъ безвыходномъ положеніи, они усердно принялись копать землю — кто крышкою отъ манерки, кто штыкомъ или тесакомъ, а нѣкоторые загребали землю просто руками. Турецкіе шалаши, найденные въ редутахъ, были разобраны, и хворостъ изъ нихъ пошелъ на усиленіе насыпей передъ ложементами. Пласты дерна, которыми были выложены всѣ валы редутовъ, также пошли по рукамъ: изъ нихъ сложили кучки, въ видѣ закрытій со стороны непріятеля. И всю эту работу приходилось выполнять при ужасающихъ обстоятельствахъ: непріятель непрерывно стрѣлялъ по всей занятой нами позиціи. Къ тому же ночь была совершенно темная — хоть глазъ выколи. Густой туманъ еще болѣе увеличивалъ мглу и, вдобавокъ,

лилъ поврежденъ сильный дождь. Сверхъ того, каждую минуту можно было еще опасаться неожиданнаго нападенія со стороны непріятеля.

И дѣйствительно, часовъ въ 10 ночи, едва наши приступили къ работѣ, какъ турки, собравшись въ значительныхъ массахъ, уже бросились на утомленныхъ боемъ молодцовъ. Турки, конечно, не могли видѣть ихъ за темнотою и стрѣляли вверхъ. Предувѣдомленные объ атакѣ криками турокъ и звуками пальбы, наши встрѣтили непріятеля дружнымъ огнемъ, направляя его по крикамъ атакующихъ и по огонькамъ выстрѣловъ. Турки, убѣдившись, что русскіе не дремлютъ, сейчасъ же отошли, но затѣмъ еще нѣсколько разъ повторяли безумную попытку — атаковать насъ среди непроглядной тьмы, и каждый разъ, разумѣется, безъ успѣха. Послѣ одной изъ отбитыхъ атакъ наши, прекративъ стрѣльбу, ясно слышали, какъ влѣво отъ нихъ, къ сторонѣ турецкаго лагеря продолжалась ожесточенная перестрѣлка. Послѣ объясни-

лось, что это турецкіе резервы, принявъ своихъ отступающихъ за русскихъ, открыли по нимъ яростную пальбу.

Пока наши защитники редутовъ отбивались съ величайшими усиліями отъ ночныхъ атакъ непріятеля съ фронта, на нашихъ флангахъ турки тѣмъ временемъ производили еще болѣе опасныя попытки зайти въ тылъ нашимъ войскамъ, защищавшимъ редуты. Все пространство позади занятыхъ нами редутовъ, вплоть до втораго гребня вы-

III выш.

сотъ, на протяженіи около двухъ верстъ, съ наступленіемъ ночи никѣмъ не защищалось и покрыто было лишь трупами убитыхъ и еще неубранными ранеными. Непріятель, пользуясь ночною темнотою, могъ безъ всякой задержки съ нашей стороны проникнуть въ этотъ промежутокъ съ двухъ сторонъ: слѣва — изъ Кришина, а справа — изъ своего укрѣпленнаго лагеря противъ Радицева, — и такимъ образомъ окончательно отрѣзать нашихъ защитниковъ редутовъ отъ остальныхъ русскихъ позицій. Созна-

вая всю опасность оставленія безъ прикрытія этого пространства, Скобелевъ самъ расположился здѣсь на ночь и, пользуясь темнотою, принялъ энергическія мѣры къ сокрытію отъ непріятеля нашей слабости въ этомъ пунктѣ. Всю ночь, онъ при помощи своихъ штабныхъ офицеровъ, собиралъ здѣсь солдатъ, кѣторые шли во множествѣ, въ одиночку, частью съ редутовъ, за неимѣніемъ мѣста въ траншеяхъ, частью на редуты, съ тыла, отыскивая свои части и своихъ командировъ. Изъ всѣхъ

этихъ отсталыхъ и частью изморившихся солдатъ тотчасъ же формировались, не разбирая полковъ, сборные роты и взводы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ усилій, Скобелеву удалось, такимъ образомъ, составить сборный батальонъ численностью до 1,000 человекъ нижнихъ чиновъ, при нѣсколькихъ офицерахъ, и, кромѣ того, притянуть къ себѣ со втораго гребня „Зеленыхъ горъ“, отъ князя Имеретинскаго, неполный батальонъ Эстляндцевъ и небольшую часть казаковъ (одна сотня Владикавказскаго полка и два

9

Генераль-Маіоръ Добровольскій.

взвода 34-го Донского полка), и всеми этими войсками, хотя, конечно; и крайне слабо, заполнить пространство позади редутовъ.

Но пока все это происходило, турки уже начали наступать на насъ съ обоихъ фланговъ, съ явнымъ намѣреніемъ проникнуть въ пространство позади редутовъ. То на лѣвомъ флангѣ, со стороны Кришина, слышались крики „Алла“ и выстрѣлы; то на правомъ флангѣ, со стороны тученицкаго оврага, вдругъ раздадутся по насъ правильные залпы; то начнется усиленная стрѣльба на обоихъ флангахъ разомъ. Турки, очевидно, поняли нашу растянutosть и теперь смѣли воспользоваться ею. Такимъ образомъ, нашимъ приходилось въ одно и то же время и собирать поодиночкѣ солдатъ, и отбиваться съ помощью ихъ отъ натиска турокъ. Едва успѣютъ выставить цѣпь въ одну сторону, какъ раздаются уже выстрѣлы съ противоположнаго фланга; лишь только этотъ флангъ прикроютъ горстью солдатъ, какъ требуется уже подкрѣпленіе къ прежде выставленной цѣпи. Къ счастью нашему, сборныя команды каждый разъ выходили на позицію во-время и огнемъ своимъ успѣвали предупреждать турокъ; но вслѣдствіе крайняго недостатка въ войскахъ, приходилось, разумѣется, пользоваться ими въ высшей степени экономно. Вначалѣ ограничились выставленіемъ въ цѣпь на оба фланга, имѣвшіе протяженіе каждый около полуторы версты, по одной ротѣ Эстляндцевъ. Выслать къ нимъ подкрѣпленіе изъ какихъ нибудь двухъ взводовъ тоже стоило большихъ хлопотъ: приходилось еще сперва набирать эти два взвода изъ случайно проходившихъ одиночныхъ людей. Когда же, наконецъ, Скобелеву удалось, сверхъ маленькаго резерва, имѣть въ своихъ рукахъ еще свободными человекъ 50 или 60 изъ сотни Владикавказскаго полка, то онъ считалъ уже положеніе свое обезпеченнымъ и съ помощью ихъ намѣревался даже самъ перейти въ наступленіе въ случаѣ ночной атаки турокъ. Иначе, конечно, и быть не могло, когда войска наши считались въ этомъ пунктѣ не полками и даже не батальонами, а самое большее— „ротами“ и одиночными людьми. Лучшимъ нашимъ союзникомъ въ этомъ случаѣ была ночь. Турки, за темнотою, не могли опредѣлить дѣйствительной численности нашего отряда и, наткнувшись на огонь рѣдкой цѣпи, не

знали, съ какою именно силою приходится имъ имѣть дѣло, а потому сейчасъ же приостанавливали наступленіе, не прекращая, впрочемъ, ружейной стрѣльбы.

Тѣмъ не менѣе, положеніе нашихъ солдатъ было въ высшей степени тяжелое. Во все время сбора командъ по насъ непрерывно стрѣляли и спереди, и справа, и слѣва.

Помимо обстрѣла позиціи съ трехъ сторонъ, солдатъ донималъ еще также пронизывающій насъ сквозъ холодъ и дождь, лившій по временамъ какъ изъ ведра. Тягость положенія людей, расположенныхъ въ тылу редутовъ, увеличивалась еще стопами раненыхъ, вползавшихъ на „Зеленыя горы“ со всѣхъ сторонъ и требовавшихъ немедленной помощи санитаровъ. Все это, разумѣется, не могло не вліять на нравственный духъ солдатъ. Къ тому же обстоятельства вынуждали ихъ бодрствовать черезъ силу. Близость непріятеля и открытость мѣста заставляли насъ каждую минуту быть готовыми къ рѣшительному бою. Между тѣмъ солдаты были такъ утомлены и изнурены голодомъ, что едва держались на ногахъ и тотчасъ же засыпали, какъ только ставили ихъ на мѣсто. Поэтому Скобелеву пришлось всю ночь ходить по рядамъ, будить солдатъ, поднимать на ноги, равнять, дѣлать расчетъ и посылать сильныя патрули для охраненія спавшихъ крѣпкимъ сномъ... На обязанности тѣхъ же солдатъ лежала еще доставка патроновъ защитникамъ редутовъ, давно уже израсходовавшимъ всѣ забранные съ собою заряды. Съ этой цѣлю формировались изъ оставшихъ солдатъ особныя команды, которыя и переносили всю ночь патроны въ редуты; имъ помогали, кромѣ того, верховые казаки, перевоза патроны въ торбахъ. Дѣло это вообще было тоже не легкое. Вслѣдствіе разности оружія, которымъ были снабжены стрѣлки и линейныя роты (бердановскія ружья и Кривка), патроны часто попадали не въ тѣ части, для которыхъ были предназначены. Приходилось долго втолковывать казакамъ и до крайности утомившимся солдатамъ различіе между ящиками стрѣлковыми и линейными, чтобы они не перепутали ихъ въ пылу боя, при неизбѣжной скученности въ тылу, да еще ночью. Не смотря на все это, защитники редутовъ, благодаря общимъ усиліямъ начальниковъ и солдатъ, были снабжены во-время достаточнымъ для продолженія боя количествомъ патроновъ.

Къ разсвѣту турки наконецъ убѣдились, что пространство позади редутовъ занято нашими войсками, и потому окончательно приостановились, ограничиваясь лишь слабою перестрѣлкою, совершенно безвредною для насъ влѣдствіе прикрыавшей насъ темноты. Скобелевъ воспользовался этою приостановкою наступленія турокъ и немедленно оттянулъ съ редутовъ еще нѣсколько сотъ солдатъ разныхъ частей, напрасно толкавшихся тамъ безъ закрытія, и расположилъ ихъ также на позиціи позади редутовъ, такъ что къ утру тылъ этихъ укрѣпленій былъ почти обезпеченъ. Самые редуты въ теченіи ночи также были защищены со стороны Кришина надежными ложементами, и, кромѣ того, всѣ траншеи и рвы редутовъ были тщательно приспособлены къ оборонѣ устройствомъ въ нихъ помѣщенныхъ для стрѣлковъ.

Такимъ образомъ, грозная ночь на 31 августа миновала насъ благополучно и, по-видимому, обезпечила за нами успѣхъ, добытый въ теченіи дня потерею столькихъ жертвъ.

На остальныхъ нашихъ позиціяхъ вокругъ Плевны ночь съ 30-го на 31-е августа, по окончаніи всѣхъ атакъ на непріятельскія укрѣпленія, хотя и прошла безъ особенныхъ тревогъ, исключая Гривицкаго редута, но вездѣ была для насъ не менѣе ужасна, чѣмъ и на скобелевской позиціи. Потери наши при всѣхъ атакахъ были такъ громадны, какъ никто не ожидалъ. Въ теченіи ночи раненыхъ приносили на перевязочные пункты въ одиночку, десятками, сотнями, тысячами, а все еще не было конца. Скоро всѣ походные лазареты переполнились ранеными, которыхъ пришлось, наконецъ, складывать близъ палатокъ, на грязной землѣ, едва прикрытой соломой... Между тѣмъ ночь была холодная, а тутъ еще дождь хлесталъ чуть не ливнемъ. Хорошо еще, если на раненомъ была шинель или сюртукъ, а другой оставилъ на полѣ сраженія послѣднюю сорочку и теперь лежалъ безъ всякаго покрывала подъ открытымъ небомъ. Къ довершенію страданій несчастныхъ, нѣкоторые изъ нихъ, пролежавъ на полѣ сраженія два или три небезубранными, еще со времени бомбардированія, ничего за все это время не пили и не ѣли. Положеніе было дѣйствительно ужасное. Доктора и санитары измучились въ конецъ. Вотъ кругомъ больныхъ

докторъ ходитъ съ фонаремъ, какъ шальной шатаея изъ стороны въ сторону по непролазной грязи, не зная за что приняться. Одинъ раненый скрежещетъ зубами, другаго бьетъ лихорадка и онъ съ силою стискиваетъ челюсти. Кругомъ пронизывающіе душу стоны и крики отъ боли, холода и голода. Одинъ кричитъ: „Дайте хоть кусочекъ хлѣба, я три дня ничего не ѣлъ“! другой:— „Одѣньте меня, я лежу совсѣмъ безъ сорочки“! третій:— „Выньте пулю, она меня измучила“; четвертый— „У меня кровь течетъ“; пятый: „Несите пить скорѣе“ Въ одномъ концѣ слышится просьба убрать скорѣе трупъ товарища, который только что скончался на глазахъ всѣхъ въ страшныхъ мученіяхъ. Въ другомъ концѣ слышится молитва о ниспосланіи скорѣйшей смерти; въ третьемъ—всхлипыванія и рыданія. Но всего ужаснѣе была та мысль, что многіе изъ нашихъ раненыхъ оставались необранными подлѣ самыхъ турецкихъ редутовъ, на которые производились днемъ неудачныя атаки. Иногда можно было слышать доносившіеся оттуда голоса, какъ-бы зовущіе о помощи.

И, среди всѣхъ этихъ ужасовъ, наши голодные и изнуренные боемъ солдаты находили еще въ себѣ настолько мужества и храбрости, что съ успѣхомъ отбивали всѣ ночныя атаки турокъ на занятые нами Гривицкій и южныя редуты.

Наступило утро 31-го августа. Погода какъ-бы начинала проясняться; день обѣщалъ быть яснымъ и жаркимъ; лѣто, казалось, снова вернулось послѣ мимолетнаго посѣщенія осени, такъ сурово напомнившей о себѣ наканунѣ. вмѣстѣ съ появленіемъ солнечныхъ лучей повеселѣли и наши солдаты; но, послѣ неимовѣрнаго утомленія предъидущимъ кровавымъ боемъ, мы не могли уже съ своей стороны предпринять новыхъ атакъ на турецкія укрѣпленія: все ограничилось только усиленнымъ бомбардированіемъ непріятельскихъ позицій. Опять раздался вокругъ Плевны и со вновь занятыхъ нами редутовъ ревъ орудій и свистъ гранатъ. Бомбы полетѣли не только въ непріятельскія укрѣпленія, но и въ самый городъ Плевну. Вскорѣ произошло нѣсколько взрывовъ въ турецкихъ редутахъ и даже въ плевненской церкви, обращенной турками въ складъ пороха и снарядовъ. Непритель, съ своей стороны, слабо отвѣчалъ на нашъ огонь и лишь съ особеннымъ усер-

діємъ обстрілювалъ занятый нами Гривицкій редутъ. Но взамѣнъ этого турки, пользуясь относительнымъ спокойствіемъ на всѣхъ нашихъ позиціяхъ и убѣдившись за ночь въ невозможности возвратить Гривицкій редутъ, налегли теперь, подъ громъ русскихъ орудій, всѣми своими силами на нашъ лѣвый флангъ—на скобелевскіе редуты, съ явнымъ намѣреніемъ во что бы то ни стало отбить ихъ обратнo.

Скобелевъ это предвидѣлъ. Еще наканунѣ, тотчасъ по взятіи редутовъ, онъ настоятельно просилъ у начальника штаба плевненской арміи, генерала Зотова, подкрѣпленій своимъ утомленнымъ войскамъ, выражая при этомъ полную увѣренность, что съ помощью этихъ подкрѣпленій его молодцы выполнятъ свою главную задачу—возьмутъ непріятельскій лагерь и проникнутъ въ Плевну, и такимъ образомъ рѣшатъ участь сраженія. Ночью, когда положеніе защитниковъ двухъ редутовъ сдѣлалось невыносимымъ, Скобелевъ возобновилъ просьбу о подкрѣпленіяхъ. Утромъ онъ, наконецъ, получилъ отъ начальника штаба, генерала Зотова, записку слѣдующаго содержанія: „По приказанію главнокомандующаго, предписываю вамъ (князю Имеретинскому) и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занимаемыхъ позиціяхъ впредь до особаго приказанія. Подкрѣпленій не ждите: ихъ у меня нѣтъ. Ожидаю точныхъ извѣстій о потеряхъ 30 августа. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ“

Потерявъ надежду получить подкрѣпленія, Скобелевъ рассчитывалъ по крайней мѣрѣ на то, что можетъ быть, хоть 4-й корпусъ генерала Крылова начнетъ снова наступленіе у Радищева и тѣмъ отвлечетъ часть непріятельскихъ силъ отъ занятыхъ нами южныхъ редутовъ. Поэтому генералъ Скобелевъ съ надеждою поглядывалъ на массы грозно расположившихся войскъ Крылова по ту сторону тученицкаго оврага, на Радищевскихъ высотахъ. Въ виду такого предположенія, генералъ Скобелевъ еще ночью принималъ на своемъ правомъ флангѣ всевозможныя мѣры, чтобы не только обезпечить съ этой стороны положеніе своихъ молодцовъ, но и облегчить предполагаемое наступленіе войскамъ 4-го корпуса, въ возможность котораго онъ не переставалъ вѣрить. Духъ войскъ собственно лѣваго отряда, не смотря на всю тягость ихъ положенія и на

страшныя потери, понесенныя наканунѣ, былъ такъ хорошъ, что Скобелевъ даже и безъ подкрѣпленій не считалъ сраженія потеряннымъ, а при энергичномъ участіи войскъ генерала Крылова не сомнѣвался даже вырвать у турокъ окончательную побѣду.

Таково было положеніе дѣлъ, когда турки, въ 6 часовъ утра 31 августа, внезапно открыли по всей скобелевской позиціи продольный огонь картечными гранатами, слѣва—съ кришинскаго редута, и справа—съ укрѣпленій, расположенныхъ противъ Радищева, и яростный бой снова закипѣлъ вокругъ занятыхъ нами южныхъ редутовъ. Скобелевъ въ это время завтракалъ съ капитаномъ Куропаткинымъ, сидя на открытой площадкѣ одного изъ гребней „Зеленыхъ горъ“, въ виду нашихъ и турецкихъ редутовъ. Гранаты такъ и сыпались кругомъ, съ оглушительнымъ трескомъ разрываясь на кусочки. „Посмотрите, какіе герои сидятъ у меня въ реду-тѣ, — сказалъ Скобелевъ подошедшему къ нимъ корреспонденту, указывая на обращенный къ сторонѣ Кришина лѣвой редутъ; при этомъ на глазахъ генерала навернулись слезы... „Это люди, — проговорилъ онъ, — достойные всякой награды... герои въ истинномъ значеніи этого слова“ Дѣйствительно, наши доблестные защитники редутовъ, утомленные, голодные и еще съ вечера окруженные горами убитыхъ и раненыхъ, провели съ величайшими усиліями и терпѣніемъ цѣлую ночь безъ сна и теперь, утромъ, съ первыхъ же выстрѣловъ непріятеля, начали вновь нести значительныя потери, по прежнему не падая духомъ.

Генералъ Скобелевъ тотчасъ отправилъ на лѣвый редутъ четыре орудія 2-ой батареи 2-ой артиллерійской бригады, чтобы съ помощью ихъ отвѣчать хотя на выстрѣлы съ кришинскаго редута. Орудія вызвался провезти въ редутъ капитанъ той батареи Васильевъ, уже раненый, но оставшійся въ строю. Подъ градомъ пуль и картечи со всѣхъ непріятельскихъ укрѣпленій, орудія молодецки поднялись на откосъ и, ввѣхавъ въ редутъ, стали на позицію къ сторонѣ Кришина и тотчасъ же открыли огонь. Появленіе нашихъ орудій въ реду-тѣ изумленные солдаты встрѣтили съ восторгомъ, выразивъ свою радость громкими криками „ура“

Русскія пушки, дѣйствительно, подошли весьма

кстати. Слева, со стороны кришинскаго лагеря, начали уже показываться сперва густыя цѣпи, а потомъ длинныя и пестрыя вереницы турецкихъ колоннъ, направлявшихся, очевидно, къ лѣвому нашему редуту. Войско, высланное Османомъ-пашою для поправленія понесенной имъ здѣсь наканунѣ неудачи, опредѣляютъ въ 15,000. Генераль Скобелевъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи менѣе половины этого числа, и то въ разныхъ пунктахъ своей позиціи.

Однако нашимъ съ перваго же разу повезло. Защитники лѣваго редута встрѣтили наступающаго непріятеля ружейнымъ огнемъ, а четыре орудія капитана Васильева осыпали турокъ градомъ картечныхъ гранатъ. Турки, не дойдя саженъ полутораста до нашего редута и понеся значительныя потери, приостановились и вслѣдъ затѣмъ начали отступать... Сотня нашихъ смѣльчаковъ съ нѣсколькими офицерами тотчасъ же выскочили изъ ложементовъ и бросились на турокъ съ такою стремительностью, что внесли смятеніе въ передніе ряды непріятеля. Встрѣченные однако, въ свою очередь, убійственнымъ огнемъ со стороны турецкихъ резервовъ, наши принуждены были возвратиться; турки же, отойдя шаговъ на тысячу отъ нашихъ ложементовъ, остановились, залегли густою цѣпью и продолжали съ этого разстоянія осыпать насъ убійственными выстрѣлами. При этомъ турецкіе офицеры нѣсколько разъ пробовали поднимать своихъ людей и вести впередъ, но безуспѣшно.

Атака, однако, повторилась около 8 часовъ утра, когда къ туркамъ подошли многочисленныя свѣжія войска. Скобелевъ сейчасъ же выдвинулъ на помощь защитникамъ лѣваго редута густую стрѣлковую цѣпь съ третьяго гребня „Зеленыхъ горъ“, расположивъ ее въ лоцинѣ, въ покинутыхъ непріятелемъ палашахъ, влѣво отъ редута; кромѣ того, онъ поставилъ противъ того же мѣста, на третьемъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“, восемь орудій 5-ой батареи 3-ей артиллерійской бригады. Не смотря на открывшійся съ лѣваго редута и съ третьяго гребня „Зеленыхъ горъ“ перекрестный ружейный и артиллерійскій огонь, турки храбро подавались впередъ; но, подойдя къ ложементамъ шаговъ на 200, не выдержали, остановились, легли и продолжали яростную стрѣльбу по редуту. Затѣмъ не-

пріятель, поражаемый во флангъ нашимъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, сталъ снова отходить назадъ.

Въ это же самое время защитники праваго редута выдержали жестокой бой съ непріятельскими стрѣлками, вышедшими изъ окраинъ города Плевны съ намѣреніемъ пробраться лощиною за линію редутовъ, въ обходъ нашего праваго фланга. Но защитники праваго редута принудили и этихъ стрѣлковъ къ отступленію.

Такимъ образомъ, уже вторая по счету атака была отбита.

Въ это время, около 10¹/₂ часовъ утра, генераль Скобелевъ получилъ отъ начальника штаба, генерала Зотова, новую записку, слѣдующаго содержанія: „По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните, но, по возможности, отнюдь не ранѣе вечера, медленное отступленіе къ Тученицѣ, прикрываясь конницею Леонтьева. Сообщите это приказаніе Его Императорскаго Высочества князю Имеретинскому. Держите все это въ великомъ секретѣ, а въ томъ, что вы сдумаете и поймете сдѣлать должно, сомнѣнія нѣтъ. Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ чѣмъ, а потому рѣшено медленное отступленіе“

Генераль Скобелевъ, прочитавъ эту записку, взглянулъ направо, по направленію къ Радищеву: тамъ все-еще стояли неподвижно войска генерала Крылова; надежда на какой-нибудь благопріятный случай не покидала Скобелева.

Едва онъ успѣлъ прочитать упомянутую записку, какъ турки, получивъ новыя подкрѣпленія изъ своего кришинскаго лагеря и изъ Плевны, начали вновь энергическую атаку на нашъ лѣвый редутъ и съ фронта, и съ лѣваго фланга. Передъ этимъ они выставили противъ третьяго гребня „Зеленыхъ горъ“ густую цѣпь стрѣлковъ, и сильнымъ ружейнымъ огнемъ принудили стоявшія здѣсь наши 8 орудій сняться съ позиціи послѣ значительныхъ потерь въ прислугѣ и лошадяхъ. Теперь туркамъ открывался свободный доступъ къ лѣвому редуту. Наши сперва держались въ редутѣ крѣпко; но вскорѣ около 20 турецкихъ полевыхъ орудій выдвинулись впередъ и начали осыпать редутъ картечными

гранатами, уничтожая заразъ десятки храбрцевъ. Турецкая пѣхота также пододвинулась впередъ и открыла ружейный огонь по тому же злополучному редуту. Только тутъ поколебалось мужество солдатъ, не спавшихъ, не ѣвшихъ и не выходившихъ изъ огня уже болѣе сутокъ. Солдаты начали оставлять редутъ сперва поодиночкѣ, а затѣмъ и цѣлыми партіями. Защитники праваго редута, увидя отступление нашихъ изъ сосѣдняго укрѣпленія, начали также очищать и свой правый редутъ. Запѣвательство продолжалось, впрочемъ, не болѣе одной минуты. Стоило только самому Скобелеву подѣлаться къ отступавшимъ, изнуреннымъ и окровавленнымъ остаткамъ славныхъ полковъ и лично напомнить имъ объ ихъ долгѣ, — какъ всѣ они тотчасъ же опять бодро повернули кругомъ и молодецки заняли свои мѣста въ обоихъ редутахъ и въ траншеяхъ, живо переколовъ немногихъ турецкихъ смѣльчаковъ, уже усиѣвшихъ-было занять редуты. Все сказанное произошло такъ быстро, что непріятель не успѣлъ воспользоваться счастливымъ для него моментомъ; онъ только усилилъ до крайности и безъ того уже убійственный огонь. Тѣмъ не менѣе, и третья атака турокъ была отбита!

Хорошо было бы теперь смѣнить измученныхъ, голодныхъ и еле-державшихся на ногахъ солдатъ свѣжими войсками; но, за неимѣніемъ таковыхъ, Скобелеву пришлось опять набрать нѣсколько сборныхъ командъ изъ тѣхъ же изморившихся и отставшихъ солдатъ и часть ихъ послать снова въ редуты, на подкрѣпленіе защитниковъ, а часть — на правый флангъ къ тученицкому оврагу, гдѣ эти герои успѣли-таки выбить огнемъ засѣвшаго-было въ самомъ оврагѣ непріятеля и принудили его отступить въ Плевну. Такимъ образомъ и нашъ правый флангъ былъ на нѣкоторое время обезпеченъ.

Между тѣмъ положеніе нашихъ защитниковъ редутовъ становилось съ каждымъ часомъ все ужаснѣе... Къ часу пополудни, изъ четырехъ орудій, поставленныхъ въ лѣвомъ редутѣ, два были уже подбиты и отвезены назадъ; командиръ этихъ, орудій, капитанъ Васильевъ былъ тяжело раненъ; при двухъ оставшихся орудіяхъ большая часть прислуги и лошадей были тоже перебиты... Подполковникъ Рушковскій вызвался привезти въ редутъ еще

три орудія взамѣнъ выбывшихъ. Потерявъ по дорогѣ, отъ сосредоточеннаго по немъ непріятельскаго огня, значительную часть людей и лошадей, Рушковскій попалъ и въ самомъ редутѣ подъ перекрестный огонь съ фронта съ кришинскаго редута, и съ тыла — съ турецкихъ укрѣпленій противъ Радищева, и при этомъ лишился большей части остальныхъ людей и лошадей... Сверхъ того, одна непріятельская граната попала въ зарядный ящикъ, стоявшій въ редутѣ, и произвела страшный взрывъ, которымъ были перебиты ѣздовые, всѣ ящичныя лошади и значительное число солдатъ; одного офицера разорвало буквально на части; капитана Куропаткина, стоявшаго рядомъ, подбросило кверху, опалило голову и сильно контузило. Впрочемъ, Куропаткинъ, нисколько не смущаясь этимъ ужаснымъ случаемъ, въ тотъ же самый мигъ спокойно скомандовалъ обычное: „первое — пли!“ Генералъ Тебякинъ, слушавшій въ этотъ моментъ приказанія Скобелева, также былъ тяжело раненъ. Одинъ Скобелевъ, захватившій на минуту въ редутъ, остался цѣль и невредимъ. Можно было удивляться счастливой звѣздѣ этого генерала. Вкругъ него люди валились какъ снопы, — онъ одинъ стоялъ невредимъ. Нѣсколько офицеровъ изъ его штаба были убиты или ранены; изъ конвоя генерала, постоянно сопровождавшаго его, уцѣлѣло уже всего два казака; подъ нимъ самимъ было уже убито нѣсколько лошадей; даже малenkій киргизъ, повсюду сопровождавшій своего господина, былъ наконецъ тяжело раненъ... Одинъ Скобелевъ оставался цѣль. Жизнь его какъ будто была заколдована. Солдаты и офицеры относились къ нему просто съ удивленіемъ, не потому, что онъ спокойно смотрѣлъ въ глаза смерти — это дѣлалъ и каждый изъ нихъ — а вслѣдствіе необыкновеннаго счастья его подъ градомъ турецкихъ снарядовъ. Солдаты, въ простотѣ души, вѣрили даже, что Скобелевъ заговоренъ отъ непріятельскихъ пуль; иные прибавляли, что „еще въ Туркестанѣ его кто-то заговорилъ отъ пули“; а болѣе рѣшительные изъ солдатъ увѣрили, что „Скобелевъ купилъ „слово“ въ Персіи за 5 тысячъ рублей“ Послѣ этого будетъ понятно, что когда генералъ Скобелевъ раза три или четыре въ теченіи дня посѣщалъ редуты, съ цѣлю воодушевить своихъ солдатъ, то солдаты эти

каждый раз неизменно отвѣчали ему тѣми же криками воодушевленія, межъ тѣмъ какъ число ихъ уменьшалось сотнями...

Къ двумъ часамъ пополудни, благодаря энергическимъ распоряженіямъ князя Имеретинскаго, Скобелевъ наконецъ получилъ въ подкрѣпленіе еще нѣсколько сборныхъ командъ изъ своихъ же собственныхъ солдатъ и, кромѣ того, ему самому удалось собрать одну сборную роту. Едва онъ успѣлъ подкрѣпить этими войсками редуты и свой лѣвый флангъ на третьемъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“, какъ на эти самыя горы вновь двинулись со стороны Кришина значительныя массы непріятеля.

Скобелевъ еще раньше замѣтилъ какіе-то сборы турокъ около траншей кришинскаго редута, и теперь онъ увидѣлъ, что войска эти направляются на нашъ лѣвый флангъ—въ тылъ защитникамъ редутовъ. Сдѣлавъ все необходимыя распоряженія, Скобелевъ спо-

койно ждалъ атаки, которая и не замедлила начаться...

Непріятель быстро подвигался впередъ, не тревожимый нами до разстоянія 500—600 шаговъ; но затѣмъ скрытно расположенныя впереди стрѣлковыя цѣпи неожиданно встрѣтили турокъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ и еще болѣе неожиданно осыпали ихъ картечью наши, также скрытно поставленныя, четыре орудія... Турки, приостановившись,

залегли цѣпью и открыли по насъ частую стрѣльбу... Но, поражаемый огнемъ четырехъ орудій, непріятель наконецъ принужденъ былъ отступить, причинивъ намъ однако значительныя потери ожесточеннымъ огнемъ, продолжавшимся около $\frac{3}{4}$ часа... Нѣсколько новыхъ попытокъ непріятеля перейти здѣсь въ наступленіе кончилось тоже неудачно, — и наши могли теперь радоваться, что отбили, по счету, четвертую атаку!

Капитанъ Куропаткинъ.

Послѣ этого огонь непріятельскій, какъ ружейный, такъ и пушечный, почти совсѣмъ затихъ.

Но эта относительная тишина не радовала Скобелева... Зная, что на другихъ нашихъ позиціяхъ вокругъ Плевны войска наши бездѣйствовали, не трудно было предвидѣть, что Османъ-паша соберетъ все свои силы на южныя позиціи, гдѣ, при дальнѣйшемъ развитіи нашего успѣха, грозило ему полное пораженіе.

Предчувствуя приближеніе зловѣщихъ тучъ, со-

бравшихся надъ защитниками редутовъ, Скобелевъ еще разъ отправился самъ на редуты, чтобы лично ознакомиться съ замыслами непріятеля.

Было уже около 3 $\frac{1}{2}$ часовъ пополудни. Редуты въ это время представляли страшную картину. Убитые вчера и сегодня и умирающіе грудями лежали на площадкѣ передъ редутами; вновь прибывшимъ на редуты солдатамъ приходилось протѣснаться или шагать черезъ трупы своихъ товарищей и

враговъ, такъ какъ и турки и русскіе лежали здѣсь рядомъ, случайно соединенные отчаянною борьбою... Массы труповъ наполняли въ особенности внутренность редутовъ. Груды тѣлъ лежали тутъ другъ на другѣ; а въ правомъ редутѣ даже часть вала, обращеннаго къ сторонѣ города, была сложена изъ однихъ труповъ, и турецкія гранаты не щадили этихъ мертвецовъ... Нужно было видѣть ту обстановку, среди которой находились наши защитники редутовъ, чтобы понять то состояніе духа, до котораго они доходили... Вотъ граната ударяетъ въ группу солдатъ. Нѣсколько человекъ обезображенныхъ падаютъ замертво, не издавая никакого звука. Мозги одного солдата обрызгиваютъ другого, у котораго осколкомъ раздробило руку и обезобразило лицо... Блѣдный, скрывая страшную боль, поднимается этотъ несчастный на ноги, перекрестившись страхиваетъ съ себя мозги товарища и молча удаляется на перевязочный пунктъ...

Даже въ глубокой траншеѣ, соединяющей оба редута, продольные выстрѣлы непріятеля клали людей сразу десятками, и груды труповъ, наполнявшихъ эту траншею, чередовались съ еще живыми ея защитниками...

На лѣвомъ редутѣ три орудія подполковника Рущковскаго были уже окончательно исковерканы и совсѣмъ лишены прислуги и лошадей... Два прежнія орудія тоже лишились всей прислуги, и Скобелевъ приказалъ увезти ихъ изъ редута. Захваченное нами наканунѣ турецкое орудіе въ редутѣ было также теперь подбито, и Скобелевъ велѣлъ тотчасъ же вынуть изъ него кольца на случай, если бы оно снова попало въ руки турокъ.

Посѣщая редуты, генераль Скобелевъ горячо, отъ имени Главнокомандующаго, благодарилъ храбрыхъ защитниковъ редутовъ: маіора Горталова, давшаго честное слово не оставлять лѣваго редута; подполковника Мосцегова, командовавшаго правымъ редутомъ, и труженниковъ солдатъ за ихъ геройскую стойкость...

Съ нашего праваго редута Скобелевъ могъ теперь видѣть уже простымъ глазомъ, какія приготовленія идутъ въ турецкомъ лагерѣ за городомъ Плевною. Туда стекались подкрѣпленія со всѣхъ турецкихъ позицій вокругъ Плевны; даже войска кришинскаго редута, послѣ всѣхъ неудачныхъ атакъ на нашъ лѣ-

вый флангъ, потянулись теперь ложиною къ плененскому лагерю на соединеніе съ прочими турецкими войсками.

Въ 2¹/₂ часа пополудни Скобелевъ получилъ извѣстіе о прибытіи къ нему подкрѣпленія изъ одного Шуйскаго пѣхотнаго полка, присланнаго генераломъ Крыловымъ, кажется, на собственный свой страхъ. Подкрѣпленіе это состояло всего изъ 1,300 человекъ, которыхъ нерасчетливо было ввести тотчасъ же въ бой. Поэтому Скобелевъ расположилъ Шуйцевъ въ резервѣ. Защитниковъ же редутовъ, утомленныхъ 30-ти-часовымъ непрерывнымъ боемъ, Скобелевъ могъ подкрѣпить только вновь набранными, и то съ большимъ трудомъ, нѣсколькими сотнями такихъ же изнуренныхъ солдатъ.

Сдѣлавъ эти передвиженія, Скобелевъ спокойно ждалъ атаки турокъ, не вѣря въ возможность отстояться, если бы Османъ-паша вздумалъ ударить всѣми своими резервами, но глубоко убѣжденный въ готовности своихъ геройскихъ войскъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства и всю присущую имъ энергію для достиженія общаго успѣха.

Сходя въ послѣдній разъ съ редутовъ, Скобелевъ, говоря, заплакалъ.

Атака турокъ не заставила себя долго ждать.

Генераль Скобелевъ оставилъ ряды въ 4 часа пополудни и отправился въ лагерь на „Зеленая горы“, съ какимъ-то донесеніемъ къ князю Имеретинскому. Едва онъ успѣлъ пробить тамъ съ полчаса, какъ ему уже донесли, что турки опять наступаютъ на насъ, непосредственно со стороны Плевны. Онъ поскакалъ впередъ лично убѣдиться въ чемъ дѣло, и встрѣтилъ на дорогѣ ординарца съ извѣстіемъ, что турки уже атакуютъ редуты въ пятый разъ. Онъ бросился по направленію редутовъ въ надеждѣ во-время поспѣть къ дѣлу, но теперь никто уже не могъ помочь!..

Въ 4¹/₂ часа пополудни турки двинулись въ атаку нѣсколькими линіями густыхъ колоннъ. Они выступали изъ окраинъ города шагомъ. Одна часть ихъ направлялась на правый редутъ, а другая шла ложиною къ лѣвому редуту.

Турки, безъ сомнѣнія, были тоже утомлены продолжительнымъ боемъ, — да, тѣ турки, съ которыми мы имѣли дѣло наканунѣ, ночью, и сегодня утромъ, — а не тѣ свѣжія войска, которыя теперь бѣглымъ

шагомъ выступали изъ самой Плевны и бѣглымъ же шагомъ приближались къ редутамъ. Въ рядахъ непріятеля видна была толпа баши-бузуковъ и обитателей города, одѣтыхъ въ какія-то тряпки и вооруженныхъ чѣмъ попало. Это турецкій ландштурмъ, азіатское ополченіе, это мусульманскій фанатизмъ, спѣшившій на выручку города, который вотъ уже болѣе шести недѣль русскіе тщетно пытались взять приступомъ. Редифы, низамы, баши-бузуки, волонтеры—всѣ вмѣстѣ яростно бросились на эту доблестную горсть защитниковъ злополучныхъ скобелевскихъ редутовъ. Тщетно старались измученные, умирающіе съ голода солдаты остановить этотъ потокъ: безконечныя вереницы турокъ постепенно наводняли всю окрестность и разрушали все, что имъ встрѣчалось на пути. Переднія колонны турокъ отъ нашего огня развернулись-было и пришли въ смятеніе, но новыя толпы фанатиковъ увлекли за собою впереди идущихъ,—и успѣхъ турокъ становился съ каждымъ мигомъ все очевиднѣе. Многіе изъ русскихъ, казалось, нарочно искали смерти въ бою. Борьба начала принимать страшный характеръ, такъ что подъ конецъ это не была болѣе война, а настоящая бойня! Чтобы дать понятіе о томъ ожесточеніи, съ которымъ велся бой вокругъ редутовъ, приведемъ нѣсколько случаевъ: турецкій офицеръ, англичанинъ, во время штурма редута, былъ буквально засыпанъ въ одно мгновеніе убитыми и ранеными, такъ что изъ груди тѣлѣ виднѣлась лишь одна голова, и только уже на его отчаянный крикъ наши солдаты вытащили его изъ ужаснаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Послѣ того-же боя, въ лазаретахъ встрѣчались раненые, лица которыхъ носили слѣды ударовъ кулака. Было также зарыто нѣсколько солдатъ, видимо задушенныхъ:—доказательство, что, когда оружіе было поломано, противники прибѣгали къ самому первобытному способу борьбы.

Во время этого побоища, на высотахъ у Радищева стояли генералъ Зотовъ, генералъ Крыловъ, помощникъ начальника штаба Левицкій и весь штабъ. Все это со вниманіемъ смотрѣло въ бинокли на „Зеленныя горы“, гдѣ шла у Скобелева кровавая борьба за ключъ къ плевненскимъ позиціямъ... Впрочемъ, не многіе были убѣждены, что это дѣйствительно ключъ. Послали однако подкрѣпленіе Скобелеву; но это подкрѣпленіе почему-то не дошло

въ полномъ составѣ: батальонъ Ярославскаго полка уже вернулся. За то, немного спустя, послали Серпуховскій полкъ. Наша полевая артиллерія у Радищева сильно выдвинулась впередъ, на возвышенности къ тученицкому оврагу, и начала помогать, сколько могла, Скобелеву, поражая лѣвый флангъ непріятеля. Во все это время солнце сіяло, день совсѣмъ разгулялся. Вотъ у Скобелева какъ будто утихъ бой, а между тѣмъ не видать, чтобы турки подвинулись впередъ. У всѣхъ наблюдавшихъ за ходомъ дѣлъ на „Зеленныхъ горахъ“ сдѣлалось какъ-то легче на сердцѣ: глазамъ и чувству представился нѣкоторый отдыхъ, всѣ переглядывались между собою радостно и какъ бы не вѣря дѣйствительности. Но, увы! не долго продолжалась тишина: вдругъ турки начали выростать изъ кустовъ, изъ траншей и полѣзли, точно муравьи, на отнятые у нихъ редуты. Открылся жестокой огонь съ необычайною силою. Кто-то вдругъ произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Господи! Наши никакъ отступаютъ!..

— Вы ошибаетесь,—рѣзко перебиваетъ его другой: быть этого не можетъ, отступаютъ турки.

Опять всѣ бинокли направляются на „Зеленныя горы“, и убѣждаются, что наши дѣйствительно отступаютъ! Отступленіе полное по всей линіи. Вонъ по ловчинской дорогѣ ѣдутъ одна за другою лазаретныя фуры, линейки, зарядные ящики, и все это скучивается. Серпуховскій полкъ только что поднялся изъ тученицкаго оврага. Теперь уже поздно. Послали вернуть Серпуховцевъ, чтобы не подвергать бесполезной опасности. Отъ Скобелева привезли сюда записку, въ которой значилось: „Отбивъ пять атакъ, отступаю, прикрываясь Шуйскимъ полкомъ“

Но съ какимъ безпримѣрнымъ героизмомъ совершено было это отступленіе! Русскіе держались въ редутахъ до тѣхъ поръ, пока не направился на одинъ только лѣвый редутъ огонь изъ сорока орудій съ самого близкаго разстоянія. Только послѣ этого болѣе робкіе стали уходить изъ лѣваго редута внизъ, въ лощину съ ручьемъ; за ними вскорѣ повалила масса изъ того же редута; но храбрѣйшіе, съ маіоромъ Горталовымъ во главѣ, отказались отступить и продолжали оставаться на мѣстѣ, дожидаясь появленія турокъ въ самомъ редутѣ. Изъ артиллерійской прислуги остался только одинъ рядовой 2-ой батареи 2-ой артиллерійской бригады. Этотъ молодецъ не

покинулъ своего орудія, и одинъ, безъ посторонней помощи, бѣгалъ за снарядами, заряжалъ орудіе, навелъ его и стрѣлялъ довольно мѣтко въ наступающія колонны.

„Ваше высокородіе!“ кричалъ онъ между дѣломъ сидящему на траверсѣ маіору:— „Отойдите-съ въ сторону, — турки цѣлятъ сюда!“

И, дѣйствительно, едва маіоръ успѣлъ отойти, какъ граната угодила на указанное мѣсто.

„Молодцы, хорошо!“ одобрялъ турокъ лихой артиллеристъ. — „А ну, испробуй теперь нашего гостинца: динарцію въ привѣтъ посылаю—ѣшь!“

Раздавался выстрѣлъ — и въ рядахъ противника замѣчалось смятеніе. Какъ-то въ то время, когда храбрый наводчикъ несъ зарядъ, одинъ молодой солдатикъ пригнулся, слышавъ свистъ гранаты.

„Не гнись!“ треснувъ его по затылку, внушительно замѣтилъ артиллеристъ:— „коли свистнула, значитъ пролетѣла!“

Въ это самое мгновеніе взлетаетъ на воздухъ зарядный ящикъ. Молодецъ-артиллеристъ и тутъ не смутился: онъ быстро подбѣжалъ къ орудію и, съ прибауточками зарядивъ его въ послѣдній разъ картечью, ахнулъ, что называется, въ самую середину. Затѣмъ, видя, что въ редутъ почти уже никого не осталось, онъ бросился къ орудіямъ, у всѣхъ повытаскивалъ замки и разбросалъ по сторонамъ. Послѣ этого, снова вернулся къ орудіямъ и, не обращая вниманія на близость противника, собралъ отъ всѣхъ орудій кольца, навязалъ ихъ на руки и только тогда вышелъ изъ редута. За этотъ геройскій подвигъ онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

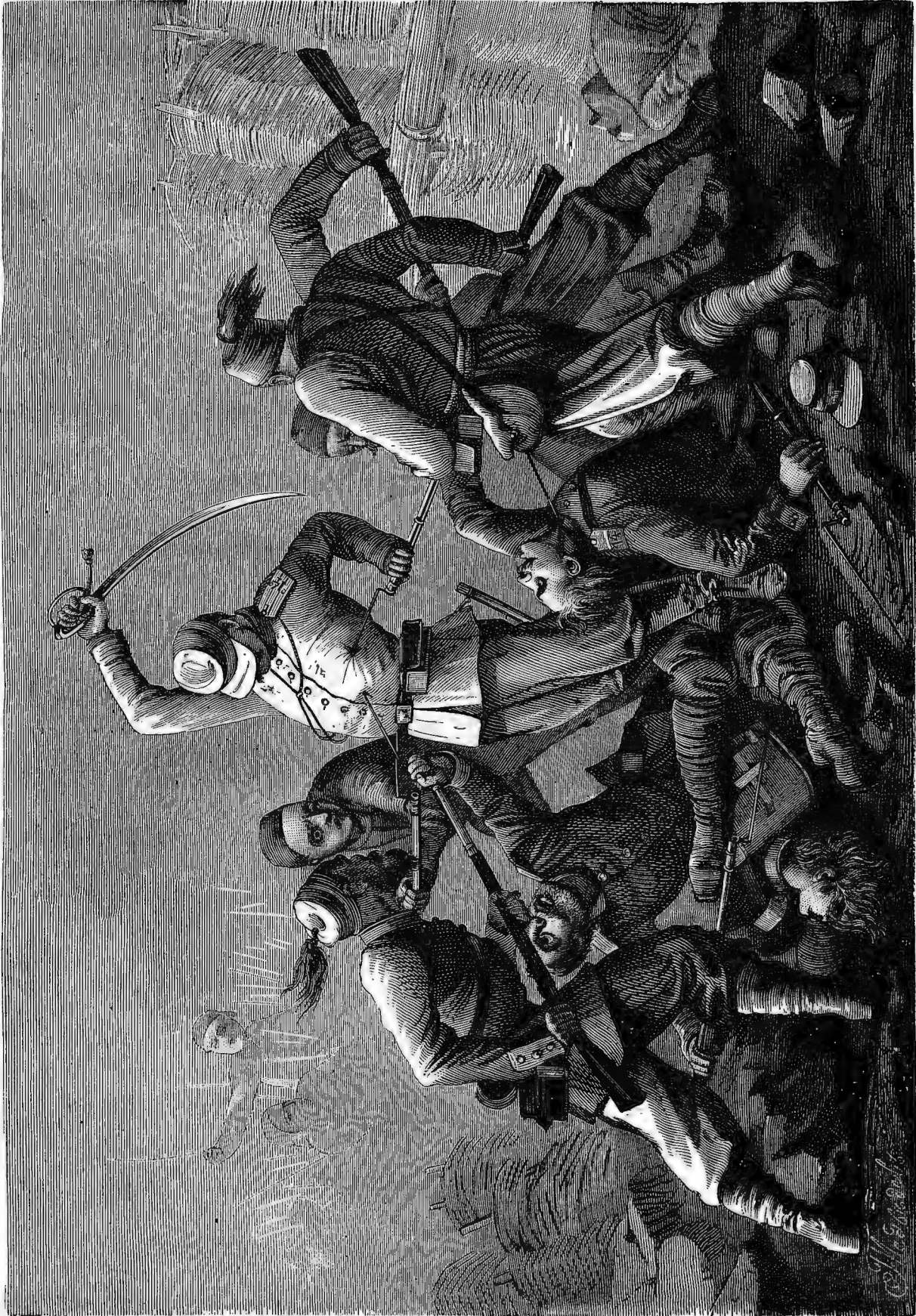
На редутъ теперь оставались только немногіе храбрецы съ маіоромъ Горталовымъ во-главѣ. Горталовъ, за выbytіемъ генерала Тебякина, былъ назначенъ командиромъ лѣваго редута и, при назначеніи на этотъ постъ, какъ мы уже знаемъ, далъ генералу Скобелеву слово—не сдавать туркамъ вѣреннаго ему укрѣпленія, пока живъ. И, дѣйствительно, маіоръ сдержалъ свое слово. Когда турки бросились на редутъ, Горталовъ пропустилъ мимо себя болѣе робкихъ изъ оставшихся защитниковъ, поручивъ ихъ штабсъ-капитану Абадзіеву, послалъ вслѣдъ уходящимъ свое благословеніе, перекрестился самъ и спокойно

взошелъ, съ оставшимися храбрецами, на валъ редута, фронтъ котораго былъ обращенъ къ атакующему непріятелю. Турки не заставили долго себя ждать. Фанатизированная толпа башибузуконъ ворвалась въ редутъ, и всѣ защитники его погибли въ неравномъ рукопашномъ бою. Среди мертвыхъ и умирающихъ, единственнымъ защитникомъ редута остался теперь какимъ-то чудомъ одинъ Горталовъ; но и тутъ онъ не уходилъ съ редута—онъ твердо держалъ данное имъ слово. Скрестивъ на груди руки, изъ которыхъ въ правой была опущена сабля, Горталовъ сталъ твердою ногою на наружномъ краѣ вала и ожидалъ турокъ или смерти, что въ данномъ случаѣ было одно и то же. Не прошло и минуты, какъ онъ былъ поднятъ на штыки непріятельскими солдатами и разорванъ на части. Слово было сдержано! Георгіевскій крестъ, присланный въ награду за подвиги, совершенные еще въ предшествовавшіе дни и наканунѣ, не засталъ уже въ живыхъ Горталова; но это имя, безъ сомнѣнія, будетъ на-вѣки записано въ лѣтописяхъ Владимірскаго полка, да и не должно быть забыто въ нашей военной исторіи.

Не смотря на потерю лѣваго укрѣпленія, защитники праваго редута еще и не думали объ отступленіи. Непріятель наступалъ на нихъ съ фронта и съ праваго фланга, но защитники твердо держались. Наконецъ турки двинулись на нихъ и съ лѣваго фланга, изъ только-что взятаго ими лѣваго укрѣпленія. Командиръ праваго редута, подполковникъ Суздальскаго полка Мосцевой, и тутъ не хотѣлъ оставлять вѣреннаго ему укрѣпленія. Онъ отбилъ всѣ шесть атакъ. Даже окруженный турками, онъ не думалъ объ отступленіи, и продолжалъ держаться и въ то время, когда мы уже должны были отступить по всей линіи.

Наконецъ генералъ Скобелевъ, не желая подвергать бесполезной смерти нѣсколькихъ сотъ храбрецовъ, послалъ подполковнику Мосцевому приказаніе отступить.

Тогда только защитники праваго редута согласились выйти изъ окруженнаго непріятелемъ укрѣпленія, проложивъ себѣ обратный путь штыкомъ. Въ это время генералъ Скобелевъ выдвинулъ впередъ Шуйскій полкъ изъ резерва и, раз-

Геройская смерть маіора Горгалова.

вернувъ его подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ турокъ, прикрылъ отступленіе защитниковъ праваго редута и остальныхъ частей своего отряда.

Въ 5 часовъ пополудни непріятель овладѣлъ обоими редутами, и въ первомъ изъ нихъ въ его рукахъ остались три нашихъ орудія, сильно подбитыя и съ вынутыми кольцами, а также одно турецкое орудіе, взятое было нами въ редутѣ наканунѣ, 30 августа.

Овладѣвъ редутами, опьяненные кровью, таборы, имѣя впереди башбузукъ, бросились было въ тылъ отступавшимъ войскамъ; но эта попытка непріятели была энергично остановлена. Противъ турокъ, уже прорвавшихся было сквозь наши рѣдкія цѣпи, Скобелевъ выслалъ въ атаку сотню Донцовъ и 2-ю сотню Владикавказскаго полка. Казаки ударили на турокъ съ такою стремительностью, что ряды турокъ пришли въ смятеніе, и многіе изъ нихъ были порублены.

Кромѣ Шуйскаго полка, отступленіе остатковъ разныхъ полковъ (Владимірскаго, Суздальскаго, Ревельскаго, Эстляндскаго, Либавскаго и стрѣлковыхъ батальоновъ) прикрыли сборныя команды, набранныя въ тылу изъ отсталыхъ солдатъ тѣхъ же полковъ, а также наши 24 орудія, выставленныя на второмъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“ Особенно былъ полезенъ Шуйскій полкъ, присланный генераломъ Крыловымъ на свою отвѣтственность. Не будь этого полка, Скобелевъ не могъ бы прибрать значительной части своихъ раненыхъ, и самое отступленіе совершилось бы, быть можетъ, не въ порядкѣ. „Спасибо генералу Крылову, — говорили тогда многіе: — старый боецъ выручилъ!“

О томъ, какъ пострадалъ отрядъ Скобелева, нечего уже и говорить. Потери его краснорѣчиво свидѣтельствовали, съ какимъ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ войска эти исполняли свой долгъ. Почти все командиры отдѣльныхъ частей отряда генерала Скобелева выбыли изъ строя: командиръ 1-й бригады 16-й дивизіи генералъ-майоръ Тебякинъ, командиръ 9 стрѣлковаго батальона полковникъ Салингре и командующій Суздальскимъ полкомъ — убиты. Командиръ Либавскаго полка полковникъ Коль и командиръ Ревельскаго полка полковникъ Писанко — тяжело ранены. Командиръ Калужскаго полка полковникъ Ножаковскій, коман-

диръ Эстляндскаго полка полковникъ Головинъ, командиръ 10-го стрѣлковаго батальона полковникъ Бородинъ и командиръ 12-го стрѣлковаго батальона полковникъ Курсель — контужены. Особенно пострадала артиллерія. Въ нѣкоторыхъ батареяхъ почти все офицеры и нижніе чины выбыли изъ строя. Вообще, большинство офицеровъ и около половины нижнихъ чиновъ всего отряда выбыли изъ строя.

Въ какомъ видѣ возвращались съ мѣста кроваваго боя остатки славныхъ полковъ, — можно было судить уже по наружности самого Скобелева. Онъ теперь одинъ, безъ штаба, шель среди своихъ солдатъ, озлобленныхъ, голодныхъ, оборванныхъ, окровавленныхъ, изнемогающихъ отъ жажды и истощенныхъ неслыханнымъ 38-часовымъ непрерывнымъ боемъ! На глазахъ генерала были слезы. Его не сразу можно было узнать теперь: дотога онъ измѣнился за послѣдніе два дня. Онъ былъ въ страшномъ состояніи раздраженія и гнѣва. Мундиръ его былъ запачканъ грязью, сабля сломана, пальто разорвано; Георгіевскій крестъ на шеѣ съѣхалъ куда-то въ бокъ. Лицо его почернѣло отъ пороха и дыма; глаза блуждали, налитыя кровью; бакенбарды слиплись въ грязи. Голосъ онъ потерялъ и говорилъ какимъ-то страшнымъ хриплымъ шепотомъ. Это было настоящее олицетвореніе войны! Говорятъ, что, дойдя до позиціи, Скобелевъ, въ ярости, бросился на траву и заплакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ.

Отрядъ остановился на второмъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“ Черезъ два часа Скобелевъ казался уже спокойнымъ и хладнокровнымъ. „Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, — говорилъ онъ: — больше сдѣлать было не возможно. Мой отрядъ наполовину истребленъ; мои полки страшно порѣдѣли. У меня осталось мало офицеровъ. Подкрѣпленій мнѣ не прислали, и я лишился трехъ орудій“

Съ своей стороны солдаты сдѣлали даже больше, чѣмъ отъ нихъ требовалось, чтобы вырвать у непріятели побѣду. Турки направили противъ изнуренныхъ 30-ти часовымъ боемъ людей все свои резервы, и имъ удалось сбросить этихъ молодцовъ только послѣ пяти отчаянныхъ атакъ. Уцѣлѣвшіе защитники редутъовъ вполне могли сказать, что поддержали славу своихъ знаменъ. Какъ трудно

было подъ-конецъ удержаться нашимъ храбрецамъ въ адскомъ турецкомъ огнѣ, можно уже видѣть изъ слѣдующаго разсказа одного раненаго унтеръ-офицера, участвовавшаго во всемъ этомъ дѣлѣ.

„Построились мы, ваше благородіе, — разсказывалъ унтеръ-офицеръ, — въ ротныя колонны; были мы, значить, на лѣвомъ флангѣ. Разсыпавшись затѣмъ въ цѣпь, бѣгомъ бросились впередъ. Бѣжимъ мы, а онъ - то въ насъ сыплетъ пулями, словно макомъ. Какъ добѣжали къ нему поближе, а онъ на утекъ: въ штыки не подпускаетъ. Засѣлъ въ ложементы; пуце прежняго сталъ въ насъ палить. Три раза брали редуты, ночевали въ нихъ, а отдать - то назадъ все - таки пришлось: сила! Начали мы снова на нихъ наступать; вдругъ около самаго праваго уха какъ свистнетъ что-то, такъ меня съ ногъ сразу и спибло. Очнулся я скоро. Вижу — цѣль. Началъ догонять своихъ. А тутъ мнѣ осколкомъ гранаты изъ ноги кусокъ мяса вырвало. Свалился я, но съ горячки боли еще не почувствовалъ. Кое-какъ всталъ и вижу невдалекѣ отъ меня лежитъ нашъ же солдатъ съ перебитою рукою. Я ему говорю: Антиповъ, встань; дотащимся до перевязочнаго. А пули такъ и жужжатъ. Не успѣлъ я слова вымолвить, какъ пуля свистнула меня въ другую ногу. Въ третій разъ упалъ я. Долго-ли лежалъ, не помню; но, очнувшись, вижу — бредутъ наши обратно: кто ползкомъ, кто опираясь на ружье, кого санитары на носилкахъ тащатъ. Подняли и меня. Взялъ я ружье, оперся на санитаря, да и поплелся на перевязочный. Иду, а самъ Богу молюсь, что наконецъ-то дотацились“

Не смотря на крайнее утомленіе и почти полное разстройство войскъ лѣваго отряда, генераль Скобелевъ продержался съ ними на второмъ гребнѣ „Зеленыхъ горъ“ всю ночь и весь слѣдующій день въ виду непріятеля. Турки не посмѣли атаковать насъ. За то, на другой же день по оставленіи нами редутовъ, 1-го сентября, турки уже копошились на нашихъ глазахъ вокругъ занятыхъ ими редутовъ, исправляя поврежденія и разрушая наши ложементы. Мало того: въ нашей аванпостной цѣпи, далеко выдвинутой впередъ, ясно было видно, какъ непріятель разбивалъ новыя линіи траншей и какъ цѣлыя шеренги рабочихъ приступали дружно къ работѣ. Генераль Скобелевъ, наблюдавшій со своимъ шта-

бомъ за этими работами, раздосадованный упорствомъ турокъ, приказалъ подвезти съ артиллерійской позиціи къ линіи аванпостовъ одно орудіе, незамѣтно накатить его руками впередъ и дать нѣсколько выстрѣловъ картечными гранатами по рабочимъ. Непріятель отвѣчалъ намъ съ своей стороны нѣсколькими гранатами; но рабочіе его побѣждали, не смотря на стараніе лицъ, ими управлявшихъ.

1-го сентября, въ 7 часовъ вечера, отрядъ генерала Скобелева получилъ приказаніе отступить къ Боготу.

За необыкновенную энергію и распорядительность, выказанныя въ дѣлахъ противъ южныхъ редутовъ и при оборонѣ ихъ, генераль-майоръ Скобелевъ былъ произведенъ въ чинъ генераль-лейтенанта.

Прочія войска нашей западной арміи остались на занятыхъ нами позиціяхъ вокругъ Плевны; даже Гривицкій редутъ былъ удержанъ въ нашихъ рукахъ, благодаря тому обстоятельству, что защитники его — Архангелогородцы и Вологодцы — были во - время смѣнены свѣжими румынскими войсками.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ, чтобы сдѣлать общій обзоръ событіямъ за два дня всего достопамятнаго дѣла. Въ конечномъ результатѣ кровопролитнаго боя 30-го августа мы одержали было успѣхъ надъ непріятелемъ. Со взятіемъ Гривицкаго и южныхъ редутовъ, главныя трудности плевненскаго лагеря были преодолены: мы овладѣвали входомъ въ лагерь; оставалось теперь до развитіи пріобрѣтенный успѣхъ.

Но для этого требовалось, по меньшей мѣрѣ, еще двѣ свѣжія дивизіи войскъ, тогда какъ у насъ въ резервѣ было всего два еще нетронутыхъ полка, рисковать которыми было опасно, а главное — ихъ было положительно недостаточно для достиженія цѣпи. Одно уже то обстоятельство, что при атакѣ какихъ-нибудь трехъ-четырехъ турецкихъ редутовъ намъ пришлось потерять болѣе десяти тысячъ людей, — можетъ пояснить намъ почти все дѣло. Адскій огонь турокъ изъ - за окоповъ причинялъ намъ такія страшныя потери, что посылать уцѣлѣвшіе два полка на новыя или дальнѣйшія атаки было, во всякомъ случаѣ, дѣломъ весьма рискованнымъ и легко могло привести насъ къ тому же, чѣмъ было для насъ 18-е іюля. Но

существовали, вѣроятно, и другія болѣе важныя причины, которыя заставили нашихъ строго воздержаться отъ употребленія въ дѣло уцѣлѣвшихъ резервовъ.

Поэтому 31-го августа было рѣшено: Гривицкій редутъ, какъ лежавшій на главномъ пути изъ Систова въ Плевну, оставить за собою; двумя же южными редутами владѣть только до вечера, пока всѣ войска отряда не займутъ вновь указанное положеніе, а вечеромъ покинуть редуты.

Приказаніе это, какъ мы уже знаемъ, было исполнено во всей точности. Скобелевъ отбилъ пять ожесточенныхъ атакъ и удержался въ редутахъ до вечера.

Могло, конечно, случиться и такъ, что сравнительно ничтожная помощь, оказанная тому или другому изъ нашихъ штурмовыхъ отрядовъ, привела бы насъ къ полной побѣдѣ; но объ этомъ судить теперь мудрено, хотя и несомнѣнно, что турки, подъ конецъ боя, были поставлены въ болѣе худшее положеніе, чѣмъ русскіе. Генералъ-майоръ Лощкаревъ, стоявшій съ своей кавалеріею во все время боя въ тылу Плевны, на софійской дорогѣ, за рѣкою Видомъ, — засвидѣтельствовалъ, что еще 30-го числа, во время нашей общей атаки на плевненскія позиціи, турки уже начали высылать изъ города излишнія для нихъ части войскъ: такъ, отрядъ генерала Лощкарева имѣлъ нѣсколько незначительныхъ стычекъ съ партіями черкесовъ и башибузуковъ, постоянно перекочевывавшихъ во время боя 30-го августа изъ Плевны на югъ, по направленію къ Балканамъ. При этомъ чрезвычайно важно и то обстоятельство, что турки, по ихъ собственному сознанію, должны уже были употребить въ дѣло свои послѣдніе резервы, чтобы вытѣснить однихъ только храбрецовъ Скобелева изъ занятыхъ ими редутовъ.

Но какъ, по-видимому, ни была близка для насъ, подъ конецъ боя, полная побѣда, не нужно забывать и того обстоятельства, что къ этому времени и мы сами вынуждены были употреблять въ дѣло уже послѣднія свои силы. Весьма любопытно то впечатлѣніе, какое произвелъ на турокъ вынужденный крайнимъ недостаткомъ въ войскахъ способъ Скобелева — подкрѣплять постоянно боевую линію новыми, хотя и чрезвычайно слабыми, набранными изъ тѣхъ же изморившихся солдатъ, командами. Такъ,

Адиль-паша, командовавшій южною линіею плевненскихъ укрѣпленій, пренаивно передавалъ эти впечатлѣнія послѣ, будучи въ плѣну въ Россіи: „Я командовалъ, — рассказывалъ онъ, — линіею отъ Гривицкаго редута до рѣки Видъ включительно. Лазутчики насъ предупредили, что что-то готовится, но не умѣли сообщить, что именно; я же, имѣя палатку среди войскъ, въ передовой линіи, постоянно былъ готовъ встрѣтить русскихъ, но такого упорства со стороны русскихъ командировъ, признаюсь, не ожидалъ. Наши сидятъ въ ложементгахъ и пускаютъ зарядъ за зарядомъ въ колонны русскихъ войскъ; ихъ бѣлыя шапки и бѣлые штаны ложатся лоскомъ отъ этихъ непрерывныхъ залповъ нашихъ пуль. По-видимому, имъ, однако, все впопчесть: батальонъ выбылъ изъ строя, за нимъ тянутся полки, за полками дивизіи, а тамъ, глядишь, идетъ уже и штабъ русской арміи! Радуюсь; думаешь: вотъ, слава Богу, дѣлу конецъ, — какъ, откуда ни возьмись, новыя войска! А тамъ несетя слухъ, что Скобелевъ прорывается въ наши ложементы: — часть войска отдаешь на поддержку обороны со стороны Скобелева. Словомъ, скажу вамъ, — заключилъ рассказъ свой Адиль-паша: — подобнаго сраженія я не разу не испытывалъ“ (Паша 12 лѣтъ подъ-рядъ участвовалъ въ разныхъ войнахъ Турціи.) Такимъ образомъ, наивные турецкіе генералы принимали Скобелевскія „команды“, набранныя съ грѣхомъ пополамъ изъ отсталыхъ и изморившихся солдатъ, за свѣжіе „полки“, „дивизіи“ и „новыя войска“ Нужно думать, что положеніе турокъ въ то время было дѣйствительно незавидное, если воображеніе ихъ было разстроено до такой степени непрозорливости. При этомъ нужно также замѣтить, что турки относились къ Скобелеву всегда съ нѣкоторой долей уваженія и отчасти даже страха. „Вы видѣли Скобелева?“ — спросили какъ-то Адиль-пашу, то же во время нахождения его въ плѣну въ Россіи. — „Имѣлъ честь представляться этому храбрѣйшему изъ русскихъ генераловъ“, — не безъ нѣкоторой доли подобоострастія отвѣчалъ плѣнный Адиль-паша. Турки хорошо знали Скобелева и раньше третьяго боя подъ Плевною.

Послѣдствія третьяго плевненскаго боя были одинаково ужасны, какъ для турокъ, такъ и для русскихъ. Турки потеряли въ этотъ бой не менѣе

14,000 человекъ, изъ коихъ большая часть легла во время турецкихъ контръ-атакъ на Гривицкій редутъ и скобелевскія позиціи. Говорятъ также, что многихъ изъ этихъ раненыхъ туркамъ удалось заблаговременно вывезти изъ Плевны въ Орханіэ, не смотря на присутствіе въ тылу Плевны, близъ софійской дороги, нашей кавалеріи.

Нашъ уронъ за всѣ 7 дней третьяго плевненскаго боя былъ, конечно, больше чѣмъ у турокъ, такъ какъ намъ приходилось большею частію, дѣйствовать въ открытомъ полѣ, тогда какъ турки стрѣляли въ насъ преимущественно изъ своихъ ложементовъ, траншей и редутовъ. Потери наши были вдвое болѣе турецкихъ, не считая потерь румынскихъ войскъ. Это—громадный уронъ. Нужно было видѣть тѣ безконечныя обозы съ ранеными, которые тянулись по окончаніи боя съ плевненскихъ позицій, чтобы судить о размѣрахъ понесеннаго нами урона. Теперь опять, какъ и въ печальные дни первыхъ плевненскихъ битвъ, всѣ дороги отъ Плевны до Систова запружены были повозками, фурами и простыми телѣгами съ искалѣченными героями-страдальцами; только теперь, 1-го сентября, этихъ повозовъ и телѣгъ было гораздо больше, чѣмъ 8-го или 18-го іюля.

Вотъ тянется обозъ на цѣлыя версты изъ фуръ и арбъ съ ранеными. Слышатся скрипы телѣгъ, похлестываніе бичей по хребтамъ воловъ, крики погонщиковъ да стоны страдальцевъ, иногда заглушающіе и скрипы колесъ, и гиканіе извожиковъ.

По трое въ-рядъ тяжело раненные лежатъ въ повозкахъ на соломѣ. Нѣкоторые, точно трупы, закрыты съ головою, и только голыя ступни торчатъ изъ-подъ сѣрой шинели, мѣстами покрытой пятнами крови. Иной незакрытый повернетъ къ прохожему голову, посмотритъ на него, и по этому взгляду уже видно, что ему и стонать-то трудно. Засѣвшая гдѣ-нибудь въ груди или животѣ пуля не даетъ ему ни минуты покоя отъ боли, а тутъ еще телѣга переваливается со стороны въ сторону, такъ что раненые головами стучаются другъ о друга и часто перевязанными руками должны схватываться за край повозки, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ. Иные лежатъ совсѣмъ неподвижно, съ почернѣвшими лицами, стиснутыми зубами

и крѣпко смежившимися вѣками, и ужь не говорятъ ничего. Хочетъ спросить чего-нибудь—губы едва шевелятся; приложишь ухо къ губамъ—и то ничего не услышишь.—„Отчего они не стонутъ?“ спрашиваетъ прохожій у погонщика или санитаря. „Отстонались уже—закостенѣло теперь“,—отвѣчаетъ тотъ. Еще чаще изъ-подъ покрывала выглядываетъ лицо, на которомъ одна зіяющая рана. Все изсѣчено, облито уже почернѣвшею кровью: ни глазъ не видать, ни губъ отъ носа не отличишь. Есть тутъ и перевязанныя головы. Есть и скончавшіеся. На иной телѣгѣ двое живыхъ, а третій между ними холодѣетъ. И бросаетъ его во всѣ стороны толчками телѣги—все равно: довести до стоянки надо. Въ иной телѣгѣ ужь чудится трупъ; сѣрымъ сукномъ покрытъ онъ съ головою, только очертанія костляваго тѣла рѣзко обрисовываются подъ этимъ покрываломъ;—а откинешь сукно—увидишь еще страдающаго героя, и часто съ Георгіевскимъ крестомъ на рубашкѣ.—„Кто это тебѣ крестъ далъ?“ спрашиваетъ проѣзжій.—„Тяжелъ крестъ... тяжелъ... не донести его домой“: слышится глухой стонъ изъ-подъ покрывала. Лучше, кажется, быть въ самомъ страшномъ бою, нежели среди этихъ безмолвныхъ страдальцевъ.

Въ перемежку съ повозками съ тяжелоранеными скрипятъ и раскачиваются арбы съ слабо-ранеными: это тѣ, у которыхъ поражены конечности, иногда съ раздробленіемъ кости.

Рядомъ съ повозками, по обѣимъ сторонамъ дороги, идутъ шѣнкомъ тоже раненные. У кого рука на перевязи, у кого вокругъ шеи обмотана грязная тряпица, а на ней кровавыя подтеки; у иного голова перебита, покручена: ничего—ступаетъ шагъ за шагомъ. Гдѣ-нибудь на первой же стоянкѣ навѣрно сляжется, а въ повозку не ложится: „Тамъ трудные!“ говоритъ, желая самого себя увѣрить, что все-де это пустяки, живъ останусь. Бредутъ и раненые въ ноги. Тѣ уже съ трудомъ подвигаются. „Отчего вы не сядете въ повозку?“ спрашиваетъ проѣзжій.—„Не хотимъ, ваше благородіе. Мы не раненые, это такъ только пулею сапогъ попортило“ А посмотришь: дня черезъ два у солдата съ испорченнымъ сапогомъ—ноги какъ не бывало. Иной изъ нихъ еще идетъ да подшъваетъ; другой съ жаромъ рассказы-

ваетъ товарищу обстоятельства боя, а третій жалѣетъ, что по первому разу выбылъ изъ строя: „Ни одной турки уложить не пришлось!“

Впереди каждаго такого обоза тянутся фуры съ ранеными офицерами. Какъ подъ огнемъ они должны были подавать солдатамъ примѣръ стойкости и отваги, такъ и теперь, впереди раненыхъ, должны подавать примѣръ терпѣнія въ страданіяхъ. „Что, Гавриловъ, и тебя попортило?“ спрашиваетъ раненый офицеръ у нагнавшаго повозку солдата съ перевязанной рукою. — „Попортило, ваше благородіе“. — „Ну, ничего. Никто, какъ Богъ! Скоро опять молодцами въ дѣло пойдемъ“. — „Пойдемъ, ваше благородіе!“ „Молодецъ у насъ этотъ прапорщикъ, все время въ цѣпи шелъ“, объясняетъ раненый солдатъ прихрамывающему рядомъ съ нимъ товарищу.

И куда-то ни взглянешь — по всѣмъ плевенскимъ дорожкамъ медленно ползутъ впередъ эти обозы съ ранеными и пѣшіе калѣки. Встрѣчаются повозки и съ ранеными турками — и тѣ тоже страдаютъ молча.

Это еще не всѣ жертвы „третьяго“ плевенскаго боя. Сколько ихъ уже зарыто въ землѣ! Сколько еще лежитъ необрунанныхъ тѣлъ этихъ страдальцевъ, по откосамъ плевенскихъ холмовъ, покрытыхъ сѣтями турецкихъ траншей и ложементовъ.

Вотъ, напримѣръ, какую страшную картину представилъ уже на третій день послѣ битвы, 2-го сентября, занятый нами Гривицкій редутъ: въ лоцинѣ, на днѣ которой расположена деревня Гривица, начиная почти отъ самой деревни и вплоть до вершины ската, на которомъ былъ воздвигнутъ Гривицкій редутъ, все пространство почти сплошь было покрыто тѣлами русскихъ и румынъ. Не смотря на то, что сраженіе окончилось еще три дня тому назадъ, а пули турецкія все еще сыпались сюда градомъ. Нельзя было даже подобрать убитыхъ. Чтобы попасть изъ деревни Гривицы на занятый нами редутъ, нужно было пробѣжать все это разстояніе не переводя духу, или прятаться, по временамъ, между трупами убитыхъ. И все-таки кака-нибудь шальная пуля задѣнетъ за рукавъ, или свистнетъ въ щиколодку. Внутренность самого редута была наполнена не только убитыми, но и ранеными, составлявшими какую-то безобразную кучу живыхъ и мертвыхъ тѣлъ, причемъ о раненыхъ такъ-же мало заботились, какъ и

III вып.

объ убитыхъ. Сюда сыпался непрерывный дождь бомбъ и пуль, не позволявшій врачамъ и санитарамъ подойти на близкое разстояніе къ этой страшной кучѣ, чтобы хотя высвободить изъ нея раненыхъ. Даже товарищи — защитники редута — не могли поднести воды къ высохшимъ губамъ своихъ несчастныхъ братьевъ по оружію, или сказать имъ хотя-бы слово утѣшенія. Откуда же стрѣляли турки? Стоило только подойти къ сѣверо-западному валу редута, снять шапку и посмотрѣть черезъ него въ прямомъ направленіи, — какъ, къ удивленію новичка, открывался передъ глазами другой, малый турецкій редутъ, не далѣе какъ въ разстояніи двухъ сотъ пятидесяти шаговъ: откуда и сыпался непрерывный градъ бомбъ, пуль и гранатъ.

Еще болѣе ужасная картина открывалась съ Радищевскихъ высотъ на тѣ холмы и лоцины, на которыхъ происходилъ неудачный штурмъ турецкихъ редутовъ войсками 4-го корпуса. Но здѣсь нужно было смотрѣть въ подзорную трубу, чтобы видѣть картину, производившую на зрителя такое подавляющее впечатлѣніе, что трудно передать словами... Все поле, имѣющее форму лобнаго мѣста, было усыяно трупами нашихъ солдатъ. Въ зрительную трубу можно было ясно различить даже положеніе тѣлъ и одежду. Одинъ лежитъ навзничъ съ разбросанными въ стороны руками; другой, сильно согнувшись, повернулся на бокъ и въ такомъ видѣ уснулъ вѣчнымъ сномъ. Третій — зритель невольно встревоженъ, изумленъ: — онъ ясно видитъ, какъ этотъ третій поднимаетъ кверху правую руку, затѣмъ голову, стараясь какъ-бы приподняться, но въ безсиліи снова падаетъ на землю. Это еще живой раненый. Нѣсколько разъ наши посылали туда своихъ санитаровъ, но турки постоянно открывали по нимъ огонь съ своего редута, вслѣдствіе чего нѣсколько русскихъ санитаровъ было убито и ранено. Наконецъ наши посылали въ турецкій лагерь своего парламентаря, съ цѣлію выговорить позволеніе убрать нашихъ раненыхъ и убитыхъ; но едва парламентаръ развертывалъ бѣлый флагъ, какъ въ него летѣла граната и пуля. Успѣвшіе, не смотря на то, пробраться въ турецкій лагерь парламентары получали также рѣшительный отказъ на просьбу объ уборкѣ тѣлъ. Никакія убѣжденія не могли склонить турокъ къ человѣчности. „Мучить меня одно. Можетъ быть братишка теперь лежитъ

10

раненный, можетъ быть онъ и не умеръ вовсе"! терзался художникъ Верещагинъ о своемъ братѣ, убитомъ во время Скобелевскаго дѣла. „Мнѣ вонъ рассказывали, — говорилъ онъ: нѣкоторые въ бинокль видѣли, какъ оттуда раненные руки поднимаютъ, ползаютъ тамъ. Можетъ быть молятъ своихъ о помощи. А подойти нельзя“

На склонахъ, вѣдущихъ къ редутамъ, атакованномъ отрядомъ генерала Скобелева, мертвыя тѣла русскихъ виднѣлись также въ теченіи цѣлыхъ недѣль. Полегли они здѣсь въ такомъ числѣ, что бѣлыя ихъ панталоны издали совершенно имѣли видъ расположившагося на отдыхъ стада овецъ. Много было раненыхъ промежъ polegшихъ здѣсь храбрецовъ нашихъ, много несчастныхъ, которые были не въ силахъ выбраться съ поля битвы, избѣгнувъ ножа черкесовъ и баши-бузукровъ; и лежали они здѣсь цѣлые дни, въ виду своихъ товарищей, умирая отъ лихорадочной жажды и терпя нечеловѣческія муки отъ гнойныхъ ранъ. Эти останки храбрецовъ черезъ нѣсколько недѣль ступевались, наконецъ, благодаря густо разросшейся здѣсь травѣ, которая скрыла отъ нашихъ глазъ гниющую одежду и скелеты. Вѣчная память павшимъ въ неравномъ бою!

Послѣ понесенныхъ обѣими враждебными арміями потерь, совершенно будетъ понятно, что съ 31-го августа подъ Плевною не было уже значительныхъ дѣлъ. Обѣимъ сторонамъ необходимо было нѣсколько недѣль, чтобы пополнить свои ряды, прежде чѣмъ приступить къ новымъ сраженіямъ.

Съ отступленіемъ Скобелева, бой прекратился по всей линіи и огонь вездѣ затихъ. Въ первую загѣмъ ночь была полная тишина. Но 1-го и 2-го сентября наши и румынскія батареи начали снова непрерывно обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія и городъ Плевну. Турки молчали, берегли снаряды. Наконецъ, 2-го сентября, въ 6 часовъ вечера, они вдругъ открыли сильный огонь по Гривицкому редуту, затѣмъ атаковали его, но были отброшены съ большимъ урономъ нашими и румынскими резервами. Румынскія войска скоро обстрѣлялись и теперь дрались хорошо.

Въ ночь съ 5-го на 6-ое сентября, сильныя турецкія колонны вновь сдѣлали нѣсколько вылазокъ изъ-подъ Плевны противъ Гривицкаго редута, при

чемъ, однако, турки опять были отбиты съ значительными потерями.

На слѣдующій день, 6-го сентября, румынскія войска, въ свою очередь, попытались произвести нападеніе врасплохъ на расположенный вблизи Гривицкаго редута турецкій редутъ, подведя къ нему на близкое разстояніе нѣсколько рядовъ траншей. Но и эта попытка не удалась, и румыны были отброшены превосходными непріятельскими силами обратно къ Гривицкому редуту, съ потерей 300 человекъ.

Съ тѣхъ поръ спокойствіе подъ Плевною долго не нарушалось. Русскіе однако не отступали съ занятыхъ вокругъ Плевны позицій, чувствуя, что начинается смертельная борьба, въ которой армія Османа-паши должна погибнуть, во что бы ни стало. Но рѣшено было пока воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій противъ непріятеля, въ ожиданіи подкрѣпленій, которыя быстро подходили изъ Россіи.

Положеніе Османа-паши было, въ этомъ отношеніи, гораздо хуже нашего. Войска его не могли уже теперь свободно получать подкрѣпленія, такъ какъ Плевна, еще во время августовскихъ атакъ, была окружена со всѣхъ сторонъ русскими войсками. Правда, на западъ отъ Плевны, на софійской дорогѣ, стоялъ тогда лишь незначительный отрядъ кавалеріи генерала-майора Лошкарева, но онъ скоро былъ смѣненъ сперва значительнымъ кавалерійскимъ отрядомъ генерала Крылова, а потомъ и пѣхотою, прибывшею изъ Россіи. Это обложеніе со всѣхъ сторонъ плевненскихъ позицій турокъ тогда уже сдѣлало положеніе Османа-паши весьма критическимъ, что и составляло для насъ одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій третьяго плевненскаго боя.

Не смотря на то, третья плевненская битва возбуждала въ туркахъ вновь безумныя надежды и самый фанатическій энтузіазмъ, — и они сдѣлали вновь двѣ отчаянныя попытки прорвать наши линіи на Шибкѣ и Янтрѣ и соединиться съ Османомъ-пашою. Но было уже поздно: наши „шибкинскіе орлы“ и армія Наслѣдника Цесаревича на Янтрѣ получили достаточныя уже подкрѣпленія для отраженія удара. 5-го сентября, Сулейманъ-паша съ яростью набросился всѣми своими силами на главную нашу позицію на Шибкинскомъ перевалѣ — на гору Св. Нико-

лая, но былъ отброшенъ „шибкинскими орлами“ съ огромнымъ урономъ. Немного спустя, именно 9-го сентября, Мегеметь-Али-паша налегъ всѣми своими силами на правый флангъ арміи Наслѣдника Цесаревича на рѣкѣ Янтрѣ, при деревнѣ Церковнѣ; но и здѣсь войска генерала Татищева нанесли туркамъ такой ударъ, что они принуждены были поспѣшно отступить за рѣку Ломъ. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ нападеній со стороны турокъ было только то, что произошла вскорѣ смѣна почти всѣхъ турецкихъ главнокомандующихъ: Сулейманъ-паша назначенъ былъ на мѣсто Мегемета-Али-паши, а этого послѣдняго, въ свою очередь, отправили въ Софію, для сформированія новой арміи, специально съ цѣлю выручки Османа-паши со стороны Орханіе. Во всякомъ случаѣ, благодаря безпримѣрной стойкости „шибкинскихъ орловъ“ и энергичеескимъ дѣйствіямъ отряда Наслѣдника Цесаревича, наша плевненская армія могла спокойно продолжать свои операціи подъ Плевною.

Снова наступило томительное затишье во всѣхъ нашихъ отрядахъ. До прибытія всѣхъ подкрѣпленій изъ Россіи нельзя еще было рѣшиться на что-нибудь определенное, и все дѣло ограничивалось, по-прежнему „оборонительнымъ“ положеніемъ. Еще 6-го сентября, на военномъ совѣтѣ подъ Плевною, было рѣшено: „прекратить атаки, брать Плевну осадой и обложеніемъ“. И вотъ подъ Плевною опять начались обычныя картины „обложенія“ и бомбардированія, съ которыми наши и турецкіе солдаты успѣли уже свыкнуться, какъ у себя дома. Прямо передъ нашими войсками опять чернѣлись грозныя редуты, точно сѣрые валы на зелени красивыхъ скатовъ. Вкось видны были тамъ сверкающія дула орудій и неподвижныя фигуры часовыхъ на гребняхъ широкихъ валовъ. Передъ ними и рядомъ съ этими твердынями, по гребнямъ холмовъ тянулся цѣлый фронтъ турецкихъ батарей. Еще далѣе видѣлись грозныя очертанія другихъ редутовъ. Скаты подъ редутами и батареями изрыты были траншеями, ложементами, ретраншементами, западницами: точно на всю окрестность наложена была перепутанная черная сѣть. Глазъ терялся въ изгибахъ, зигзагахъ и лабиринтахъ этой сѣти. А подниметъ какое-нибудь укрѣпленіе стрѣльбу, такъ весь скатъ огнемъ пылаетъ. Сверху палятъ орудія дальняго боя, въ

нѣсколькихъ этажахъ редута гремитъ непрерывная линія пушекъ, а промежутки между этими линіями пополнены сухой трескотнею ружейныхъ залповъ.

И куда ни взглянешь:—вездѣ у нихъ редутъ за редутомъ, батарея за батареею. Откуда бы ни ударилъ на Плевну — все равно. У турокъ позиціи вездѣ были одинаково сильны. Куда ни суньтесъ,—васъ встрѣтитъ четырехъ-ярусный огонь.

И на такія - то позиціи или не задумываясь наши солдаты!

Вглядываясь теперь во всѣ эти безконечныя ряды укрѣпленій, невольно можно было подумать, что не хватитъ ни физическихъ, ни нравственныхъ силъ преодолѣть ихъ сразу, при извѣстной стойкости и сравнительной безопасности турецкихъ солдатъ за насыпями укрѣпленій.

Вотъ гдѣ заключалась главная причина нашей неудачи и нашихъ громаднхъ потерь 30-го августа.

Ко всему этому нужно еще добавить, что турки занимали середину своей подковообразной позиціи и потому легко могли сосредоточивать въ любомъ избранномъ ими пунктѣ всѣ свои силы. Намъ же приходилось растянуть свои войска вокругъ турецкихъ позицій верстъ на 30—40, причемъ быстрая и своевременная доставка подкрѣпленій на тотъ или другой пунктъ этой растянутой линіи была невысказана и, во всякомъ случаѣ, крайне затруднительна, при той овражистой, лѣсистой и гористой мѣстности, которая окружаетъ Плевну. При такихъ условіяхъ трудно уже было рассчитывать на успѣхъ даже новыхъ атакъ, хотя бы и съ новыми силами.

Со времени обложенія, турки отвѣчали на выстрѣлы нашихъ батарей только двумя-тремя гранатами, и затѣмъ цѣлый день молчали: стали бѣречь снаряды.

По склонамъ же холмовъ, изъ траншей въ траншеи, въ укрѣпленные лагеря, рисовавшіеся позади холмовъ въ долинахъ, теперь то и дѣло двигались турецкіе отряды, видны были отдѣльные всадники, хорошо можно было различить и арбы. Вонъ кто-то стремглавъ скачетъ изъ батареи въ лагерь: видно боится, чтобы его не догнала пуля. А вотъ нѣсколько человѣкъ — турецкихъ смѣльчаковъ — взобрались и стоятъ на самомъ гребнѣ вала редута, по которому бьетъ наша батарея. Наводчиковъ

*

напихъ видимо озлило это. Старательно наставили прицѣль — слыдуеть оглушающій ревъ выстрѣла. Видимо, вѣрно ударила граната и разорвалась, взрывъ цѣлую массу земли, полегѣвшей вверху вмѣстѣ съ осколками. Пушкарѣ наши присматриваются съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Облако разсѣвается—подъ нимъ тотъ же сѣрый валъ и та же кучка на его гребнѣ. Это турецкіе смѣльчаки играютъ въ опасность. Но вотъ съ одной батареи бѣгомъ спускается внизъ красная феска. „Воды захотѣлось туркѣ!“—говоритъ загорѣлый солдатъ. Красная феска пропадаетъ въ лоцинѣ, очень близкой къ намъ, и спустя минуту опять бѣжитъ вверхъ. Солдатъ выстрѣлилъ. Турокъ точно споткнулся, упалъ... вскочилъ... пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ, какъ-то отчаянно замахалъ рукою, и упалъ опять, чтобы ужъ больше не подниматься! Успѣхъ разохотилъ напихъ стрѣлковъ: кучка турецкихъ смѣльчаковъ на редутѣ давно ужъ привлекала ихъ вниманіе.— „А ну-ко“?—говоритъ одинъ.— „Далеко“! отвѣчаетъ сосѣдъ.— „Да мы изъ ихнихъ же ружьевъ гостинцевъ пошлемъ“! Трое нацѣлились. Точно по командѣ дали залпъ, и одинъ изъ турецкихъ смѣльчаковъ покати́лся внизъ по земистой кручѣ вала. Остальные тотчасъ же исчезли.

За гребнями нѣкоторыхъ холмовъ виднѣлись турецкіе укрѣпленные лагерѣ. Какая тамъ была масса остроконечныхъ, точно сахарныя головы, палатокъ! Какіе кипѣли въ нихъ муравейники солдатъ! Вонъ лагерь сползаетъ въ самую лоцину. Музыка оттуда какая-то слышна.

А гдѣ же Плевна? Ее можно было видѣть съ занятаго нами Гривицкаго редута. И теперь еще нужно было идти туда, по гривицкой лоцинѣ,

хоронясь и наклоняясь. Вотъ высится сѣрый валъ редута на горѣ, командующей надъ окрестностями.

„Тамъ теперь сторожили румынскія войска. Одни безопасно лежали вокругъ редута, въ ложементѣхъ, другіе молча сидѣли группами въ самомъ редутѣ. Земля въ редутѣ еще не обошла отъ залившей ее крови. Въ тѣни угловъ еще гнили ея коричневые лужи. Не было здѣсь пяди, которая не взрывалась-бы гранатою. Въ валъ много ушло неразорвавшихся турецкихъ бомбъ. У входа въ редутъ была цѣлая груда осколковъ, а у вала стояло рядкомъ нѣсколько штукъ совершенно новыхъ.

Самую Плевну можно было видѣть изъ-за стѣны редута. Для этого нужно было почаще поднимать и опускать голову, какъ-бы выскакивая изъ-за вала. Иначе не проходило и нѣсколько секундъ, какъ уже пули пронесились около головы. Жутко было смотрѣть черезъ валъ, скверно... а нужно было: что тамъ за Плевна такая? А пули такъ и свистятъ мимо ушей. Это уже не шальные пули, что летятъ такъ себѣ, зря, „гуляютъ“, но выраженію солдатъ. Эти прицѣльно бьютъ. Того и гляди, что кому-нибудь въ голову влетятъ. И вотъ, любопытный смѣльчакъ, наконецъ, видитъ передъ собою: вдали за гребнемъ большаго холма, занятаго укрѣпленнымъ турецкимъ лагеремъ, въ котловинѣ, вся въ золотой пыли стоитъ Плевна. Бѣлые минареты точно висятъ надъ зелеными рощами садовъ и моремъ черепичныхъ кровель. Какія-то бѣлыя зданія, точно башни, сверкаютъ на солнцѣ. Очень казалось красиво. А пули все свистятъ около головы. И каждый гораздо лучше чувствовалъ себя, когда, насмотрѣвшись, опускался на землю, заслонившись отъ чуднаго призрака города широкимъ валомъ редута.

